

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

4

« НАУКА »

1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (195)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный Совет

Акад. Б. Б. Пиотровский (председатель), д. филол. н. В. И. Абаев,
акад. В. П. Алексеев, член-корр. АН Азерб. ССР И. Г. Алиев,
д.и.н. О. Д. Берлев, акад. Т. В. Гамкрелидзе, д.и.н. И. М. Дьяконов,
акад. АН Арм. ССР С. Т. Еремян, д. филол. н. Вяч. Вс. Иванов,
д.и.н. Ю. К. Колосовская, д. филол. н. В. А. Лившиц,
акад. АН Тадж. ССР Б. А. Литвинский, д.и.н. И. Л. Маяк,
акад. АН Груз. ССР Г. А. Меликишвили,
акад. АН Узб. ССР Г. А. Пугаченкова,
акад. Арм. ССР Г. Х. Саркисян, д.и.н. Е. М. Штаерман

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),

*С. С. Аверинцев, Ю. В. Андреев, Е. В. Антонова, Л. С. Баюн,
Ю. В. Виноградов* (зам. главного редактора), *М. Л. Гаспаров,
Г. Г. Гиоргадзе, В. А. Головина, Е. С. Голубцова,
М. А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
С. Г. Карпюк (ответственный секретарь),
И. С. Клочков, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузицин (зам.
главного редактора), *Л. П. Маринович, А. И. Павловская,
А. В. Подосинов, В. М. Смирин, М. К. Трофимова,
В. И. Уколова Э. Д. Фролов, С. В. Шкуняев*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
*Yu. Andreyev, Ye. Antonova, S. Averintsev, L. Bayun, M. Dandamayev,
E. Frolov, M. Gasparov, G. Giorgadze, V. Golovina, Ye. Golubtsova,
S. Karpuyuk, I. Klochkov, G. Koshelenko, V. Kuzishchin, L. Marinovich,
A. Pavlovskaya, A. Podosinov, S. Shkunayev, V. Smirin, M. Trofimova,
V. Ukolova, Yu. Vinogradov*

Consultative Council

B. Piotrovsky (Chairman), *V. Abaev,
V. Alexeev, I. Aliev, O. Berlev, I. Diakonoff, T. Gamkrelidze,
Vyach. Vs. Ivanov, Yu. Kolosovskaya, B. Litvinsky, V. Livchits,
I. Mayak, G. Melikishvili, G. Pugachenkova, G. Sarkisyan, Ye. Shtaerman,
S. Yeremyan*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ НАУК СССР» —

это информация из первых рук. Это точка зрения крупнейших специалистов страны на проблемы жизнедеятельности научного сообщества. Это статьи молодых талантливых ученых.

«Вестник Академии наук СССР» не следует путать с серией сугубо специальных журналов под общим названием «Известия Академии наук СССР».

«Вестник Академии наук СССР» — это общественно-политический и научный журнал Президиума АН СССР. Распространяется в 55 странах мира.

Основные разделы журнала: Наука и общество ● Управление наукой ● Экспертиза научно-технических решений ● Дискуссионная трибуна ● Poleмика ● Точка зрения ● Из рабочей тетради исследователя ● Наука за рубежом ● Актуальное интервью ● Время. Иден. Судьбы ● Былое ● Наследие: документы, публикации ● Этюды об ученых ● Письма в редакцию ● Научная жизнь ● Книжное обозрение ● Вышли из печати в издательстве «Наука» ● Президиум АН СССР решил ● Выборы, назначения ● Награды и премии ● Юбилей.

В каждом номере публикуются также рекламные материалы, представляющие интерес для всех, кто работает в науке и научном обслуживании.

Журнал выходит ежемесячно. Цена номера 1 р. 50 к. Индекс в каталоге «Союзпечати» — 70115.

«Вестник Академии наук СССР» — надежный источник информации для каждого ученого, для каждого специалиста, серьезно размышляющего о проблемах социально-экономического развития нашей страны.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ ВДИ

Редколлегия журнала «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» и Всесоюзная Ассоциация антиковедов сообщают, что в конце мая 1991 г. в Москве состоится авторско-читательская конференция на тему «Древние цивилизации: среда, личность, общество».

Просим не позднее 1 марта 1991 г. сообщить об участии в конференции и прислать тезисы докладов (объемом не более двух машинописных страниц) по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова 19, «Вестник древней истории».

Оргкомитет

© 1990 г.

М. М. Давдамаева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА В ВАВИЛОНИИ

Понятие «эпоха эллинизма», которым традиционно обозначают период от начала походов Александра Македонского до конца I в. до н. э., весьма условно по отношению к Вавилонии. Концом эллинистического периода считается завоевание Египта Римом (31 г. до н. э.), однако если Египет в течение трех столетий находился под властью греческой династии Птоломеев, то Вавилония в последней четверти II в. до н. э. становится частью парфянского царства, и тогда, по-видимому, происходят серьезные перемены в жизни и культуре страны, давшие толчок процессам, продолжавшимся и в первые века новой эры. Конец же I в. до н. э., считающийся концом эллинистического периода, — рубеж для Вавилонии совершенно условный. Греческая культура и язык продолжали играть там важную роль на протяжении нескольких веков после перехода власти от греческой династии Селевкидов к парфянам, поэтому концом эллинистического периода в Вавилонии, по нашему мнению, следует считать конец II — начало III в. н. э., когда греческая культура в этой области теряет свое значение¹. В таком случае в истории Вавилонии эпоха эллинизма, пришедшая на смену ахеменидскому периоду, сменяется эпохой Сасанидов. Внутри эллинистической эпохи следует выделять селевкидский и парфянский периоды, так как парфянское завоевание Вавилонии привело не только к смене династий, но и к изменениям в социально-политической и культурной жизни страны. Римское влияние в культуре Вавилонии, в отличие от расположенных к западу от нее областей, видимо, не было значительным. Лишь в текстах и памятниках материальной культуры из расположенного на границе с Сирией городка Дура-Эвропоса с конца II в. н. э. греческие элементы вытесняются римскими.

В октябре 331 г. до н. э. жители Вавилона, если верить красочному рассказу Курция Руфа (V.1.19—23), стоя на городских стенах, приветствовали приближавшееся к городу войско Александра. Отныне вавилонянам предстояло жить под властью новых завоевателей, сменивших персов, а грекам — осваиваться в чужой стране, известной им в основном по слухам и рассказам писателей, часто полуфантастическим. Чужеземные династии не были редкостью для Месопотамии, по которой в течение четырех тысячелетий ее истории прокатилась не одна волна завоевателей,

¹ Начиная с ахеменидского времени в культуре Вавилонии присутствуют иранские элементы, однако влияние греческой культуры, судя по сохранившимся источникам, вплоть до эпохи Сасанидов было преобладающим.

однако никогда еще страной не правил народ, обладавший столь высоко-развитой и при этом столь чуждой вавилонянам культурой, как греческая. Подобное столкновение двух устоявшихся высоко развитых культур, не часто встречающееся в истории древности, составляет специфику сосуществования греков и вавилонян, представляющую особый интерес для исследователя. Вавилоняне, которые обычно ассимилировали завоевателей и в свою очередь заимствовали некоторые элементы их языка, искусства или религиозных представлений, на этот раз стремились не только выстоять в столкновении с греческой цивилизацией, сохранить свою традиционную культуру, но и продемонстрировать властителям, сколь древней и богатой была она. Именно это стремление, а не только приверженность к старине, вероятно, вдохновило вавилонянина Бероса (конец IV — начало III в. до н. э.) написать, основываясь на древних текстах, историю своей страны на греческом языке, а жителей древнего города Урука подчеркнуто строго придерживаться вавилонских традиций в архитектуре построенных в селевкидское время храмов; по этой же причине, по-видимому, представители знатных родов Урука старались не давать своим детям греческих имен, тщательно выбирая для них традиционные урукские. Еще более непривычной оказалась сложившаяся ситуация для греков. Ведь если для Месопотамии всегда было характерно смешение народов и языков, взаимодействие которых особенно усилилось в рамках Ахеменидской державы, наследницей которой стала империя Селевкидов, и в эпоху эллинизма были лишь расширены границы этого взаимодействия, то греки прежде не знали над собой чужеземной власти, не господствовали над другими народами и тем самым до конца IV в. до н. э. не имели широких контактов с иноземцами (кроме, разумеется, греческих колонистов). Перед горсткой греков, поселившихся в Вавилонии, стояла по сути дела та же задача, что и перед подвластными им вавилонянами: сохранить свою культуру, свои обычаи, остаться греками в «варварской» стране². Не следует думать, однако, что в Вавилонии в это время обитали лишь греки и вавилоняне, и взаимоотношения греков с местным населением страны сводились к контактам с вавилонянами. Так, например, Иосиф Флавий (I в. н. э.) сообщает, что в Селевкии на Тигре, столице Вавилонии, живут в основном греки, много македонян и немало сирийцев (Ant. Jud. XVIII. 372 sq.). Вопрос о том, кого именно Иосиф Флавий называл сирийцами, вызвал немало споров среди исследователей³. Однако объяснение этому этнониму можно найти у самого историка. В первой главе «Иудейских древностей» (I.144) Иосиф Флавий сообщает, что «Арам правил арамеями, которых греки называют сирийцами». Выходя из Сирии Посидоний тоже говорил, что народы, которых греки называют сирийцами, сами себя называют арамеями (Strabo. I.2.34). Таким образом, негреческое население Селевкии в I в. н. э. было арамейским. Арамейские имена носили, как мы увидим, и местные жители другого греческого города Вавилонии — Дура-Эвропоса, причем уже, видимо, в селевкидское время. Арамейским, во всяком случае в III в. н. э., было, вероятно, население расположенной в Северной Месопотамии Эдессы, так как

² Следует заметить, впрочем, что греки при этом хорошо сознавали, что вавилонская культура была гораздо древнее их собственной, и уже поэтому относились к ней с уважением, признавая авторитет вавилонян в ряде областей, прежде всего в математике и астрономии, а позже — в астрологии.

³ Подробный обзор различных толкований этого места сделан Д. Гудблатом (*Go-odblatt D. Josephus on Parthian Babylonia (Antiquities XVIII. 340—379) // JAOS. 1987. V. 107. № 4. P. 606 f., 613 ff.*).

ольшинство персонажей единственного известного сегодня документа из этого города ⁴ носит арамейские или римско-арамейские имена. Можно думать, что арамеи составляли значительную часть населения Месопотамии в конце I тыс. до н. э. и в первые века следующего тысячелетия ⁵. Однако понятия «арамей» и «арамейская культура» для эллинистического времени кажутся гораздо менее определенными, чем «грек» или «вавилонянин». Можно предполагать, что в эпоху эллинизма арамейское население Месопотамии представляло собой довольно пестрый с этнической точки зрения конгломерат людей, говоривших на арамейском языке. Среди них, несомненно, уже к началу селевкидского периода растворилась значительная часть вавилонян, и процесс этот продолжался в эллинистическое время. О социальных преобразованиях арамеев, их образе жизни нам почти ничего не известно, так как из Вавилонии до нас не дошло почти никаких документов этого времени на арамейском языке. Отсюда, разумеется, не следует, что таких документов, в том числе, может быть, даже литературных текстов, было мало — по-арамейски писали в основном на коже, для которой губителен жаркий и влажный климат Месопотамии.

В эллинистической Вавилонии жили и иудеи. По свидетельству того же Иосифа Флавия, Антиох III переселил из Месопотамии в Лидию и Фригию, где назрела беспорядки, две тысячи иудейских семей (Ant. Jud. XII.147—149). В Вавилонии были иудейские города Нерда и Нисибис. Иосиф Флавий говорит о постоянной вражде, царившей между иудеями и вавилонянами и не раз доходившей до открытых столкновений. Причиной этой вражды была, по мнению историка, «разница в законах» (Ant. Jud. XVIII.371). В Вавилонии жили также персы, позже парфяне, в первые века новой эры туда начинают проникать арабы с Аравийского полуострова, о чем свидетельствуют найденные в Вавилонии арабские надписи.

Развитие греческой и вавилонской культур и их взаимодействие в эллинистическую эпоху происходило, таким образом, на фоне существования прочего населения Вавилонии, прежде всего арамейского, опасность растворения среди которого постоянно грозила и грекам и вавилонянам и в первые века новой эры превратилась в реальность. Для греков средством сохранить свои обычаи, культуру и вообще себя как народ стали полисы ⁶ с традиционными греческими устоями и институтами. Обязательным условием существования полисов, одновременно являвшимся и условием сохранения греков и греческой культуры на Востоке, была замкнутость этих коллективов, связанная с их полуавтономией и привилегированным положением в империи Селевкидов ⁷. Между греками — гражданами полиса и прочим населением страны в селевкидское время

⁴ Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. The Excavations at Dura-Europos. Final Report. 5. Pt I. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959. № 23.

⁵ Арамейские племена, как полагают, появились в Месопотамии и Северной Сирии в конце II тыс. до н. э. В VIII—VII вв. до н. э. переселенческая политика ассирийских царей способствовала процессу ассимиляции арамеев с ассирийцами и вавилонянами, сопровождавшемуся широким распространением арамейского языка в Передней Азии. Одна из форм арамейского стала официальным языком империи Ахеменидов (Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 353—355; Malamat A. The Aramaeans // Peoples of Old Testament Times. Oxf., 1973. P. 134—155. Там же приведен список литературы по этому вопросу).

⁶ Характерные черты и судьба греческого полиса в империи Селевкидов в советской историографии наиболее подробно рассмотрены Г. А. Кошеленко (Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979).

⁷ Там же. С. 288—292.

стояла преграда если не непреодолимая, то во всяком случае трудно-преодолимая, препятствовавшая растворению греков и греческой культуры среди «варваров». Для вавилонян подобные функции выполняла гражданско-храмовая община, похожая в селевкидское время на полис по некоторым чертам своей организации и статусу в империи Селевкидов⁸. Община, как и полис, была достаточно замкнута и обладала самоуправлением, степень которого, как справедливо заметил МакДоуэлл, реально была, вероятно, выше, чем, например, у столицы Вавилонии Селевкии на Тигре, всегда находившейся в поле зрения царя⁹. К изучению этих двух социальных образований, полиса и гражданско-храмовой общины, и следует обратиться, рассматривая судьбу и взаимоотношения греков и вавилонян и их культур в эллинистическое время. Письменные источники, на которые при этом приходится опираться, делятся на две большие группы: клинописные тексты, обнаруженные почти исключительно в Уруке и Вавилоне, и грекоязычные источники, среди которых можно выделить нарративные произведения, документы из Дура-Эвропоса и эпиграфические памятники, найденные в разных городах Вавилонии. Следует иметь в виду, что источники эти при всем их многообразии немногочисленны и весьма неравномерно распределены с хронологической точки зрения. Так, клинописные тексты (в основном частно-правовые и административные документы) относятся лишь к селевкидскому и к самому началу парфянского времени. Тексты эти, хотя и содержат ценные сведения о некоторых конкретных сторонах жизни храмовых общин, не дают представления об обстановке в стране (или даже в одном городе) в целом. С другой стороны, грекоязычные документы и надписи датируются в основном парфянским временем, и нам остается лишь пытаться проецировать их данные на селевкидское время. Нарративные источники тоже относятся к I в. до н. э. и более позднему времени, но тут следует учитывать, что многие античные авторы были компиляторами, переписывавшими выдержки из трудов своих предшественников, и, таким образом, сообщения греческих историков, не знавших современной им ситуации в Вавилонии, могут «отставать» от своего времени. Другой серьезной проблемой остается сопоставление сообщений письменных источников с данными археологии. Даже в таких хорошо раскопанных городах, как Дура-Эвропос и Вавилон, часто нелегко увязать сведения надписей с археологическими находками. Площадь же раскопок в Уруке и Селевкии на Тигре невелика, и общий облик этих городов мог быть не таким, как кажется сегодня. В некоторых других городах, например в Нипшуре, археологический материал эллинистического времени не сопровождается никакими памятниками, поэтому трудно что-либо сказать об этническом составе населения города. Таким образом, наши представления об эллинистической Вавилонии, основанные на немногочисленных сохранившихся источниках, могут быть весьма несовершенными.

Греческих городов на территории всей Месопотамии, судя по упоминаниям в письменных источниках и археологическим данным, было не менее тридцати. Это в два-три раза больше, чем для других областей

⁸ О гражданско-храмовой общине в селевкидской Вавилонии см.: *Саркисян Г. Х.* Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68—83; *оп. же.* Греческая ономастика в Уруке и проблема *Сгаесо-Babyloniaca* // Древний Восток. 1976. № 2. С. 181 сл.

⁹ *McDowell R. H.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. *Ann Arbor*, 1935. P. 171 f.

империи Селевкидов (за исключением Сирии и Малой Азии)¹⁰, что свидетельствует, по-видимому, о большей степени эллинизации Месопотамии. Однако подавляющее большинство этих населенных пунктов известно нам лишь по названиям. Исключение составляют столица Вавилонии Селевкия на Тигре, маленький провинциальный городок на границе с Сирией Дура-Эвропос и греческий полис в Вавилоне.

Греческие полисы, как правило, создавались рядом с существовавшими уже местными поселениями. Селевкия на Тигре, например, была основана на месте Описа (Strabo. XVI.1.9)¹¹, небольшого торгового города на пути в Персию, и греки жили по соседству с коренными обитателями этой местности. Кроме того, античные и клинописные источники сообщают, что в новую столицу была переселена часть жителей Вавилона¹². Греческий город Эвропос, получивший свое название от македонской деревушки, в которой родился Селевк Никатор, был основан рядом с местным поселением Дура. «Дура ... у эллинов зовется Эвропос», — писал живший в I в. н. э. географ и путешественник Исидор Харакский (Man. Parth. 1). В единственном известном нам документе селевкидского времени (II в. до н. э.), обнаруженном в этом городе¹³, и в документах I—II вв. н. э. почти все персонажи — греки или македоняне, город назывался исключительно Эвропосом, а граждане его — *Ευρωπαῖοι*. Однако название Дура не исчезло, по-видимому, после основания Эвропоса, а продолжало сосуществовать с ним на протяжении всего селевкидского и в начале парфянского периода, так как оно появляется в надписях первых веков новой эры, а в документах III в. н. э. (когда в Дура-Эвропосе был размещен римский гарнизон) полностью вытесняет греческое название города. Вероятно, долгая жизнь местного топонима, пережившего греческий, объяснялась существованием двух районов города или политем; греческая носила название Эвропос, местная — Дура¹⁴. По всей видимости, так обычно и было организовано население в основанных Селевкидами городах, причем районы могли отделяться друг от друга каналом или даже стеной¹⁵.

В селевкидское и раннепарфянское время греки и местное население страны жили обособленно, и те и другие в соответствии со своими обычаями и социально-политическими установлениями. Это хорошо видно на примере Вавилона, единственного города, поздний период истории которого известен и по грекоязычным и по клинописным источникам. Знаменитая некогда своим богатством и могуществом столица Вавилонии в эллинистическое время становится для античных авторов символом недолговечности всякого величия (см., например, Luc. Charon. 23). Главными бедами, постигшими Вавилон и окончательно подорвавшими его былое могущество, по свидетельству античных и клинописных источни-

¹⁰ Материал собран Г. А. Кошеленко (Ук. соч. С. 80—180).

¹¹ См. также: McDowell R. H. The History of Seleucia from Classical Sources // Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris / Ed. C. Hopkins. Ann Arbor, 1972. P. 149 f.

¹² Paus. I.16.3. О переселении вавилонян в Селевкию сообщает вкрапленный в клинописные астрономические дневники рассказ о нескольких годах правления Аптоха I (ВНТ. № 6: 16—17).

¹³ Welles, Fink, Gilliam. Op. cit. № 15.

¹⁴ Так же обстояло дело в парфянское время и в Сузах: парфяне старались употреблять местное название «Сузы», греки называли город Селевкией (Кошеленко Г. А., Новиков С. В. Манумиссия Селевкии на Эвлее // ВДИ. 1979. № 2. С. 46. Прим. 22).

¹⁵ Кошеленко. Ук. соч. С. 251. О «двойных» городах в других областях империи Селевкидов, а также за ее пределами см. Spek R. J. van der. Grondbezit in het Seleucidische Rijk. Amsterdam, 1986. P. 50.

ков, стали борьба диадохов¹⁶ и основание Селевкии на Тигре, куда была переселена часть жителей Вавилона. На территории «вычерпанного», по словам Страбона (XVI.1.5), Селевкийей Вавилона находилась, однако, храмовая община, неоспоримым свидетельством существования которой служат несколько десятков недавно опубликованных клинописных текстов из главного храма города — святилища бога Мардука Эсагилы (СТ 49). Расчистка развалин разрушенной персами Эсагилы началась еще по приказу Александра (Арг. Anab. III.16.4—5; Strabo. XVI.1.5). В клинописных документах конца IV в. до н. э. (СТ 49: №№ 5, 6) упоминают налог, выплачиваемый частными лицами на восстановление Эсагилы. В рассказе о правлении Антиоха I (ВНТ. № 6: 19) сообщается, что даже в тяжелом для города 274 г. до н. э., когда жители разоренного из-за подготовки Антиоха к первой Сирийской войне Вавилона умирали от голода и продавали в рабство своих детей, в городе было изготовлено много кирпичей для восстановления храма Мардука (в этом же году Антиох переселил часть вавилонян в Селевкию). Составленная от лица Антиоха I клинописная строительная надпись (VAB 3. P. 132—135) сообщает о восстановлении им Эсагилы и Эзиды (храма бога Набу в находившейся недалеко от Вавилона Борсиппе). Антиох, как сообщает надпись, по обычаю вавилонских царей сам изготовил и заложил первый кирпич храма. Характерно, что и этот обряд, и титулатура царя остаются вавилонскими. Несмотря на все старания Эсагила, по всей видимости, не была целиком восстановлена, хотя и продолжала функционировать. Об этом было известно и античным авторам: Павсаний сообщает, что благочестивый Селевк оставил в городе лишь храм Бела (т. е. Мардука) и разрешил «халдеям» (в понимании греков халдей — вавилонский жрец) жить вокруг него (Paus. I.16.3). Плиний Старший также писал, что в опустевшем Вавилоне остался лишь храм Юпитера-Бела (NH. VI.121)¹⁷.

Насколько позволяют судить клинописные административно-хозяйственные тексты из эллинистического Вавилона (они охватывают период от царствования Александра до начала I в. до н. э.), структура вавилонской храмовой общины остается той же, что и в более ранние периоды. Во главе храма, как и прежде, стоят управляющий *šatammu* и храмовая коллегия (*LU UKKIN*)¹⁸. В текстах почти не заметно следов эллинизации вавилонской общины, греческие имена встречаются редко, персидские несколько чаще.

Рядом с жившей своей обычной жизнью храмовой общиной Вавилона появился греческий полис. Фрагмент греческой надписи (OGIS I. № 253), найденной, по словам местного жителя¹⁹, между Вавилоном и Борсип-

¹⁶ О бедствиях Вавилона во время борьбы диадохов сообщает клинописная хроника селевкидского времени (так называемая «Хроника Диадохов»): ABC. № 10: rev. 26—40; ВНТ. № 5: rev. 26—40. О разорении города Антионом Одноглазым и Деметрием упоминает и греческая традиция (Plut. Demet. 7).

¹⁷ Античные авторы, представлявшие себе храм на греческий образец, конечно, не знали, что в Вавилоне не было специального жреческого сословия и само существование храма предполагало наличие значительного населения, необходимого для поддержания храма в порядке, «обслуживания» статуй богов, подготовки многочисленных и сложных церемоний, обработки храмовых земель и т. д. Таким образом, Павсаний и Плиний, сами того не подозревая, приводят свидетельства существования в Вавилоне значительного населения.

¹⁸ *LU UKKIN* в селевкидских текстах принято понимать как *puḫru* — «храмовое собрание». Однако более убедительна, как нам кажется, точка зрения фон Зодена и ван дер Снека, предлагающих читать эту идеограмму как *kiništu* — «храмовая коллегия» (АНW. *kiništu*. S. 480 b; *puḫru*. S. 877a; *Spek van der*. Op. cit. P. 60—61, 123. Not. 74).

¹⁹ *Spek van der*. Op. cit. P. 72.

пой, называет Антиоха IV Эпифана основателем (κτίστης) полиса. Эта надпись получила многочисленные толкования. Некоторые исследователи полагали, что κτίστης употребляется здесь в смысле «строитель», а не «основатель», и Антиоху вменялось в заслугу восстановление развалин Вавилона²⁰. В соответствии с другой точкой зрения Антиох даровал Вавилону статус полиса²¹. В пользу этого предположения говорит, казалось бы, несколько раз встречающееся в астрономических дневниках из Вавилона слово pu-li-te, -e (в разных вариантах), что соответствует греческому «политы» — граждане²². Трудно, однако, представить себе, что Антиох мог даровать храмовой общине с типично вавилонскими институтами статус полиса. Скорее, как нам кажется, Антиох Эпифан называл себя основателем не Вавилона, а именно полиса, т. е. греческого поселения, там расположенного²³. Нарративные и эпиграфические источники приписывали Селевку Никатору основание Эвропоса и Селевкии на Тигре, но при этом не имелось в виду, что Селевк основал Дуру и Опис, рядом с которыми выросли эти полисы. Скорее всего, полис, расположенный рядом с Вавилоном, имел и свое собственное, разумеется греческое, название, которое нам неизвестно²⁴. Благодаря нескольким греческим надписям раннепарфянского времени, обнаруженным в Вавилоне²⁵, мы знаем, что в полисе функционировал гимнасий, устраивались греческие игры и праздники, издавались декреты от имени полиса. В городе был даже театр. Не ясно, однако, в какой именно части Вавилона находился полис. Археологи полагали, что греческие кварталы следует искать вблизи от театра, в северо-восточном районе города, но их поиски не увенчались успехом. С другой стороны, надпись, называющая Антиоха основателем полиса, была найдена, вероятно, на юго-западе Вавилона. Прочие греческие надписи из Вавилона были опубликованы в начале нашего столетия и их точное местонахождение сейчас уже нельзя установить.

Если судить по официальным греческим надписям из Вавилона, то жизнь греческого полиса кажется лишенной каких бы то ни было восточных элементов. Такие же декреты и посвятельные надписи, как здесь, можно встретить в любом полисе греческого мира. О контактах же греческого и местного населения свидетельствует обнаруженный, по всей видимости тоже в Вавилоне, черепок с греческой надписью, в переводе звучащей как «Аристей, другое имя которого Арду-белти»²⁶. Аристей имеет второе, вавилонское, имя (Арду-белти — «слуга Белти»), более того, употребленный автором надписи оборот $\omega\iota \ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron \ \delta\upsilon\omicron\mu\alpha$ (другое имя

²⁰ См., например: *Schmidt E.* Die Griechen in Babylon und das Weiterleben ihrer Kultur // AA. 1941. S. 811 ff.; *McEwan G. J. P.* Priest and Temple in Hellenistic Babylonia. Wiesbaden, 1981. P. 196.

²¹ *Oelsner J.* Materialien zur babylonischen Gesellschaft und Kultur in hellenistischer Zeit. Budapest, 1986. P. 125.

²² *Ibid.* S. 389. Anm. 498.

²³ Ср. *Spek van der.* Op. cit. P. 71.

²⁴ Значение термина «политы» в клинописных текстах остается неясным. Наиболее убедительным нам кажется толкование ван дер Спек, полагающего, что политами клинописные источники называли граждан греческого полиса в отличие от «вавилонян» (Op. cit. P. 74). Во всяком случае, в тексте 77 г. до н. э. упомянуты обе эти категории жителей Вавилона (текст опубликован в работе: *McEwan G. J. P.* A Parthian Campaign against Elymais in 77 B. C. // Iran. 1986. V. 24. P. 91).

²⁵ Наиболее важные греческие надписи из Вавилона: OGIS I. № 253, 254; *Haus-soullier B.* Inscriptions grecques de Babylone // Klio. 1909. Bd 9. Ht 2. S. 352—363; *Wetzel F., Schmidt E., Mallwitz A.* Das Babylon der Spätzeit. B., 1957. S. 49—51.

²⁶ *Haus-soullier.* Op. cit. № 3.

которого) является калькой с аккадского выражения *ša šumšu šaûi*, часто встречающегося в клинописных текстах селевкидского времени из Урука. Для нормативного греческого языка такой оборот совершенно несвойствен. Установить этническую принадлежность Аристея на основании имеющихся у нас данных невозможно, ясно лишь, что он знал аккадский язык, причем, вероятно, лучше, чем греческий, если допускал в своей речи «аккадизмы». Основное же значение этой маленькой надписи в том, что она является одним из самых ярких свидетельств контактов греков и вавилонян в эллинистическое время.

Можно думать, что жизнь в Вавилоне изменилась с приходом парфян, хотя свидетельства, которыми мы располагаем, и в этом случае весьма скудны и неясны. Парфяне завоевали Вавилонию в 141 г. до н. э. В 130 г. до н. э. Антиох VII предпринял неудачную попытку вернуть себе эту область. Короткое время город находился под властью бывшего наместника Антиоха VII, сына царя арабов Гиспаосина, основавшего Харакенское царство на юге Вавилонии, так как изданное в 127 г. до н. э. постановление собрания Эсагилы датировано правлением этого царя²⁷. Начиная со 126/125 г. до н. э. все клинописные документы из Вавилона датируются уже лишь по царям династии Аршакидов. О правлении одного из парфянских наместников — Гимера, которое приходилось на 20-е годы II в. до н. э. (возможно, непосредственно перед Гиспаосином²⁸), рассказывает Диодор (XXXIV.21). Гимер переселил в Мидию многие семьи вавилонян, приказав продать их в рабство, как военнопленных, сжег в Вавилоне агору, некоторые из храмовых построек и уничтожил «все лучшее» в городе. Гимеру, однако, не удалось окончательно разрушить Вавилон, так как одна из найденных там греческих надписей (декрет в честь победивших в спортивных соревнованиях учеников гимнаasia) была составлена в 109 г. до н. э.²⁹, а самые поздние документы храмовой отчетности датируются началом I в. до н. э. Астрономические же записи велись, по крайней мере, до последней четверти I в. н. э. Интересно, что в упомянутом выше (прим. 24) астрономическом тексте 77 г. до н. э. фигурирует человек с персидским (!) именем, исполнявший должность «вместо» управляющего Эсагилы (Rev. 15: *šā ak-ku-ū LŪ ŠĀ. TAM*). Эсагила, следовательно, в то время продолжала функционировать. Некоторые античные авторы упоминают Вавилон в связи с событиями I в. до н. э. (Plut. Crass. 17; Just. XLII.4.2). Другие же писатели поздне-эллинистического времени были уверены в том, что город превратился в пустыню (Strabo. XVI. 1.5; Plin. NH. VI.122). Курций Руф (V.1.27) и Диодор (II.9.9) говорят даже, что территория Вавилона внутри городских стен была превращена в пахотную землю. Флавий Филострат, описывая сказочное могущество Вавилона и, как всегда, соединяя самые нелепые фантазии с крупными правдами, роняет фразу о том, что окрестности Вавилона заросли польнью (Vit. Ar. I.21). Постоянные смуты, царившие, по-видимому, в Вавилонии при парфянах, иллюстрирует рассказанная Иосифом Флавием (Ant. Jud. XVIII.310—371) история о возглавленной двумя братьями-иудеями разбойничьей шайке, которая в течение 15 лет держала Вавилонию в страхе, взимая дань с населения и разоряя деревни. Иосиф Флавий вскользь упоминает еще какие-то смуты или восстания среди вавилонян (Vit. Jos. 177). Дион Кассий, рассказы-

²⁷ Unger E. Babylon. Die heilige Stadt nach der Beschreibung der Babylonier. B., 1970. S. 319—324. Anm. 57.

²⁸ Oelsner. Op. cit. S. 64, 309. Anm. 110.

²⁹ Haussouletier. Op. cit. № 1.

вая о завоевании Вавилона Траяном (116 г. н. э.), замечает, что город опустел, разрушенный в правление парфян из-за междоусобных войн, и во время похода Траяна, по словам писателя, тоже происходили восстания (Dion. Cass. LXVIII.26). Несомненно, что в первые века новой эры Вавилон превратился в совсем незначительное поселение, но окончательно покинут он не был, так как, судя по обнаруженной в Пальмире надписи, там в первой четверти I в. н. э. находилась колония пальмирских купцов³⁰.

Та обособленность греков от местных жителей и следование полисным традициям, которые мы могли наблюдать в Вавилоне, были характерны и для других греческих городов страны. Так, античная традиция постоянно подчеркивает, что жители *Селевкии на Тигре* хранили греческие обычаи и полисное устройство. В городе функционировал Совет трехсот и, возможно, народное собрание (Plut. Crass. 32; Tac. Ann. VI.42). Немногие найденные в Селевкийские греческие надписи³¹ содержат почти исключительно греко-македонские имена и обычные для греков названия должностей (гимнасиарх, агонотет и др.). Новая столица Вавилонии не стала крупным культурным центром эллинистического мира, как, например, Александрия, но и там культивировалась греческая наука и философия, был построен театр³², Селевкия поддерживала культурные связи с материковой Грецией и всем эллинистическим миром. Преобладание в городе греко-македонского населения подтверждается и археологическим материалом. Однако начиная с 40-х годов I в. н. э. (датировать археологический слой помогают нумизматические находки) материальная культура Селевкии обнаруживает все меньше греческих черт³³. Резкая «деэллинизация» города последовала, по-видимому, за поражением «великого» восстания селевкийцев против Артабана II (III?) и его сына Вардана, поводом к которому послужил мятеж претендовавшего на престол римского ставленника Тиридата, тоже происходившего из рода Аршакидов (Tac. Ann. VI. 32, 37, 42; XI.8—9). Причины великого восстания, по словам Тацита (Ann. VI.42), заключались в том, что Артабан «отдал знати», мятежник же Тиридат предоставил власть в Селевкий народ. Как сообщает античная традиция, Селевкия всегда враждебно относилась к парфянам³⁴. Диодор (XXXIV.19) даже рассказывает о том, как селевкийцы обидели некоего стратега, видимо, парфянского наместника, за что парфянский царь обещал выколоть глаза всем жителям города. О сопротивлении, оказанном жителями Селевкии парфянам, свидетельствуют следы пожара, происшедшего, по мнению археологов, в самом начале парфянского периода³⁵. Можно думать, что недовольство парфянами при удобном случае вылилось в восстание, одной из главных целей которого, по всей видимости, было восстановление автономии города, так как на протяжении семи лет восстания Селевкия чеканила собственную монету, считая себя автономным городом. После 43 г. н. э., когда Селевкия, наконец, была взята Варданом, монеты автономной чеканки снова вытес-

³⁰ Cantineau J. Textes palmyréniens provenant de la fouille du temple de Bèl // Syria. 1931. T. XII. P. 122—123.

³¹ Надписи из Селевкии на Тигре собраны МакДоуэллом (Stamped and Incised Objects...).

³² Topography and Architecture... P. 26—27.

³³ McDowell R. H. The Excavations at Seleucia on the Tigris // Papers of Michigan Academy of Sciences, Arts and Letters. 1932. V. 18. P. 117 ff.; Topography and Architecture... P. 67 ff.

³⁴ Joseph. Ant. Jud. XIII. 184—185; Plut. Crass. 17; Tac. Ann. VI. 42.

³⁵ Topography and Architecture... P. 5.

няются парфянскими³⁶. Враждебность Селевкии по отношению к парфянам и упорство, с которым город им сопротивлялся, свидетельствуют о том, что греческое население Селевкии в парфянский период продолжало играть важную роль в городе, что подтверждается и археологическим материалом. Греки, воспользовавшись мятежом Тиридата, хотели, вероятно, освободиться от власти парфян, те же, одержав, наконец, победу, в наказание грекам и во избежание повторения подобных беспорядков всячески пытались, по-видимому, ориентализировать город, рассматривая, таким образом, именно греков как источник свободомыслия Селевкии³⁷.

В городе, кроме греков, обитали и местные жители страны — «сирийцы», и, по словам Иосифа Флавия (Ant. Jud. XVIII.372—375), между ними и греко-македонским населением нередко были раздоры. Однако если благодаря клинописным текстам из Вавилона можно представить себе, хотя бы в общих чертах, социальную структуру и этнический состав коренных жителей города, то о социальной организации местного населения Селевкии на Тигре нам совсем ничего не известно, а о его этническом составе можно судить лишь по косвенным данным. В I в. н. э. это население, судя по свидетельству Иосифа Флавия, (см. выше), было арамейским, жители же Вавилона, переселенные сюда при первых Селевкидах, вероятно, ассимилировались с населением Описа и араменизировались. Отдельные же элементы вавилонской культуры сохранялись в Селевкии очень долго, в частности, некоторые черты вавилонской архитектуры³⁸ и типичные для вавилонян захоронения под полом жилищ³⁹. При раскопках было обнаружено несколько клинописных табличек⁴⁰. Встречаются, хотя и очень редко, терракоты и печати, выполненные в чисто вавилонской манере. Географическое положение Описа заставляет думать, что там обитали и персы.

Если сведения о Селевкии на Тигре, столице Вавилонии, иногда встречаются у античных авторов, то маленький провинциальный городок *Эвропос* в нарративных источниках почти не упоминается. Однако благодаря многолетним раскопкам, проводившимся в Дуре-Эвропосе, в нашем распоряжении имеется несколько десятков документов и сотни надписей⁴¹ на греческом языке, которые дают возможность представить

³⁶ McDowell. The Excavations at Seleucia... P. 111 ff.

³⁷ Утверждение МакДоуэлла о том, что это восстание было восстанием негреческого населения против традиционного правящего класса — греков и эллинизированных элементов (Ibid. P. 118), звучит, на наш взгляд, парадоксом. Не ясно в таком случае, почему негреческое и оппозиционно настроенное по отношению к грекам население не выступало против власти Селевкидов, но так упорно боролось именно с парфянами, в частности, с Артабаном и Варданом, которые греками, как известно, не были. Кроме того, если антигреческое, как полагает исследователь, восстание потерпело поражение, то следовало бы ожидать нового расцвета греческой культуры в городе, а не полное ее вытеснение восточной. Гудблат также видит причину восстания в розни между греческим и негреческим (но эллинизированным) населением (Op. cit. P. 605—622). По мнению М. Штрека, причины восстания заключались в том, что Артабан ограничил автономию Селевкии, упразднив, в частности, народное собрание (Streck M. Seleukeia am Tigris // RE. R. 2. Hlbd 3. 1921. Sp. 1162 f.).

³⁸ Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966. С. 121 сл.

³⁹ Topography and Architecture... P. 35—36.

⁴⁰ Doty L. T. A Cuneiform Tablet from Tell'Umar // Mesopotamia. 1978—1979. 13/14. P. 91. О других клинописных текстах из Селевкии см. Oelsner. Op. cit. S. 236 f.

⁴¹ Все пергаменты и папирусы из Дуре-Эвропоса опубликованы в указанном в в прим. 4 труде. Часть надписей издана Ф. Кюмоном (Cumont F. Fouilles de Doura-Europos: 1922—1923. T. I. P., 1926), остальные содержатся в предварительных отчетах о раскопках: The Excavations at Dura-Europos, Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Reports. V. I—IX. New Haven, 1929—1952 (далее — Prel. Rep.).

себе жизнь греков в Эвропосе гораздо лучше, чем в Селевкии на Тигре. Впрочем, почти все эти тексты датируются первыми веками новой эры, когда население города, судя по его ономастике, представляло собой пеструю смесь греков, арамейев, персов и парфян, а позже иудеев, арабов, римлян. Однако есть целый комплекс надписей, в которых фигурируют персонажи с греко-македонскими именами, часто связанные родственными и брачными узами и представляющие собой компактное ядро греко-македонских семей города, восходящих, вероятно, к первым поселенцам Эвропоса. Многие из таких надписей обнаружены в святилище Артемиды, основанном, видимо, еще при первых Селевкидах⁴². Эти люди, называющие себя гражданами Эвропоса, всячески подчеркивают свою родовитость, перечисляя имена обязательно двоих, а то и троих предков (столь же обширная патронимия приводилась и у женщин), тем самым выделяя себя среди арамейев или персов с греческими именами, которых в то время в Дура-Эвропосе было немало⁴³. Характерно, что в единственном известном нам документе селевкидского времени (см. прим. 13), где совершенно не заметно следов восточного влияния, приводятся только имена и лишь иногда «отчества» персонажей. — по-видимому, жившим тогда обособленно благодаря полисной автономии гражданам Эвропоса не было необходимости подчеркивать свое греческое происхождение. В первые века новой эры подобной обособленности греков, судя по документам этого времени, не существовало, хотя потомки греческих колонистов и при парфянах, видимо, сумели сохранить видное положение в городе, так как именно из этих семей происходят почти все известные нам стратеги и эпистаты. Среди представителей греко-македонских родов Дура-Эвропоса явно существовала тенденция заключать браки в своем кругу, нередко между кровными родственниками, что было, вероятно, вызвано не влиянием «варварских» обычаев, а желанием сохранить «чистоту» своего рода, обособиться от всех прочих жителей города и не делить имущества, принадлежавшего семье. Однако в действительности представители этих семей постепенно ориентализируются, ярким свидетельством чему служат их изображения (в частности, фрески из так называемого храма Пальмирских богов⁴⁴, где облик и одежда членов хорошо известной из письменных источников греко-македонской семьи — Конона — носят чисто восточный характер). С другой стороны, широкие слои негреческого населения города охотно дают своим детям греческие имена и пишут на греческом языке. Некоторые из них даже называют себя гражданами Эвропоса. Ситуация изменилась в конце II в. н. э., когда Эвропос превращается в римскую колонию и имена местных жителей становятся арамейскими или римскими⁴⁵. Судьба греков Эвропоса была, вероятно, судьбой многих полисов Вавилонии: привилегированное положение, а следовательно, и обособленность от прочего населения страны при Селевкидах, при парфянах же — стремление сплотиться и сохранить полисное устрой-

⁴² Rostovtzeff M. I. *Πρόγονοι* // JHS. 1935. V. 55. P. 58.

⁴³ О женщинах из греко-македонских семей, носивших арамейские имена, см.: Дандамаева М. М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным прозографии) // ВДИ. 1935. № 4. С. 166; на с. 164—167 подробнее рассмотрены вопросы этнического и социального состава населения Дура-Эвропоса.

⁴⁴ Simonet. Op. cit. T. II. P., 1926. Tabl. XXXII, XXXV, XXXVI.

⁴⁵ Город в 116 г. н. э. оккупировало войско Траяна, однако вскоре Месопотамия была оставлена римлянами. В 164—165 гг. н. э., во время похода Авидия Кассия против парфян, Дура-Эвропос снова попадает под власть Рима. В городе был оставлен римский гарнизон. С этого времени римские элементы в жизни Дура-Эвропоса становятся весьма ощутимыми.

ство, которое было единственным средством остаться греками. Насколько нам известно, в Дура-Эвропосе это стремление не вылилось в антипарфянское восстание, как это было в Селевкии на Тигре⁴⁶, однако потомки старых семей, даже в конце II в. н. э., когда город из Эвропоса снова превратился в Дуру, упорно называли себя гражданами Эвропоса, продолжая подчеркивать эту существовавшую, вероятно, лишь в их воображении привилегию. И все же, несмотря на все усилия, греки постепенно растворяются среди прочего населения города, и в документах римского времени их уже невозможно выделить среди персонажей, носивших смешанные греко-римско-арамейские имена.

О негреческом населении Дура-Эвропоса нам известно немногим больше, чем о «сирийцах» Селевкии. Из текстов первых веков новой эры видно, что этнический состав жителей этого расположенного на перекрестке путей города был весьма пестрым, преобладала же, судя по ономастике, арамейское население. Арамеи обитали не только в городе, но и в так называемом хоре — деревнях, окружавших его. В некоторых документах, обнаруженных в Дура-Эвропосе, контрагентами сделок являются лица с арамейскими именами, жившие в деревнях. По-видимому, эти люди приходили в город к чиновнику с тем, чтобы оформить сделку. Коренное население Дуры было, вероятно, арамейским уже в раннеселевкидское время. Свидетельством этого могут служить несколько женских имен арамейского происхождения, передававшихся из поколения в поколение в старых греко-македонских семьях города (носительницы имен, как видно в некоторых случаях, имеют хорошую греко-македонскую родословную со стороны отца и матери). Появление таких имен на фоне греко-македонской ономастики, характерной для этих семей, можно, как нам кажется, объяснить тем, что они восходят к «прародительницам» — местным женщинам, которые когда-то стали женами обосновавшихся в Эвропосе колонистов (см. прим. 43). Доселевкидское название города «Дура» тоже, возможно, восходит к какому-либо аккадскому названию (аккадское *dūru* «крепость» — элемент, с которого нередко начинались ассирийские и вавилонские топонимы⁴⁷). В Дура-Эвропосе сохранились и другие следы вавилонской культуры: теофорным элементом имен, по общему облику арамейских, служат «Набу» и «Нанайя»; встречаются, хотя и очень редко, собственно вавилонские имена⁴⁸. Кроме элементов вавилонского искусства в живописи, пластике и архитектуре Дура-Эвропоса (общий план святилищ и жилых домов⁴⁹, украшение глазурованными кирпичами⁵⁰, постановка фигур на фресках и т. д.), в слоях парфянского времени встречаются и чисто вавилонские предметы: гиришки, цилиндрические печати, амулеты⁵¹. Как и в Селевкии, в Дура-Эвропосе были обнаружены типичные для вавилонян захоронения под полом домов⁵². Вероятно, процесс арамензации некогда вавилонского (или, скорее, асси-

⁴⁶ Южные ворота города и храм Артемиды в Дура-Эвропосе сгорели в конце селевкидского периода и позже были отстроены вновь. М. И. Ростовцев полагал, что причиной этого бедствия могло быть взятие города парфянами (*Rostovtzeff M. I. Dura-Europos and its Art. Oxf., 1938. P. 16*).

⁴⁷ *Koschaker P. Zu den griechischen Rechtsurkunden aus Dura in Mesopotamien // Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Romanistische Abteilung. 1926. Bd 46. S. 291.*

⁴⁸ *Cumont. Op. cit. P. 412—413; Prel. Rep. III. P. 64.*

⁴⁹ *Rostovtzeff M. I. Dura and the Problem of Parthian Art // YCS. 1935. V. 5. P. 205—212.*

⁵⁰ *Prel. Rep. IV. P. 48—53.*

⁵¹ См., например: *ibid. IV. P. 258—259; VI. P. 181, 209.*

⁵² *Ibid. IX. Pt II. P. 6.*

рийского) населения этой местности начался еще в доселевкидское время, но продолжался при греках.

О вавилонском субстрате арамеизированного населения Месопотамии свидетельствует также написанный по-сирийски документ (см. прим. 4), который был найден в Дура-Эвропосе, но составлен, очевидно, в Эдессе в 243 г. н. э. Эдесса в это время была римской колонией, и неудивительно поэтому, что персонажи явно семитского происхождения (что ясно благодаря ономастике их отцов) носят римские имена. Однако в тексте встречается несколько вавилонских имен: Бел-Шу, Буссур-апал, Апат-Син и, возможно, некоторые другие. Более того, название месяца, в котором был составлен документ, — вавилонское (*аяру*). Как и в вавилонских клинописных контрактах, в конце текста названо имя писца (в греческой документации такой практики не существовало). Этот самый поздний из всех документов, содержащих следы вавилонской культуры, позволяет предполагать, что коренное население города когда-то было вавилонским.

Культура древней Месопотамии послужила и субстратом культуры Хатры⁵³, города позднеллинистического времени, расположенного в Северной Месопотамии. Об этом свидетельствуют вавилонские элементы в ономастике жителей города, вавилонские пережитки в культурах и верованиях и даже название главного храма Хатры — Эсагила.

Язык документов из Дура-Эвропоса поражает своей правильностью и чистотой, он близок к нормам аттической прозы IV в. до н. э.⁵⁴, в то время как в языке материковой Греции к началу новой эры произошли серьезные изменения. Сохранить язык (во всяком случае, письменный) почти неизменным на протяжении пятисот лет можно было только при условии обособленности греков от местных жителей. Впрочем, если язык документов остается правильным до конца II в. н. э. (ведь их, вероятно, составляли чиновники-профессионалы), то в надписях небрежная передача гласных и дифтонгов и грамматические ошибки, нередко очень грубые, становятся уже со второй половины I в. н. э. нередким явлением. Большинство этих надписей, среди которых есть и хозяйственные записи, составленные, по-видимому, сугубо для собственного употребления, сделаны негреками. Возможно, по-гречески умели читать и писать многие из контрагентов с арамейскими или иранскими именами, фигурирующие в документах из Дура-Эвропоса, так как им приходилось ставить свои подписи в конце контракта. Лишь очень редко подписи сделаны арамейскими буквами. Однако самым ярким свидетельством широкого использования греческого языка негреками служит найденный в Дура-Эвропосе фрагмент личного письма, условно датированный концом II — началом III в. н. э.⁵⁵ Письмо написано уверенной рукой на вполне правильном греческом языке. Лишь три последние строки текста, начарапанные тоже по-гречески, но справа налево, выдают в авторе человека, привыкшего писать по-арамейски. Отправитель носит семитское имя Барсаббат, адресат назван Гелиодором, имя его отца иранского происхождения — Ортонофат. Таким образом, два негрека переписываются по-гречески. Трудно найти более убедительное доказательство того, что именно греческий язык стал *lingua franca* поздней Месопотамии. Языком админист-

⁵³ Шуфман И. Ш. Северомесопотамский город Хатра (К истории среднеазиатского эллинизма) // ВДИ. 1985. № 2. С. 50.

⁵⁴ Welles C. B. The Hellenism of Dura-Europos // *Aegyptus*. 1959. V. 39. Fasc. 1—2. P. 25.

⁵⁵ Welles, Fink, Gilliam. Op. cit. № 46.

рации и делопроизводства греческий язык, вероятно, был уже в селевкидское время, вытеснив в этом качестве арамейский. Аршакиды, по всей видимости, заимствовали у Селевкидов язык права и администрации. Напомним, что два из трех авроманских пергаментов⁵⁶ (единственных пергаментов парфянского времени, найденных вне Дура-Эвропоса) тоже написаны на греческом языке. От имени парфянских царей издаются официальные документы на греческом языке (письмо Артабана II (III?) Сузам⁵⁷), известно несколько греческих надписей, составленных высокопоставленными парфянами, в том числе придворными Аршакидов⁵⁸. Полулегендарный философ Аполлоний, герой произведения Флавия Филострата, якобы разговаривал с парфянским царем на греческом языке, который тот знал вполне хорошо (Vit. Ar. I.32). Однако широкое использование греческого языка, сохранение греческих названий должностей и назначение греков на некоторые из них, на наш взгляд, объясняются не столько эллинофильскими склонностями парфян, сколько тем, что Аршакиды переняли у Селевкидов налаженную ими административную систему и были заинтересованы в высокой квалификации греков. Кроме того, греческая культура была в допарфянской Месопотамии культурой элиты, поэтому владение греческим языком и легкий налет эллинизации (вспомним чтение «Вакханок» Эврипида при дворе парфянского царя — Plut. Crass. 33) считались, вероятно, хорошим тоном у верхушки парфянского общества. Но раз греческим языком владели высшие слои парфянского общества и чиновники, то его было полезно и престижно знать и другим жителям страны. Если в селевкидское время наделенные полисными привилегиями греки жили обособленно от прочих жителей страны, то ограничение полисной автономии, происшедшее, по-видимому, при парфянах, способствовало ломке границ между греками и местными жителями и широкому распространению не только греческого языка, но также греческих имен и некоторых поверхностных элементов греческой культуры среди негреческого населения. Греческий язык в первые века новой эры стал, вероятно, вторым разговорным языком жителей Месопотамии. Естественно, что процесс этот был двусторонним, и тогда же происходит быстрая «порча» греческого языка, и ориентация греков и греческой культуры.

Единственным городом селевкидской Вавилонии, судить о внутренней жизни которого можно на основании значительного числа клинописных текстов, был Урук⁵⁹. Этот древнейший город страны стал и одним из последних центров или даже ослотов вавилонской цивилизации, так как сохранение традиционного уклада жизни и древней культуры было, видимо, целью, которую вполне сознательно преследовали жители Урука. Население города, судя по просопографическим данным, которыми богаты урукские частно-правовые контракты селевкидского времени, было весьма однородным в этническом отношении. Имена подавляющего большинства персонажей этих документов — не просто аккадские, но типичные именно для Урука (т. е. их теофорными элементами служат имена богов, почи-

⁵⁶ Minns E. H. *Parchments of Parthian Period from Avroman in Kurdistan* // JHS. 1915. V. 35. P. 22—65.

⁵⁷ Welles C. B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy*. New Haven, 1934. № 75.

⁵⁸ OGIS II. № 430, 432. О надписях такого рода см. также: Rostovtzeff M. I., Welles C. B. *A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates* // YCS. 1931. V. 2. P. 33—34.

⁵⁹ Известно более пятисот хозяйственных текстов из селевкидского Урука (Doty L. T. *Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk*. Diss. Yale Univ., 1977. P. 48).

тавших в позднеевклидское и селевкидское время в Уруке). Это относится даже к большинству урукских рабов⁶⁰. Население храмовой общины Вавилона кажется более пестрым. Другой особенностью урукского общества в эпоху Селевкидов была уходящая своими корнями в нововавилонское время⁶¹ тенденция указывать имена отца, деда и родоначальника, подчеркивая тем самым свою принадлежность к старой урукской семье. В позднем Уруке, по-видимому, сложилась своего рода «аристократия» — потомки нескольких знатных родов, составлявшие высший слой урукского общества (к родовой аристократии принадлежат известные нам правители города), связанные с храмами и обладающие там некоторыми привилегиями. Так, например, МакЮэн показал, что право на получение части доходов храма (в виде довольствия натурой), так называемых пребенд, имели в основном, если не исключительно, представители родовой аристократии⁶². Естественно, что эти люди всячески подчеркивали свое благородное происхождение и, стремясь, видимо, так же как греки позднего Дура-Эвропоса, обособиться от прочих жителей города и не делить с ними имущество и привилегии, заключали браки в своем кругу (в документах фигурирует немало женщин-контрагентов с указанием их собственных предков и предков мужа). Представители родовой аристократии составляют значительную часть персонажей клинописных контрактов. Однако в текстах упомянуто немало жителей города (ономастика их тоже в основном типично урукская), которые называли лишь имена отца и деда или только отца. Вероятно, это люди более низкого статуса, и, хотя они принимали участие в деловой жизни, сделки, заключаемые ими, как уже говорилось, не касались храмового довольствия (пребенд). С другой стороны, в протоколе собрания коллегии (?) свободных (?) (LU DUMU. DU MEŠ) Урука⁶³, датированном 303 г. до н. э., из двенадцати перечисленных членов коллегии лишь у двоих указаны родоначальники. Очевидно, гражданами Урука в селевкидское время были не только представители родовой элиты.

Урукские клинописные тексты селевкидского периода содержат некоторые сведения о социально-политической структуре города. В советской историографии принято считать, что Урук в селевкидское время представлял собой гражданско-храмовую общину, складывавшуюся в городе на протяжении нескольких веков как «...продукт постепенного слияния гражданской части города с храмовым персоналом в единый гражданский четко очерченный коллектив типа городских общин эллинистических полисов»⁶⁴. Члены общины не зависели от храмов, но были связаны с ними по традиции, получали от храма довольствие и были, вероятно, обязаны ему какими-либо повинностями. Гражданско-храмовая община была полуавтономна и имела самоуправление. Община не была замкнутой, в нее постоянно проникали *homines novi*, в частности греки⁶⁵. Вопросы становления гражданско-храмовой общины нуждаются в специальном исследовании, но, судя по опубликованным в последнее десятилетие текстам, нет оснований считать, что в селевкидское время члены гражданско-храмовой общины не зависели от храмов, а были лишь связаны с ними

⁶⁰ *Sarkisjan G. Ch. Die Sklaven im Uruk der hellenistischen Zeit // AfO. 1982. Bb. 19. S. 139.*

⁶¹ *Krückmann O. Babylonische Rechts- und Verwaltungs-Urkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Inaug.-Diss. Weimar, 1934. S. 15.*

⁶² *McEwan. Priest and Temple... P. 75.*

⁶³ *Doty. Cuneiform Archives... P. 15—16. См. также: Spek van der. Ср. cit. P. 86.*

⁶⁴ *Саркисян. Греческая ономастика... С. 181.*

⁶⁵ *Он же. Самоуправляющийся город... С. 74—76, 80.*

по традиции. Скорее создается впечатление, что центром и связующим звеном селевкидского Урука был именно храм, хотя бы потому, что правитель города (*rabû rêš âli*) и управляющий храмами (*paqdu ša bit ilāni*) мог быть одним и тем же лицом⁶⁶ или эти должности могли занимать такие близкие родственники, как братья (ОЕСТ 9. № 42 : 7). Традиционная должность управляющего храмами (*šatammu*) в текстах селевкидского времени из Урука, в отличие от Вавилона, не засвидетельствована, а в том контексте, где прежде фигурировал *šatammu* (например, во главе храмовой коллегии LÜ UKKIN (см. прим. 18) — ОЕСТ 9. № 62 : 28; BRM 2. № 47 : 29), теперь употребляется термин *rabû rêš âli* (*ša bit ilāni*), т. е. главой храмов является не кто иной, как правитель города. Правитель назван в текстах из Урука по-разному: *rêš âli* (*ša Uruk*) — «глава города»⁶⁷ и *rêš âli ša bit ilāni* — «глава города храмов» (BRM 2. № 47 : 29; ОЕСТ 9. № 62 : 28). Второе высшее должностное лицо *paqdu* также могло обозначаться как *paqdu ša Uruk* — «управляющий Уруком» (ОЕСТ 9. № 42 : 7) и *paqdu ša bit ilāni* (*ša Uruk*) — «управляющий храмами Урука»⁶⁸. Столь недифференцированное и явно не зависящее от контекста обозначение города заставляет думать, что *bit ilāni* (храмы), *ālu ša bit ilāni* (город храмов), *ālu ša Uruk* (город Урук) и, наконец, просто Урук — синонимы. В селевкидское время, по-видимому, храмовые власти сливаются с городскими, тем более что ни о каких других органах управления, кроме перечисленных, ничего не известно. Следует помнить, впрочем, что урукские клинописные тексты, о которых идет речь, найдены в центре города на сравнительно небольшой территории, в основном совпадающей с той площадью, которую занимали храмы. Другие районы города пока почти не раскапывались и могут в будущем принести немало сюрпризов.

Структура управления в Уруке и Вавилоне в селевкидское время, видимо, не была идентичной. В Вавилоне, в отличие от Урука, существовала традиционная должность управляющего храмом *šatammu*. Кроме того, в клинописных текстах из Вавилона встречается несколько названий гражданских должностей, в том числе клинописных транскрипций греческих терминов⁶⁹, однако имеющиеся о них сведения слишком скудны для того, чтобы сколько-нибудь надежно восстановить функции и иерархию этих должностных лиц. Вероятно, главе Эсагилы *šatammu* приходилось взаимодействовать с гражданскими правителями, а возможно, и под-

⁶⁶ Doty. *Cuneiform Archives...* P. 23.

⁶⁷ FB 16. № 23 : 12; ОЕСТ 9. № 42 : 6, 63 : 33; TCL 6. № 1; ADFU 3. S. 6, а также АО 3678 (см. Саркисян. Греческая ономастика... С. 196) и текст, опубликованный в работе: McEwan G. J. P. A Seleucid Tablet in the Redpath Museum // *Annual Review of the Royal Inscriptions of Mesopotamia Project*. 1986. V. 4. P. 33—36.

⁶⁸ RGЭ № 8 : 23; FB 16. № 1 : 23, 39, 52; ОЕСТ 9. № 61 : 32—33. В строительной надписи 244 г. до н. э. (YOS I. № 52; ADFU 3. S. 4—5) правитель города Ану-убаллит-Никарх из рода Ахуту назван *šaknu ša Uruk* (точное соответствие греческому «эпископ»). Впоследствии название его должности, по-видимому, меняется на *rabû rêš âli*. Менее вероятно, что обе должности существовали параллельно, так как в строительной надписи 201 г. до н. э. (ADFU 3. S. 6—7) *rabû rêš âli* фигурирует в таком же контексте, как прежде *šaknu*.

⁶⁹ Материал собран ван дер Спеком (Op. cit. P. 62—66). Интересно, что в упомянутом уже тексте парфянского времени (прим. 27) из Вавилона некий Итти-Мардук-баласу назван *rab banī muhhi āli* (старейшина, глава города), *urpudētu ša bitāti ilāni* (управляющий храмами). МакЮэн отметил уже удивительное совпадение значения этих должностей с урукскими *rabû rêš âli*, *paqdu ša bit ilāni* (Priest and Temple... P. 18). Однако следует заметить, что это постановление стоит особняком среди других текстов из Вавилона, и пока трудно утверждать, что упомянутый в нем Итти-Мардук-баласу был во главе города, как его урукские собратья. Не ясно, кроме того, как соотносились его должности с должностью *šatammu* Эсагилы, фигурировавшего в том же тексте.

чиняться им, поэтому не исключено, что укоренившийся в советской историографии термин «гражданско-храмовая община», хорошо отражающий характерное для селевкидского Урука слияние города и храмов, соединение гражданской и храмовой властей, плохо применим по отношению к Вавилону. Общим же для Урука и Вавилона был храмовый характер этих общин, и если в управлении и структуре Урука в селевкидское время произошли какие-то изменения (в отличие от более традиционного Вавилона), то нет оснований объяснять эти изменения стремлением урукитов моделировать свою общину по образцу греческого полиса⁷⁰. Гораздо более убедительным кажется нам выдвинутое ван дер Спеком предположение о типологической близости вавилонских храмовых общин селевкидского времени с иерусалимской храмовой общиной, во главе которой стояли первосвященник и храмовая коллегия (ср. LU UKKIN Урука и Вавилона), и теократическими общинами Малой Азии⁷¹.

Гражданско-храмовая община Урука, по всей видимости, пользовалась привилегиями в государстве Селевкидов, и главной из них было невмешательство во внутренние дела общины со стороны царя, возможность жить по старым обычаям. Не приходится сомневаться в том, что Селевкиды оказывали покровительство вавилонским храмам. Достаточно вспомнить приказы Александра о расчистке развалин Эсагилы, рассказы Павсания о «благочестии» Селевка I по отношению к храмам Вавилона, участие Антиоха I в обряде закладки фундаментов Эсагилы и Эзиды и жертвоприношения, сделанные этим же царем в храме бога луны Сина в Уре (ABC. № 11)⁷². В Уруке в селевкидское время было сооружено или восстановлено несколько храмов (святилище бога небес Ану и его жены Анту — Бит-Реш, святилище Иштар и Нанайи — Иригал, дом для новгородных торжеств в окрестностях Урука — Бит-Реш) и перестроен древнейший храм города — Эанна. Число культовых текстов селевкидского времени из Урука велико по сравнению с предыдущим, ахеменидским, периодом. Весь уклад жизни города был традиционно вавилонским. Урукские писцы переписывали древние культовые тексты на аккадском и шумерском языках и регистрировали часть сделок в традиционной клинописной системе письма, даже частная переписка могла вестись по-аккадски. Урукиты давали своим детям по большей части традиционные аккадские имена, в городе тщательно сохранялся аккадский язык, который, по всей видимости, в селевкидское время продолжал оставаться разговорным языком в храмовых вавилонских общинах⁷³. При этом в таких городах должно было существовать аккадско-арамейское двуязычие. Греческий язык в обыденной жизни селевкидского Урука был, по-видимому, мало распространен. Как заметил МакЮэн, номенклатура храмовых должностей и некоторые другие черты в жизни урукских храмов производят впечатление сознательного стремления к архаизации (так, все персидские названия должностей, в отличие от Вавилона, там снова заменяются аккадскими⁷⁴). Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, складывается впечатление, что сохранение вавилонской культуры в селевкид-

⁷⁰ См., например: *McEwan. Priest and Temple...* P. 157 f.

⁷¹ *Spek van der. Op. cit.* P. 62. Эта аналогия, как нам кажется, гораздо больше подходит для Урука, чем для Вавилона, в котором, как уже говорилось, храмовая и гражданская власть, возможно, были разделены.

⁷² О взаимоотношениях Селевкидов с вавилонскими храмами см.: *McEwan. Priest and Temple...* P. 193—196.

⁷³ Подробнее об этом см.: *Дандамаева М. М.* Письмо из селевкидского Урука (К вопросу о «смерти» аккадского языка) // ВДИ. 1987. № 4.

⁷⁴ *McEwan. Priest and Temple...* P. 185.

ское время связано с функционированием храмов, которые были последним оплотом этой культуры, причем оставались таковыми в значительной степени по вполне сознательному желанию ее носителей. Вокруг храмов складывалась довольно однородная в этническом отношении и достаточно замкнутая община. Однако количество вавилонских храмов в селевкидское время уменьшается буквально на глазах. В начале селевкидского периода функционировал Эгишнугаль — храм Сина в Уре. Известно несколько клинописных текстов конца IV в. до н. э. из Ура, но впоследствии храм, вероятно, теряет свое значение. Клинописные источники из Киша иссякают в конце 70-х годов III в. до н. э., из Ларсы — в последней четверти III в. до н. э. Некоторые боги из не функционировавших более храмовых общин перебираются в сохранившиеся центры вавилонской культуры: в храмах Урука и Вавилона отводятся ниши для изгнанных богов⁷⁵. Бывшие храмовые города, однако, как это видно из археологических находок, не прекращают своего существования. Вероятно, в тех местах, где храмы по каким-либо причинам переставали функционировать, происходила постепенная ассимиляция вавилонского населения с окружающим его арамейским.

В текстах селевкидского и раннепарфянского времени из Урука встречается более 20 греков (точнее, людей с греческими именами, имеющих только греческие имена в своей родословной)⁷⁶. В связи с этим встает вопрос о положении греков в Уруке и степени эллинизации этого города. Существуют две противоположные точки зрения на эту проблему: М. И. Ростовцев полагал, что Урук стал в селевкидское время полугреческим городом и значительная доля его деловой жизни была сосредоточена в руках греков⁷⁷, по мнению же ассириологов, наиболее четко выраженному Эльснером, эллинизация почти не коснулась Урука, ею в значительной степени были затронуты лишь высшие и средние слои общества⁷⁸. Утверждение Ростовцева основано на том обстоятельстве, что в Уруке было найдено несколько сот комочков глины с оттисками печатей, которыми запечатывались написанные на пергаменте и не сохранившиеся до наших дней документы. Большинство этих печатей — типично греческие и по сюжетам и по исполнению, но, как установлено самим Ростовцевым, — все это официальные печати царских чиновников-хреофилаксов. Наличие таких печатей на документах свидетельствует лишь о том, что в городе находились царские чиновники (причем некоторые из них могли быть и негреками), которые взимали с урукитов налоги в пользу царской казны, а отсюда еще не следует, что Урук стал «полугреческим» городом. Что же касается утверждения Ростовцева о том, что деловая жизнь города была сосредоточена в руках греков, то оно опровергается цифрами: по подсчетам Доти из 535 документов урукского корпуса греки являются контрагентами лишь в девяти⁷⁹. Судя по клинописным контрактам, число греков в Уруке было очень невелико: около (или чуть более) одного процента населения города. Причем греки не были во всем равны представителям урукских родов: они не имели, по всей видимости, прав на приобретение храмового довольствия, так как нам не известны греки — контра-

⁷⁵ Ibid. P. 189.

⁷⁶ О греках из Урука и урукитах с греческими именами см.: *Саркисян*. Греческая эллинизация...

⁷⁷ *Rostovtzeff M. I. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions* // YCS. 1932. V. 3. P. 30.

⁷⁸ *Oelsner*. Op. cit. S. 60.

⁷⁹ *Doty*. *Cuneiform Archives*... P. 156. Table VI. Доти не учитывает здесь сделок, заключенных Антиохидой, женой правителя города Ану-убаллита-Кефалона.

генты сделок, объектом которых служили пребенды. Единственное исключение — Антиохиды, связанная брачными узами с родом Ахуту (VS 15. № 7). Еще меньше, чем греков, насчитывается в Уруке коренных его жителей, имеющих греческие имена (т. е. урукитов с греческими именами, указавших предков с аккадскими именами). Причем клановая элита, по-видимому, была подвержена эллинизации не больше, а скорее всего даже меньше, чем прочие слои урукского населения. Во всяком случае, представители родовых объединений крайне редко давали своим детям греческие имена. Известен лишь один урукит с греческим именем, принадлежность которого к роду Луштаммар-Адада надежно засвидетельствована⁸⁰. Все остальные представители родовых объединений, обладавшие греческими именами, были членами семьи правителей города Ану-балассу-икби из рода Ахуту и его сына Ану-убаллита-Кефалона, что, вероятно, объяснялось политическими причинами. Прочие же носители греческих имен не принадлежали к родовым объединениям. Поэтому нам представляется спорным утверждение Эльснера о том, что эллинизация коснулась в основном высших слоев урукского общества (см. прим. 78). Скорее, как нам кажется, именно представители урукской «аристократии» были поборниками традиционной культуры, они, насколько можно судить по личным архивам урукитов, бережно хранили древнюю письменность, язык, литературу и искусство, во всяком случае, храмовую архитектуру. Новые вкусы коснулись лишь малых форм: терракот, среди которых встречаются изготовленные греческими мастерами или в греческой манере исполнения, и печатей. Судить о личных печатях жителей селевкидского Урука мы можем только по небольшому числу прорисовок, сделанных в изданиях клинописных текстов. В основном изображения на печатях были выполнены в традициях вавилонской глиптики, однако есть и несколько явно греческих печатей, которые принадлежали представителям родовой аристократии (на клинописных табличках рядом с оттиском печати писали имя ее владельца). Вероятно, новые веяния в глиптике заимствовались легко и быстро, это и понятно — ведь греческие печати можно было просто купить, а стоили, они, скорее всего, дороже местных, поэтому могли свидетельствовать о благосостоянии и изысканных вкусах владельца.

Незначительное число встречающихся в урукских текстах греков Доти объясняет тем, что рядом с урукской общиной существовал греческий полис⁸¹. Это предположение основано на происхождении одного из урукских документов (271/270 г. до н. э.): Антиохия на канале Иштар⁸². Однако, по всей видимости, верна догадка ван дер Спек, считающего, что Антиохия на канале Иштар — не что иное, как греческое название Урука, канал Иштар — основная водная артерия Урука, а писец и контрагенты — урукиты, хорошо известные по другим документам из этого города⁸³. Никаких следов греческого влияния, кроме названия города, в этом клинописном тексте не наблюдается. Ван дер Спек полагает, что в Уруке, как и в Вавилоне, существовали две общины: вавилонская и греческая, основанная Антиохом I⁸⁴. Очевидно, в 70-е годы III в. до н. э. Урук дей-

⁸⁰ *Саркисян*. Греческая ономастика... С. 202 сл.

⁸¹ *Doty*. Cuneiform Archives... P. 158.

⁸² NCBT 1942. Опубликован в работе: *Doty*. Cuneiform Archives... P. 193 f.

⁸³ *Rec.: Spek van der R. J.* On: Die antike und die altorientalische Komponente im Hellenismus. Beiträge des Kolloquiums, Hartenstein, 1976 // *Bibliotheca Orientalis*. V. 37. № 3/4. P. 254.

⁸⁴ *Spek van der*. Op. cit. P. 89.

ствительно попадает в поле зрения Селевкидов: там проводятся административные реформы⁸⁵, туда посылают чиновников-греков, город получает греческое название⁸⁶. Однако пока нет ни археологических, ни письменных свидетельств существования рядом с Уруком греческой колонии. Более того, те греки, которые известны нам из клинописных контрактов, жили, как видно из тех же контрактов, рядом с урукитами, а не в отдельном квартале, участвовали в деловой жизни урукитов, регистрируя при этом сделки в клинописной системе письма, выступали в качестве свидетелей сделок. Все это может говорить об отсутствии греческого полиса рядом с Уруком, иначе что заставило бы отдельных греков селиться среди чуждого им населения и подчиняться чужим законам? Кроме того, это упоминание Антиохии — единственное в клинописных источниках, даже на официальных печатях, найденных в Уруке, город назван "Ουροι (греческий вариант шумерского UNUG), под этим же именем знают его и античные авторы⁸⁷. Следовательно, греческое название Урука не прижилось в отличие от греческого названия Дуры, Описа и других городов Вавилонии, не прижилось, возможно, именно потому, что в Уруке не было греческого полиса или политевмы, к которым бы относилось это название. Впрочем, как уже говорилось, значительная часть территории города не была раскопана, и не исключено, что в будущем мы получим археологические доказательства существования в селевкидском Уруке хотя бы греческого квартала.

Конец правления Селевкидов стал концом благополучия Урука. Бит-Реш был укреплен в конце селевкидского периода и несколькими годами позже сожжен, Иригал тоже был разрушен в конце правления Селевкидов. Количество клинописных документов резко сократилось уже в начале парфянского периода, последние из них датируются 20-ми годами II в. до н. э. Единственное исключение — недавно опубликованный контракт 108 г. до н. э.⁸⁸ В документе в не вполне ясном контексте упомянуты два лица: Багой, другое имя которого Никанор, и Ану-бел-шуну, другое имя которого Гераклид. Должности их не названы, но как полагает Кесслер, речь идет о *gabū gēš āli* и *paqdu*, в присутствии которых, как это иногда случалось (ср. ОЕСТ 9. № 42), происходила регистрация сделки⁸⁹. Вполне возможно, впрочем, что это были царские чиновники, а не правители города⁹⁰. Один из них — урукит, другой — парфянин, и это не случайно, так как в тексте 77 г. до н. э. из Вавилона (см. прим. 24) упомянут человек с иранским именем, исполняющий обязанности *šatamtu* Эсагилы.

Как бы ни были скудны имеющиеся в нашем распоряжении данные,

⁸⁵ Doty. Cuneiform Archives... P. 308—335.

⁸⁶ Ван дер Спек обратил внимание на то, что примерно в это же время (в 274 г. до н. э.), по свидетельству клинописного источника (см. прим. 12), Антиох I переселил часть жителей Вавилона в Селевкию. Возможно, оба эти события были частью единой системы преобразований Антиоха I.

⁸⁷ Pfln. NH. VI. 123, 130; Ptol. Geogr. V. 18, 19; Strabo. XVI. 1.6.

⁸⁸ Kessler K. Eine Arsakidenzeitliche Urkunde aus Warka // BaM. 1984. Bd. 15. S. 273—281.

⁸⁹ Ibid. S. 281.

⁹⁰ Этот текст заставляет вспомнить письмо парфянского царя Артабана II (?) жителям Селевкии на Эвлее — Суз (см. прим. 57), из которого видно, что в городе находилось два царских чиновника (*Кошеленко*. Греческий полис... С. 118. Прим. 264): парфянин и представитель местного (в данном случае греческого) населения. Почти 150 лет отделяют письмо Артабана от урукского текста, однако эти годы прошли под властью одной и той же династии Аршакидов, методы правления которых, вероятно, мало менялись.

они свидетельствуют, как кажется, о том, что ситуация в Вавилонии с приходом парфян изменяется. Следы пожаров в Дура-Эвропосе, Селевкии, Уруке (в отличие от первых двух городов позже не восстановленном), свидетельство Диодора о правлении Гимера, сжегшего храмы в Вавилоне и продавшего в рабство многие семьи вавилонян, и слова Диона Кассия о разрушении города парфянами, постоянная враждебность Селевкии по отношению к парфянам и резкая деградация Урука в начале парфянского периода — все это говорит о том, что правление Аршакидов оказалось менее благоприятным и для греческих и для вавилонских городов Вавилонии, чем царствование Селевкидов. Вероятно, был нанесен удар по самоуправлению этих городов, на что указывает, в частности, появление людей с иранскими именами во главе городов и храмов.

Урук, несмотря на прекращение функционирования храмов в парфянское время, как свидетельствуют археологические находки, был обитаем: в восточной части города раскопаны остатки строений парфянского времени, известные как «парфянский дворец» или «парфянские руины»; на холме, расположенном юго-восточнее центральной (храмовой) части Урука, было воздвигнуто небольшое святилище (так называемый храм Гареуса), на пепелище же урукских храмов теперь появились бедные жилые дома. Не ясно, однако, каков был этнический состав населения Урука в парфянское время. Лакуна в нумизматических находках (приблизительно от 130 г. до н. э. до конца I в. н. э.), как полагает Эльснер, свидетельствует о том, что между разрушением храмов и возникновением нового поселения на территории Урука прошло некоторое время⁹¹. Изменения в способе захоронения, происшедшие в парфянское время, говорят об изменении в этническом составе населения⁹². Можно предположить, что Урука, как и Вавилона, коснулась переселенческая политика парфян и часть местного населения была депортирована. Единственный письменный памятник, оставшийся от нового населения Урука, — это греческая надпись из храма Гареуса, датированная 111 г. до н. э.⁹³ На каменной стеле вырезан типичный греческий почетный декрет в честь одного из граждан неизвестной нам из других источников общины Долламенов, носившего два имени — греческое и арамейское. Надпись не содержит никаких следов той традиционной вавилонской культуры, которая господствовала в Уруке в селевкидское время. По смешению греко-арамейских элементов она больше всего напоминает тексты первых веков новой эры из Дура-Эвропоса и подтверждает факт широкого распространения греческой культуры и языка в парфянской Вавилонии. Надпись более чем на двести лет отстоит от последних урукских клинописных документов. По-видимому, за это время в Уруке развивался тот же процесс, который ранее произошел в других вавилонских городах: арамеизация населения, связанная с разрушением гражданско-храмовой общины, ставившей, очевидно, труднопреодолимую преграду между членами общины и прочим населением страны и тем самым способствовавшей этнической однородности населения городов.

Греческий полис и вавилонская община были похожи не только по своей структуре и месту в империи Селевкидов: и полис и община обеспечивали сохранение традиционной культуры, которой угрожало растворе-

⁹¹ Oelsner. Op. cit. S. 97, 351. № 313.

⁹² Ibid. P. 91—92.

⁹³ Meier Ch. Ein griechisches Ehrendekret vom Gareustempel in Uruk // BāM. 1960. Bd. I. S. 104—114.

ние в культуре окружающей массы населения. Поэтому культура полиса и храмовой общины была консервативна, граждане полиса и общины стремились сберечь старое, а не создавать новое. Вследствие замкнутости полиса и вавилонской храмовой общины и приверженности их жителей к традиционной культуре контакты между греками и вавилонянами в селевкидское время были ограничены и коснулись в первую очередь административной жизни. В клинописных текстах селевкидского и раннепарфянского времени из Урука и Вавилона встречаются заимствования из греческого языка, в основном греческие названия должностей. Вся административно-политическая система в Уруке была своего рода компромиссом, так как сделки в зависимости от ее объекта регистрировались на глиняной табличке или на пергаменте⁹⁴ (возможно, по-гречески). В Вавилоне в эпоху Селевкидов впервые установилось непрерывное летосчисление — селевкидская эра, по которой датировались документы, написанные даже несколькими веками позже завоевания Вавилонии (надпись из храма Гаруса, текст из римской Эдессы). Самым серьезным заимствованием вавилонян у греков был алфавит: вавилоняне, оценив простоту греческого письма, приспособили его для своих нужд и начали писать аккадские тексты греческими буквами⁹⁵. Однако в целом знакомство вавилонян с греческой культурой кажется поверхностным. Вавилоняне заимствовали у греков в основном то, что легко было заимствовать, что не требовало изучения и переработки чужой культуры, или же наоборот, то что они вынуждены были заимствовать, как, например, изменения в административной системе. Иначе дело обстоит с греками, которые взяли в культуре вавилонян то, что с их точки зрения представляло интерес и было полезным. В первую очередь это касается науки: как известно, греки заимствовали у вавилонян таблицы многолетних наблюдений за движениями небесных светил и способы вычисления небесных явлений, в более позднее время огромное влияние на умы греков имела астрология. Вероятно, ученые были знакомы и с материалом, накопленным вавилонянами в других областях знаний, например, со списками камней (Plin. NH. XXVII. 169). Заимствование греков было выборочным и требовало изучения и понимания чужой культуры. В этом и состояли положительные результаты походов Александра: греческая культура получила новую, более широкую основу для своего развития. В целом греческая культура эллинистического периода была качественно новой, она значительно отличается от греческой культуры классического периода, в вавилонской же культуре селевкидского времени качественных изменений по сравнению с предыдущими периодами незаметно. Можно предполагать, что греческие ученые, жившие в Вавилонии, были посредниками между греческой и вавилонской наукой.

Ситуация в Вавилонии меняется в парфянское время, когда ломка границ, смешение народов, языков, культур достигают своего апогея. Греки и вавилоняне постепенно растворяются среди прочего населения страны, при этом вавилонская культура почти не оставляет следов, греческая же находит широкое распространение. Если в столкновении греков и вавилонян обе стороны обладали весьма высокой культурой, то в парфянское время соотношение между культурным уровнем завоевателей и покоренных ими греков было совершенно иным. Парфяне, отвоевав власть у греков и, вероятно, притесняя их, заимствуют многое из их культуры:

⁹⁴ Doty. Cuneiform Archives... P. 334 ff.

⁹⁵ Список литературы по этому вопросу: Oelsner. Op. cit. S. 239, 470 f.

прежде всего язык (вероятно, не в повседневной жизни, а в администрации, делопроизводстве и, может быть, при дворе) и элементы искусства. Греческая культура и в парфянское время остается культурой высших слоев общества, но это уже не греческие, вернее, не только греческие слои.

Греческий язык и греческая культура в парфянское время были широко распространены среди населения Переднего Востока. Вспомним иудея Иосифа Флавия и сирийцев Лукиана и Ямвлиха, писавших на греческом языке. Греческий язык был хорошо известен негреческому населению Дура-Эвропоса. Однако в широком распространении греческой культуры таилась ее гибель. Эллинизация в парфянское время стала тонким слоем лакировки, скрывавшей восточную культуру, которая представляла собой смесь иранско-семитских элементов⁹⁶. Поэтому распространенное мнение о том, что в течение селевкидского периода происходит постепенная эллинизация местного населения, а потом начинается обратный процесс — ориентализация греков, на наш взгляд, слишком схематично. Эллинизация местного населения и ориентализация греков — процессы не последовательные, а одновременные и взаимообусловленные. Что же касается вавилонской культуры, то она в первые века новой эры была забыта. Вавилонские элементы, которые мы находим в поздневосточной культуре первых веков новой эры (например в документе из Эдессы), были лишь пережитками старины⁹⁷, вавилонское происхождение которых, возможно, уже не осознавалось. Вавилонская культура послужила тем фундаментом, на котором возникла культура эллинистического Востока, греческая — катализатором новых процессов, происходивших в ней.

ASPECTS OF THE HISTORY OF HELLENISM IN BABYLONIA

M. M. Dandamayeva

The traditional chronology of Hellenism is very arbitrary as regards Babylonia, where the Greek language and culture, retained significance to the end of the second century A. D. In the author's opinion the Hellenistic period in Babylonia was succeeded by a Sassanid period; Seleucid and Parthian periods should also be distinguished within the Hellenistic age.

The majority of the population in Hellenistic Babylonia was a motley assemblage of peoples speaking Aramaic, among whom the Greeks and Babylonians living there faced dissolution. The means of maintaining themselves as a people, and of keeping up their customs, culture and language, was the *polis* for the Greeks, and for the Babylonians the temple community, which was quite a closed and ethnically uniform collective, living in accordance with traditional principles. The culture of the *polis* and of the community was conservative, since members of these associations strove in the main to preserve the cultural achievements of their ancestors. But there was already a mutual influencing of the Greek and Babylonian cultures in Seleucid times; moreover scholars from the Greek towns of Babylonia probably played a role of intermediaries between the material accu-

⁹⁶ Об иранско-семитской культуре Переднего Востока в парфянское время см.: Widengren G. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln — Opladen, 1960.

⁹⁷ О пережитках вавилонской культуры в культуре Переднего Востока парфянского и сасанидского времени см.: Eilers W. Iran und Babylonien zwischen Alexanderzeit und Islam // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1984. Bd 17. S. 208—210, 213, 216, 218.

mulated by Babylonian science and the rapidly developing culture of Hellenistic Greece. Greeks took from the Babylonian culture what interested them and was useful, and which encouraged further development of their own science and culture; Babylonians' acquaintance with Greek culture was much more superficial.

The limiting of the autonomy of the Greek towns and the Babylonian temple communities under the Parthians accelerated mixing of the peoples and cultures in the Near East, which led to complete dissolution of the Greeks and Babylonians among the surrounding population. Babylonian culture disappeared in those conditions, after serving as the substratum of the Irano-Semitic culture of Mesopotamia in the first centuries A. D.; Greek culture was much more broadly disseminated in the Parthian period than under the Seleucids.

В. Д. Кузнецов

СТРОИТЕЛИ ЭРЕХТЕЙОНА

Проблемы древнегреческого ремесла привлекают внимание исследователей не часто и объяснить это не так трудно — слишком малочисленны и отрывочны сведения о ремесленном производстве, впрочем, как и об экономической жизни Греции вообще. В свое время это дало основание Э. Виллю весьма скептически отнестись к возможности реконструкции экономической истории греческого полиса¹. Тем не менее попытки решения хотя бы самых общих проблем греческого ремесла предпринимались всегда и чаще всего в трудах общего характера². Исследователи были вынуждены трактовать некоторые общие вопросы — роль ремесла в структуре экономики полиса, место ремесленников в обществе, соотношение свободного и несвободного труда, наличие или отсутствие конкуренции между свободными ремесленниками и рабами, отношение к ремесленному труду и др. — на основе весьма отрывочной информации. Сложился даже своеобразный набор цитат из древних авторов (например, из Демосфена XXVII.9—11 — о мастерских его отца, Лисия XII.19 — об оружейном эргастерии и т. д.), который использовали для иллюстрации того или иного положения.

В этих условиях немалое значение имеет использование строительных отчетов — эпиграфических документов, сообщающих ценные и весьма многообразные сведения, в том числе о ремесленниках. Нельзя сказать, что строительные отчеты никогда не привлекали внимания исследователей: данные различного характера регулярно черпаются ими из этих документов — однако, на наш взгляд, давно назрела необходимость более тщательного анализа отчетов, использующихся сейчас скорее для иллюстрации той или иной точки зрения.

Отчеты, дошедшие до нас из различных областей древней Греции, сильно отличаются друг от друга прежде всего количеством и качеством информации, что создает определенные, подчас большие трудности в их интерпретации: в частности, строительные отчеты не поддаются серьезному сравнительному анализу, каждый из них несет на себе отпечаток специфики того полиса или региона, откуда они происходят. В этом отношении

¹ Will E. Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie antique // *Annales. Économie-Société-Civilisation*. 9 année. 1954. № 1. P. 7 suiv.

² Francotte H. *L'industrie dans la Grèce ancienne*. Bruxelles, 1901; Glotz G. *Le travail dans la Grèce ancienne*. P., 1920; Heichelheim F. *An ancient economic history*. V. II. Leiden, 1964. P. 93—108; Austin M., Vidal-Naquet P. *Economies et sociétés en Grèce ancienne (Périodes archaïque et classique)*. P., 1972; Hopper R. J. *Trade and Industry in classical Greece*. L., 1979.

афинские отчеты о строительстве Эрехтейона в последней трети V в. до н. э. являются оригинальным и чрезвычайно важным документом: это одни из самых ранних сохранившихся строительных отчетов, которые дают обильную информацию о ремесленниках, занятых на строительстве храма. В силу определенной специфики афинской экономики работы на строительной площадке разбивались на множество мелких заданий, выполнение которых фиксировалось на камне. Это сохранило нам сведения о многих рядовых строителях, выполнявших самые разнообразные работы, что, к сожалению, не часто встречается в других отчетах. К тому же — и это весьма существенный момент — афинские строительные отчеты позволяют довольно четко распределить всех ремесленников по трем социальным группам: граждане, метеки и рабы.

Основная задача данной работы заключается в том, чтобы, рассмотрев сохранившиеся отчеты о строительстве Эрехтейона, получить максимально возможную информацию о строителях этого храма. Аналогичная работа была уже однажды проделана Р. Рэндаллом³. Выводы, к которым он пришел, будут по возможности использованы нами, однако исследование Р. Рэндалла по данному вопросу нельзя назвать исчерпывающим, поскольку он, на наш взгляд, прошел мимо ряда интересных и существенных выводов, вытекающих из анализа документов. Л. М. Глушкина, исследуя роль метеков в экономике Афин, также касалась эрехтейонских отчетов⁴, но и в ее работе освещены не все интересные нас вопросы.

Строительство Эрехтейона началось, по-видимому, в конце 20-х годов V в.⁵, но отчеты о начальных этапах работ не сохранились. Затем строительство было прервано, очевидно, из-за катастрофической для афинян Сицилийской кампании⁶. Работы по сооружению храма возобновились в 409/8 г. и были закончены в 405/4 г. Перед их возобновлением был составлен отчет, описывающий недостроенный храм, чтобы наметить план дальнейшего строительства (IG I².372 — далее будет называться только номер надписи и через точку строка). До нас дошло около трех десятков фрагментов отчетов этого завершающего этапа строительства различной величины, подавляющее большинство которых датируется 409—407 гг.⁷

Одна из важнейших таблиц, составленных Р. Рэндаллом на основании

³ *Randall R. H. The Erechtheum Workmen // AJA. 1953. 57. P. 199—210.*

⁴ *Глушкина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 47—50.*

⁵ *The Erechtheum / Ed. J. M. Paton. Camb. Mass., 1927. P. 277; Dinsmoor W. B. The Architecture of ancient Greece. N. Y., 1975. P. 188.*

⁶ *Davis Ph. H. In the workshop of the Erechtheion // AJA. 1948. 52. P. 485.*

⁷ IG I². 372—374. Надписи были заново пересмотрены и опубликованы в сборнике «The Erechtheum». P. 277 ff. В 30-х годах американскими археологами было найдено еще несколько фрагментов надписей, относящихся к рассматриваемым отчетам (*Bronner O. Excavations on the north slope of the Acropolis in Athens. 1931—1932 // Hesperia. 1933. P. 377—391. № 9—10; idem. Excavations on the north slope of the Acropolis in Athens. 1933—1934 // Hesperia. 1935. 4. P. 161—162. № 19; Pritchett W. K. Greek Inscriptions // Hesperia. 1940. 9. P. 102. № 19; Schweigert E. Inscriptions from the north slope of the Acropolis // Hesperia. 1938. 7. P. 268. № 3*). Перевод некоторых отрывков отчетов Эрехтейона на русский язык дан в книге: *Архитектура античного мира / Сост. В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. М., 1940. № 1184—1186. С. 347 слл.* Основная претензия к переводу та, что переводчик считает имена хозяев рабов патронимиком последних, в результате чего рабы «становятся» гражданами. Есть и некоторые другие неточности, связанные прежде всего с трудностью интерпретации технических терминов, которыми изобилуют строительные отчеты. Библиографию работ по Эрехтейону см.: *Dinsmoor. Op. cit. P. 360; Брунов Н. И. Памятники афинского Акрополя. Парфенон и Эрехтейон. М., 1973. С. 168—171.*

отчетов Эрехтейона, распределяет всех работников по их профессиям и по социальному статусу⁸. Приведем эту таблицу⁹.

	Граждане	Метекы	Рабы	Неизвестные	Всего
Архитекторы	2	0	0	0	2
Помощник секретари	1	0	0	0	1
Сторож	0	0	0	1	1
Каменотесы	9	12	16	7	44
Скульпторы	3	5	0	1	9
Изготовители восковых моделей	0	(2)	0	0	(2)
Резчики по дереву	1	5	0	1	7
Плотники	5	7	4	3	19
Пильщики	0	1	0	1	2
Столяр	0	1	0	0	1
Токарь	0	0	0	1	1
Художники	0	2	0	1	3
Позолотчик	0	1	0	0	1
Чернорабочие	1	5	0	3	9
Неизвестная профессия	2	3	0	2	7
Всего	24	42	20	21	107

Таблица Р. Рандалла в целом верно отражает положение вещей, но страдает, на наш взгляд, некоторыми недоработками, которых вполне можно избежать. Вряд ли целесообразно было включать в нее помощника секретаря, который был должностным лицом, и сторожа, поскольку они не имеют никакого отношения к ремесленной деятельности. Не во всем можно согласиться с автором статьи и относительно распределения ремесленников по специальностям (см. табл. 1): ряд ремесленников выполнял несколько видов работ (об этом речь пойдет ниже), что заставило исследователя выбирать какую-то одну из них в качестве основной, чтобы затем включить данного ремесленника под соответствующей рубрикой в таблицу¹⁰. Мы хотим предложить вниманию читателя собственный, несколько отличающийся от рандалловского, вариант анализа строительных отчетов.

Каменотесы¹¹. Различные каменотесные работы имели важное значение при строительстве общественных сооружений. Работы по камню начинались в каменоломне, где работали специальные бригады ремесленников, и продолжались на строительной площадке. Отчеты Эрехтейона (поскольку сохранились лишь те из них, которые относятся к за-

⁸ Как уже говорилось, отчеты Эрехтейона дают возможность разделить строителей на три социальные группы. Рядом с именем гражданина указывается дем, в котором он был зарегистрирован (например: Φάλακρος Παιανεύς); имя метека сопровождается указанием дема, к которому он был приписан (например: Ἀγρόνιος ἐν Μελάταις ποικίλιος). Имя раба сопровождается именем его хозяина в генетиве (например: Καρίω Λάβσο).

⁹ *Randall*. Op. cit. P. 201. Tabl. 1.

¹⁰ О критерии, на основании которого тот или иной работник считался специалистом в какой-либо отрасли ремесла, Р. Рандалл (с. 201) пишет, что человек, специализирующийся более чем в одном ремесле, вносится в таблицу с указанием того ремесла, которое он чаще всего исполняет, или в случае, если есть выбор, с наиболее важным (?) из двух или трех ремесел. Субъективный характер такого подхода очевиден.

¹¹ Основной термин для обозначения специалиста по обработке камня в строительных надписях — *κατασκευτής* (другие термины см.: *Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. V. 1—2. P., 1968. V. 2. P. 50; Martin R. Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques. P., 1965. P. 163.*

ключительному этапу строительства) не дают сведений о работах по сооружению фундамента храма, колоннады и отчасти стен: на добыче камня и первичной его обработке в каменоломне, на сооружении различных функциональных частей здания было занято большое число каменотесов, о которых нам ничего не известно. Дошедшие до нас сведения о каменотесах относятся к тому этапу работ, когда строительство стен было завершено, сооружалась крыша и каннелировались колонны¹². Основная деятельность каменотесов, известная по отчетам, заключалась в следующих видах работ. Во-первых, в обтесывании (*ἐργασία*)¹³ каменных блоков на строительной площадке (очевидно, в специальной мастерской, как это следует из отчетов Парфенона — см.: IG I². 349. 25) — расходы на эту работу записаны под рубрикой *ἀναλώματα ἐργασίας* («расходы на обтесывание [камня]» — 373. 94). Во-вторых, в укладывании уже обтесанных блоков на стену, их подтесывании и тщательной подгонке, вырубании пазов для пиროнов и скреплении камней при помощи последних — все эти операции обозначались термином *θεσις*¹⁴ (например, 373. 6, 10, 15). В-третьих, в подтеске верхней части уложенных на стену блоков, что называлось словом *ἀπεργασία*¹⁵ (например: 373. 17, 27, 41). Расходы на два последних вида работ записывались под рубрикой *θέσσοις ἀργυρ[ί]οι καὶ ἐπεργασίας κεφάλαιον* (373. 50—51). В-четвертых, в каннелировании колонн (*καρβόσωτος τῶν κίονων* — 374. 194—195).

По отчетам известно девять граждан-каменотесов (табл. 1)¹⁶. Шестеро из них занимались только каннелированием колонн. Однако Фалакр из Пэания также укладывал блоки на стену (*θεσις*), обтесывал их (*ἀπεργασία*) и каннелировал колонны (373. 31, 35, 40, 42, 49—50; 374. 230, 301) — это говорит о том, что квалифицированный каменотес мог выполнять на строительстве если не все, то во всяком случае большинство различных работ по камню¹⁷. В табл. 1 зафиксировано 14 метеков-каменотесов, выполняющих различные работы по профилю своей специальности (*ἐργασία*), каннелирование колонн (*θεσις*, *ἀπεργασία*), что говорит об их высокой квалификации. К каменотесам можно отнести и 16 частных рабов, работавших на строительстве. Все они, кроме одного (Лисия, раба Алкиппа, который обтесывал блоки, — 373. 109), принимали участие только в каннелировании колонн. Кроме того, двое из них, Синдрон, раб Симия (374. 56), и Кердон, раб Аксиопита (374. 71), выполняли еще черновую работу¹⁸.

Каннелированием шести колонн восточного портика Эрехтейона занимались шесть бригад ремесленников. Каждая бригада, в которую входило от 5 до 7 человек, каннелировала одну колонну. По вероятному предположению Л. Каски¹⁹, каннелирование колонны осуществлялось в четыре приема, причем каждая операция оплачивалась отдельно (по 50, 90, 100, 110 драхм), — таким образом, стоимость каннелирования одной колонны равнялась не менее чем 350 драхмам, делившимся на количест-

¹² *Randall*. Op. cit. P. 202.

¹³ *Orlandos*. Op. cit. V. 2. P. 50.

¹⁴ *Ibid.* V. 2. P. 78; *The Erechtheum*. P. 342 f.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Естественно, необходимо при этом помнить, что отчеты фрагментарны.

¹⁷ Отметим, что Фалакр работал с различными породами камня: пентеллийским мрамором (373.35) и мягким эгинским камнем (поросом) (373. 40, 42).

¹⁸ Понятие «черновая работа» для эрехтейоновских отчетов по большей части достаточно условно, потому что она тесным образом связана с квалифицированной работой (например, разборка каменотесами строительных лесов, ими же использовавшихся).

¹⁹ *The Erechtheum*. P. 412.

во членов бригады без каких-либо дискриминаций по правовому признаку. В одной и той же бригаде могли работать представители разных социальных групп (см. табл. 2). Если ремесленник-рабовладелец участвовал в каннелировании колонны, то его раб (или рабы) работали вместе с ним. В бригаде метека Симия (№ IV) из семи человек шестеро являются его рабами.

На наш взгляд, может быть дано следующее объяснение тому, что рабы не выполняли никаких каменотесных работ на строительстве Эрейтеона кроме каннелирования колонн: рабам доверяли выполнение квалифицированной работы только в том случае, когда они работали вместе со свободными и, очевидно, под их присмотром и руководством. В прочих же случаях рабам-каменотесам поручали выполнять только малоквалифицированную черновую работу (разборку строительных лесов, например). Качество работы каменотесов было одним из решающих факторов, от которого зависела эстетический облик архитектурного сооружения и его прочность. Всему этому и соответственно качеству работ древние греки придавали огромное значение²⁰. Вряд ли будет ошибочным полагать, что раб-каменотес не был заинтересован в выполнении заданной работы на высоком качественном уровне, поскольку он не получал заработанных денег, которые шли его хозяину. С этой точки зрения интересно обратить внимание на единственного известного нам раба, не участвовавшего в каннелировании колонн, а тесавшего блоки, — Лисия, раба Алкиппа. Характерно, что он обрабатывал те камни, которые укладывались с внутренней стороны антаблемента, не были видны снаружи (*κερριβαίον καὶ ἀντιθήμα* — 373. 107—110) и не требовали такой тщательной обработки, как блоки на видимой части здания.

Рядом со всеми именами каменотесов-граждан указан дем. Однако такой порядок, т. е. указание на социальный статус работника, не всегда выдерживался для других категорий ремесленников. У трех метеков — Лисания (374. 199, 236, 306), Кефисодора (374. 73—74, 315) и Евдика (374. 213) — дем, к которому они были приписаны, иногда не указывается. Еще чаще так обстоит дело с рабами: имена шести из них (Сокла, Синдрона, Санния, Сосандра, Эпизайка и Кердона) не всегда сопровождаются именами их хозяев. Весьма симптоматично и то, что отсутствие указаний на дем у метеков и на имя хозяина у рабов приходится только на те случаи, когда речь идет о каннелировании колонн (и лишь в одном случае о разборке строительных лесов вокруг колонны — 374. 73—74). Поскольку бригады, каннелировавшие колонны, были практически постоянными, а имена членов бригады перечислялись в надписи почти всегда в одном порядке, то резчик (или составитель документа) мог иногда позволить себе (например, в целях экономии места на камне или по другим причинам) пропустить название дема метека или имя хозяина раба; лишь когда речь идет о ремесленнике-гражданине, имя всегда сопровождается демотиконом, чем подчеркивается его гражданский статус.

В надписях встречаются имена шести человек (Никострат, Эсхин, Тимократ, Клеон, Икар, ... крос), социальный статус которых не определяется²¹. Учитывая сказанное выше, можно с определенной долей уве-

²⁰ Часто в строительных надписях, особенно в спецификациях, указывается требование выполнить работы максимально качественно, «самым лучшим образом» (*ἰσοπέδῳ καὶ ἑυσεργασάσθῳ ἴσως κάλλιστα* — IG I². 88.16); см. также: IG I². 44.8—9; Meiggs R., Lewis D. A selection of Greek historical inscriptions to the end of the fifth century B. C. Oxf., 1969. № 58B. 7—8.

²¹ 373. 20; 374. 17, 198—201, 211, 213, 219, 228—229, 235, 237, 299—300, 307, 315.

ренности полагать, что эти шестеро работников не принадлежали к ремесленникам гражданского статуса, а были метеками и (или) рабами²².

Таким образом, из 47 каменотесов, работавших на строительстве Эрехтейона, 9 были гражданами, а 38 — метеками и рабами (см. табл. 1).

Плотники. Работа по дереву, связанная прежде всего с сооружением крыши здания, занимала значительное место в строительстве. Количество специалистов в этой области ремесла на строительстве Эрехтейона было велико и уступало только числу каменотесов. Ремесленники-деревообработчики называются в надписях двумя терминами: τέκτονες и ξυλοουργοί, причем один и тот же ремесленник в одном месте может фигурировать как τέκτων, в другом — как ξυλοουργός (например, метек Комон: 373.239, 253). Ξυλοουργοί упоминаются в надписях, когда речь идет об обтеке планок для крыши (υπολοουργοῖς ἐς τὴν [ἐπιτοροφίαν] ἡμῶντα ἀποχέουσαι — 373. 235—236). Отчеты дают более широкий диапазон работ, исполнители которых называются τέκτονες: покрытие храма черепицей (373. 246), сооружение стены эргастерия (373. 258), изготовление (?) и установка деревянных решеток в интерколумниях (373.251), изготовление дверных косяков (?) (373. 66)²³, установка балок и планок (373.248—249), изготовление деревянных правил (373.68). Но в целом говорить о специфике этих двух специальностей на основании дошедшей до нас информации трудно, хотя вполне определенно предположение о том, что ремесленники-деревообработчики не делились строго на ξυλοουργοί и τέκτονες, а назывались тем или иным термином в зависимости от ситуации: одни и те же работники могли в одной надписи обозначаться по-разному²⁴.

В полной мере сказанное подтверждается двумя следующими фактами. Во-первых, видами работ, которые выполнял метек Манис из Коллиты: он делал деревянные кессоны для потолка храма (374.37—38)²⁵, τὰ ἡοπαῖα (374.130, 135)²⁶ — что стоит под рубрикой τέκτωνι...μιοθός (374.121), деревянные розетки (374.324) — выступая в качестве резчика по дереву, и дважды выполнял черновую работу, перетаскивая деревянные балки (374. 58—60) и устанавливая деревянные леса для художников (374. 76—77). Во-вторых, работами резчиков по дереву: из семи человек двое (уже упоминавшийся Манис, а также Феодот) помимо резания розетт

²² В табл. 1 они внесены как восемь не известных по статусу работников.

²³ ὑπεθός; см. об этом термине: Hodge A. T. The woodwork of greek roofs. Cambr., 1960. P. 124. P. Скрантон (Scranton R. Greek building // The muses at work. Arts, crafts, and professions in ancient Greece and Rome. Cambr. (Mass.) — L., 1969. P. 11) переводит это слово как «уровень» — деревянный брус с пазом-канавкой, заполняемой водой.

²⁴ Литературные источники также не дают возможности уточнить разницу между двумя этими терминами, если она вообще существовала. Х. Блюмнер считает, что в соответствии с данными древних авторов общим названием для специалиста по обработке дерева было слово τέκτων (Blümner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. 2. Lpz, 1879. S. 240; здесь и ссылки на нарративные источники). Однако этому, как кажется, противоречат слова Еврипида: τέκτων γάρ ὄν ἐπράττες οὐ ξυλοουργικά — «будучи деревообделочником (плотником), ты неспособен к обработке дерева» — *Plut.* Мор. 812е. Платон (*Theag.* 124) говорит, что τέκτων занимался пилением, сверлением, обтесыванием и выгачиванием. В другом месте (*Theat.* 146е) он отмечает, что τεκτωνική (sc. τέχνη) — это работа по дереву (χρήσις καὶ ἐργασία περὶ τὰ ξύλα). Видимо, все-таки оба названия были более или менее равнозначны, являясь общим термином для обозначения специалиста по деревообработке, хотя слово τέκτων употреблялось чаще (см. *Orlandos.* Op. cit. V. 1. P. 26—27; *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 86). В данной работе для удобства будет использоваться термин «плотник» для общего названия всех ремесленников-деревообработчиков.

²⁵ Здесь он скорее всего выступает в качестве столяра.

²⁶ Л. Каски переводит этот термин как openings — отверстия (*The Erechtheum.* P. 409).

выполняли плотницкие и столярные работы²⁷, а метек Несей из Мелиты попадает еще и в число изготовителей восковых моделей (*κηροπλάστης*)²⁸.

В отчетах можно увидеть еще одну интересную закономерность. Все граждане и большинство занимавшихся обработкой дерева метек работали по сдельной оплате труда (исключение составляют лишь черновые работы метека Маниса). Напротив, основная масса работ, выполненных рабами, оплачена поденно. Трудно говорить о какой-либо статистике, поскольку сохранились имена всего четырех рабов, но на основании тех заданий, которые они выполняли, а также по работам ремесленников других специальностей можно предположить, что поденно оплачивались работы, не требовавшие высокой квалификации²⁹. Не случайно, по-видимому, среди резчиков по дереву (профессия которых требовала квалифицированного труда) нет ни одного раба.

В рассматриваемых документах сохранились имена девяти человек, которые выполняли черновую работу и попали под рубрику *βασυρτοί* (374.54—67,75—81,141—160). Восемь из них³⁰ занимались переноской балок и строительных лесов. Поскольку ремесленники, как мы можем судить по отчетам, выполняли только те черновые работы, которые были непосредственно связаны с их специальностью, этих чернорабочих с большой долей уверенности можно отнести к специалистам по деревообработке³¹.

Пильщики. Пильщики по характеру своей работы примыкают к плотникам, однако в отчетах Эрехтейона они выделяются в особую категорию работников, выступая под рубрикой *πίστιας καθ'ἑμέραν ἐργαζομένοις* (373.54; 374.82). По имени нам известен только один пильщик — метек Рэдий из Коллиты. Он работал как в одиночку, так и в паре с другими пильщиками. Его напарники никогда не называются по имени и фигурируют в отчетах под словом *συνεργοί*. Этот факт заставляет видеть в них рабов, причем принадлежащих самому Рэдию. В документах есть следующая запись: «пильщикам, работающим поденно: двум людям, каждому по 1 драхме, за 12 дней, Рэдию, живущему в Коллите, и *συνεργοίς*, 24 драммы» (373.54—57). Поскольку слово *συνεργοί* употреблено во множественном числе, то отсюда следует, что Рэдий в течение этих 12 дней работал в паре с несколькими работниками поочередно, по крайней мере с двумя³². Таким образом, по отчетам нам известно не менее чем о трех пильщиках, двое из которых были, по-видимому, рабами Рэдия.

Скульпторы. Сохранились имена восьми скульпторов³³, ваявших скульптуры фриза Эрехтейона. Трое из них были гражданами (Фирмах, Антифан, Ясон)³⁴, пятеро — метеками (Агатамор, Праксий, Минний,

²⁷ Феодот делал *πλαίμα* (рамы для кессонов): The Erechtheum. P. 409 (frames).

²⁸ Несей лепил из воска модели розетт (374. 248—251), а затем резал их из дерева (374. 317—318). Такие модели лепили не только резчики по дереву, но и скульпторы (метек Агатамор — 374. 254). Здесь наглядно виден диапазон работ, которые мог выполнить ремесленник.

²⁹ Например, укладка балок и плавков (*τὸ σφικτικὸς θεῖα καὶ τὸς ἱράνας* 373.248—249), изготовление правил (*καύνας ἀναχρέσαντι καὶ ἐργαζομένοις*—373. 68—69).

³⁰ Еще один чернорабочий из этих девяти (метек Сосий из Алопеки — 374.55) работал вместе с Синдроном, рабом Симфия. Конечно, несколько рискованно на этом основании отослать Сосия к каменотесам, хотя такая возможность не исключена.

³¹ Шестеро из них были метеками, двое — неизвестного статуса.

³² The Erechtheum. P. 354.

³³ Точнее говоря, семь имен, потому что имя одного метека (374.29) сбито.

³⁴ 374.161, 166, 169, 177, 180, 367, 371, 377, 380.

Сокл и неизвестный)³⁵. Обращает на себя внимание отсутствие среди скульпторов рабов, что согласуется с данными по другим отраслям ремесла, известным по отчетам Эрехтейона, об отсутствии рабов среди ремесленников, исполнявших высококвалифицированные работы.

Очевидно, скульпторы, фигурирующие в отчетах, были исполнителями проекта фриза, разработанного одним мастером³⁶. С рисунка этого «главного» скульптора должны были быть сделаны деревянные или восковые модели-парадигмы, по которым несколько скульпторов изготавляли фигуры фриза, либо же работа велась непосредственно по рисунку на камне³⁷. Эти модели могли быть изготовлены и самими исполнителями³⁸. В процессе работы над скульптурами фриза в первоначальный проект могли вноситься некоторые изменения и дополнения, как это произошло с частью фриза, сделанной Миннием³⁹.

Скульптор за изготовление фигуры взрослого человека получал 60 драм⁴⁰, детской — 30 драм. Р. Рэндалл обратил внимание на то, что заработная плата скульптора и объем проделанной им работы приближаются к оплате труда и объему работы каменотеса, и сделал справедливый вывод о том, что работу скульптора правильнее называть тесанием камня, чем ваянием скульптуры в собственном смысле слова, и что труд этих скульпторов весьма схож с трудом каменотесов⁴¹.

В самом деле, каменотесы — те, например, которые каннелировали колонны, — должны были обладать не меньшим опытом и квалификацией, чем скульпторы, высекающие по рисункам и моделям изображения фриза. К тому же набор орудий труда, которым пользовались каменотесы и скульпторы, был практически идентичным⁴². Вполне можно согласиться с Б. Риджуэй в том, что каждый каменотес был по сути дела скульптором, и различие между этими квалифицированными специалистами было прежде всего различием в замысле и целях работы, а не в уровне мастерства⁴³.

Эта мысль находит, как кажется, подтверждение, хотя и не твердое, в тексте надписи. Последние несколько десятков строк одного из отчетов (№ 374) очень плохо сохранились, однако в них читаются имена уже известных нам скульпторов, каменотесов, а также четырех новых работников (Микон, Диокл, Стратон, Аристон). Р. Рэндалл относит Микона, Стра-

³⁵ 374.29, 31, 163, 171, 175, 254, 367, 369, 378, 379. Л. М. Глушкина (Проблемы... С. 50) считает, что скульпторы-метеки помимо своей специальности выполняли «подсобную работу за почтенную оплату». Однако это утверждение противоречит тексту надписей. Ни один скульптор, гражданин или метека, не выполнял подсобных работ. Отсюда ее вывод о том, что работники такой квалификации не всегда были обеспечены заказами, нельзя считать обоснованным.

³⁶ *Marcadé J. Recueil des signatures des sculpteurs grecs. Deuxième livraison. P., 1957. P. 101.*

³⁷ *Bluemel C. Greek sculptors at work. L., 1955. Fig. 9; Scranton. Op. cit. P. 33.*

³⁸ В надписи метека Агатанор, сделавший восковую модель аканфа для кессона (374.254) и ваявший скульптуру, назван и скульптором, и лепщиком по воску.

³⁹ «Минний, живущий в Агриле, [изготовил] лошадь и всадника и позднее придал стелу, 127 драм» (374.171—5).

⁴⁰ Например: «Фиромах из Кефисии [вырезал изображение] мужчины, опирающегося на посох, около алтаря, 60 драм» (374.177—180).

⁴¹ *Randall. Op. cit. P. 207.*

⁴² *Adam S. The technique of greek sculpture in the archaic and classical periods. Oxf., 1966. P. 3 ff.*

⁴³ *Ridgway B. S. Stone carving: sculpture // Muses at work. Arts, crafts, and professions in ancient Greece and Rome. Cambr. (Mass.) — L., 1969. P. 100.* Родственность этих специальностей подчеркивается и тем обстоятельством, что первыми скульпторами были каменотесы (*Cook R. M. Origins of greek sculpture // JHS. 1967. 87. P. 31*). Естественно, что сказанное относится только к одному виду материала — к камню.

тона и Аристона к каменотесам, а Диокла — к скульпторам⁴⁴. Это предположение не лишено оснований, и его вполне можно принять. Но важно здесь другое. Во-первых, имена каменотесов и скульпторов перемешаны между собой; во-вторых, зарплата рассматриваемых работников невелика (от 3,5 до 12 драхм) и не достигает известной нам по документам минимальной оплаты труда скульптора (60 драхм). Из этого следует предположение, что в данном месте надписи речь идет об оплате каменотесных работ, выполненных совместно каменотесами и скульпторами, что подчеркивает не только родственность, но и большую близость, если не идентичность, между этими двумя специальностями.

В отчетах Эрехтейона встречаются и представители достаточно редких для строительства специальностей. Дионисодор, метек из Мелиты, был художником (*ἐνκαυτήρ*), расписывавшим киматии (374.99, 266)⁴⁵. Из всех известных по отчетам ремесленников он был единственным, кто должен был представить строительной комиссии перед началом работы поручителя. Им стал гражданин Гераклид из дема Ои, который должен был отвечать вместе с исполнителем работы за ее качество. Чем же можно объяснить то, что именно художник должен был представить поручителя? На наш взгляд, дело заключается в следующем. Ремесленник любой специальности (будь то скульптор, плотник, каменотес или кто другой), чья работа из-за неудовлетворительного качества не была принята строительной комиссией, должен был уплатить установленный штраф и переделать работу. Художник же работал над какой-либо деталью или частью храма, уже принятой после проверки исполнения другими ремесленником. Таким образом, он должен был нести как бы двойную ответственность: за свою работу и за работу своего предшественника, изготовившего данную деталь. Чтобы избежать брака, строительная комиссия могла требовать от него гарантии в платежеспособности на случай некачественного выполнения работы, которые мог дать известный (в том числе и наличием денежных средств) строительной комиссии полноправный гражданин полиса.

Второй ремесленник — метек Сисиф из Мелиты — был позолотчиком (*χρυσοφόρος*). Он покрывал позолотой розетты (374.106)⁴⁶. Как нам представляется, Сисиф мог быть и не профессиональным позолотчиком, а художником или золотых дел мастером.

Теперь перейдем к вопросу о методах оплаты работы ремесленников, строивших Эрехтейон. Существовало четыре вида оплаты: постоянное жалование, поденная оплата труда, сделная оплата и оплата по подряду.

Постоянное жалование, которое равнялось 1 драхме в день, получал только архитектор (374.109, 257)⁴⁷, причем, вероятно, один раз в пританию⁴⁸.

Поденно⁴⁹ оплачивалась работа специалистов по деревообработке, пильщиков и черновая работа. Обычно эти работники получали 1 драхму

⁴⁴ *Randall*. Op. cit. P. 201.

⁴⁵ Л. М. Глускина почему-то считает, что он не участвовал в работе (Проблемы... С. 49).

⁴⁶ См. также: *Schweigert*. Op. cit. № 3. стк. 2.

⁴⁷ Поочередно архитекторами были два гражданина: Филокл из дема Ахарны и Архилох из дема Агрилы.

⁴⁸ Помощник секретаря, являвшийся должностным лицом, также получал постоянное жалование, которое равнялось 5 ободам в день (374.110, 258).

⁴⁹ Дж. Коултон (*Coulton J. J. Ancient Greek Architects at Work*. Ithaca — New York, 1977. P. 21) считает, что основным видом оплаты труда на строительстве Эрехтейона и других зданий Акрополя была поденная оплата. С этим согласиться невозможно.

в день. При этом весьма характерно, что специалисты по деревообработке гражданского статуса не работали поденно: по этой системе деньги получали почти исключительно рабы⁵⁰. Работа, выполняемая ими в этих случаях, не требовала большой квалификации: укладка балок и планок, изготовление правил и т. п. Что касается пильщиков, то всякий раз, когда метек Рэдий работал с напарником (373.56; 374.86—87, 93—94), их труд оплачивался поденно, когда же он работал сдельно, то всегда выполнял задания в одиночку (373.60, 63, 64, 257). Существенно то, что в первом случае характер работы строительной комиссией⁵¹ не уточняется, в последнем же дается подробное описание задания⁵². Заметим при этом, что на первый взгляд оба вида работ не отличаются друг от друга: и здесь, и там распилка дерева. Но в одном случае день работы оплачивается одной драхмой, в другом — только один распил такой же суммой. Это, безусловно, свидетельствует о разном уровне квалификации, которого требовали работы. Отсюда следует, что напарники-рабы Рэдия не допускались к выполнению высококвалифицированных работ⁵³. Подтверждением тому, что пильщики, работая поденно, выполняли малоквалифицированную работу, служит и тот факт, что такой же суммой оплачивался труд чернокожих, выполнявших задания, которые не требовали никакой особой квалификации⁵⁴. Интересно, что в одном из фрагментов отчетов (374.404—417) перечисляется по пританиям количество людей, очевидно, работавших на строительстве: со второй по вторую пританию (данные по остальным не сохранились) каждый раз работало от 19 до 31 человека. Можно предположить, что эти люди были чернокожими в полном смысле слова (в отличие, например, от каменотесов, разбивавших леса после окончания каннелирования колонн), в обязанности которых могли входить такие функции, как уборка и вывоз строительного мусора, перетаскивание каменных блоков, бревен, балок и т. п. Подобные группы чернокожих, в соответствии с данными отчетов из других мест, всегда работали на строительной площадке, их зарплата одинакова: 1 драхма в день. Не исключено, что они были общественными рабами, как об этом свидетельствует пример строительных работ в Элевсине (IG II². 1872. 4—5 и др.).

Сдельно работали представители всех отраслей ремесла (кроме архитекторов и чернокожих), упомянутых в отчетах (каменотесы, скульпторы, деревообработчики, пильщики и др.). Ремесленники-граждане и подавляющее большинство метеков работали только сдельно. Лишь каменотесы Кефисодор (разборка и перенос лесов — 374.73—4) и Тевкр (та же работа —

⁵⁰ Исключение составляет метек Манис, который дважды получал деньги за поденную работу, причем оба раза выступал в качестве чернокожего (374.60, 76—77). Еще один метек, не известный по имени, работал поденно, но запись о характере его работы в надписи не сохранилась (374.125).

⁵¹ «Пильщикам, работающим поденно: двум человекам, каждому 1 драхма, за 12 дней, Рэдию, живущему в Коллите и напарникам, 24 драхмы» (373.54—56).

⁵² «Распилить бревно длиной 24 фута, 5 распилов, каждый распил за 1 драхму, Рэдию, живущему в Коллите, 5 драхм» (373.61—63).

⁵³ Это также свидетельствует о том, что более квалифицированный труд оплачивался более высоко. Мимо этого факта прошел Р. Рэндалл, считавший, что эрехтейоновские документы не дают оснований для такого вывода (Op. cit. P. 208 f.).

⁵⁴ Показательно то, что ни один гражданин не участвовал в выполнении черновых работ. Р. Рэндалл, безусловно, ошибается, когда относит Ктесона, гражданина из дема Лакиады, к чернокожим на том основании, что он клал черепицу на крыше храма (Op. cit. P. 203). Во-первых, его имя упоминается под рубрикой τέκτωνις κτιοῦντων καὶ χαλκουργῶν — 373.245—247). Во-вторых, судя по отчетам Эрехтейона, труд чернокожих оплачивался только поденно, тогда как Ктесон работал сдельно и получил 24 драхмы.

374.69—70), специалист по деревообработке Манис (см. прим. 50) и пильщик Рэдий наряду со сдельной работой иногда трудились поденно, выполняя малоквалифицированную работу.

Часть рабов помимо черновой работы была занята трудом, который требовал определенной, иногда значительной квалификации. Прежде всего нужно назвать рабов-каменотесов, участвовавших в каннелировании колонн (15 человек), работе очень ответственной и требовавшей большого опыта⁵⁵. Данные отчетов не дают возможности считать, что рабы здесь играли вспомогательную роль; важно только еще раз отметить, что они всегда работают вместе со своими хозяевами, и то, что нет ни одной бригады по каннелированию колонн, состоящей только из рабов (см. табл. 2).

Среди специалистов по деревообработке два раба помимо поденной работы выполняли и сдельную: Крес, раб Филокла (373.228)⁵⁶, и раб Гераклида, имя которого неизвестно (373.229), изготовили по одной раме для кессонов. Все остальные рабы работали поденно.

В отчетах Эрехтейона чрезвычайно редко встречается система оплаты работы по подряду. Л. Каски предполагает, что по контракту каннелировались колонны⁵⁷. По мнению Р. Рандалла, по подряду отдавалось изготовление деревянных розетт⁵⁸. В тексте же отчетов речь о контрактах идет дважды⁵⁹. В первом случае — это приклеивание киматия к деревянным рамам на потолке (τὸ κωμμάτιον περικολλέσασιν ἢ πρόσκεισθός[αμεν] — 374.131—133; см. также 374.128, 137), во втором — роспись киматия Дионисодором, представившим в качестве поручителя Гераклида из Ои (374.95—101, 260—268). В чем причина того, что работа по подряду встречается в отчетах Эрехтейона так редко? Пытаюсь ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на то, что объем этой работы невелик, выполняется она подрядчиками часто в одиночку или бригадой (в случае с каннелированием колонн) и соответственно оплачивается относительно небольшими суммами (минимальная — 2 драхмы)⁶⁰. Можно полагать на этом основании, что по подряду сдавались особо сложные и важные работы, требующие не только очень высокой квалификации, но и уверенности у строительной комиссии в том, что задание будет выполнено в соответствии с поставленными условиями.

Итак, на строительстве работало не менее 22 частных рабов, которыми владели 12 хозяев (4 гражданина, 4 метека, 4 человека неизвестного статуса). Все рабы представляли две важнейшие для строительства специальности — каменотесное дело и деревообработку. Рабы при этом следуют профессии (когда она известна) своих хозяев⁶¹. Хозяевами большинства

⁵⁵ The Erechtheum. P. 344.

⁵⁶ Еще одна работа, оплаченная поденно, выполнена Кресом (374.140), но здесь неизвестен его статус (в отчетах фигурирует еще и метека по имени Крес — 374.61, 71).

⁵⁷ The Erechtheum. P. 411 f.

⁵⁸ Randall. Op. cit. P. 209.

⁵⁹ Работы выполняются метеками Манисом и Дионисодором, а также Кресом (возможно, также метеком?).

⁶⁰ Например, многие подряды, сдававшиеся во время строительства святилища Асклепия в Эпидавре в IV в. до н. э., оценивались суммами в несколько тысяч драхм (Кузнецов В. Д. Организация строительных работ в Эпидавре (обработка камня) // СА. 1984. № 1. С. 172 сл.).

⁶¹ У архитектора Филокла оба раба были плотниками (Крес и Герис), что не противоречит сказанному о соответствии профессии раба и его хозяина, так как архитектор, помимо прочего, должен был знать и плотницкое дело, о чем говорит и сам термин ἀρχιτέκτων (см. Burford A. The Greek Temple Builders at Epidauros. Liverpool, 1969. P. 139 f.; Boersma J. S. Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B. C. Groningen, 1970. P. 6).

рабов (17 из 22) были ремесленники⁶². Ремесленниками могли быть и остальные рабовладельцы, однако их имена не сохранились в отчетах, и это вряд ли случайно. Складывается впечатление, что рабы-ремесленники в большинстве случаев работали на строительстве тогда, когда там работали и их хозяева (табл. 3).

Вернемся теперь к нашей таблице 1 и посмотрим, что она дает для распределения ремесленников по трем социальным группам. Из 106 ремесленников, известных по отчетам, 24 человека были гражданами, 43 — метеками⁶³, 22 — рабами, 17 — неизвестного статуса, т. е. из 89 работников, чей социальный статус нам известен, гражданами были 27%, метеками — 48,3%, рабами — 24,7%.

В какой степени эти данные могут помочь разобраться в сложном и постоянно дискутируемом вопросе о соотношении граждан, метеков и рабов в афинском и вообще древнегреческом ремесле? Статистические сведения о количестве представителей той или иной социальной группы в этой отрасли экономики в письменных источниках отсутствуют. Разрозненные факты, разбросанные по произведениям греческих писателей, вкуче с эпиграфическими данными, позволяют исследователям лишь говорить о высоком проценте участия метеков и рабов в ремесленной деятельности⁶⁴. В этих условиях представляется, что эрехтейоновские отчеты могут внести хотя бы какую-то ясность в изучаемый вопрос.

Начнем хотя бы с того, что нужно учитывать время строительства — период Пелопоннесской войны. Р. Рандалл считает, что отчеты опровергают мнение о значительной роли рабского труда в греческом ремесле (за исключением горного дела) и что пропорция ремесленников-граждан, участвовавших в строительстве, была бы большей, если бы не потери в военных действиях, в которых не участвовали метеки и рабы⁶⁵.

В самом деле, насколько реальным было влияние Пелопоннесской войны на количество ремесленников-граждан, строивших здания Акрополя? Трудно допустить, что потери в военных действиях не нашли отражения в уменьшении числа ремесленников гражданского статуса, однако возникает вполне закономерный вопрос, не коснулись ли потери военного времени и других категорий населения — метеков и рабов? Сведения, которыми мы располагаем, крайне скудны и расплывчаты, однако они дают возможность предположить, что количество метеков и рабов в Афинах за период войны тоже уменьшилось. Так, с началом военных действий метеки имели возможность покинуть Афины, и часть из них, видимо, воспользовалась этой возможностью⁶⁶. Метеки в период войны привлекались к воинской службе. Хотя они и использовались для вспомогательных целей и одной из основных задач воинских подразделений, составленных из них, была охрана территории государства, при необходимости метеки могли прив-

⁶² Еще у одного раба хозяином мог быть поручитель Гераклид из Ои (374.101), а у другого, Онесима — каменотес Никострат.

⁶³ Л. М. Глускина насчитывает 47 метеков, но она включает в их число и торговцев (Проблемы... С. 47). Ее подсчеты, на наш взгляд, не всегда аккуратны: так, например, среди метеков она находит архитектора, тогда как архитекторами могли быть только граждане, и семь скульпторов (на самом деле их было пять) (Там же. С. 49).

⁶⁴ *Ps.-Xen.* I. 11; *Whitehead D.* The Ideology of the athenian metic. *Cambr.*, 1977. P. 117; *Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982. P. 77; *Finley M. J.* Was greek civilisation based on slave labour? // *idem.* Economy and society in ancient Greece. N. Y., 1983. P. 99.

⁶⁵ *Randall.* Op. cit. P. 203. По его подсчетам, рабы на строительстве составляли 19% от общего числа работников.

⁶⁶ *Whitehead.* Op. cit. P. 83.

лекаться к активным боевым действиям⁶⁷. Очевидно, все это приводило к потерям среди представителей и этой группы населения полиса афинян. В подтверждение сказанному можно привести выводы Б. Макдональда, который на основе данных расписной керамики показал, что в период Пелопоннесской войны многие гончары, метеки и рабы покинули Афины, первые — испугавшись военных действий, вторые — воспользовавшись ими⁶⁸. Что касается рабов, то вспомним хорошо известное свидетельство Фукидида (VII.27.5) о бегстве 20 000 рабов, большинство из которых были ремесленниками (υπειροτέγρασι)⁶⁹. К тому же отправлявшиеся в поход афинское войско почти всегда сопровождали ремесленники, строившие осадные сооружения. В Сицилию помимо военных кораблей афинян плыли вспомогательные суда, на которых среди прочих находились λιθολόγοι καὶ τέκτονες καὶ ὅσα ἐς τεύχιον ἐργαλεῖα (Thuc. VI. 44.1; VII. 43.2). В разгар войны в помощь аргосцам, строившим ввиду спартанской угрозы оборонительные сооружения, из Афин прибыли τέκτονες καὶ λιθοῦργοί (Thuc. V. 82.6). Во время вторжения в Мегариду для строительства осадной стены вокруг Нисей «из Афин были быстро доставлены железо и другие необходимые материалы, а также λιθοῦργοί» (Thuc. IV. 69.2; см. также Plut. Alcib. 15). Кем же были все эти λιθοῦργοί, λιθοῦργοί, τέκτονες, которые принимали активное участие в военных предприятиях Афин? На этот счет в источниках отсутствуют какие-либо указания. Тем не менее, как кажется, нет никаких оснований видеть в них ремесленников только гражданского статуса. Среди них вполне могли быть метеки и, возможно, даже рабы.

Вернемся к поставленному вопросу о возможности использования данных отчетов Эрехтейона для определения соотношения ремесленников разных социальных категорий. На наш взгляд, соотношение количества граждан, метеков и рабов, которые работали на этом строительстве, в целом достаточно верно отражало истинное положение вещей на строительной площадке. Но перенос полученных данных на все афинское, а тем более древнегреческое ремесло в целом, не может быть сделан автоматически. Здесь нужна большая осторожность. Для начала учтем, что строительство общественных зданий, тем более такое грандиозное, как на афинском Акрополе, носило экстраординарный характер⁷⁰. Как правило, такое строительство было целым событием в жизни полиса, поскольку для его осуществления требовались большие суммы денег⁷¹. Полис должен был использовать все свои возможные ресурсы и искать дополнительные источники поступлений. Специфика такого предприятия могла наложить отпечаток, помимо прочего, и на состав работников, набранных для осуществления проекта. Плутарх в биографии Перикла (Per. 12) пишет, что стро-

⁶⁷ Так случилось и во время Пелопоннесской войны: «...афиняне под начальством Перикла... со всеми боевыми силами, гражданами и метеки, вторглись в Мегариду» (Thuc. II. 31.4). Подробнее об этом см.: Clerc M. Les métèques athéniens. P., 1893. P. 38—75; Whitehead. Op. cit. P. 82 ff.

⁶⁸ Macdonald B. R. The emigration of potters from Athens in the late fifth century B. C. and its effect on the attic pottery industry // AJA. 1981. 85. P. 164.

⁶⁹ Нужно отметить, что часто их считают рабами, работавшими в Лаврийских рудниках (Hopper R. J. The Laurion mines: A reconsideration // BSA. 1968. 63. P. 294; Garland. Les esclaves... P. 78 suiv.), но вряд ли можно думать, что они были единственными беглыми рабами: при вторжении спартанского войска в Аттику к лакедемонянам могли перебежать не только рудничные рабы.

⁷⁰ См. список построенных в период Пелопоннесской войны сооружений: Boersma Op. cit. P. XI, 82.

⁷¹ Например, Парфенон мог стоить от 470 до 700—800 талантов (Coulton. Greek Architects. P. 162. Not. 25; Meiggs, Lewis. Op. cit. P. 165).

ительство на Акрополе было задумано не только для того, чтобы прославить Афины, но и для того, чтобы пробудить разные ремесла и дать работу каждому желающему (*πάσαν μὲν τέχνην ἐγείροισαν, πᾶσαν δὲ ὑεῖρα κινούσασα*). Перикл, по словам Плутарха, «хотел, чтобы рабочая масса⁷², не несущая военной службы, не была обездолена, но вместе с тем чтобы она не получала денег в бездействии и праздности» (пер. С. И. Соболевского). Как правило, объяснение причин начала строительства на Акрополе — дать возможность заработать ремесленникам — отвергается исследователями на том основании, что Плутарх привносит в V в. черты жизни, характерные для его времени⁷³. Л. М. Глушкина считает, что проблемы обеспечения работой граждан не стояла на повестке дня в афинском государстве в V в.⁷⁴ Однако, как бы мы ни относились к свидетельству Плутарха, строительство на Акрополе привлекло значительное количество афинских ремесленников, дало им возможность заработать деньги, тем более в военное время, а этот момент представляется не таким уж незначительным⁷⁵.

Если одни исследователи подчеркивают, что на строительстве Эрехтейона⁷⁶ преобладал труд неграждан, то другие, напротив, обращают внимание на значительный процент граждан. С. Хэмфриз объясняет последнее тем, что только в общественном строительстве труд ремесленника-гражданина оставался в глазах греков свободным трудом, поскольку работа на частное лицо ставила гражданина в подчиненное и зависимое положение и рассматривалась как «рабство»⁷⁷. Такая позиция, находящая себе поддержку во взглядах идеологов рабовладения (Xen. Mem. II. 8.3—4; Arist. Rhet. 1367a 32), стала общим местом в литературе⁷⁸. Мысль, высказанная С. Хэмфриз, выглядит вполне логичной. Действительно, V—IV вв. — время усиления роли рабства в ремесленном производстве⁷⁹. В литературе этого времени нередко подчеркивается презрительное отношение к ремесленной деятельности как недостойному для гражданина занятию (Plato. Rep. VI. 495 d—e; Xen. Oecon. IV. 2.3; VI. 5.6; Arist. Pol. 1260b 1—5; Herod. II. 167 и др.) Не случайно и то, что термин *βάναισος*, выражающий пренебрежительное отношение к занятию ремеслом, появляется в V в.⁸⁰ Отчетливо рабовладельческая политическая идеология выра-

⁷² Выражение *βάναισος ὄχλος* достаточно трудно точно перевести. Слово *βάναισος* было презрительной кличкой ремесленников (Burford A. Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca — New York, 1972. P. 25 f.).

⁷³ Garlan Y. Le travail libre en Grèce ancienne // Non-slave labour in the grecoman world. Cambr., 1980. P. 12.

⁷⁴ Глушкина Л. М. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 34.

⁷⁵ Burford A. The builders of the Parthenon // Parthenon and Parthenon. Greece and Rome. Suppl. to v. X. Oxf., 1963. P. 23; Ehrenberg V. The Greek State. L., 1974. P. 85.

⁷⁶ Глушкина. Проблемы... С. 49.

⁷⁷ Humphreys S. C. Economy and society in classical Athens // Humphreys S. C. Anthropology and the Greeks. L., 1978. P. 147. М. Финли считает, что факторами, определявшими участие граждан в общественном строительстве, являлись благочестие по отношению к божеству, стремление некоторых государств обеспечить дополнительные доходы для граждан-ремесленников и абсолютная нехватка квалифицированных специалистов, за исключением некоторых «ветеринарных центров», таких, как Афины и Рим (Finley M. I. The Ancient Economy. Berkley — Los Angeles, 1973. P. 74).

⁷⁸ Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 23; Austin, Vidal-Naquet. Op. cit. P. 28; Finley. The Ancient Economy. P. 75.

⁷⁹ Pečirka J. The crisis of the Athenian polis in the fourth century B. C. // XIV International Congress of Historical Sciences. San Francisco, 1975. P. 13.

⁸⁰ Berthiaume G. Citoyens specialistes à Sparte. Reponse à R. T. Ridley // Mnemosyne. 1976. 29. № 4. P. 362.

жена в словах Аристотеля (Pol. 1337b 5—14): «Поскольку все занятия делятся на такие, которые приличны для свободнорожденных людей, и на такие, которые свойственны несвободным, то, очевидно, следует участвовать лишь в тех полезных занятиях, которые не обратят человека, участвующего в них, в ремесленника (*ῥάναυρον*). Ремесленными же нужно считать такие занятия, такие искусства и такие предметы обучения, которые делают тело и душу свободнорожденных людей непригодными для применения добродетели и для связанной с нею деятельности. Оттого мы и называем ремесленными такие искусства и занятия, которые исполняются за плату (*τὰς μετὰ μισθολογίας ἐργασίας*): они лишают людей необходимого досуга и принижают их» (пер. С. А. Жебелева).

Но, несмотря на то, что в письменной традиции преобладает негативное отношение к ремесленному труду, вряд ли можно говорить, что оно было свойственно всем слоям населения полиса⁸¹, поскольку какая-то часть граждан была вынуждена искать в ремесле свое пропитание (Xen. Mem. II. 7. 1—12). Демосфен (LVII. 45) говорит, что «бедность заставляет свободных исполнять многие рабские и тяжелые работы» (*πολλὰ δουρικὰ καὶ ταπεινὰ πράγματα τοῖς ἐλευθέροις ἢ πενία βιάζεται ποιεῖν*). Можно согласиться с И. Гарланом в том, что в Афинах классического времени большинство свободных мужчин и женщин не вели праздный образ жизни и работали во всех сферах материального производства⁸².

Таким образом, можно считать, что отчеты Эрехтейона в той или иной степени подтверждают мнение об увеличении роли труда неграждан в афинском ремесле в классическую эпоху. Но этот вывод не оригинален. Он может быть сделан и на основе других источников⁸³. Не стремясь преуменьшить значение этого вывода, обратим еще раз внимание на не менее важные обстоятельства, которые вытекают из анализа отчетов.

Во-первых, почти все рабы, упомянутые в документах, участвовали в строительстве вместе со своими хозяевами. Рабы, отданные на строительство в аренду, как это известно для других крупномасштабных работ (например, в горном деле), если и участвовали в строительстве (в надписях они не выделяются), то были скорее исключением, чем правилом. В такой системе подбора работников нужно видеть определенную политику строительной комиссии. Объяснение ей может быть дано простое: отсутствовали экономические рычаги, при помощи которых можно было бы заставить раба выполнять ответственную работу на высоком качественном уровне.

Во-вторых, все малоквалифицированные и черновые работы выполнялись, судя по отчетам, исключительно рабами и метеками. Рабы трудились на работах, требующих квалификации, только в присутствии своего хозяина (как это было в большинстве случаев) или вместе с другим свободным человеком. Раб не был заинтересован в точном и качественном выполнении задания, потому что деньги за его работу получал хозяин. Поэтому либо строительная комиссия должна была давать рабам неквалифицированную работу, либо рабовладелец должен был контролировать труд своего раба, работая вместе с ним.

⁸¹ Will E. *Le monde grec et l'Orient*. Le Ve siècle (510—403). P., 1972. P. 650; Mondolfo R. *The Greek Attitude to Manual Labour // Past and Present*. 1954. 6. P. 4 f.

⁸² Garlan. *Le travail libre...* P. 10; Jones A. H. M. *Athenian Democracy*. Oxf., 1957. P. 18.

⁸³ Arist. Pol. 1278a 6—8; *Ps.-Xen. Ath. Pol.* I.12; Mossé Cl. *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politique du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J.-C.* P., 1962. P. 69 suiv., 103 suiv.; Hereward D. *New fragments of IG 11² 10// BSA*. 1952. 47. P. 102 ff.; Will. *Le monde grec ...* P. 658.

В-третьих, работа на строительной площадке давалась ремесленникам мелкими частями. По отчетам не известны крупные подрядчики, под руководством которых работали бы ремесленники. Каждый работник выполнял свое задание, полученное от должностных лиц. Причину такого разделения работы на мелкие части можно видеть в следующем. С одной стороны, в Афинах, несмотря на военное время, было достаточное количество ремесленников, чтобы осуществить такой грандиозный проект, как строительство на Акрополе (в пользу этого свидетельствует отсутствие в надписях работников, прибывших на работы из других полисов, как это было при осуществлении общественного строительства в других греческих государствах), поэтому строительной комиссии не было необходимости сдавать работу крупным подрядчикам, которые набирали бы необходимое количество ремесленников собственными усилиями. С другой стороны, именно в V в. происходит процесс становления новых форм организации общественного строительства в Афинах⁸⁴. Осуществление проекта сооружения комплекса зданий на Акрополе было первым опытом крупного строительства в Аттике, во всяком случае в V в.⁸⁵ В этих условиях строительной комиссии, очевидно, было удобно разбивать работу на мелкие части и отдавать ее отдельным ремесленникам. Некоторые исследователи отмечают в качестве причины сдачи работы мелкими частями тот факт, что в качестве заказчика выступало само афинское государство⁸⁶. Тем самым гражданин-ремесленник нанимался на работу не к частному лицу, а к государству, оставаясь, таким образом, лично независимым.

В-четвертых, несомненно, нужно учитывать этап строительства, к которому относятся отчеты — завершение строительных работ. На этом этапе среди ремесленников преобладают каменотесы и деревообработчики широкого профиля. Эти ремесленные специальности, даже учитывая и те, которые были задействованы с самого начала работ, не отражают весь спектр ремесленных профессий, существовавших в полисе афинян. Соответственно выводы о соотношении граждан, метеков и рабов, сделанные на основе отчетов, не могут быть распространены на все ремесло. Ведь хорошо известно, что существовали такие профессии, которыми «предпочитали» заниматься рабы⁸⁷.

Часто, когда речь идет о строительных отчетах или об отношении древних к ремесленному производству, исследователи обращают внимание как на факт особого значения на то, что рабы работали бок о бок со свободными ремесленниками и получали равную с ними оплату за свой труд⁸⁸. Однако вряд ли есть необходимость подчеркивать особую важность этого момента в социальном плане: строительной комиссии в принципе было неважно, кто выполняет работу, лишь бы она была выполнена в соответствии с предъявляемыми требованиями. Если в работе участвовал раб, то плату за него получал хозяин, предоставивший на строительство рабочую единицу, как

⁸⁴ Это хорошо видно по принципу составления отчетов: если отчеты Парфенона и Пропилей (IG I².339—353, 363—367), которые начали строить раньше, чем Эрехтейон, были очень лаконичны, то эрехтейоновские уже гораздо более детальные.

⁸⁵ Burford. Craftsmen... P. 103.

⁸⁶ Finley. The Ancient Economy. P. 79.

⁸⁷ В соответствии с надписями о посвящении вольноотпущенниками серебряных фиал богине Афине — так называемые *φιάλαι ἐξελυθέρικαι* (IG II/III². 1553—1558; Lewis D. M. Attic Manumissions // *Hesperia*. 1959. 28. P. 208—238; *idem*. Dedications of phialai at Athens // *Hesperia*. 1968. 37. P. 368—380) многие рабы имели специальности кожевников (*χοροτόμοι*) и изготовителей обуви (*ὑποδηματοποιῶν*), а рабыни — прядальщиц шерсти (*ταλασουργοί*) (Глушкина. Проблемы... С. 55 сл.).

⁸⁸ Bolkestein H. Economic life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958. P. 48.

Таблица 1

Профессия	Граждане	Метекы	Рабы	Неизвестные	Всего
Архитекторы	2	0	0	0	2
Каменотесы	9	14	16	8	47
Плотники (из них резчики по дереву)	8 (1)	17 (5)	4 0	6 (1)	35 (7)
Пильщики	0	1	2	0	3
Изготовители восковых моделей	0	1+ (2) *	0	0	1
Скульпторы	3	5	0	1	9
Художники	0	1	0	0	1
Позолотчики	0	1	0	0	1
Неизвестные	2	3	0	2	7
Всего	24	43	22	17	106

* Один из этих двоих резчик по дереву Несея, другой — скульптор Агатамор.

Таблица 2

Бригады ремесленников, канцелировавших колонны

Бригада	Имя	Статус	Дем
I	1. Фалакр	гражданин	Пэаний
	2. Филострат	»	»
	3. Таргелий	раб (Фалакра)	—
	4. Филорг	»	—
	5. Герис	»	—
II	1. Тевген	гражданин	Пирей
	2. Кефисоген	»	»
	3. Тевгейтон	»	»
	4. Тевкр	метек	Скамбовиды
	5. Кефисодор	»	Кидатевы
	6. Никострат	?	?
III	1. Лаосс	гражданин	Алопека
	2. Филон	»	Эрхин
	3. Парменон	раб (Лаосса)	—
	4. Карнон	»	—
	5. Икар	?	?
IV	1. Симий	метек	Алопека
	2. Синдрон	раб (Симия)	—
	3. Санний	»	—
	4. Сосандр	»	—
	5. Эпизейк	»	—
	6. Кердон	раб (Аксонитэ)	—
	7. Сокл	»	—
V	1. Амейниад	метек	Койле
	2. Сомен	раб (Амейниадэ)	—
	3. Эсхин	?	?
	4. Лисаний	?	?
	5. Тимократ	?	?
VI	1. Эвдокс	метек	Алопека
	2. Симон	»	Агрила
	3. Опесим	раб (Никострата)	—
	4. Антидот	раб (Главка)	—
	5. Клеон	?	?
	6. Эвдик	?	?

Соотношение профессий рабовладельцев и их рабов

Имя рабовладельца	Статус	Профессия рабовладельца	Имя раба	Профессия раба
1. Лаосс	гражданин	каменотес	1) Парменсон 2) Карнон	каменотес »
2. Фалакр	»	»	1) Таргелий 2) Филорг	» »
3. Филокл	»	архитектор	3) Герис 1) Крес 2) Герис	плотник »
4. Гераклид	»	?	?	»
5. Аксиопит	метек	каменотес	1) Сокл 2) Кердон	каменотес »
6. Симий	»	»	1) Синдрон 2) Савний 3) Эпиген 4) Сосандр 5) Эпизейк	» » » » »
7. Амейниад	»	»	Сомен	»
8. Алкипп	гражданин?	?	Лисий	»
9. Никострат	?	?	Онесим	»
10. Главк	?	?	Антидот	»
11. Дромон	?	?	?	плотник
12. Рэдий	метек	пильщик	1) ? 2) ?	пильщик »

если бы он предоставил упряжку волов или что-либо еще, необходимое для производства работ. Это было уже делом рабовладельца — заставить своего раба (волово и т. п.) выполнять работу так, как этого требовали должностные лица.

THE BUILDERS OF THE ERECHTHEION

V. D. Kuznetsov

The paper is devoted to the craftsmen who worked on the building of the Erechtheion. Analysis of the temple building accounts makes it possible to say that skilled work was done on site by free craftsmen, citizens and free aliens. The work was also sometimes done by slaves, but always under the supervision of free workers, usually their masters. All semi-skilled and unskilled work was done by non-citizens, primarily slaves. That was because slaves had no economic interest in quality performance of jobs, as their pay was taken by the slaveowner. This distribution of work by the social status of the craftsman was reflected in different forms of payment. Semi-skilled work was paid by the day; skilled work was paid by piece-rates and by contract. Although the Erechtheion accounts make it possible to speak of the quantitative ratio of citizens, free aliens, and slaves engaged in the building, it would be very risky to transfer the results obtained to all Athenian crafts, let alone to Greek crafts as a whole.

Ю. К. Колосовская

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАННОНИИ

Произведение, известное под названием «Мученическое страдание четырех святых венценосных» — *Passio Sanctorum Quattuor Coronatorum* — принадлежит к числу замечательных памятников агиографической литературы. Источник повествует о событиях, происшедших в Паннонии в позднеримское время в правление императора Диоклетиана. К его изучению обращались и продолжают обращаться до сих пор многие исследователи. Между тем в нашей отечественной науке это произведение осталось без внимания. В настоящей статье я постаралась в некоторой мере восполнить это упущение и познакомить читателя с самим памятником и с описываемыми в нем событиями, обращая внимание прежде всего на то, что он может дать для истории позднеримского общества. Мне представлялось также целесообразным вначале описать в общих чертах развитие городской жизни времени Диоклетиана, так как с городами был связан духовный и религиозный облик римского общества.

Приход к власти Диоклетиана открывает собой последний период в истории империи — эпоху домината. После периода военных анархий и глубокого социально-экономического кризиса, охватившего в середине III в. весь римский мир, время Диоклетиана, как казалось современникам, было временем стабилизации империи, но достигнута она была отнюдь не на прежней основе. Города, которые раньше были центрами романизации и с которыми были связаны традиции полисной жизни и морали (так что вся Ранняя империя была в сущности системой полисов), утратили свое прежнее значение — изменилась их социальная и этническая структура, переменялся характер их муниципальной жизни. Правительство, стараясь преобразовать римское общество, искало опоры уже не в системе римских ценностей, связанной с городом и его институтами, с гласностью и открытостью римского общества, но в примере эллинистических монархий или восточных деспотий. Мы почти ничего не слышим о деятельности городской общины в целом. Строительство в городах велось главным образом на средства частных лиц и императоров. Прежние городские магистратуры из выборных стали наследственными.

В сфере идеологии и духовной жизни города оказались расколотыми на две части, хотя между ними существовало множество промежуточных групп, державшихся различных верований и представлений, бытовавших на территории Римской империи. Но главное противоречие состояло в том, что одну часть граждан составляло население, приверженное старым римским богам, римским нормам и обычаям, культу Юпитера как вер-

ховного божества римлян, как хранителя римского государства; другую часть граждан составляли христиане. Они держались совсем иной религии и морали, отрицая все ценности прежнего мира и не признавая императора богом. И те и другие были римскими гражданами одних и тех же городов и все вместе они были ответственны перед общиной за ее целостность и процветание, за ее нравственные устои и религию. Но в то время как граждане, приверженные римским традициям, считали для себя обязательным радовать о городе, о его общественных постройках, о храмах богов, что и объединяло их в общину римских граждан и что было их общим делом, для других — христиан — все это не имело никакого значения. Отрицая это, христиане ставили себя вне гражданской общины. Борьба двух идеологий — языческой и христианской — была длительной и упорной и проявлялась она в разных областях Римской империи с неодинаковой силой. Время Диоклетиана принадлежит к последнему и открытому выступлению государственной власти против христиан.

Эта эпоха породила новую литературу, агиографическую, раскрывающую перед нами духовный мир и культуру того времени. Агиография как описание жизни святого стала одним из излюбленных жанров средневековой и византийской литературы¹. Жития, записанные в монастырях или монастырских школах, излагались в большинстве случаев анонимно; авторство ценилось очень мало; в легенду могли добавляться новые детали, оказавшиеся созвучными его составителю или переписчику. Важно было сохранить память о событиях жизни святого, о кончине мученика и передать это знание потомкам². Точная датировка таких произведений очень сложна: когда именно то или иное событие произошло, записано ли оно по воспоминаниям других лиц или самим очевидцем событий, представляется ли оно собою плод позднейших изысканий, что дает этот источник для изучения собственно истории, — ответить на все эти вопросы бывает очень трудно: решение зависит и от склонностей исследователя, и от общей направленности самой агиографии, создавшей, как известно, многовековую традицию.

Исследованием интересующего нас памятника занимались многие. Впервые его опубликовал в XV в. известный итальянский гуманист Момбриций, однако он долгое время не привлекал внимания исследователей. Лишь во второй половине XIX в. В. Ваттенбах трижды издал его в Вене (1853), Лейпциге (1870) и Берлине (1896) и дал ему предварительную датировку, отнеся написание легенды к VIII—XII вв., хотя события, о которых она повествует, принадлежат времени Диоклетиана. Усилия ученых прошлого века и прежде всего самого В. Ваттенбаха, а также Т. Карайяна, М. Бюдингера, К. Эберса, Дж. Б. Росси и др. были направлены на то, чтобы уточнить датировку легенды, соотнести последовательность событий и лиц, определить характер памятника, отметив одновременно поэтическое звучание легенды. И. Делье провел текстологический анализ источника, он выверил текст по кодексам различных библиотек, взяв за основу древний парижский кодекс VIII в., из текста которого исходили Росси в 1879 г. и Ваттенбах — в 1896 г.³ Стараниями И. Делье

¹ *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17 сл.; *Попова Т. В.* Античная биография и византийская агиография // Античность и Византизм. М., 1975. С. 218 сл.

² Это отличало и русскую агиографию (*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 50—53, 358 сл., 370, 406 сл.).

³ По подсчетам Росси сохранилось 30 кодексов, что свидетельствует о большой популярности легенды в средневековых монастырях. Само исследование Росси —

легенда была издана в 1910 г. в известном корпусе *Acta Sanctorum*⁴. В этом издании был опубликован также греческий текст легенды, хранящейся в Ватиканской библиотеке и датированный XII—XIII вв. Исследование памятника продолжается и в наши дни; выясняются дополнительные детали и появляются соображения о месте действия легенды⁵.

Источник принадлежит к тому виду агиографической литературы, который известен в науке как «Деяния мучеников» (*Acta Martyrum*); главная его цель — прославить добровольное страдание человека за христианскую веру, отстаивая которую люди шли на смерть. В большинстве своем *Acta Martyrum* были составлены и написаны как свидетельства о судебных процессах и смерти мучеников, пострадавших за веру. Наиболее ранние *Acta Martyrum* излагают в форме судебного протокола допрос наместником провинции христианина с требованием отказаться от исповедной веры и его непреклонный ответ. Затем следует арест исповедующего христианскую веру и тюремное заключение, наложение на него оков и угроза пыток. Несмотря на это он доказывает свою убежденность и готовность умереть за веру; находясь в темнице, он совершает чудеса и стерегущий его стражник, увидев содеянное чудо, внезапно обращается к Богу. Претерпев тяжкие физические мучения, но не сломленный духом, христианин приговаривается судом к смерти и получает удел мученика, ибо он удостоился страданий и смерти, добровольно принятой им за имя Христа. День смерти мученика считался днем его рождения для вечной жизни. В этот день ежегодно церковью совершалась литургия о кончине мученика и одновременно об обретении им вечной жизни. Это отличало мученика от исповедника (*confessor*), который также претерпел пытки и причастился страданий Христа, но сохранил жизнь⁶. По свидетельству христианских писателей исповедники пользовались большим уважением церкви. Во время гонений, согласно церковной традиции, они были особо «отмечены» римским судом — у исповедников был выколот правый глаз и подрезано коленное сухожилие на правой ноге.

«Мученичество» и «мученик» были своеобразным явлением духовной жизни той эпохи и неотъемлемым атрибутом христианства⁷. Каждый христианин должен был всегда быть готовым к тому, чтобы принять мученическую смерть за имя Христа и обрести жизнь вечную. Мученики-христиане не только не боялись смерти, но стремились как можно скорее ее найти, желая мученического венца. Ярким примером им служил образ апостола Павла, в чьих словах, сказанных перед отправкой его в Иерусалим, была сконцентрирована христианская идея мученичества: «Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян. Апост. 21. 13). Му-

De Rossi G. B. I sancti Quattro Coronati e la loro chiesa sul Celio // Bulletino di archeologia cristiana. 1879. Fasc. 2 — осталось мне, к сожалению, недоступным, и я знакома с ним отчасти по ссылкам в других изданиях Wattenbach W. Über die Legende von der heiligen Vier Gekrönten // SPAW. 1896.

⁴ *Acta Sanctorum. novembris III Passio SS. Quattuor coronatorum auctore Porphyrio. Bruxellis. 1910. P. 765—779.*

⁵ *Вулич Н. Passio Sanctorum Quattuor Coronatorum // Глас српске краљевске академије. Т. 160. Београд, 1934. P. 1—22; Simonyi D. Sull' origine del toponimo *Quinque ecclesiae in Pécs* // AAASH. V. VIII. Pt. 1—2. P., 1960. P. 160—183.*

⁶ *Федосик В. А. Церковь и государство. Минск, 1988. С. 85—87; Lietzmann H. *Martyrs* // RE. Nbd XXVIII. 1930. Sp. 2044—2048.*

⁷ Исследователи, считающие, что в мученичестве проявляется самостоятельность христианской мысли, связывают идею мученичества с «Новым Заветом». По мнению других, идея мученичества восходит к «Ветхому Завету» (см., например, *Frend W. H. S. *Martyrdom and the Persecution in the Early Church*. Oxf., 1965. P. 32 ff., 58, 75 ff.*).

ченчество было той спасительной жертвой, в награду за которую человек обретет бессмертие⁸.

Сюжет мученичества в легенде о четырех святых венценосных является основным, но вокруг него разворачиваются другие события, в рассказ включены географические ориентиры и персонажи, действующие в определенных исторических рамках. Повествование начинается с того, что император Диоклетиан прибыл в Паннонию для обследования горных рудников по добыче мрамора (*Tempore quo Dioclitianus perrexit Pannoniis ad metalla diversa sua praesentia de montibus abscondita — Passio SS. IV Coronat. 1*) и нашел среди работающих там каменотесов людей весьма опытных в камнерезном искусстве. Из них были выбраны четыре человека: Клавдий, Касторий, Симфориан и Никострат (позднее их станет пять, и на этом я остановлюсь ниже). «Все они были тайными христианами, хранящими заповеди Бога, и все, что делали в искусстве скульпторы, они делали во имя Господа Иисуса Христа». Эти художники-квадратарии (*artifices quadratarii*) принадлежали к лучшим рабочим. В каменоломнях работало 622 человека; обычно это были рабы, приговоренные *ad metalla* преступники, наемные рабочие и христиане. Назван из них один — епископ Кирилл из Антиохии, исповедник, томившийся в каменоломне уже три года. В одной из частей Паннонии⁹ император распорядился построить святилище Солнца в месте, которое называется «У Тучной горы», т. е., видимо, богатой ископаемыми (*in partis Pannoniae praecipit aedificare templum in loco, qui appellatur ad montem Pinguem — Passio SS. IV Coronat. 3*)¹⁰. Руководили работами мастера, называемые в легенде философами. Они давали указания работающим, выбирали мраморные плиты для откалывания, следили за исполнением приказов императора. Между философами и художниками-квадратариями постоянно возникали пререкания, которые привели в конце концов к трагической развязке.

Художникам-квадратариям, т. е. скульпторам, дает приказания сам Диоклетиан: сделать статую бога Солнца с квадратной, предвзначенную для храма Солнца; вырезать колонны и капители колонн и статую Победы, а также изображения купидонов и амуров, изготовить изображения львов, орлов, оленей и раковины для бассейна. Высекаются большие мраморные блоки длиной в 40 шагов (свыше 13 м); статуя бога Солнца — огромной высоты, в 25 шагов (немногим более 8 м); на изготовление одной мраморной колонны было потрачено 26 дней. Эти произведения были представлены императору, который остался очень доволен работой, поблагодарил художников, щедро их одарил и поручил им изготовить изображение Асклепия. Этого, однако, они не выполнили, что и привело их к гибели.

Философы донесли императору, что художники-квадратарии — тайные христиане (*hi occulte christiani erant*), но это на него не подействовало. Тогда философы выдвигают другой аргумент: эти люди пользуются искусством магии (*hoc genus magicae artis est — Passio SS. IV Coronat. 8*): «Всякий раз, когда они начинают работу, они высекают знак креста и поют тайные песнопения». Не добившись от императора наказания за то, что художники-квадратарии — христиане и маги, что они пользуются

⁸ Бячков В. В. Эстетика Поздней античности. М., 1981. С. 143—146.

⁹ При Диоклетиане Паннония была разделена на территориально-административные части: Паннонию Первую, Савию, Валерию, Паннонию Вторую.

¹⁰ До недавнего времени с нею отождествлялась Фрушка-гора северо-восточнее Сирмия (*Zeiler J. Les origines chrétienne des provinces danubiennes de l'Empire Romain. P., 1918. P. 88*).

этим искусством для того, чтобы их работа шла успешно, и завидуя, что они получают от императора щедрые дары и потому стали богатыми, философы прибегли к последнему средству, чтобы их погубить — они-де озабочены тем, что эти люди исповедуют религию запрещенную (*Nos proscru- gabimus viros religione suffultos — Passio SS. IV Coronat. 15*), а потому пусть принесут жертвы богу Асклепию. Скульпторы отказались, ибо это противно их вере: они не делают изображения «лжных богов», которые являются не чем иным, как идолами.

Тогда к работе были привлечены другие квадратарии, которые и вы- секли изображение Асклепия. По прошествии четырех месяцев Диокле- тиан распорядился представить работу, сделанную, как он полагал, опыт- ными квадратариями. Но философы сказали: «Те, которых ты считаешь опытейшими в камнерезном искусстве, — Клавдий, Симфориан, Никост- рат, Касторий и Симплиций, да будет тебе известно, — христиане и нечес- тивцы, а вследствие заклинаний весь этот род людей является мерким» (*sacrilegos christianos esse et per incantationum carmina omne genus huma- num sibi humiliari — Passio SS. IV Coronat. 17*). Тогда император прика- зал установить истину посредством совершения жертвоприношений богам. Здесь перед нами трагический и последний эпизод рассказа.

Император приказал начать расследование дела трибуну Лампадию. Был устрен трибунал перед храмом Солнца, и Лампадий начал допрос обвиняемых. Подстрекаемые философами остальные квадратарии кричали и требовали: если не будут принесены жертвы богам, то погибнет почита- ние богов. Если они не маги, то пусть признают богом Цезаря. Они требо- вали ради благополучия благочестивейшего цезаря изгнать святотатцев и магов (*Per salutem piissimi caesaris, tolle sacrilegos! tolle magos!* (*Passio SS. IV Coronat. 17, 18*)). Тогда Лампадий обратился к художникам-квад- ратариям и предложил им принести жертвы богам и тем самым разрушить замысел философов, но они отказались и были отведены в общественную тюрьму. На девятый день дело было сообщено императору. Последовал ответ: если они отказываются принести жертвы богам согласно нашему древнему обычаю (*secundum morem antiquum*) и не послушаются нас, то, клянусь Солнцем, они будут подвергнуты различным и ужасным пыткам. Вследствие медлительности действий или вследствие желания помочь квадратариям Лампадий приказал всем участникам спора разделить на две части — на квадратариев и философов, полагая, что таким путем будет в споре добыта истина. Тогда один из философов по имени Хризолит сказал: зачем производить расследование дальше, если и так все ясно: они — христиане, они — маги и к тому же отказываются принести жертвы богу Солнца. Причина более чем достаточная, чтобы привлечь их к суду и сурово наказать.

Лампадий советует художникам-квадратариям не медлить с принесен- ным жертв богам и не потерять расположение императора. «Вы хорошо знаете, — говорит Лампадий, — что наш благочестивейший принцепс столь милостив ко всем людям, что его расположением пользуются все как братья и сыновья, особенно те, кто почитает богов» (*maxime autem cultores deo- rum — Passio SS. IV Coronat. 19*) — но тщетно. Лампадий вторично док- ладывает Диоклетиану. Тот приказывает их бить «скорпионами» (военные пояса, оправленные в свинец). Но в тот самый час трибун Лампадий был «похищен» демоном и испустил дух (*arrepus est Lampadius a demonio et discernens se expiravit — Passio SS. IV Coronat. 20*). Его жена и домопад- цы прибежали к философам с великим плачем. Узнав об этом, разгневан- ный Диоклетиан приказал бросить скульпторов живыми в реку, положив

их в свинцовые гробы. На место Лампадия был назначен другой человек по имени Никетий, который и выполнил распоряжения императора. Епископ Кирилл, узнав об этом, ужаснулся и умер в темнице. После этих событий Диоклетиан отправился в Сирмию, а по истечении сорока двух дней некий Никодем, христианин, извлек из реки гробы с телами мучеников и поставил их в своем доме.

Затем повествование переносится в город Рим. В главе рассказывается о том, что Диоклетиан спустя 11 месяцев уехал из Сирмия в Рим. В Риме он распорядился установить в термах Траяна изображение Асклепия, начал день жертвоприношений богу и распорядился выставить в святилище вотивы, а также бронзовые пластинки, на которых были вырезаны имена выздоровевших от различных болезней. К жертвоприношению были приведены стоявшие в Риме войска и прежде всего — воины городских когорт (*maxime autem urbanae praefecturae milites* — *Passio SS. IV Coronat. 22*). И когда все собрались для совершения жертвоприношений, четыре корникулярия отказались принести жертвы. Об этом было сообщено Диоклетиану, он приказал бичевать их перед статуей Асклепия, и во время наказания они умерли. Их тела были брошены на свалку, на съедение собакам. На пятый день ночью сюда пришли блаженный Себастьян и епископ Мильтиад. Они похоронили их на Лабиканской дороге, в трех милях от города в песчаном карьере, вместе с другими святыми. А так как это произошло в тот самый день, в шестой день ноябрьских ид, когда два года тому назад претерпели мученическую казнь святые, то, чтобы имена их не были забыты, блаженный Мильтиад позволил отправлять ежегодно поминальную службу о них под именами святых Клавдия, Симфоряна, Никострата, Кастория и Симплиция. На этом рассказ оканчивается.

«Мученическое страдание четырех святых венценосных» — одно из немногих произведений, имеющих автора: «Порфирий, занятый в земельном цензе, написал о происшедшем событии» (*censualis a gleba actuarius nomine Porphyrius gestam scripsit*).

Легенда так сложна и запутана, что понадобились усилия многих ученых, не приведшие, впрочем, к единому мнению, чтобы как-то объяснить и согласовать происходящие в ней события. Легенду датировали то временем Клавдия Готского (268—270), то временем Диоклетиана (293 или 294, 303, 306 гг.), то временем Галерия (305—306 гг.). Римская часть легенды не согласуется с событиями в Паннонии, так как Диоклетиан уехал из Паннонии не в Рим, а в Никомедию. Что касается римской легенды, то в ней многое строится на фактах церковной истории. Полагают, что события, описанные в римской части легенды, могут быть отнесены к первым годам правления Диоклетиана, когда после победы над войсками императора Карина он на короткое время мог посетить Рим и начать здесь преследование христиан. Некоторые считают, что епископ Кирилл из Антиохии действует в легенде как частное лицо, не облеченное властью епископа, и лишь фантазия агиографа перенесла его из Антиохии в Паннонию. Другие, например, И. Делье, доказывают, что легенда принадлежит времени Диоклетиана, что присутствие епископа Кирилла в легенде правдоподобно, но упоминаемые в ней события в Паннонии имели место в 306 г. Решающий аргумент он ищет в «Церковной истории» Евсевия (VII. 32.2), согласно которой преемником Кирилла в Антиохии стал в 306 г. епископ Тиранн. Относительно названия самой легенды — «Мученическое страдание четырех святых венценосных» мнения ученых тоже расходятся: одни считают венценосными четырех римских корникуляриев, другие — что это название имеет в виду мучеников Паннонии. Образ Симплиция,

появляющийся в легенде не сразу, возможно, был добавлен при переработке легенды в Средние века.

Принимая во внимание обилие точек зрения относительно интересующей нас легенды, мы все же решаемся высказать некоторые соображения о ее возможной датировке исходя именно из событий в Паннонии.

Как можно было увидеть, в легенде действует одно несомненно историческое лицо — император Диоклетиан. В легенде сказано, что, проведя в Сирмии (ныне Сремска Митровица) 11 месяцев, Диоклетиан возвратился в Рим (*rediens Dioclitianus ex Syrmie post menses undecim ingressus est Romam — Passio SS. IV Coronat. 22*). Таким образом, в течение 11 месяцев император оставался в Сирмии, и, соответственно, в Паннонии. В Сирмий, как сказано в легенде, он прибыл из какого-то места в Паннонии: *In ipsis autem diebus ambulavit Dioclitianus exinde ad Syrmie (Passio SS. IV Coronat. 21)*. Неодиократное присутствие Диоклетиана в Сирмии было вызвано войнами с вандалами, готами и сарматами. Известно, что зиму 289/90 гг. Диоклетиан провел в Сирмии и одержал победу над сарматами. С середины 291 г. и до середины 292 г. он снова находился в Сирмии. Два первых месяца 293 г. он опять был в Сирмии и, может быть, посетил Аквинк¹¹. Отсюда происходит надпись с упоминанием победы над сарматами — *ob devictos virtute sua Sarmatas (CIL. III.10605)*. В сентябре 293 г. Диоклетиан отпраздновал в Сирмии десятилетие своего правления (*decennalia*)¹². Из римской крепости Лугиона на лimesе Нижней Паннонии происходят два эдикта Диоклетиана, датируемые сентябрем 293 г. и августом 294 г.¹³, разделенные между собой как раз 11 месяцами. Возможно, именно из Лугиона и прибыл Диоклетиан в Сирмий, где провел эти 11 месяцев, после чего отправился (в соответствии с легендой) в Рим. Хотя точные даты указов вряд ли могут рассматриваться как достаточное обоснование датировки легенды, все-таки можно предположить, что именно эти даты подсказали автору интересующего нас текста его слова об 11-месячном пребывании императора в Сирмии. Это указывает на знакомство автора с императорской канцелярией и ее делами (Порфирий подписал свой рассказ как *senualis a gleba*, императорский служащий, занятый в земельном цензе в Паннонии).

Начало событий в Паннонии несомненно имело место при Диоклетиане, но их дальнейший ход происходил, вероятнее всего, в правление Галерия. По сообщению Лактанция, Галерий провел 15 лет на берегах Дуная, прежде чем он удостоился принятия титула августа (*Lact. De mort. pers. XVIII*). В 293 г. Иллирик отошел к Галерию и Сирмий стал его резиденцией. С этого времени Паннония как главная и основная часть Иллирика находилась в центре внимания Галерия. Он бывал в Паннонии и вел здесь войны с сарматами также в 294, 299 и, вероятно, в 305 г., он воевал и с карпами на Нижнем Дунае, когда те были поселены в 295 г. на паннонских землях близ города Сопианы — ныне Печ¹⁴. Следует принять во внимание и то, что действие рассказа развертывается на протяжении длительного периода: в числе соучеников (*condiscipulus*) художников-квадратриев уже 15 лет находится Симплиций; месяцы идут на изготовление мраморных колонн, четыре месяца ушли на изготовление статуи Асклепия, годы — на строительство или реставрацию храма Солнца, когда были изго-

¹¹ *Móscy A. Pannonia // RE. Supplbd IX. 1962. Sp. 570—571.*

¹² *Seston W. Dioclétien et la tétarchie. P., 1946. P. 131—132.*

¹³ *Móscy. Op. cit. Sp. 571.*

¹⁴ *Aur Vict. Caes. 39, 30; Eutrop. IX. 25. 2; Amm. Marc. XXVIII. 1. 5; Móscy. Op. cit. Sp. 571.*

товлены скульптуры бога Солнца с квадригой, колонны и капители колонн, а также раковины для бассейна. Все это предназначалось, очевидно, не для одного храма Солнца. *Capitella columnarum*, упоминаемые в тексте источника, находят себе соответствие в тексте надписи, поставленной Гераклу Августу Валерием Валерианом *ad capitella columnarum ad thermas Licinias, quae fiunt Sirmi* (CIL. III. 10107). Эти бани были построены Лицинием в Сирмии между 308 и 314 гг.¹⁵

Другим аргументом для датировки рассказа временем тетрархов может служить строительство храма Солнца в Паннии и его почитание здесь. Известно, что Солнце издревле почиталось народами как божество света и тьмы, как первопричина всего, определяющая ход времени. Теологическое и философское толкование Солнца как божества, которому поклоняются все небесные светила и звезды, как разума мира и источника света нашло отражение в развитии императорского культа¹⁶. Поклоняясь Солнцу и возведя его в ранг государственных богов, императоры III в. и тетрархи пытались сакрализировать свое правление, вставляя в свою титулатуру слова *dominus et deus*.

В культе бога Солнца отразились и иллиро-кельтские мотивы, древние верования кельтских и иллирийских народов¹⁷. Он получил широкое признание среди иллирийских императоров, многие из которых были уроженцами Паннии. В объединении различных солнечных культов сказалась прежде всего огромная роль иллирийского войска в войнах III в. Не случайно в легенде названа Паннония. Здесь был сельский храм Солнца, жрицей которого была мать императора Аврелиана (SHA. Aurel. IV.2, 5—6), обладавшая к тому же даром пророчества. Он сам был уроженцем Паннии и родился, «по словам многих, в Сирмии» (SHA. Aurel. III. 1—2; XXIV.3), городе, который занимает столь большое место в событиях изучаемого времени. Аврелиан выстроил в Риме великолепный храм Солнца и посвятил туда много золота и драгоценных камней¹⁸.

Приверженность к солярным культам, когда Солнце было объявлено великим богом, равным Юпитеру, особенно отличала тетрархов. Диоклетиан, обняв меч и глядя на Солнце, зарубил Апра, префекта претория, умертвившего императора Нумериана (Aug. Vict. Caes. XXXIV.14). Считают, что Диоклетианом было предпринято строительство храма Солнца в Сирмии¹⁹. Галерий был уроженцем правобережной Дакии и всю жизнь страшился горных духов своей родины²⁰. Его мать Ромула была привержена к гаданиям и очень чтит богов своих родных мест²¹.

Еще одна деталь легенды восходит ко времени Галерия. Сюжет с жертвоприношением римским богам указывает на четвертый эдикт Диоклетиана 304 г. о гонениях на христиан, но, вероятнее всего, исполнением этого эдикта в Паннии занимался Галерий. Эдикт обязывал под страхом смертной казни все население империи — женщин, мужчин и детей — принести жертвы государственным богам: Рому и Юпитеру с возлияниями и воскурениями, а также принятием у алтаря жертвенной пищи. Его упоминают Евсевий и Лактанций, обозначая соответствующие дни как дни воскуре-

¹⁵ Mirković M. Sirmium — its History from the I Century A. D. to 582 A. D. // Sirmium. I. Beograd, 1971. P. 37.

¹⁶ Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 284.

¹⁷ Она же. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 484 сл.

¹⁸ SHA. Aurel. XXXV. 3; XXXIX. 2; Aug. Vict. Caes. XXXV. 7.

¹⁹ Mirković. Op. cit. P. 37.

²⁰ Aug. Vict. Epit. de Caes. XL. 15—17; Lact. De mort. pers. IX.

²¹ Lact. De mort. pers. IX, X; Aug. Vict. Epit. de Caes. XL. 15—16.

ний римским богам — *dies thurificationis*²². Но по мнению некоторых исследователей, за приведение в действие этого эдикта отвечал не Диоклетиан, а Галерий²³. После того как в конце 303 г. Диоклетиан справил в Риме 20-летие своей власти (*vicennalia*), он тяжело заболел и государственным делами занимался Галерий. Обнародованный в феврале 304 г., этот эдикт применялся только в областях Иллирика, там, где власть принадлежала Галерию, и только с марта 305 г. эдикт начал применяться в тех областях, где власть принадлежала самому Диоклетиану²⁴. В римской части легенды — там, где рассказывается, что воины были собраны, чтобы почтить статую Асклепия и совершить жертвоприношения, речь идет о жертвоприношениях с воскурением ладана и возлияниями благовонных масел (*ad simulacrum Asclepii sacrificiis seu ad thurificandum compentur, maxime autem urbanae praefecturae milites — Passio SS. IV Coronat. 22*).

О возможной принадлежности рассказа времени Галерия свидетельствует также должность автора: Порфирий, как уже упоминалось, был занят в кадастре по исчислению земельного ценза. Обозначение должности автора «*sensualis a gleba*», находящей себе аналогию в выражении Лактанция «*agri glebatim mitiebantur*» (*De mort. pers. XXIII*), относящемся к земельному цензу, привело Росси к выводу, о том, что рассказ был написан в 305—306 гг., во время Галерия.

Несколько слов о самом цензе и о том, какие сведения в него вносились. В эпоху империи цензы проводились в провинциях наместниками нерегулярно, с целью проведения воинского набора и для выяснения количества земель, подлежащих дополнительному обложению налогом. Для первой трети III в. мы располагаем свидетельством Ульпиана о том, что ценз проводится по формуле, учрежденной Августом (*Dig. L. 15.4*). Другие сведений о проведении ценза до времени Диоклетиана — Галерия в источниках нет.

По формуле Августа в цензовых списках указывалось: название имени и имя его владельца; название города или пага, где оно находится; имена ближайших соседей по имению; площадь пахотной земли в югерах за последние 10 лет; площадь виноградника также в югерах и число имеющихся в нем лоз; площадь оливкового сада (и число деревьев); площадь лугов (в югерах) за последние 10 лет; пастбища (в югерах) и сколько на них имеется леса, идущего на вырубку на дрова и для пастьбы скота. Все это заносилось в ценз и оценивалось. Так определялась сумма налогов, лежащих на землях того или иного имени. На луга, пахотные земли и пастбища налог устанавливался на ближайшие 10 лет. В ценз заносились рабы с указанием их происхождения, возраста, занятия и ремесла. Умолчавший о том, что он является иквиллином или колоном, заковывался в кандалы. Число детей, родившихся после проведения ценза, или же лиц, о которых идет рожь, могло быть названо приблизительно, согласно подсчету владельца имени.

Теперь по указу Диоклетиана о цензе была учреждена новая система налогообложения. Каждое хозяйство оценивалось не на ближайшие 10 лет, а на 15 (так называемая индикция — *indictio*). Подсчет налогов производился по «головам» — *caput* (рабочая сила одного человека) и по условно

²² *Lact. De mort. pers. XV; Euseb. Hist. eccl. VIII. 2.3.*

²³ *Moreau J. Notes d'histoire romaine // Scripta minora. Heidelberg, 1964. P. 60; Molthagen J. Der römische Staat und die Christen im zweiten und dritten Jahrhundert. Göttingen, 1975. S. 108 ff.; Freund. Op. cit. P. 493 f.*

²⁴ *Baynes M. N. H. The Great Persecution // CAN. XII. L., 1939. P. 667 f.*

понимаемым «упряжкам скота» — *iugum*. Под *iugum* понимался участок земли, который мог быть обработан одним человеком и который считался достаточным для его пропитания. Культурная земля, независимо от того, была ли она вспахана или засеяна, была разделена на *iuga*. Лежал ли участок земли в долине или на холме, велось ли в имении зерновое хозяйство, виноградарство или оливководство, все одинаково измерялось в *iuga*. Сумма налогов, налагаемых правительством на каждое имение, зависела от воли лиц, оценивавших доходы имения на весь срок в 15 лет. Проводился ценз особым штатом императорских служащих — *senitores*. Они устанавливали число хозяйств, их размеры и экономическую мощьность для всего периода в 15 лет²⁵. Могущие произойти и обычно происходившие за этот 15-летний срок перемены — в размерах имения, характере его земель, в числе лиц, в нем проживающих, в количестве рабочей силы (рабы и колонны), а также в количестве скота — все эти изменения не учитывались. Налоги взимались ежегодно, и за их поступление отвечал наместник провинции. Италия была приравнена к провинциям, и ее население платило налоги. Сам город Рим от уплаты налога был освобожден.

Введение новой системы ценза и налогообложения привело к резкому падению уровня жизни населения провинций. Побои зерном и скотом, обмеры земель и плодовых садов при недобросовестной оценке имений и начислении налогов императорскими служащими привели к сильному недовольству провинциального населения. Все это привело к опустошению городов и целых провинций. (*Lact. De mort. pers. XXIII*). Очевидно, тогда же вследствие нехватки земель в Паннии Галерий распорядился вырубить непроходимые леса и спустить воды оз. Пельсон (совр. оз. Балатон) (*Aug. Vict. Caes. XL.9*).

Такой или примерно такой была обстановка и в Паннии, когда была написана легенда о паннонских мучениках. Можно полагать, что проведенные правительством меры в равной степени коснулись городов и христианских общин в городах.

Ранее считалось, что культ паннонских мучеников не оставил в самой Паннии никаких следов²⁶. Дальнейшие исследования показали, что этот культ в Паннии существовал и местом, где поминали погибших мучеников и где они погибли, был город Сопианы²⁷. Значение Сопиан сильно возросло в III в., когда при Диоклетиане город стал местом пребывания гражданского наместника провинции Валерии. Археологические раскопки города, продолжающиеся с 1716 г. до наших дней, дали множество раннехристианских памятников IV в. Открыты две кладбищенские часовни, более чем 250 могил, гробовальные камеры с росписью стен, на которых были представлены апостолы Петр и Павел, ветхозаветные пророки — Иона и Ной, и созвучное художнику изображение рая²⁸. И, может быть, Сопианы явились местом гибели паннонских мучеников. Неопределенное выражение легенды — «оттуда» (*exinde*), откуда, как уже упоминалось, Диоклетиан прибыл в Сирмий, может указывать и на этот город, и на тот участок дунайского лимеса, крепости которого инспектировал Диоклетиан. Сопианы не находились на лимесе, а отстояли от него пример-

²⁵ Kornemann E. *Römische Geschichte*. Bd II. Stuttgart, 1977. S. 562 f.; *Seston*. *Op. cit.* P. 262 suiv.; *Rostoutzeff M. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich*. Bd II. Lpz., 1929. S. 225—227.

²⁶ *Delchaye H. Les origines du culte des martyrs*. Bruxelles, 1933. P. 258.

²⁷ *Simonyi*. *Op. cit.* P. 182—183.

²⁸ *Fülep Ferenc. Roman Cemeteries on the Territory of Pécs (Sopianae)*. Budapest, 1977. P. 7—10, *passim*.

но на расстоянии немногим более 50 км. Под «рекой», куда были брошены наши святые (*et praecipitari iussit in fluvio — Passio SS. IV. Coronat. 20*) мог подразумеваться и Дунай, и какая-то другая река — Драва или Сава. В свое время И. Делье предполагал, что, возможно, этой рекой был Дунай.

Дальнейшая история Сопиан связана с уходом римлян из Паннонии, когда ее земли занимали гунны, лангобарды, гепиды, авары. С крушением аварского каганата юго-западные области Паннонии вошли в VIII в. в состав славянского государства на Среднем Дунае. В церковном отношении эти области находились под влиянием зальцбургских архиепископов, которые проводили большую миссионерскую деятельность и основали здесь много церквей. Местом их постоянного пребывания был «Город на болотах», Мозабург, прежний римский муниципий Зала на юго-западном берегу оз. Балатон²⁹. Город Сопианы получил название *ad Quinque Basilicas, Quinque ecclesiae* или *Quinque (martyrum) ecclesiae* и назывался так до прихода в Паннонию венгров.

Гора, где работали художники-квадратарии и где, по легенде, строился храм Солнца, дала название поселку и римскому военному лагерю на Дунае, который назывался *Ad Statuas — «У статуй»*³⁰. Он находился на военной дороге, шедшей вдоль лимеса, севернее Лугиона³¹. Здесь, как уже говорилось, бывал Диоклетиан и издал два своих указа. Эта гора упоминается в рассказе как порфировая, или огненная гора (*venietibus autem ad montem porphyreticum, qui vocatur igneus — Passio SS. IV Coronat. 4*), где добывается гранит темно-красного цвета³². Здесь находились каменоломни и размещалась императорская мастерская, упоминаемая в легенде как *campus*, где работали наши скульпторы. Следовательно, и в названии Сопианы — «Пять церквей» или «Пять мучеников церкви» и в названии поселка и римского лагеря — «У статуй» отразилось существование каменоломни и мастерской, где сохранялась память о событиях в Паннонии и гибели пятерых паннонских мучеников.

Характер казни паннонских мучеников косвенным образом указывает на время Галерия. Галерий оставил глубокий след в христианской традиции как жестокий гонитель. Он отвергал всякого рода легкие наказания — ссылку, заключение в тюрьму, работу в рудниках; мученики предавались огню, смерти на кресте, растерзанию дикими зверями, их бросали в море или реку (*Lact. De mort. pers. XXI—XXII*). И наши паннонские святые были заживо брошены в реку в свинцовых гробах. Как маги и христиане художники-квадратарии одновременно подверглись проклятию и для этого был использован свинец. Свинец был тем металлом, который в древности применяли маги в колдовстве, используя губительные свойства этого металла, его ядовитую природу и серый холодный цвет свинца. Подобно «табличкам проклятия», изготавливавшимся с подобной целью из свинца, здесь эту роль играли свинцовые гробы. Как известно, таблички тайно погребались в земле или могли быть брошены в реку, как это было сделано и с телами мучеников.

Паннонская часть легенды восходит, очевидно, к действительному событию времени Диоклетиана — Галерия. Римская часть рассказа оказалась

²⁹ *The Archaeologia of Roman Pannonia*. Budapest, 1980. P. 417—420; История Венгрии. Т. I. М., 1971. С. 82.

³⁰ *Simonyi*. Op. cit. P. 167 sgg.

³¹ *Fitz. Lugio // RE. Supplbd IX*. 1960. Sp. 390 f.; *Der römische Limes in Ungarn*. Székesfehérvár, 1976. S. 111, 113; *The Archaeology of Roman Pannonia*. P. 42.

³² *Simonyi*. Op. cit. P. 173.

привязанной к паннонской легенде и соединилась с нею в одну. Когда именно это произошло, остается неизвестным. Предполагают, что паннонская легенда достигла Рима уже в начале IV в.³³ На Целийском холме в Риме существовала в IV в. раннехристианская церковь, где служили литургию в честь святых из Паннонии и в честь корникуляриев из Рима³⁴, высказывается мнение и о том, что паннонская часть легенды принадлежит V в., а ее римская часть датируется временем не ранее VI в.³⁵ Перенесение останков мучеников в Рим из Паннонии произошло при одном из варварских вторжений в эту провинцию, когда варвары грабили и опустошали города и некрополи и население покидало свои родные места, увозя с собой свои святыни³⁶. Как писал Иероним, варвары грабили не только церкви и клир, но и сами могилы мучеников (Hieronym. Ep. 60).

«Мученическое страдание четырех святых венценосных» принадлежит к тем произведениям агиографической литературы, которые отмечены большим влиянием античной культуры. Это видно во всем: в самом сюжете, развертывающемся в форме диалога, в форме вопросов и ответов, в характере действующих в нем лиц, в описании императора Диоклетиана. Император упоминается почти в каждой главе, он обрисован в античном стиле: работа скульпторов находится в центре его внимания; император их щедро одаривает и благодарит, защищает художников от выпадов философов; когда те обвиняют художников в том, что они — христиане и их работа идет успешно потому, что замышляется с именем Христа, то император отвечает, что за прекрасные изделия художников следует более прославлять, чем наказывать. Образ Диоклетиана дан не в традиционных красках эпохи гонений. Диоклетиан одержим жаждой строить — *infinita cupiditas aedificandi* (Lact. De mort. pers. IX). И строительство храма Солнца, и сюжеты, над которыми работают скульпторы, — все это находится в поле зрения автора и на всем этом лежит глубокая печать античности³⁷. Художники — тайные христиане, и тем не менее они заняты типично античными сюжетами: изваянием бога Солнца с квадригой, скульптурными изображениями Победы, купидонов и амуров.

Интерес к античным сюжетам сказывается во внимании автора к образу Асклепия, которому отведена особая роль. Асклепий в глазах христиан был идолом и потому не был принят ни мучениками из Паннонии, ни войнами в Риме. В изображениях античных божеств христиане видели только идолов, «ложных богов», истуканов и потому отвергали их³⁸. Искусство скульптора особенно уподоблялось идолопоклонству и всячески порицалось христианами. В ответе императору, почему художники не сделали изображения Асклепия, они сослались на Библию, приведя пример из Псалмов Давида: «Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них» (Пс. 134.18). Но включение в легенду Асклепия вводит читателя в мир античных героев и образов. По возвращении из Сирмия действие пере-

³³ Delehaye H. Les Passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921. P. 332.

³⁴ Idem. Le culte des Quatre Couronnés à Rome // *Analecta Bollandiana*. 1913. V. XXXII. Fasc. 1. P. 64—65.

³⁵ Simonyi. Op. cit. P. 168 sg.

³⁶ Egger R. Der heilige Hermagoras. II. Die Blutezeugen des unteren Pannonien // *Carinthia*. 1949. T. 136—139. S. 208 f., 215 f., 219; Saria B. Die Christianisierung des Donaauraumes // *Völker und Kulturen Südosteuropa*. München, 1959. S. 21—22, 24; Lippold A., Kirsten E. *Donauprovinsen* // *Reallexicon für Antike und frühes Christentum*. Stuttgart, 1959. S. 116 f.

³⁷ Delehaye. Le culte... P. 67—68.

³⁸ Бычков. Ук. соч. С. 167 сл.

носятся в Рим, где Диоклетиан распорядился построить в термах Траяна храм Асклепия (iussit in terminis Traianae templum Asclepi aedificari — Passio SS. IV Coronat. 22) и выставить там изображение (simulacrum) Асклепия. Перед глазами читателя возникает образ вечного города и его величественных сооружений на форуме. Форум Траяна, о котором идет речь в легенде, был построен Аполлодором Дамасским на средства от дакийской добычи. Он состоял из нескольких зданий: Ульпиева базилика, храм божественного Траяна, термы Траяна и Колонна Траяна, воспроизводившая события Дакийских войн. Почтить Асклепия в термах Траяна было возможно только в том случае, если святилище находилось при самих термах.

Образ Асклепия играет своего рода двойную роль — как символ античной культуры и религии и как своего рода образ врага. Помимо того, что изобразить Асклепия — значило изобразить «ложного бога», этот культ по его природе был особенно враждебен убеждениям христиан. Культ Асклепия был хтоническим, был связан с магическим искусством дивинации, применявшейся в древности, лечение производилось посредством боговдохновенного прорицания. В языческой античной среде особенно на Востоке он выступает как делитель в противовес образу Иисуса Христа, явившего чуда исцеления и воскрешения.

Античные мотивы присутствуют и в описании философов. Античность вошла с ними вместе в сюжет рассказа, где они занимают свое самостоятельное и определяющее место. Весь рассказ построен в излюбленной для античности форме диалога, вопросов и ответов. Философов пятеро и художников-квадратариев тоже пятеро. Вопросы задают философы, ответы дают художники попеременно: то одни, то другие, а иногда и все вместе. В описании философов сквозит недоброе расположение христиан к языческой мысли, с которой ассоциировались бесплодные споры о добре и зле, не дававшие человеку надежды на спасение, когда одними и теми же словами доказывалась справедливость одного и ошибочность другого положения. В качестве примера можно сослаться на ходячие слова Лукиана о философах, которые «ни в чем не соглашались друг с другом; напротив, каждый из них оспаривал мнение другого, утверждая противоположное»³⁹. Хитроумные вопросы и споры философов, приведшие к трагической развязке, — сюжет вымышленный и введен в рассказ потому, что философы играют роль злой силы в судьбе квадратариев.

По мнению одних исследователей, философы введены в рассказ для того, чтобы показать некоторую образованность автора⁴⁰. По мнению других, в действиях философов проявляется конкуренция: чтобы получить выгодную работу, они оговаривают перед императором хороших мастеров⁴¹. В любом случае сюжет с философами отражает влияние античности, вплетенной в серию небольших глав, из которых и состоит «Мученическое страдание четырех святых венценосных». Один из философов носит имя Хризолит: известно, что римляне любили давать своим рабам имена по названию драгоценных камней (ср.: *Смарагд* или *Аметист*). Эта деталь рассказа явно взята из античного римского быта.

Римские нравы проявляются и в форме обращения к императору, узаконенной правом, религией и придворным этикетом. Мы встречаемся с одним из штампов эпохи, которого невозможно было избежать даже в агиографической литературе. В обращении к императору наличествует своего

³⁹ Лукиан. Избранное. М., 1962. С. 191 сл.

⁴⁰ Wattenbach. Op. cit. S. 1282.

⁴¹ Ebers C. Die Geschichte der SS. Quatuor Coronati // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1882. V. S. 467; *Delehaye*. Le culte... P. 67.

рода трафарет, проникший в сознание людей того времени и отразившийся в словах, в сущности ничего не выражающих, но принятых в обращении к лицу, обладающему сакральной властью. Со словами, звучащими высокопарно и в то же время подобострастно и фальшиво, обращаются к императору и христиане — художники-квадратари, и философы-язычники: «Величайший принцепс и украшатель века»; «Благочестивый цезарь и вечный август, которого чтут все люди и который есть друг мира»; «Святейший император и вековечный август».

Обращение к императору, когда он называется только цезарь, относится, вероятно, к Галерию: «За здоровье благочестивейшего цезаря! Изгони святотатцев! Изгони магов!». «Если они не маги, то пусть признают богом цезаря» (*Si non sunt magi, adorent deum caesaris — Passio SS. IV Coronat. 17. 18*). Конечно, имя Цезарь, как и имя Август, вошло в официальную титулатуру императора уже со времени Августа. Но употребление одного имени — *Caesar* — указывает на то, что этот император еще не был *Augustus*. Подобное обращение к Галерию присутствует, например, у писателей «Истории Августов» и относится оно к рассказу о войне с Персией в 297—298 гг., когда Галерий, будучи цезарем, командовал римской армией (*sacratissimum Caesarem Maximianum — SHA. Car. et Carin. et Numer. IX. 3*). Возведение Галерия в ранг цезаря произошло в 293 г. и сопровождалось усыновлением его Диоклетианом. Он принял помен Диоклетиана — Валерий и назывался отныне, до 1 мая 305 г., до принятия титула *Augustus*, как император Цезарь Гай Галерий Валерий Максимиан. Присоединение к его титулатуре звания *Augustus* произошло не ранее середины 305 г., когда сложили свои полномочия августов Диоклетиан и Максимиан⁴². И эта деталь легенды дает некоторое основание относить ее к периоду между 294—305 годами.

Обращение агиографа к античному материалу обнаруживается и в рассуждениях о Юпитере. Симплиций считал, что Юпитер — создатель и вершитель мира, на что один из художников, Клавдий, сказал ему: «Брат, раскайся, ибо ты говоришь худое. Бог — создатель всего, и мы почитаем Иисуса Христа, сына Бога и Святого Духа, ибо тот, кого ты зовешь Богом, не является ли он сам создателем рук наших? И солнце, изваяние которого сделано нами, не создано ли и оно руками нашими, и само по себе есть ничто» (*Passio SS. IV Coronat. 4*). Может быть, в этих словах выражен протест христиан против имперской идеологии, когда Диоклетиан был объявлен сыном Юпитера и вся его реставрационная политика основывалась на возрождении пришедших в упадок нравственности и религии.

Образ Симплиция привлекает особое внимание автора. Симплиций, еще язычник (*qui erat gentilis*), «очень стремящийся обрести веру», обратился с просьбой к остальным своим товарищам: он хочет быть с ними заодно и в работе и в вере (*ut vobiscum unanimes sim in arte et in religione — Passio SS. IV Coronat. 6*). В рассказ включен и сюжет с рубилом (*ferramentum*). Оказывается, при работе рубило раскаляется у Симплиция, и он просит товарищей помочь ему, и они как истинные христиане, помолившись Богу, сказали: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, пусть будет это железо крепким и твердым для работ». Симплиций просит, чтобы они его крестили. И тогда они начали искать священника и нашли тут же в темнице епископа Кирилла из Антиохии, приговоренного «за имя Христа и содержащегося в оковах уже три года», пришли к нему ночью и он крестил Симплиция (*Passio SS. IV Coronat. 6*).

⁴² *Henslick R. Maximianus // Der Kleine Pauly. III. München, 1979. Sp. 1108 f.*

Симплиций занимает второстепенное, но особое место в легенде. В начале рассказа о нем не говорится вовсе; упоминаются только Клавдий, Никострат, Симфориан и Касторий. Симплиций был добавлен в легенду позднее, его имя отсутствует в некоторых кодексах⁴³. Его образ дан в развитии, и происходящие с ним превращения показывают становление Симплиция как истинного христианина, равного участника разворачивающихся событий. Прежде чем получить крещение — главное из таинств христиан, Симплиций должен был многое осмыслить и о многом подумать: рубило, которое раскаляется в работе; искание жилы мрамора; рассказ о Юпитере; желание быть заодно с товарищами и в работе, и в вере. Герой как бы проходит ряд испытаний на пути обретения веры и добровольной мученической смерти. Неглавная роль Симплиция объясняется, конечно, и тем, что он еще язычник и, возможно, варвар (на это указывает его обозначение — *gentilis*). К тому же он носит имя «Простак» (*Simplicius*) — персонаж с таким именем часто присутствует в раннехристианской литературе. Размещение варваров в Паннонии началось уже со времени Маркоманнских войн и происходило постоянно в течение всего III и IV в.⁴⁴

Только некоторые из действующих в легенде людей — исторические лица. Это император Диоклетиан, епископ Мильтиад, мученик Себастьян и епископ Антиохии Кирилл. Годы епископства Мильтиада (311—316) указывают на время сочинения римской версии легенды. Себастьян погиб в Риме в начале правления Диоклетиана, в 288 г.⁴⁵ Все эти лица вставлены в легенду с одной лишь целью — подтвердить авторитетом церкви достоверность событий. Достоверен, однако, только сам факт; все события вокруг него — вымысел агиографа.

Художники-квадратарии, вероятно, — реально существовавшие лица. Их имена — Клавдий, Никострат, Касторий, Симфориан и Симплиций. Если они были римскими гражданами, то от прежнего тройного имени римского гражданина осталось только прозвище — *cognomen*. Римское поппе Клавдий⁴⁶ носит только один из паннонских мучеников. Симфориан, Никострат, Касторий и Карпофор, как и имя агиографа Порфирий, — имена греческие⁴⁷. Один из философов — Хризолит — также носит греческое имя, греческие имена у епископа Антиохии Кирилла, у Никодима, к дому которого пристали гробы, у военного трибуна Ламадия и у Никетия, названного *togatus*, что указывает на его причастность к службе наместника в провинции. Как *vir togatus* он действует в легенде в качестве заместителя или помощника трибуна; как гражданское лицо — при ведении судебного процесса⁴⁸. Названная в римской части легенды *via Labicana*, где на расстоянии третьего мильного столба от города были брошены трупы корникуляриев, была дорогой, ведшей из Рима в Лабик, небольшой городок в Лации.

⁴³ *Delehaye. Le culte...* P. 64, 69; *Wattenbach. Op. cit.* S. 1285.

⁴⁴ *Котловская Ю. К.* Паннония в I—III веках. М., 1973. С. 227 слл.

⁴⁵ *Delehaye. Le culte...* P. 63 suiv.; *Wattenbach. Op. cit.* S. 1290.

⁴⁶ Как считал в свое время М. Бюдигер, Клавдий занимает главное место среди христианских мучеников легенды, он один носит римское, императорское поппе, и это рассматривается как указание на принадлежность легенды времени Клавдия Готского, а имя императора Клавдий было изменено на имя Диоклетиана, поскольку в христианской традиции время Диоклетиана было временем жестокого гонения на христиан (*Büdinge M. Passio Sanctorum Quattuor Coronatorum. Chronologische Bemerkungen // Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte. I, III. Lpz. 1870. S. 364 f., 368—370*).

⁴⁷ О греческом влиянии, которым отмечена легенда, см. *Wattenbach. Op. cit.* S. 1282.

⁴⁸ *Seeck O. Adressor // RE. I. 1893. Sp. 423—426.*

Рассматриваемая здесь раннехристианская легенда имела огромное морально-дидактическое значение для христианской среды, о чем свидетельствует число дошедших до наших дней кодексов, датированных VIII, XII, XIV, XV вв. Перед нами открываются черты нового утверждающегося религиозного вероисповедания с его нравственными устоями, связанными с образом Христа и его учением.

В легенде рассказчик хочет донести до своих слушателей или читателей величие христианского учения и подвиг мученичества святых, совершенный ими во имя Христа. Автору кажется, что стоит только проникновенно прочитать догматы христиан (*doctrina christiana*), чтобы тотчас уверовать. Звучит одна и та же тема: Иисус Христос — наш Господь, Он повелитель и вершитель всех людей и всего происходящего в мире; Он — сын Божий, родившийся от Святого Духа и Девы Марии; на Него мы полагаем все свои надежды и ничего не начинаем делать без молитвы, обращенной к Богу; свет исходит от Иисуса Христа и сам Христос — есть истинный свет; во тьме обретается тот, кто не познал Христа; тот свет, который освещает всех людей, приходящих в этот мир, свет истинный, и там нет никакой тьмы.

Чтобы подкрепить действенность этих слов, в рассказ вводятся не всегда подходящие к месту цитаты из Евангелий, Деяний Апостолов, Псалмов Давида. Обращение к божественному авторитету — Библии должно было усилить воздействие этой легенды. Образ Никодема, как и само его имя и подчеркнутое обозначение при его имени — *christianus*, заимствованы, вероятно, из Евангелий. В Евангелии от Иоанна сообщается что некий Никодим участвовал в погребении Христа и принес для омовения его тела состав из смиры и алая (Иоанн, 19.39). В легенде Никодему отведена та же роль: он принял тела мучеников и, следовательно, участвовал в их погребении. И принятие мучеников и их погребение совершилось, как сказано в рассказе, по прошествии 42-х дней. Перед глазами агнографа стоял образ Христа, который до своего вознесения в течение 40 дней являлся ученикам, говоря им о Царствии Божием (Деян. Апост. 1.3).

Итак, период гонений на христиан времени Диоклетиана — Галерия (десятью по счету христианских писателей) породил множество рассказов и легенд о страдальческой гибели христианских мучеников. Одной из этих легенд было и мученичество четырех венценосных. Рассказ написан под свежим впечатлением о случившемся. Автор как бы присутствует при развитии паннонских событий; он мысленно дополняет рассказ и приводит паннонских мучеников или на Дунай, в Сопианы или на мост Сирмия, с которого были брошены в Саву художники-квдратарии. Несомненно, в основу случившегося в Паннонии легло истинное происшествие. Перед нашими глазами встает далекая северная провинция империи, ее главный город Сирмий, «глава всего Иллирика; город многлюдный и знаменитый»; горные рудники, где добывается порфир — гранит темно-красного цвета; одну из каменоломен посещает император. Он останавливается в Сирмии и инспектирует крепости на лимесе ввиду предстоящей войны с сарматами. Сюда привезли на допрос и квдратариев. Произведение написано живо, с чувством глубокой симпатии и интереса ко всему происходящему. Само развитие рассказа идет как бы в двух плоскостях — христианской и античной, языческой. Рассказ передает ощущение уходящей в прошлое античности, выступающей в образах греко-римского мира. В нем как бы сконцентрирована идея, близкая и созвучная учениям стоиков: о бренности человеческой жизни, о неотступной смерти, венчающей ее конец, о смертном часе, который надлежит встретить достойно, как подобает мудре-

дам. И в этом была поэзия мученических страданий. Рассказы о них — пассионы — получили признание и в языческой среде, их отличали высокие этические нормы, свойственные литературе, рожденной эпохой гонений. Она имела огромное нравственное значение для римского общества и получила широкое признание в эпоху Средневековья, открывая собой начало новой литературы, христианской.

A HAGIOGRAPHIC SOURCE FOR THE HISTORY OF PANNONIA

Yu. K. Kolosovskaya

The paper examines a source known as *Passio Sanctorum Quattuor Coronatorum*, and the existing opinions on its dating and on the character of the information contained in it. From a historical-philological examination of the text the author concludes that it is hardly possible to date it exactly. The events in the legend took place over a long time — from Diocletianus to Galerius. The source is one of the memorials of hagiographic literature. The development of the legend is on two planes — Christian and antique, pagan. The content and general trend of the source display features of a new, nascent literature which brought the crown of thorns of martyrdom into history. The legend had immense moral and didactic value for the Christian and pagan milieu. The story transmits a feeling of going back into the past of antiquity and of entering into the images of the Graeco-Roman world. An idea close to, and consonant with the doctrine of the Stoics was concentrated in the legend. The poetry of the martyrs' sufferings and passion received recognition in the pagan environment because of its lofty ethical standards. This was a literature born of the period of persecutions, and it had immense moral significance for Roman society.

© 1990 г.

И. С. Ключков

НАДПИСЬ АСАРХАДДОНА ИЗ АФГАНИСТАНА *

В декабре 1989 г. известный археолог В. И. Сариниди передал мне цветную фотографию небольшой вещицы, напоминающей круглую двухцветную пуговицу: в центре белого каменного диска (диаметр 31 мм, толщина 8—9 мм) сделана круглая очень мелкая лунка, открывающая темно-коричневый слой камня. По кромке этой вогнутой линзочки идет надпись из клинообразных знаков, обращенных вершинами к центру. Тщательно вырезанные мелкие значки образуют почти замкнутый круг — небольшой разрыв имеется между концом и началом надписи. Если в начале надписи знаки лепятся один к другому (на первую половину «окружности» приходится 10 значков из 15), то затем они размещаются более свободно, а три последних — заметно крупнее предыдущих. Их размер нельзя объяснять лишь оптическим искажением, получившимся при фотографировании вогнутой поверхности с близкого расстояния. Очевидно, резчик стал специально «разгонять» надпись, когда убедился, что текст не только уместится, но еще останется свободное место. Приступая к работе, он не был в этом уверен и, вероятно, поэтому после пятого знака выпустил перед именем «Асархаддон» вертикальный клинышек, детерминатив мужского имени, в общем-то обязательный для текстов этого времени. Судя по начертанию знаков IDIM (похож на UMUN), TI и BA, резчик старался подражать уже несколько архаичной в его пору средневавилонской графике (рис. 1—2 — см. вклейку).

Все знаки на фотографии видны отчетливо, что позволяет прочитать: ana ^dmarduk(ŠU) bēli(IDIM/UMUN?)-šú aššur(AŠ)-a^hu(PAP)-iddina(AŠ) šar, ^{ku}aššur(AŠ) ana balāti(TI)-šú iqīš(BA) — «Богу Мардуку, владыке своему, Асархаддон, царь Ассирии, ради жизни своей подарил (это)».

Текст представляет собой стандартную месопотамскую посвятельную надпись. Материал, на котором она выполнена, сотрудниками кафедры литологии Московского Института нефти и газа им. А. М. Губкина однозначно определили (по цветным фотографиям) как агат, причем отметили, что агат этот, вероятно, был «прокрашен»¹. Обратная сторона камешка поч-

* Публикуется с разрешения владельца, м-ра Джона Ла Фортуна (Калифорния, США). Автор приносит благодарность м-ру Эндрю Хейлу за любезно предоставленные фотографии и сведения об этой находке.

¹ Техника искусственной окраски агатов известна на Востоке с глубокой древности. Слоистые агаты вымачивались в меду, а затем впитавшееся вещество обугливали слабым прокаливанием. Ал-Бируни пишет, что ониксы «варят в меду день или два, после чего их прожилки становятся виднее» (Ал-Бируни. Собрание сведений для по-

ти гладкая; видимых следов крепления нет, если не считать таковым сквозное отверстие, просверленное по диаметру от промежутка между знаками SU и BA. Если повернуть вещь так, чтобы ось отверстия шла горизонтально, надпись располагается самым удобным для чтения образом.

В ассириологической литературе подобные поделки получили название «глаз» (eyestones). К настоящему времени их издано около полусотни; древнейшие относятся к старовавилонской эпохе, самые поздние несут имя Навуходоносора II². Больше всего «глаз» дошло от касситских правителей Вавилонии, но известно и несколько экземпляров с именами ассирийских царей — Шамши-Адада I, Салманасара (III?), Саргона II³. «Глаза» различаются между собой по размеру⁴, характеру надписей (посвятительные и «ярлыки», указывающие, кому принадлежит вещь), способу размещения на них текста⁵. Большинство, но далеко не все, просверлены так же, как описанный выше «глаз» Асархаддона.

О назначении этих предметов строились разные предположения: их считали украшениями, нашитавшимися на парадную одежду или на одеяния божеств; глазами, вставлявшимися в глазницы статуй богов; «просто вотивными приношениями»⁶. Упоминания о «каменных глазах» (na, ināte) в литературных клинописных текстах, приводимые У. Ламбертом, ясности в этот вопрос не внесли⁷. Английский ученый полагал, что «форма этих агатовых вотивных предметов делает их совершенно непригодными в качестве бус в обычных ожерельях»⁸.

Между тем данные археологии говорят скорее об обратном. Похожая агатовая бусина (без надписи) была найдена среди золотых бус в одной из урских могил позднеаккадского времени⁹. Агатовые «кошачьи глаза» попадают в ожерельях эпохи III династии Ура¹⁰; в Иране (Тепе Гиссар IIIb) найдено ожерелье из плоских агатовых бус подобного типа¹¹. Кроме того, агатовые «глаза» вставлялись в золотые подвески или закло-

знания драгоценностей (Минералогия). Л., 1963. С. 164, комментарий Г. Г. Леммлейна — с. 375). Сообщение Ал-Бируни, возможно, следует сопоставить с не очень понятным среднеавилонским рецептом (Bab. K 713) «получения» камня dušū из NA₄.BABBAR.DIL — разновидность агата (?). См. *Oppenheim A. L. Mesopotamia in Early Alchemy // RA. 1966.60. P. 30—31*. В собрании Британского музея хранится искусственно окрашенная «под оникс» черно-бело-серая халцедоновая цилиндрическая печать Спнаххериба (BM 89159); в тексте на печати материал, из которого она изготовлена, назван NA₄.BABBAR.DIL.DIL (*Galter H. D. On Beads and Curses // ARRIM 5.1987. P. 14—16, 22. № 45*).

² *Lambert W. G. An Eye-stone of Esarhaddon's Queen and Other Similar Gems // RA. 1969. 63. P. 65—71*; там же см. библиографию более ранних публикаций; *Galter. Op. cit. P. 11—30; Frame G. Three New Kassite Royal Inscriptions in the Louvre // ARRIM 5.1987. P. 5*; к сожалению, недоступной осталась работа: *Howard-Carter T. Eye-stones and Pearls // Al Khalifa and M. Rice (Eds.). Bahrain through the Ages: The Archaeology. Bahrain Conference, 3—9 December 1983. L.—N. Y.; 1986. P. 305—310. Fig. 125—129*.

³ *Galter. Op. cit. P. 11—13, 18, 21; № 1, 9, 40, 42*.

⁴ Самый крупный (41 мм в диаметре) содержит посвятительную надпись касситского царя Куригальзу (II?) — AO 23994, см. *Frame. Op. cit. P. 5*; самый маленький (16 мм в диаметре) принадлежал Эшарра-хамат, равно умершей жене Асархаддона; см. *Lambert. Op. cit. P. 65—66*.

⁵ *Lambert. Op. cit. P. 69—70*.

⁶ *Ibid. P. 70*.

⁷ *Ibid. P. 70—71*.

⁸ *Ibid. P. 71*.

⁹ *Maxwell-Hyslop K. R. Western Asiatic Jewellery c. 3000—612 B. C. L., 1971. P. 27. Pl. 21*.

¹⁰ *Ibid. P. 65—68. Pl. 49*.

¹¹ *Ibid. P. 78—80. Pl. 55*.

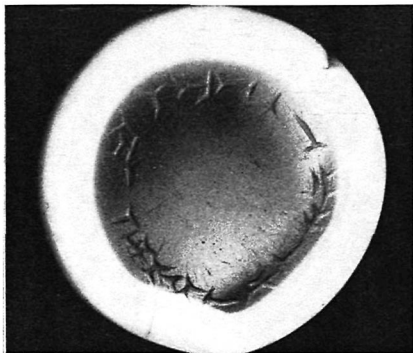

Рис. 1. Агатый «глаз» с надписью Асархаддона (лицевая сторона)

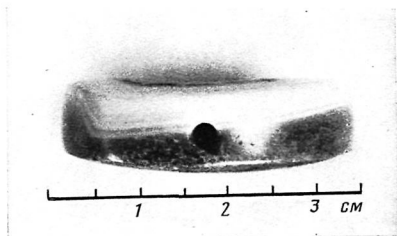

Рис. 2. Вид сбоку

Рис. 1. 1 — среднеперсидский острак из Дальверзин-тепе; 2 — фрагмент процарапанной на стенке сосуда среднеперсидской надписи из Дальверзин-тепе

чались в золотую оправу¹²; особый интерес в этом отношении представляют агатовые двойные и тройные «глаза» в золотой оправе, происходящие из Ашшура времени Тукульти-Нинурты I (1244—1208 гг. до н. э.)¹³. Наконец, совсем недавно иракские археологи при повторных раскопках в Нимруде обнаружили во внутреннем помещении дворца неразграбленные могилы ассирийской царицы и царевны IX?—VII вв. до н. э. с многими сотнями золотых украшений. Научных публикаций находок еще нет, но судя по фотографиям в «Тайме», агатовыми «глазами» были украшены массивные золотые браслеты и плетеная из золотых нитей диадема¹⁴.

По-видимому, и описанный нами агатовый «глаз» в свое время был частью какого-то драгоценного украшения, посвященного Асархаддону богу Мардуку¹⁵. Как известно, Асархаддон восстановил храм Мардука Эсагил, другие храмы Вавилона, да и сам город, жестоко пострадавший в 689 г. до н. э. от ассирийцев. Статую Мардука, увезенную в Ассирию Синаххерибом, Асархаддон вернул в Эсагил (во всяком случае — собирался вернуть)¹⁶. В таком контексте богатые дары Мардуку от Асархаддона представляются вполне «оправданными» и более чем вероятными.

Закончить свое сообщение я хочу указанием на любопытное обстоятельство: агатовый «глаз» Асархаддона был приобретен нынешним владельцем в 1976 г. в Кабуле у местного торговца древностями. Как правило, к таким антиквариям стекаются случайные находки и добыча из грабительских раскопок, которые ведутся тайком в сравнительно близкой округе. Конечно, не исключено, что «глаз», лишившись своей оправы еще в древности или в средние века, долго переходил из рук в руки в качестве амулета, почитаемого у арабов и тюрок сильнейшим приворотным средством¹⁷. Однако, если «глаз» все же происходит из недавно разрытой древней могилы, то перед нами — древнейшая из известных надписей с территории Афганистана и самая отдаленная находка ассирийской клинописи на северо-востоке.

¹² Ibid. P. 102. Pl. 69; Pl. 124; P. 207. Pl. 164.

¹³ *Haller A.* Die Gräber und Gräfte von Assur. В., 1953, Abb. 166. Taf. 34 h, k, o; Taf. 35 f. Здесь же укажем на опись сокровищ из Ниппура и Дур-Куригальзу, составленную в 5-й год касситского царя Вавилонии Назимаруттама (1311—1286 гг. до н. э.). В ней среди прочих драгоценностей упомянуты «5 глаз из камня мушарру» на каком-то золотом украшении (или утвари), «6 маленьких глаз из камня rarrardilū, не оправленных», «4 глаза из камня мушарру, оправленные в золото» и т. п. См. *Legrain L.* Historical Fragments. Philadelphia, 1922. P. 104—106. Pl XXXI (= UM XIII).

¹⁴ *Time International.* N 44.1989, October 30. P. 44—45.

¹⁵ Сквозное отверстие еще не означает, что «глаз» непременно был частью ожерелья; отверстие могло служить и для крепления камня штырьком или проволокой к ювелирному изделию иного вида.

¹⁶ *Brinkman J. A.* Through A Glass Darkly Esarhaddon's Retrospects on the Downfall of Babylon // *JAOS.* 1983.103. № 1. P. 36 and note 7.

¹⁷ «Глаз» приносит своему хозяину (хозяйке) неизменный успех во всех любовных авантюрах. Однако его нужно или найти самому, или получить в подарок: украденный, отобраный силой или купленный, он теряет свою чудодейственную силу. Рассказ о туркменских поверьях, связанных с «рошачим глазом», автор слышал в 70-х годах в Каракумской археологической экспедиции. По сообщению этнографа М. А. Родионова, сходные представления о «глазе» существуют и у йеменских арабов. См. также историю покушки двойного ониксового «глаза» у жителя Мосула — *Langdon S.* The Eyes of Ningal // *RA.* 1923. 20. P. 9.

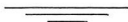
EYESTONE OF ESARHADDON FROM AFGHANISTAN

I. S. Klotchkoff

This eyestone was acquired by Mr. John La Fortune (USA, CA) around 1976 in Kabul from a local antiquarian. It is 31 mm in diameter, pierced. The piece is white with dark brown pupil; looking at the colour photographs of the eyestone, Prof. P. V. Florensky, wellknown mineralogist, made a conjecture that it is banded agate, probably artificially stained. The inscription runs around the very edge of the pupil, signs facing outwards: ana ^dŠU IDIM/UMUN?— šú AS. PAP.AS šar₄ KUR AS ana TI-šú BA «To Marduk, his lord, has Esarhaddon, king of Assyria, donated (this) for his life».

The author inclined to think that this eyestone was a part of some valuable jewelry (like those recently found in Nimrud by the team of Dr. Muzahim Mahmoud Hussein) gifted by Esarhaddon to Marduk, when the Assyrian king was planning to return the statue of the god to the temple Esagila.

If the eyestone has come to the antiquarian from some robbed ancient grave in the vicinity of Kabul — it is the most ancient inscription ever found in Afghanistan and the farthermost find of Mesopotamian cuneiform text in the North—East.

В. А. Лившиц, А. Б. Никитин

РАННИЙ ПЕХЛЕВИЙСКИЙ ОСТРАК ИЗ БУДДИЙСКОГО ХРАМА В ДАЛЬВЕРЗИН-ТЕПЕ

Большинство памятников среднеперсидской (пехлевийской) письменности, найденных на территории Средней Азии и Закавказья, относятся к последним столетиям существования Сасанидской державы: остраки из Южного Туркменистана по археологическим и палеографическим данным датируются VI—VIII вв.¹, настенная надпись (дипинти), обнаруженная при раскопках согдийского города Пенджикента (за пределами сасанидских владений), относится, по тем же данным, к VII или началу VIII в.²; надписи на стенах Дербента были сделаны, по-видимому, в VI в., в правление Хосрова I³.

Для более раннего периода, кроме сасанидских монет и гемм со среднеперсидскими надписями⁴, были известны лишь три пехлевийских граффити III или IV в.⁵ на стенах пещерных комплексов буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе и надпись конца III в. на серебряной чаше, найденной в древней столице Грузии Мцхета, в некрополе Армазисхеви⁶.

¹ Из этих остраков, найденных при раскопках Старого Мерва и Ак-депе у Артыка, опубликована пока только незначительная часть; см. *Лукокин В. Г.* Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 40. Прим. 1. Рис. 21. Последняя строка текста, оставленная автором без прочтения, содержит обозначение денежной суммы: 200 + 20 + 6 ZWZN — 226 драхм. Перевод фразы: «Все имущество Адурмихра — 226 драхм».

² *Лукокин*. Ук. соч. С. 40. Прим. 1; С. 43. Прим. 12. Фотография надписи не опубликована.

³ Литературу о дербентских надписях и анализ их дат см. в статьях: *Касумова С. Ю.* К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента // ВДИ. 1979. № 1. С. 113—125; *она же*. Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте // ВДИ. 1988. № 1. С. 88. Прим. 3—4.

⁴ О сасанидских геммах на территории Средней Азии и Закавказья см. *Борисов А. Я., Лукокин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 5—6, 23—30 и указанную там литературу, а также *Борисов А. Я.* Эпиграфические заметки // Эпиграфика Востока. 1963. XV. С. 51—54. Рис. 1 — сасанидская гемма из собрания Самаркандского музея. Надпись на ней следует читать: *mytwm'dyngw* = *Mēdōmāh tow* «мат Медомах»; имя собственное продолжает авест. *maidiiōi. māhha-* «(родившийся) в середине месяца». Об этом имени в памятниках среднеперсидской эпиграфики см. *Gignoux Ph.* *Noms propres sassanides en moyen-persé épigraphique // Iranisches Personennamenbuch / Hrsg. von M. Mayrhofer und R. Schmitt. Bd II. Fasz. 2. Wien, 1986. P. 122. № 606.*

⁵ *Лукокин*. Ук. соч. С. 44—46. Рис. 10, 12, 20; *Henning W. B.* *Arud Лукокин*. Ук. соч. С. 46. Прим. 24; *Сычева Н. С.* Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг. // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975. С. 35. Илл. 10 (краткая среднеперсидско-бактрийская билингва: одно слово — имя собственное посетителя).

⁶ *Церетели Г. В.* Эпиграфические находки в Мцхета // ВДИ. 1948. № 2. С. 551 *Amiranashvili Sh.* Une coupe en argent du début de l'époque sassanide provenant

Рис. 3. Греческая надпись из Кара-Камара

Рис. 4. Нижняя латинская надпись из Кара-Камара

В 1984 г. на Дальверзин-тепе (Южный Узбекистан) при раскопках второго буддийского храма, проводившихся Узбекстанской экспедицией Института искусствознания им. Хамзы (начальник отряда Б. А. Тургунов), был найден ранний пехлевийский острак⁷. На том же объекте обнаружено несколько фрагментов бактрийских курсивных надписей на обломках глиняных сосудов.

Б. А. Тургунов первоначально отнес храм к рубежу н. э., позднее он предложил другую дату — III в. н. э. Открытые при раскопках фрагменты глиняной скульптуры, судя по опубликованной голове статуи Будды⁸, могут быть датированы и более поздним временем — IV—V вв. Время существования храма пока не может считаться окончательно установленным. Буддийский храм перекрыл остатки более раннего сооружения, очевидно, постройки хозяйственного назначения — об этом свидетельствуют находившиеся там многочисленные хумы. Остается неясным, связан ли пехлевийский острак с буддийским храмом или с более ранним хозяйственным комплексом.

Острак (рис. 1, I), сохранившийся неполностью, представляет собой обломок стенки большого сосуда размером 16 × 7 см, при толщине стенки 0,85 см (полевой шифр: ДТ—25/84, пом. 2, VI ярус). Текст содержал, видимо, только одну длинную строку, написанную черными чернилами, сильно выцветшими. Сохранилась начальная часть строки — четыре слова и цифровые знаки. Перед первым словом изображена тамга, слегка поврежденная — правая часть ее приходится на место скола⁹. Судя по

des fouilles d'Armasiskhevi (Géorgie) // Rivista degli Studi Orientali. T. 34. Roma, 1953. P. 149—162; *Амирашвили Ш. Я.* Серебряная чаша раннесасанидской эпохи из раскопок в Армазисхеви // Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.—Л., 1960. С. 283—293; *Луконин В. Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961. С. 59—63; *Henning W. B.* A Sassanian silver bowl from Georgia // BSOAS. 1961. V. 24. Pt. 2. P. 353—356. Чаша хранится в Гос. Музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Фотография надписи, которую любезно прислала М. В. Цоцелия, показывает, что чтения В. Г. Луконина и В. Б. Хеннинга удачно дополняют друг друга и позволяют восстановить полностью этот сильно поврежденный текст. Последнее имя собственное в надписи — 'rthštr (так читал Луконин; у Хеннинга — šbrwhry), перед обозначением веса — идеограмма TGDWN (Хеннинг читал TGLWN; у Луконина здесь MN ZWZN'). Чтение по фотографии (в круглых скобках — частично поврежденные буквы, в квадратных — полностью восстанавливаемые): [p] (?)pky bthšy (B)RH 'rthštr(r bth)šy] (BRH 'r)thštr bthšy (TGD)WN šyumu s 20 + 20 + 10 + 3 ZWZN 1— «Видахш Папак, сын видахша Ардахшира, сына видахша Ардахшира. Взвешенное серебро — 53 (татаера), 1 драхма» (вес чаши — 850 г. весовое значение драхмы устанавливается отсюда как 3,939 г). Как уже отметили Луконин и Хеннинг, видахш Папак, владелец чаши, упоминается в надписи из Паикули (ок. 293 г.). Его отец — Ардахшир в надписи Шапура I на «Кабе Зороастра» (SKZ, ок. 260 г.) назван «сыном видахша» (bthškn) — в то время он был еще несовершеннолетним. Дед Папака, также Ардахшир, упомянут в SKZ как видахш при шаханшахе Ардахшире I. В III в. видахши чаще всего были сасанидскими резидентами («вице-королями») при дворах царей Иберии, поэтому в надписи на чаше не было надобности упоминать страну: титул bidaxš (гряз. pitiaxši) позволял определить местопребывание этого вельможи (см. *Henning. A Sassanian silver bowl ... P. 355*). Наличие этого титула на чаше, найденной в Михета, позволяет предположить, что среднеперсидская надпись была нанесена на чашу в Грузии.

⁷ *Тургунов Б.* Раскопки буддийского храма на Дальверзин-тепе // Археологические открытия 1984. М., 1986. С. 469.

⁸ *Он же.* Раскопки на Дальверзин-тепе // Археологические открытия 1983. М., 1985. С. 540.

⁹ Несмотря на отсутствие правого верхнего элемента, тамгу легко реконструировать — она близка тамгам, встречающимся на медных монетах раннего Чага, датированных предположительно в пределах III—V вв. (см. *Массон В. М.* Хорезм и кушаны // Эпиграфика Востока. 1966. XVII. С. 80. Рис. 1, 5; *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. // Буддийский культовый центр Кара-тепе

содержанию надписи, текст был написан скорее на обломке (острак), чем на целом сосуде (рис. 1—вклейка).

Текст: ŠNT 10 + 2 nw/rbwn/r twe't dyn'r (100?)—«Год 12. Навбун (?) пусть заплатит денаров 100 (?)...».

Первое слово — идеограмма ŠNT (= sāl) «год». Близкое начертание этой идеограммы встречается в надписях (дипинти) из синагоги в Дура-Европос, оставленных персами вскоре после захвата города армией Шапура I в 253 г.¹⁰

	o	b	d	y	n	w	š	c	t	10	100	1000
1												
2												
3												
4												

Рис. 2. Таблица начертаний букв и цифровых знаков в ранних среднеперсидских памятниках: 1 — острак из Дальверзин-тепе; 2 — надписи (дипинти) из синагоги в Дура-Европос; 3 — острак из Дура-Европос; 4 — сасанидские монументальные надписи III в.

Число, следующее за ŠNT, вероятнее всего, надо читать как 12 (10 + 2). Аналогичное начертание цифры 10 с оттянутым вправо нижним элементом (см. рис. 2) имеется в надписи на сасанидском серебряном сосуде из Музея Метрополитен в Нью-Йорке¹¹. Следующие за цифрой 10 два коротких штриха обозначают, очевидно, единицы.

в Старом Термезе. М., 1972. С. 149. Табл. 2, 12), а также там же, изображенной на серебряном блюде из собрания Эрмитажа, которая была процарапана перед началом нанесенной на блюдо ранней согдийской надписи, указывающей на принадлежность этого блюда правителю Чача (на блюде представлена сцена охоты сасанидского принца, возможно кушаниаха, на диких кабанов). См. *Лившиц В. А., Лукин В. Г.* Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 170. Случайно ли такое совпадение и принадлежала ли тамга, изображенная на остраке, лицу, связанному с родом чачских правителей, неизвестно. Возможность контактов между сасанидским Ираном, Бактрией и Чачем отрицать нельзя, но наличия сходных по начертанию тамг на блюде и на остраке с Дальверзин-тепе недостаточно для каких-либо реконструкций этих взаимоотношений.

¹⁰ Geiger B. The Middle Iranian Texts // The Excavations at Dura-Europos. Final Report. VIII. Pt. 1. The Synagogue / Ed. A. R. Bellinger, F. E. Brown, A. Perkins and C. B. Welles. New Haven, 1956. P. 283—320. Pl. XLIV—XLVII; Corpus inscriptionum iranicarum. Pt III. Portfolio 1. The Parthian and Middle Persian Inscriptions of Dura-Europos / Ed. R. N. Frye. L., 1968.

¹¹ Gignoux Ph. Éléments des prosopographies des possesseurs de coupes sassanides // Studia Iranica. T. 13. Fasc. 1. P., 1984. P. 29. № 19. Следует отметить, что это очень редкий вариант начертания цифры 10 в среднеперсидской эпиграфике. Сходное начертание она имеет в парфянской версии надписи Шапура I на «Ка'абе Зороастра»; см. *Frye R.* Sasanian Numbers and Silver Weights // JRAS. 1973. P. 3. В среднеперсидских монументальных надписях, в надписях из Дура-Европос и в ранних надписях на серебряных сосудах она писалась несколько по-другому (см. рис. 2). Однако в ранних среднеперсидских надписях на серебряных сосудах засвидетельствовано

В Сасанидской державе даты исчислялись чаще всего по годам правления царствующего шаханшаха. Развернутая формула датировки в среднеперсидских эпиграфических текстах строилась по схеме: название месяца и/или дня, предлог *abar* (идеограмма MDM < араб. qdm), ŠNT «год», имя царя, титул царя (краткий или подробный). Так, в надписи царя савков, принца Шапура (IV в.) в Персеполе, датировочная формула имеет следующий вид: BYRH spndmt MDM ŠNT II mzdysn bgy šhpwḥy MLK n MLK' yr'n [W] 'nyr'n MNW ctry MN yzd'n (māh spand(ar)mad abar sāl dō maz-dēsān bay Šāhrbuh(r) šāhān šāh Erān ud Anērān kē cīhr az yazdān) «Месяц спандарм во втором году Шапура (= Шапура II), царя царей Ирана и не-Ирана, происхождение которого от богов». Краткий вариант такой формулы возникал при опущении имени шаханшаха, год правления которого указывается, — считалось, что это имя известно пишущему и читающему. Так датированы, в частности, упоминаемые выше среднеперсидские надписи из Дура-Европос: BYRH prwrtyn MDM ŠNT15 W YWM lšnw «В году 15 (Шапура I) месяц фравардин и день раши» (№ 42); BYRH mtry MDM ŠNT 14 W YWM š[rywr] «Месяц михр в году 14 (Шапура I) и день шах[ревар]» (№ 43, сходно в № 44—45, 50)¹². И в этом варианте устойчиво употребление предлога *abar* (MDM). В издаваемом остраке этого предлога нет — дата сводится к ŠNT и цифрам, которые, очевидно, обозначают год правления какого-то царя. Опущение предлога перед ŠNT в раннем среднеперсидском было, однако, возможным. Об этом свидетельствует, например, надпись писца Абасы из Вех-Шапура, датированная по «эрам огней» — огня, связанного с основанием династии Сасанидов (1 октября 206 г. — официальная сасанидская эра), и коронационных огней: BYRH prwrtyn ŠNT 20 + 20 + 10 + 8 'twry ZY 'rthštr ŠNT 20 + 20 'twry šhpwḥry ZY 'twr'n MLK' ŠNT 20 + 4 (ср.-перс., строки 1—3) «Месяц фравардин, год 58 (= 264 г.), год 40 огня Ардахшира, год 24 огня Шапура, царя огней»¹³. В датировочных формулах поздних среднеперсидских надписей (VII в.) наряду с MDM ŠNT встречаются и конструкции без предлогов, но с изафетом (релятивной частицей), например, в надписях, выбитых в скальных погребальных нишах в Тахт-е Та'ус (неподалеку от развалин Истахра): BYRH ḥwrdt Y ŠNT 20 + 10 + 3 yzdkrt YWM Y wḥl'n «Месяц хурдад года 33 Йездигерда, день вахрам (= 20.3.33 эры Йездигерда III = 26.8.664 г. н. э.); BYRH wḥwmn Y ŠNT 20 + 20 + 3 W YWM spndrmt «Месяц вахрам года 43 (Йездигерда III), день спандармад»¹⁴. Следует заме-

употребление парфянских цифровых знаков, например, на одном сосуде из коллекции Форуги — цифры 100; см. *Gignoux Ph. Coupes inscrites de la collection Mohsen Foroughi // Monumentum H. S. Nyberg. I (Acta Iranica 4. Deuxième série). Leiden, 1975. P. 274. № 10. Fig. 21—22.*

¹² В надписях из Дура-Европос встречаются и даты, обозначенные только месяцем и днем, без года (№ 46—48, 51).

¹³ *Ghırshman R. Inscription du monument de Châpour Ier à Châpour // Revue des Arts Asiatiques. P., 1936. T. X. P. 123—129. Pl. XLIV; Henning W. B. The Great Inscription of Sâpur I // BSOS. 1939. V. IX. P. 825 f.; Henning W. B., Taqizadeh S. H. The dates of Mani's life // Asia Major. 1957. V. VI. P. 106—121; Harmatta J. Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos // AAASH. T. VI. Fasc. 1—2. Budapest, 1958. S. 155 f.; idem. The Bactrian Wall-inscriptions from Kara-Tepe // Буддийские пещеры Каратепе в Старом Термезе. М., 1969. P. 125.*

¹⁴ *Henning W. B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. 4. Bd. I. Abschnitt. Leiden — Köln, 1958. S. 47; Groppe G. Einige neuentdeckte Inschriften aus sassanidische Zeit // Apud Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969. S. 258—259. В книжно-пехлевийских текстах при обозначении года употребляются конструкции с предлогом *abar*, с изафетом, а также в отличие от эпиграфических памятников без изафета, например в «Сасанидском судебнике» (100, 7): sāl 26 Nusraw ī Ohrmazdān «год 26 (царствования) Хосрова, сына Ормизда» (*Периханян А. Г. Саса-**

тить, что точного соответствия обозначению даты на остраке нам найти не удалось. 12-й год, которым датирован текст острака, мог быть годом правления одного из сасанидских наместников (вассальных царей) Кушаншахра либо одного из сасанидских шаханшахов. Памятники, относящиеся к годам правления кушаншахов, до сих пор известны не были, да и хронологические рамки владычества Сасанидов в Кушаншахре пока не могут считаться твердо установленными. Если острак датирован по правлению сасанидского шаханшаха, то в равной мере возможны следующие правители, стоявшие у власти не менее 12 лет: Шапур I (240—272), Варахран II (276—293), Шапур II (309—379). Упоминание денежной единицы — денара также ничего не дает для датировки. В Бактрии начиная с эпохи Великих Кушан серебряная монета не чеканилась, в обращении находились золото и медь. Сасанидские кушаншахи продолжили эту традицию, выпуская золотые денары по типу последних кушанских. Вне зависимости от того, составлен ли был текст до или после вхождения Кушаншахра в сферу влияния Сасанидов, упомянутая в нем крупная денежная сумма все равно исчислялась бы в золотых денарах, а не в серебряных драмах.

После даты следует слово, которое, судя по контексту, является, скорее всего, именем собственным лица. В нем всего пять букв, но три из них не имеют однозначных чтений — в раннепехлевийском письме буквы w и g (в идеограммах также и ¹⁵) совпадают по форме: вертикальный штрих с оттянутым вправо нижним элементом. В начале и в середине слова сходную форму может иметь и буква n (рис. 2). Иногда при написании w и g вертикальному штриху придавался легкий изгиб (для отличия от прямого n), так что форма буквы несколько напоминала современную цифру 2. В рассматриваемом слове начальная буква имеет вид слегка наклонного, но прямого штриха, а вторая и четвертая имеют форму, характерную для w и g, так что наиболее вероятны чтения nwbwn, nr̄bwn, nwb̄rn, nr̄br̄n. Два последних можно, по-видимому, исключить, поскольку в среднеперсидском слова (или основы) -br̄n, насколько известно, нет. Для nwbwn толкование Nawbun, букв. «(имеющий) новую основу», находит отдаленную параллель в имени Bunanōš, засвидетельствованном, согласно Ф. Жинью, на одной сасанидской печати и толкуемом как «имеющий бессмертную основу»¹⁵ > «бессмертный от рождения (?)». Иранское bun «основа, основание; корень; происхождение» в именах собственных засвидетельствовано также в парфянском Dādbundād, букв. «имеющий в качестве основы закон» — имя, которое, согласно арабской хронике ат-Табари, носил писец последнего аршакидского царя Артабана V¹⁶. Ср. также Farroxbundād, букв. «имеющий счастливую основу», Mihrbundād — «имеющий основой бога Митру» (среднеперсидские имена в сирийской и арабской передаче)¹⁷. Чтению nr̄bwn могло бы соответствовать имя Narbun — «имеющий мужскую основу» > «ведущий происхождение от мужей», но оно наталкивается на орфографические трудности: в среднеперсидском nag писалось обычно nl (знак l передавал фонему r).

нидский судебник. Ереван, 1975. С. 288). Следует, однако, учитывать, что рукописи книжно-пехлевийских текстов — поздние и что переписчики часто не обозначали изафет.

¹⁵ Gignoux. Noms propres... P. 60. № 224. Жинью переводит: «qui a l'immortalité originelle». Написание bwn'nš (вместо 'nwš) не позволяет считать эту этимологию надежной. Ср. также имя Mihr-Ādur-bun (mtr'twr̄bwny) на другой сасанидской печати: ibid. P. 124. № 620.

¹⁶ Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 75.

¹⁷ Ibid. S. 96. 205.

Следующее слово — *twc't* = *tōzād* «пусть он заплатит», 3 л. ед. ч. конъюнктива от глагола *tōxtan*, *tōz-* «возмещать, искупать, расплачиваться, платить по долгам»¹⁸. Последнее сохранившееся целиком слово — *dun'g* = *dēnāg*, обозначение золотой монеты. Далее должна была стоять цифра — число денаров, подлежащих выплате. Сохранилась лишь часть одного цифрового знака, мы видим в нем 100 или 1000. Речь шла, таким образом, о выплате весьма крупной суммы.

Начертания букв надписи на остраке в целом ближе всего к надписям дипинти из синагоги в Дура-Европос, а также к среднеперсидским остракам и фрагментам документов на коже, найденным при раскопках этого города¹⁹. Все они датируются серединой III в. Среднеперсидские документы, которые можно было бы датировать IV—V вв., нам неизвестны; от этого периода дошло лишь несколько наскальных надписей. Начертания букв в этих наскальных надписях (надпись времени Шапура II в Мишкиншахре; надписи царя саков Шапура из Персеполя; надписи, высеченные рядом с рельефами Шапура II и Шапура III в Так-и-Бостане)²⁰ мало чем отличаются от надписей III в.

Следует учитывать, что в монументальной эпиграфике, равно как и в надписях на печатях и монетах, заметно сознательное стремление к архаизации письма. Что же касается письма, употреблявшегося в повседневной жизни, то нам известны только его разновидности, существовавшие в VI—VII вв.; конечный результат его развития — курсивное письмо в пехлевийских папирусах из Египта, остраках из Ирана и Южного Туркменистана. Эти хронологические и функциональные варианты пехлевийского письма значительно отличаются от употреблявшегося в III в. прототипа. Промежуточные стадии его развития документированы плохо²¹. Если предположить, что повседневное письмо первой половины IV в. существенно не изменилось сравнительно с III в., то острак можно датировать периодом от середины III до середины IV в. Острак мог быть скорее всего черновиком документа или памятной записи. Деловое письмо, содержащее информацию о такой крупной денежной сумме, или финансовый документ в окончательном варианте писались, несомненно, на коже.

Публикуемый острак — не единственный образец пехлевийского письма, найденный на Дальверзин-тепе. В 1987 г. на том же раскопе был обнаружен обломок стенки глиняного сосуда с фрагментом процарапанной (после обжига) среднеперсидской надписи (рис. 1, 2). Сохранились две буквы — начало слова: 'p [. Начертание букв позволяет отнести надпись также к III—IV вв.

Употребление среднеперсидского языка свидетельствует о том, что в Дальверзин-тепе прибывали из Ирана персы, возможно купцы, которые вели крупные деловые операции.

¹⁸ Др.-ир. **tug-*, новоперс. *tōxtan* «выплачивать», согд. *twy* «выкуп», *tw'z-*, *twy'z-* «выплачивать», арм. (из парф.) *toyz*, *tugan* «возмещение убытков; штраф, расходы, ущерб», *tužem*, *tuganem* «обязать к уплате; штрафовать, наказывать», *tužim*, *tuganim* «возмещать убытки; платить, терпеть ущерб». См. *Перизания*. Ук. соч. С. 528; *Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka*. Camb., 1979. P. 133, 450.

¹⁹ *Corpus inscriptionum Iranicarum*. Part III. Portfolio I. Pl. XXVII, № 24 XXXIV, № 39 b, 40.

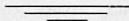
²⁰ *Лукокин*. Иран. ... Табл. XXXII—XXXIII.

²¹ Таким письмом выполнена рукопись среднеперсидского перевода Псалтыри (*Andreas F. C., Barr K. Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen // SPAW. Phil.-hist. Kl. 1933. S. 91—152*). Эта рукопись, найденная в Турфанском оазисе, была перевезена не ранее конца VII — начала VIII в., однако ее графика, как отметил В. Б. Хеннинг, сохраняет форму, которая была употребительной около 500 г. (*Henning. Mitteliranisch... S. 47*).

AN EARLY PEHLEVI OSTRACON FROM THE BUDDHIST SANCTUARY
OF DALVERZIN-TEPE

V. A. Livshits, A. B. Nikitin

An ostracon with one line in Pehlevi script was found in 1984 during the excavations of the Buddhist sanctuary at the site of Dalverzin-tepe in South Uzbekistan. The script is similar to that of the Middle Persian documents from Dura Europos (middle of the third century A. D.) therefore the ostracon cannot be dated later than the fourth century. The translation of the text: «Year 12. Nawbun is to pay denars 100 (+?)» Obviously, it was a draft of some financial document. The sign depicted at the beginning of the line is similar to the tanga of the rulers of Chach represented on some early issues of their coins and on the famous silver plate from the Hermitage collection which shows a Sasanian prince hunting wild boars. This ostracon is the first early Middle Persian document discovered in Central Asia.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1990 г.

О ПРЕПОДАВАНИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ В ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

От редколлегии

Судьба антиковедения неразрывно связана с состоянием и уровнем преподавания древней истории как в высшей, так и в средней школе. Этому учит весь опыт — и положительный, и отрицательный. Взаимосвязь непременно предполагает взаимодействие, однако в наших условиях его затрудняют ведомственная разьединенность и разобщенность академической науки и высшего образования. Объединение усилий — актуальнейшая задача. Редколлегия ВДИ надеется, что одним из шагов в нужном направлении станет обсуждение проблем преподавания древней истории на страницах единственного в стране академического антиковедного журнала.

ВДИ принял участие в организации «круглого стола» в рамках VI Всесоюзных Сергеевских чтений, проводимых кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Заседание, состоявшееся 28 января 1989 г., собрало более пятидесяти участников из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Баку, Белгорода, Вологды, Воронежа, Иванова, Ивано-Франковска, Казани, Калуги, Липецка, Львова, Минска, Нижнего Новгорода, Новгорода, Полтавы, Саратова, Свердловска, Смоленска, Твери, Уфы, Фрунзе, Харькова. Основой дискуссии, к которой пригласил собравшихся Г. М. Бонгард-Левин, стали подготовленные заранее по просьбе ВДИ доклады руководителей ведущих кафедр Московского и Ленинградского университетов — В. И. Кузицина, Э. Д. Фролова, А. Ч. Козаржевского и А. И. Зайцева. В ходе оживленного обсуждения были проанализированы острые проблемы антиковедного образования в нашей стране и трудности, стоящие на пути их разрешения.

Публикацией материалов дискуссии редколлегия ВДИ надеется внести свой вклад в общее дело кардинального улучшения подготовки молодых специалистов-антиковедов. А именно от этого будет зависеть и будущее нашей науки.

Подготовка специалистов по истории древнего мира на историческом факультете МГУ

История древнего мира, включающая историю стран древнего Востока и античность, — это одна из традиционно сложившихся специализаций в системе исторических дисциплин. Вместе с тем она является органической частью всемирной, включая отечественную, истории. Подготовка специалистов в области истории древнего Востока и античного мира должна включать решение двух задач: общая историческая подготовка (изучение всех разделов всемирной истории, основ археологии и этнографии, бо-

льного цикла так называемых социально-экономических дисциплин и т. д.), которая проводится в течение всех пяти лет обучения, и специальная подготовка по истории древнего мира.

Специализация исходит из учебного плана, в котором для нее предусматривается около 550 часов на все дисциплины, включая спецязыки. Иначе говоря, в среднем на один год обучения (III, IV, V курсы) отводится около 180—190 часов, или 20—22 часа в месяц, или 5—6 часов в неделю. Это немного: ведь сюда включаются древние языки (латынь, греческий, клинопись, египетский, санскрит и др.). Однако сейчас в университетах существуют довольно жесткие ограничения учебного времени студентов (28 часов в неделю на младших курсах и 24 часа на старших). Официальные рамки не позволяют провести полноценную специализацию по истории древнего мира, для которой требуется более длительная и более глубокая техническая подготовка в области филологии, вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения и историографии. В связи с этим мы стараемся расширить границы отводимых на специализацию часов за счет факультативных занятий. Благодаря им мы фактически начинаем специализацию на II курсе (официально на III курсе), а на старших курсах факультативные занятия и консультации фактически порой перерастают в спецсеминары. Для расширения часового фонда подготовки практикуются и свободные спецкурсы, рассчитанные на вольнослушателей всех курсов (например, спецкурс «Библия как историко-культурный памятник», который был прочитан доктором исторических наук И. Ш. Шифманом).

На кафедре сложилась определенная система специализации, построенная на нескольких важнейших принципах, которые являются реализацией общих положений современного университетского образования. В самом общем виде эти принципы можно сформулировать следующим образом: непрерывность и последовательность, параллельное обучение языкам и истории, акценты на изучение источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфики, папирологии, нумизматики), музейная и археологическая практики. Именно под эти принципы подводятся конкретные спецкурсы и спецсеминары на каждом году обучения. По всем университетским учебным планам, в том числе и в МГУ, на I курсе читается общий курс по истории древнего Востока и истории античности, и во всех учебных группах проводятся семинарские занятия по источникам, включающие написание студенческого доклада или курсовой работы. Этому мы придаем важное значение. В сущности говоря, именно здесь мы выявляем наиболее даровитых и склонных к науке студентов для специализации. Уже на I курсе преподаватели кафедры ориентируют студентов на такие темы, которые могут быть решены только с помощью конкретного анализа источников и специальной литературы. Как известно, на I курсе преподаются и основы латинского языка. В конце I курса по результатам работы в семинаре, доклада или курсовой работы проводятся отбор и запись студентов на специализацию по истории древнего мира.

Со II курса начинает функционировать студенческая группа, специализирующаяся по истории древнего мира. Для этой группы кафедра организует факультативно-специальные занятия, а именно: продолжают занятия по латинскому языку, начинаются занятия по древнегреческому или одному из древневосточных языков. Кроме языковых занятий организуется специальный семинар факультативного типа, который отличается от других тем, что по нему не проставляется зачет, а центр тяжести переносится на классные занятия с минимальными домашними заданиями. Так, в первом семестре проводится семинар «Культура античного Херсонеса», а во втором — «Быт и нравы древнего Рима».

С III курса начинается официальная специализация по учебному плану, а спецсеминары и спецкурсы приобретают обычный характер. В целом на третьем году обучения студентам (пока без разделения на востоковедов и антиковедов) предлагаются общие дисциплины — курсы по исторической географии, истории культуры древнего мира, общему источниковедению. Уже несколько лет на кафедре действует новый тип

семинарского занятия — общий спецсеминар. Он проводится для студентов-востоковедов по основным проблемам древнего Востока, а студенты-антиковеды прорабатывают темы по истории древней Греции и древнего Рима. Причем по каждому разделу берутся три-четыре капитальные темы. Например, по истории древнего Востока: особенности восточной деспотии в Египте, характерные черты древнеиндийской общины, этногенез народов древней Месопотамии. По истории древней Греции: греческий полис, демократия как политическая система, эллинизм и его особенности. По истории древнего Рима: социальная борьба патрициев и плебеев, классическое рабство, административная структура Римской империи. Общий спецсеминар является особым типом семинара историографического направления. На III курсе усиливается и языковая подготовка: до четырех часов в неделю увеличиваются занятия по основному языку специализации (иероглифика, клинопись, санскрит, греческий, латынь). При этом обязательно продолжается изучение другого древнего языка и начинается освоение второго европейского (нового) языка.

На IV курсе специализация усложняется и достигает наибольшей интенсивности прежде всего за счет спецзанятий и работы над курсовым сочинением. Студенты слушают два спецкурса, один по истории древнего Востока (I семестр), другой по истории древней Греции (II семестр). Начинается более узкая специализация: ассириология, египтология, индология, синология, история древней Греции и древнего Рима, и для каждой узкой специальности организуется особый спецсеминар. Здесь в течение всего учебного года идет проработка одной проблемы, из которой формируется тематика курсовых работ. Работа в таких спецсеминарах рассматривается как важнейшая. Кроме того, студенты слушают годовой курс по историографии древнего Востока (I семестр) и античности (II семестр), а также особый курс вспомогательных исторических дисциплин, в частности, латинской эпиграфики, папирологии и нумизматики.

По учебному плану студенты IV курса в обязательном порядке проходят производственную практику. Она проводится или в Государственном Эрмитаже или на базе Херсонесской археологической экспедиции и Херсонесского музея-заповедника в Севастополе. Важность этой практики состоит в том, что студенты знакомятся с техникой работы с живым материалом археологии, эпиграфики, нумизматики, искусства. Среднеазиатской и Херсонесской археологическим экспедициям принадлежит важное место в археологической подготовке студентов. Обе эти экспедиции ведут раскопки, публикуют добытый материал и включают в свой состав студентов, которые проходят хорошую школу.

На V курсе студенты обучаются лишь в I семестре: слушают общий спецкурс методологического характера (на примере римского классического рабства), курс по греческой эпиграфике, читаемый д. н. н. Ю. Г. Виноградовым (Институт всеобщей истории АН СССР). Продолжаются и занятия по основному языку специализации. К этому времени студент практически заканчивает свою специальную подготовку в университете. В заключительном семестре идет непосредственная разработка дипломного сочинения. Защита дипломных работ проходит с участием двух оппонентов в конце мая.

Одним из важных средств к улучшению специальной подготовки студентов мы рассматриваем приглашение специалистов из институтов АН СССР. Так, в МГУ вели спецсеминары и спецкурсы, а также руководили дипломными работами Е. М. Штаерман, М. В. Крюков, С. И. Кучера, М. А. Дандамаев, В. В. Иванов, В. И. Абаев, Г. М. Бауэр, И. С. Ключков, И. Ш. Шифман.

Серьезным препятствием к совершенствованию специальной подготовки студентов является состояние библиотечного дела, плохое комплектование библиотек современной научной литературой. Недопустим тот факт, что студентов IV—V курсов не записывают в наши крупнейшие библиотеки (Государственную Библиотеку им. В. И. Ленина, ИНИОН АН СССР), и таким образом нормальная специализация не только историков древнего мира, но и вообще студентов-историков практически становится невозможной.

Полноценная подготовка антиковеда в университетах, конечно, невозможна без современных хороших учебников и учебных пособий, отражающих сегодняшний уровень нашей науки. Наша кафедра приступила к разработке разных категорий учебников и учебных пособий. При этом мы исходили из того, что следует объединить ряд учебников в своего рода комплексы, сгруппированные вокруг одного предмета. Так, появились два издания учебника «История древнего Востока» (1979 и 1988); двухтомная «Хрестоматия по истории древнего Востока» (1982), содержащая основные источники по различным регионам древнего Востока. В дополнение к ним издано также учебное пособие «Источниковедение по истории древнего Востока» (1984). Сейчас кафедра разрабатывает пособие «Историография истории древнего Востока». Аналогичные блоки учебных пособий кафедра издала по истории древней Греции и истории древнего Рима (т. е. учебник по общему курсу, хрестоматия, пособия по источниковедению и историографии). Создание нескольких категорий учебников и учебных пособий, отражающих состояние современной науки, было бы невозможно без активного участия многих наших коллег из академических учреждений и учебных заведений Москвы и других городов, в том числе институтов АН СССР — всеобщей истории, востоковедения, археологии, этнографии — и их ленинградских отделений, Ленинградского университета, специалистов из Минска, Киева, Тбилиси, Еревана, Баку и других центров. И следует продолжать эту нужную для современной подготовки специалистов совместную работу.

В. И. Кузичин

О преподавании и изучении древней истории и древних языков на историческом факультете ЛГУ

Происходящие в нашей стране процессы перестройки общественной жизни носят поистине всеохватный характер. Было бы естественно с этой точки зрения взглянуть на то, как обстоит дело с гуманитарным образованием и, в частности, с таким, казалось бы, по-хорошему консервативным, давно отлаженным и надежно функционирующим его отделом, как преподавание и изучение древней истории в наших университетах. Уточним при этом, что речь пойдет лишь о таком особенном ее разделе, каким является наука об античности. По праву считавшаяся наиболее классической из исторических дисциплин, она и по сию пору остается ядром исторического образования и исторического знания.

Особая значимость антиковедения не только в науке древней истории и истории вообще, но и в общей системе гуманитарных наук не требует, по-видимому, специального обоснования. Все же напомним, что наука об античности — в первую очередь история, но также и прочие дисциплины, составляющие с ней вместе совокупную систему антиковедения (филология, археология, эпиграфика и пр.), — легла в основу науки истории, сформировавшейся в новое время начиная с эпохи Возрождения. Разработка античной истории стала нормой исторического занятия, вследствие чего за дисциплинами антиковедения закрепилось понятие классического (классическая филология, классическая археология и т. п.). Антиковедение является в полном смысле слова фундаментом всеобщей истории, равно как и общим основанием истории культуры. Античность в силу особенной интенсивности и плодотворности политического и культурного творчества древних греков и римлян остается замечательным заповедным полем для социологических наблюдений и заключений, с помощью которых выверяется опыт новых поколений. Очевидно, сколь велико значение надлежащего плодотворного обращения к античному наследию.

Как же обстоит дело с университетским антиковедением? Каковы достижения и недостатки в этой отрасли гуманитарного исторического образования? И как представляется возможным процесс его совершенствования на основании того опыта, каким располагает кафедра истории древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ?

Существующая система антиковедной подготовки в ЛГУ в главных своих чертах сложилась в 30-х годах, когда было восстановлено нормальное преподавание истории в средней и высшей школе, а откорректирована и существенно обогащена эта система была в начале 70-х годов в рамках того согласованного с Министерством высшего образования СССР индивидуального учебного плана, обладание которым составляет прерогативу некоторых ведущих университетов страны и в их числе — Ленинградского. Подчеркнуть это обстоятельство необходимо с самого начала, поскольку в большей части областных университетов, работающих по типовому учебному плану, специализации по кафедрам на исторических факультетах — во всяком случае специализации по древней истории — практически не существует (два-три спецкурса погоды не делают), и потому ни о каком корректном сопоставлении речи быть не может. Сопоставление положения с антиковедением в ЛГУ возможно лишь с двумя-тремя университетами такого же уровня, практически, может быть, только с МГУ. Однако обсуждение затрагиваемой проблемы может, по нашему убеждению, представлять интерес для всех, поскольку речь идет о принципиальных путях и возможностях развития университетского антиковедения в нашей стране — в Москве и Ленинграде, очевидно, в первую очередь, но в перспективе и в других университетских центрах.

Итак, согласно существующему индивидуальному плану на историческом факультете ЛГУ осуществляется специализированная подготовка историков-антиковедов в рамках более общей специальности истории с завершением этой подготовки в рамках существующей при кафедре истории древней Греции и Рима аспирантуры. Основными элементами этой подготовки для студентов служат:

1. Соответствующие разделы общей исторической и языковой подготовки, охватывающей практически всех студентов исторического факультета. Это — общие курсы истории древней Греции и Рима (с дополняющими их практическими занятиями) и латинского языка, все в рамках первого года обучения.

2. Система специализации по кафедре античной истории, начинающаяся с первого семестра I курса и состоящая из различных антиковедных дисциплин, на которые приходится от 25 до 30% общего учебного времени (цифра колеблется в разные годы). Программу специализации кафедра составляет сама, исходя из установок, выработанных Ученым советом факультета. При этом преследуется цель постепенного ознакомления студентов с различными отделами науки об античности, с переходом от предметов более простых или вспомогательных к более сложным и принципиальным, по трем параллельно идущим линиям, или циклам: 1. Собственно исторический цикл, включающий такие предметы, как «История эллинизма», «История Римской империи», «Цивилизация кельтов», «История античных городов Северного Причерноморья». Назначение этих предметов — завершить и одновременно углубить общен историческую подготовку по тем именно разделам античной истории, которые излагаются бегло или вовсе не излагаются в рамках общих курсов. Завершается этот цикл обобщающим курсом «Античная цивилизация», где в системном плане дается характеристика социально-экономического строя, политических форм, идеологии и культуры античного общества (на V курсе). 2. Цикл дисциплин по различным аспектам античной культуры и среди них: «Быт античного общества», «История античного искусства», «Античная религия и мифология», «История греческой литературы», «История римской литературы», «Античная общественная мысль», «Античное христианство». 3. Вспомогательные антиковедные дисциплины: введение в изучение античности (с обзором основных проблем античной истории и важнейших разделов антиковедения), латинский язык (продолжение изучения, начатого на I курсе), древнегреческий язык (со второго семестра I курса),

сменяющие их чтения избранных греческих и латинских авторов (на III курсе), греческая и латинская эпиграфика (на IV курсе), греческое и римское государство и право, наконец, предусмотренные общим планом, но читаемые в рамках специализации курсы библиографии, источниковедения и историографии (соответственно на I, II и IV курсах).

Кроме этого стабильного набора специальных дисциплин программа специализации предусматривает четыре семестровых специальных курса (на III и IV курсах) и два годовых спецсеминара (на тех же курсах), тематика которых варьируется в зависимости от интересов преподавателей и студентов, а также от возможностей приглашения сторонних специалистов (из ленинградских отделений институтов АН СССР, Государственного Эрмитажа и др.). Так, в 1988/89 учебном году читались следующие спецкурсы: «Крито-микенская цивилизация» (В. П. Казанскене, преподаватель кафедры), «Основы общественного и государственного строя древней Спарты» (Ю. В. Андреев, ЛОИА АН СССР), «Раннегреческая наука и философия» (Л. Я. Жмудь, Ин-т истории естествознания и техники АН СССР), «Библия как историко-литературный памятник» (И. Ш. Шифман, ЛОИВ АН СССР). Темы годовых спецсеминаров: «Становление греческого полиса (по Геродоту)» (Л. А. Пальцева, преподаватель кафедры) и «Начало римской истории (по Титу Ливию и Дионисию Галикарнасскому)» (Н. С. Широкова, преподаватель кафедры). Тематика спецсеминаров, как правило, ориентируется на главные проблемы античной истории (в данном случае — на проблему формирования античного города и государства, античной гражданской общины, полиса), а их проведение — на сочетание аудиторного чтения источников с докладами студентов — участников семинара. Особо надо подчеркнуть назначение спецкурсов и спецсеминаров в качестве средства восполнения отдельных лагун в программе специализации. Так, только за счет спецкурсов, читаемых сторонними специалистами на условиях почасовой оплаты или *gratis*, оказывалось возможным проведение занятий по таким разделам антиковедения, по которым кафедра не располагает собственными кадрами. В разные годы курсы античной археологии читали И. Б. Брашинский и А. Н. Щеглов (ЛОИА АН СССР), керамической эпиграфики — И. Б. Брашинский, вумизматики — А. М. Гилевич (Эрмитаж), папирологии — И. Ф. Фихман (ЛОИВ АН СССР), истории Карфагена — И. Ш. Шифман (ЛОИВ АН СССР) и Ю. Б. Циркин (Новгородский педагогический институт).

III. Система практик, предусмотренных общим учебным планом, но более или менее ориентированных на нужды специализации. II в частности, после I курса — общеобязательная археологическая практика в одном из античных центров Северного Причерноморья. Затем в середине IV курса — музейная практика на базе античного отдела Эрмитажа.

IV. Самостоятельная научная работа студентов, которая помимо докладов в спецсеминарах или на заседаниях студенческого научного кружка (последний является в этом плане важным восполнением учебного процесса), находит свое выражение в курсовых (начиная с I курса) и дипломных работах. Темы для этих работ студенты выбирают сами. Научный и литературный уровень написанного студентом сочинения считается главным критерием его успехов и роста как специалиста. Именно высокая оценка дипломной работы оказывается главным основанием и для рекомендации в аспирантуру.

Помимо сдачи экзаменов кандидатского минимума подготовка аспирантов включает в себя обязательное участие в течение всего аспирантского срока в работе специального источниковедческого семинара. К участию в этом семинаре в порядке поощрения иногда допускаются и наиболее успешно занимающиеся студенты — старшекурсники. Этот спецсеминар для аспирантов сводится к чтению в подлиннике и комментированию избранных греческих и латинских авторов (реже — надписей). Так, на протяжении ряда последних лет читались параллельно Геродот и Тацит, Ксенофонт и Светоний. Занятия проводятся обычно раз в неделю в течение 3—4 часов. При этом прочи-

тывается примерно по три странички стандартного тойбнеровского текста каждого автора. Целевые аспиранты из числа выпускников других университетов, не изучавшие в студенческие годы древние языки или, что все-таки чаще, изучавшие только латынь, проходят ускоренную языковую подготовку отдельно в течение предваряющего аспирантуру года стажировки, а если надо, то и дольше, после чего включаются в работу аспирантского спецсеминара.

Что касается диссертационных работ, то выбор их тем согласуется как с интересами самих аспирантов, так и с главным направлением научной работы кафедры. Соответственно с общим вниманием к теме полуса приоритет отдается проблемам античного города и государства, социально-политического развития и идеологии античного общества. Глубокий источниковедческий анализ считается неперенным условием успешной разработки диссертационной темы, и потому нередко выбор авторов для чтения в аспирантском спецсеминаре согласуется с тематикой диссертационных работ.

Необходимо особо подчеркнуть значимость тесных контактов нашей кафедры с кафедрой классической филологии филологического факультета, преподаватели которой ведут порой у историков языковые занятия, читают курсы греческой и римской литературы, участвуют в подготовке и обсуждении курсовых, дипломных и диссертационных работ. Менее эффективно взаимодействие с востоковедами. Контакты осуществляются скорее по линии традиционных личных связей, а не в силу правильного официального договора, и преимущественно с сотрудниками ЛОИВ АН СССР, а не с востоковедами университета. Раздельное существование в ЛГУ кафедр истории древней Греции и Рима на историческом факультете и истории древнего Востока на Восточном факультете сказывается отрицательным образом на преподавании и изучении древней истории как целого.

Но и помимо этого при внимательном рассмотрении ситуации обнаруживается воздействие ряда таких факторов, которые существенно ослабляют эффективность обрисованной нами системы.

Первый негативный фактор — низкий уровень гуманитарного образования в средней школе, недостаточность исторической и филологической подготовки тех, кто поступает на исторический факультет университета. Особо следует сказать об отсутствии в школьной программе изучения древних языков — греческого и латинского. А ведь изучение древних языков закладывает филологическое основание гуманитарного образования, создает необходимую предпосылку для успешного овладения новыми иностранными языками, практически — на текстах — знакомит с историей и культурой античной цивилизации. Отсутствие классической языковой подготовки значительно обедняет общую гуманитарную подготовку в школе и ставит под сомнение успешное овладение историко-филологической культурой и методом студентами-историками. Древние языки надо изучать в детстве — это аксиома. Сейчас же, не получая классической языковой подготовки в школе, студенты-историки в массе своей остаются филологически неграмотными, ибо ни годовой курс латыни (на I курсе), ни малоэффективное изучение нового иностранного языка (а оно неэффективно именно в силу отсутствия классической языковой подготовки) не могут быть достаточной компенсацией. Что же касается студентов, а затем и аспирантов-античников, то их положение и вовсе незавидное. За отдельными единичными исключениями они обречены быть филологическими полужайками, способными лишь с трудом сверять имеющиеся переводы классиков с оригиналом ради элементарного терминологического уточнения.

Единственный выход видится в дифференциации школьного образования. Следует в крупных городах создать школы с гуманитарным уклоном наподобие старых русских гимназий или современных английских Grammar Schools, где давалась бы историко-филологическая подготовка, включая изучение древних (греческого и латинского) и одного-двух новых иностранных языков. Без этого наше университетское историко-филологическое образование обречено работать в значительной степени вхолостую.

Второй отрицательный момент — сложившаяся практика приема и обучения

в университете. Регламентация числа принимаемых и выпускаемых студентов, равно как и количества специализирующихся на кафедре, сильно сужает, если вовсе не уничтожает возможности конкурсного обучения.

Необходима реорганизация аспирантуры. И прежде всего следует восстановить свободную аспирантуру, куда будут направляться наиболее одаренные выпускники кафедры. По окончании аспирантуры, в случае, если штатного преподавательского места на кафедре не будет, они все равно могут привлекаться к работе в качестве преподавателей-почасовиков. Таким образом будет достигаться двойная цель: с одной стороны — завершение формирования полноценного специалиста-антиковеда, что ввиду крайней трудоемкости дисциплины возможно лишь при непрерывном продолжении образования в аспирантуре, а с другой стороны — создание при кафедре собственного необходимого резерва.

И последнее. Для успешного завершения формирования специалиста, который сам становится преподавателем, необходимо пересмотреть ситуацию с педагогическими нагрузками. Сейчас, по неписанным нормам, нагрузка молодого преподавателя-ассистента существенно — на две-три сотни часов в год — превосходит нагрузку других, обладающих высокими университетскими званиями преподавателей. Такое положение чревато дурными последствиями. Ведь при большой загруженности учебными занятиями ассистент не имеет необходимого времени для их надлежащей подготовки, для разработки новых курсов, для профессионального научного роста. Как тут быть? Разумеется, выход не в том, чтобы перевернуть сложившуюся практику и, облегчив положение ассистента, загрузить сверх всякой меры доцента или профессора. Выход — в общем сокращении педагогических нагрузок в университете, которые давно перешли всякую меру, в соответственном расширении, а не сокращении преподавательского состава, в создании, таким образом, благоприятных условий для работы и жизни университетских преподавателей, в том числе и молодых.

В заключение хочу подчеркнуть главное: усилиями нескольких поколений университетских историков-антиковедов создана — в частности в ЛГУ — достаточно богатая, целостная система преподавания и изучения древней истории, направленная на подготовку надлежащих специалистов — преподавателей и ученых. Однако сама эта система — не панацея; ее эффективная работа зависит от ряда дополнительных факторов, лежащих вне компетенции университетской кафедры. Это — и недостатки того гуманитарного образования, которое призвана давать средняя школа, и огрехи университетского образования, как студенческого, так и аспирантуры, и, наконец, неблагоприятные условия, в которых вынуждены работать университетские преподаватели.

Совершенствование нашего гуманитарного исторического образования зависит от решения всего комплекса названных проблем, и здесь необходимо широкое общественное обсуждение.

Э. Д. Фролов

(Продолжение следует)

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1990 г.

ЦАРСКАЯ БИОГРАФИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ СЕРЕДИНЫ I тыс. до н.э.

Каждая эпоха отдает предпочтение тому литературному жанру, который полнее иных выражает ее сущность, что особенно верно по отношению к древности и средним векам, когда литературный жанр был в значительной степени — «самодовлеющее, самостоятельное явление, порожденное не только, даже не столько потребностями литературного творчества, поисками самого творца, а главным образом жизненным укладом, запросами общества, эпохи»¹. Поэтому жанр в древности обладал несравнимо большей, чем в современной литературе, замкнутостью и стабильностью, жил и функционировал по своим, только данному жанру свойственным законам, имел не только свой предмет, свою тему, но также свою среду созидания, обращения и функционирования, вследствие чего на древней Руси, например, «жанр определял образ автора...много в нем [искусстве] зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому это произведение принадлежит»². В силу этого жанр «отражал соотношение человека с мировым и (или) общественным целым»³, и поэтому в древности (и в средние века) угасание, умирание жанра, но особенно рождение нового жанра были обусловлены не столько творческими поисками автора, условного или реального, хотя это не исключалось, а главным образом — процессами и сдвигами в социальной, политической и идеологической реальности данного общества, данной эпохи.

Так было в Элладе IV в. до н.э., где рождение жанра биографии было вызвано кризисом полиса, ослаблением коллективистских начал в нем и усилением индивидуалистических тенденций⁴; так было в Риме I в. до н.э., где наступление второго этапа отношений между индивидом и гражданской общиной, характеризующегося их диалектическим, противоречивым единством, вызвало рост внимания к человеку как субъекту исторического процесса и привело к оформлению биографии в собственном смысле слова⁵. Но оправдано ли преобладающее мнение о биографии как о жанре, свойственном исключительно или преимущественно античности?

Несколько фактов позволяют усомниться в обоснованности этого представления. На рубеже II—I вв. до н.э. Сыма Цянь пишет свои «Исторические записки», в основу которых, по крайней мере трех основных

¹ Фрейдленберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 14.

² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 59; ср. Берман Б. П. Читатель жизни (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159 сл.

³ Кнабе Г. С. Римская биография и «Жизнеописание Агриколы» Тацита // ВДЦ. 1980. № 4. С. 56.

⁴ Momigliano A. The Development of Greek Biography. Camb. Mass., 1971. P. 45. f.; Аверинцев С. П. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 161, и др.

⁵ Кнабе. Ук. соч. С. 59—61.

разделов, положен биографический принцип, причем Ю. Л. Кроль⁶ говорит о «биографиях — характеристиках» или «биографиях — функциональных характеристиках», в которых человек изображается с точки зрения выполнения им определенных социальных функций. Зачинателями древнегреческой биографии были главным образом малоазийские греки — Скилак из Карпанды, Ион из Хиоса и др., ибо именно «Малая Азия была подвергнута воздействию восточных рассказов с их сильной биографической струей»⁷, столь заметной, например, в арамейской повести об Ахикаре⁸, в автобиографических, мемуарных компонентах ветхозаветных книг Эзры (Ездры) и Нехемии (Неемии)⁹ и др., которые, как подчеркивает А. Момильяно¹⁰, также были «новшеством в Иудее». Не правомерно ли предположить, что «восточные рассказы с их сильной биографической струей» не только содействовали рождению жанра биографии в эллинском — эллинистическом мире, но были также связаны с процессом рождения биографии на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э.?

В поисках ответа на поставленный вопрос целесообразно обратиться к ветхозаветному материалу, точнее к одному из ветхозаветных сочинений, к кн. Паралипоменон (I—II Chr.). Такой выбор оправдан рядом веских соображений. Нахождение Палестины в центре «плодородного полумесяца», постоянная вовлеченность страны и ее населения во все перипетии хозяйственной, политической и культурной жизни региона, вхождение Палестины в состав «мировых держав» первой половины I тыс. до н. э. — все эти и другие факторы обуславливали относительную «открытость» ветхозаветного мира, позволяющую предположить, что в Ветхом завете, в его отдельных сочинениях находят свое отражение и выражение также явления и процессы, общие для всего древнего Ближнего Востока¹¹. Сравнительно точная датировка I—II Chr. рубежом VI—V вв. до н. э. и неплохая изученность палестинской гражданско-храмовой общины того времени¹² делают возможным соотнесение текста с социально-политической и религиозно-идеологической средой его создания и функционирования. Повторное же описание хронистом (условное обозначение анонимного автора или автора I—III Chr., что более вероятно) истории допленного Иудейского царства (XI — начало VI в. до н. э.)

⁶ Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970. С. 66—67; Крюков М. В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» // Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. I. М., 1972. С. 47, и др.

⁷ Momigliano. Op. cit. P. 28—38.

⁸ Greenfield J. C. The Background and Parallel to a Proverb of Ahiqar // Hommages à André Dupont-Sommer. P., 1971. P. 49—59; Ключков И. С. «Повесть об Ахикаре»: историчность литературного героя // ВДИ. 1977. № 3. С. 3—10, и др.

⁹ Mowinckel S. Studien zu dem Buche Ezra-Nehemia. II. Oslo, 1964. S. 56 f.; III. 1965. S. 66 f., и др.

¹⁰ Momigliano. Op. cit. P. 28—38.

¹¹ Irwin W. A. The Hebrews // Frankfort H., Frankfort H. A. The Intellectual Adventures of Ancient Man. Chicago, 1946 (далее — IAAM). P. 223 f.; Speiser E. A. The Biblical Idea of History in its Common Near Eastern Setting // Speiser E. A. Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967 (далее — OBS). P. 194—196; Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 18, и др.

¹² Meyer Ed. Die Entstehung des Judentums. Halle, 1896; Galling P. K. Studien zur Geschichte Israels im persischen Zeitalter. Tübingen, 1964; Mowinckel. Op. cit. I—III; Vogt F. C. M. Studien zur nachexilischen Gemeinde in Esra-Nehemia. Vluyt, 1966; Kreissig H. Die sozial-ökonomische Situation in Juda zur Achämenidenzeit. В., 1973; Вейнберг И. П. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы. Тбилиси, 1973; История древнего мира. Т. II. М., 1982. С. 198 сл.; Achrobyd P. The Jewish Community in Palestine in the Persian Period // CHJ. P. 130 f.

предоставляет редкую в изучении древности возможность сопоставления, сравнения хронистского изложения с предшествующим описанием той же истории дополненного времени так называемым девтеронимистом — условное обозначение течения или «школы», которой в первой половине — середине VI в. до н. э. было оформлено гигантское историческое полотно ветхозаветных книг Иисуса Навина (Jos.), Судей (Jdc.) и четырех книг Царств (I—II Sam. и I—II R.)¹³. Следует только добавить, что ко времени деятельности хрониста девтеронимический свод (Dtr.) был не только оформлен, но также в значительной степени канонизирован¹⁴, что неизбежно ограничивало свободу обращения хрониста с этим текстом, который служил ему одним из основных источников¹⁵. Поэтому тем показательнее многочисленные отклонения хрониста¹⁶ от обладавшего определенной каноничностью «образца», свидетельствующие о преднамеренности и целенаправленности осуществленных хронистом модификаций¹⁷. Но в пределах ли общей с Dtr. жанровой принадлежности или отклоняясь также от нее?

Сочинение девтеронимиста, особенно четыре кн. Царств, повествует об образовании единого Иудейско-Израильского царства, его расколе и гибели обоих отдельных государств, но всегда в тесной взаимосвязанности с сопредельными и взаимодействующими, как союзники или враги, странами, народами и государствами, что напоминает глобальность Геродота. «Отца истории» напоминает также собственное девтеронимисту осознание предназначенности богом судеб, переплетения и взаимопроникновения этих разных судеб, что столь отчетливо проявляется в применении им синхронического изложения. Так же как «История» Геродота, книги Царств поражают множественностью и разноликостью персонажей — царей и пастухов, жрецов и военачальников, пророков и воинов, горожан и селян, стариков и детей, мужчин, женщин, причем все эти разные и различные персонажи показаны девтеронимистом взаимодействующими, а нередко — равнодействующими. Девтеронимиста, равно как и «отца истории»¹⁸, интересует не только общественная, но и частная жизнь персонажа. Сказанное позволяет определить жанр девтеронимического сочинения как «историческое повествование, писание» (Ge-

¹³ Jepsen A. Die Quellen des Königbuches. Halle, 1956. S. 60 f.; Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1964. S. 321 f.; Weinfeld M. Deuteronomy and the Deuteronomistic School. L., 1972; Porter J. R. Old Testament Historiography // Tal. P. 132—152.

¹⁴ Speiser E. A. Three Thousand Years of Bible Study // The Centennial Review. 1960. IV. № 2. P. 210 f.; Cross F. M. The Ancient Library of Qumran. N. Y., 1961. P. 188—191; Eissfeldt. Op. cit. S. 765 f.; Вейнберг И. П. Материалы к изучению древнеближневосточной исторической мысли («Канонические» пророчества в кн. Паралипоменон) // Древний Восток. III. Ереван, 1978. С. 248—250, и др.

¹⁵ Eissfeldt. Op. cit. S. 721 f.; Willi T. Die Chronik als Auslegung. Göttingen, 1972. S. 50 f.; Porter. Op. cit. P. 154 f.; Myers J. M. I. Chronicles. Garden City, 1981. P. XLIX f., и др.

¹⁶ Welch A. C. The Work of the Chronicler. L., 1939. P. 3—4; Liver J. hystwryh whystwrywgrpyh bsp r dby-hymym // Liver J. Studies in Bible and Judean Desert Scrolls. Jerusalem, 1971. P. 223 f.; Wellen P. Geschichte und Geschichtsdarstellung in den Chronikbüchern. Neukirchen — Vluyn, 1973. S. 186 f.; Weinberg J. P. Des Eigengut in den Chronikbüchern // OLP. 1979. 10. S. 161—181, и др.

¹⁷ Вейнберг. Материалы... С. 241 сл.; idem. Die «ausserkanonischen Prophezeiungen» in den Chronikbüchern // AAASH. 1978. T. XXVI. Fasc. 3—4. S. 403 f.; idem. Das Eigengut... S. 180 f.

¹⁸ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 10 сл. Montgomery H. Gedanke und Tat. Lund, 1965. S. 6—42; Grant M. The Ancient Historians. L., 1970. P. 57—58; Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 21 сл., и др.

№	Царь	1	2 ¹				3		4
			а ¹	б ^{1'}	б ^{2'}	в ¹	г ¹	д ¹	
1	Шаул	664/14 ²	—	—	99%	—	—	Нас. ⁴	Нег. ⁵
2	Давид	758/522	22%	—	9%	60%	Бож. ³ -нар. ³	Ест. ⁴	Поз. ⁵
3	Соломон	434/201	16%	—	8%	75%	Бож.-насл. ³	Ест.	Поз.
4	Рехабеам	35/68	25%	6%	13%	7%	Насл.-нар.	Ест.	Нег.
5	Авния	8/23	4%	80%	—	—	Насл.	Ест.	[Поз.]
6	Аса	16/47	6%	13%	15%	34%	Насл.	Бол. ⁴	Поз.
7	Иехошапат	33/102	18%	37%	32%	6%	Насл.	Ест.	Поз.
8	Иехорам	9/20	10%	5%	30%	—	Насл.	Бол.	Нег.
9	Ахазйаху	7/9	—	44%	10%	—	Нар.	Нас.	Нег.
10	Иоаш	42/48	6%	—	4%	30%	Нар.	Нас.	Поз.-нег.
11	Амацйаху	20/28	10%	46%	14%	—	Насл.	Нас.	Поз.
12	Узсийаху	9/23	35%	—	16%	26%	Нар.	Бол.	Поз.
13	Иотам	7/9	20%	—	10%	—	Насл.	Ест.	Поз.
14	Ахаз	20/27	—	37%	22%	29%	Насл.	Ест.	Нег.
15	Иехизкийаху	95/117	5%	—	20%	72%	Насл.	Ест.	Поз.
16	Менаше	18/20	5%	—	5%	65%	Насл.	Ест.	Нег.[-поз.]
17	Амон	8/5	—	—	—	40%	Насл.	Нас.	Нег.
18	Иошийаху	50/60	—	—	8%	83%	Нар.	Нас.	Поз.
19	Иехоахаз	5/3	—	—	33%	—	Нар.	Нас.	—
20	Иехоайаким	9/5	—	—	40%	—	Чуж. ³	Нас.	Нег.
21	Иехоайахин	10/2	—	—	50%	—	Насл.	Нас.	Нег.
22	Цидкийаху	23/11	—	—	82%	—	Чуж.	Нас.	Нег.

¹ а¹ — хозяйственно-административная деятельность царя; (б¹ —) военно-политическая деятельность царя; б^{1'} — на уровне «мы — мы», б^{2'} — на уровне «мы — они»; в¹ — религиозно-культурная деятельность царя; г¹ — формы вопарения; д¹ — способ завершения царствования.

² Первая цифра — объем повествования в Dtr., вторая — в Chr. бож.³ — божественное призвание царя; нар.³ — избрание, провозглашение царя народом; нас.⁴ — наследование престола; чуж.³ — возведение царя на престол чужими правителями. ест.⁴ — естественный конец; нас. — насильственный конец; бол. — конец царствования из-за болезни; нег.⁵ — негативная оценка; поз.⁵ — позитивная оценка.

главным образом деталей описания гибели государства в последних главах его произведения, чем хронист стремится смягчить трагичность пережитой катастрофы и одновременно, поскольку конец текста активизирует «признак цели»²⁵, укрепить надежды на восстановление, хотя бы частичное, ограниченное, своей государственности²⁶. Произведенные хронистом сокращения в повествованиях о первых трех царях более сложны, ибо касаются самой структуры повествования. Хронист в первую очередь резко суживает, сокращает набор сюжетных линий в Dtr, отбрасывая все те линии, которые непосредственно не связаны с главным персонажем, с царем. Так, например, из девтеронимического повествования о Давиде хронист исключает рассказ о столкновении между Абнером и Иоабом (II Sam. 2), об убийстве Ишбошета (II Sam. 4), об Амноне и Тамаре (II Sam. 13.1—22) и др., а из повествования о Соломоне он убирает рассказ о притязаниях на престол Адонии (I R. 1.5 и сл.) и др., сфокусировав тем самым в большей степени, чем это делает девтеронимист, все нити повествования вокруг центрального персонажа, что является одним из структурных признаков жанра биографии²⁷.

²⁵ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 262.

²⁶ Rudolph W. Chronikbücher. Tübingen, 1955. S. VIII—IX; Mosis. Op. cit. S. 205; Japhet. Op. cit. P. 309—317; Myers. Op. cit. I. P. LXXXIV—LXXXV, и др.

²⁷ Баггин М. М. Формы времени и хронотона в романе // Баггин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 280 сл.; Кнабе. Ук. соч. С. 59—60, и др.

schichtsschreibung, Geschichtserzählung, history-writing), обнаруживающее точки соприкосновения, но не тождества, с жанровой спецификой «Истории» Геродота, удачно определенной как «античная эпическая историография», отличающаяся «широтой взгляда и спокойствием тона, вбирающими любые подробности и подчиняющими их дальнейшей общей цели»¹⁹, т. е. качествами, как раз не присущими сочинению хрониста.

«Один из элементарнейших компонентов литературной формы какого-либо текста — его объем»²⁰, равно как и соотношения объемов частей этого текста, что суммировано в таблице I, содержащей сведения: 1) об объеме (в стихах) девтеронимического и хронистского повествований о 22 (вместе с Шаулом) царях-давидах; 2) об описанных в хронистском сочинении сферах деятельности царей и удельном весе (в %) этих сфер по отношению к объему каждого повествования; 3) о форме воцарения и завершения царствования каждого царя и 4) о данной хронистом оценке каждому из них.

Доказательность подобных статистических данных не следует переоценивать, но «распределение общего объема между отдельными биографиями учитывает степень важности каждого героя в глазах автора»²¹ и его аудитории. Если приложить это определение к данным нашей таблицы, то очевидны существенные расхождения между девтеронимистом и хронистом в объемах, т. е. в степени важности для них различных царей: хронист заметно «повышает» статус царей Йехошапата (с 8-го места по объему в Dtr. на 4-е место в Chr.), Рехабеама (с 7-го места на 5-е), Йехизкийаху (с 4-го на 3-е) и др.; одновременно он «понижает» статус Йоаша (с 6-го места на 7-е), Цидкийаху (с 9-го места на 14-е) и т. д., но особенно резко хронист изменяет статус первого носителя царственности²² Шаула (со 2-го места на 13-е), что не позволяет считать короткий в хронистском повествовании рассказ об этом правителе (I Chr. 10.1—14) «парадигматическим повествованием, излагающим архетипную (или лучше — „изначальную“ — *urgeschichtliche*) ситуацию» народа и его царей²³. Если же говорить о персонаже парадигматическом для хрониста и его аудитории, царе *par excellence* и образце для всех остальных царей, эталоне для их оценки, то таковым в хронистском сочинении предстает Давид²⁴. Поэтому особенно показательны те радикальные модификации, которыми хронистское повествование о Давиде (и о большинстве других царей) отличается от девтеронимического.

Данные таблицы показывают, что хронистские повествования о первых трех царях — Шауле, Давиде и Соломоне и о последних четырех царях — Йехоахазе, Йехойакиме, Йехойахине и Цидкийаху заметно (нередко более чем на половину) короче девтеронимических. Но что же хронист исключает из девтеронимического текста? Сокращения, осуществленные хронистом в повествованиях о последних четырех царях, касаются

¹⁹ Кузнецова, Миллер. Ук. соч. С. 4.

²⁰ Аверинцев. Плутарх... С. 245.

²¹ Там же. С. 248.

²² О термине «царственность» см. Якобсон В. А. Представление о государстве в древней Месопотамии // Древний Восток. III. Ереван, 1978. С. 66 сл.; Вейсберг. Человек... С. 22, и др.

²³ *Mosis R. Untersuchungen zur Theologia des chronistischen Geschichtswerkes.* Freiburg — Basel — Wien, 1973. S. 41—43.

²⁴ *Rad G. von Das Geschichtsbild des chronistischen Werkes.* Stuttgart. 1930. S. 120—134; *Welch.* Op. cit. P. 11 f.; *Mosis.* Op. cit. S. 44 f.; *Japhet S.* 'mwnt wd'wt bsp'rbuy huyum wmkwmn b'wlm hmhb'bh hmkr'yt. Jerusalem, 1977. P. 393—401; *Myers.* Op. cit. I. P. LXXXI — LXXXIII, и др.

Главная тема хрониста, писал в свое время Г. фон Рад³³, «Давид, Давид и Ковчег завета, Давид и культ, Давид и культовый персонал», выразив распространенное также в современной научной мысли положение о «монохромности» хронистского восприятия царской деятельности, о подчеркивании хронистом ее обращенности главным образом к религиозно-культовой сфере. Такая установка вызвала обоснованные возражения С. Яфет, по наблюдениям которой, «в кн. Паралипоменон сферы деятельности царя расширены и детализированы»³⁴, что подтверждается данными таблицы.

В сфере хозяйственно-административной деятельности (графа 2а в таблице) хронист отрывками своего *Eigengut* особенно подчеркивает строительную деятельность царей³⁵, которая на всем древнем Востоке, во всем древнем мире считалась важным и необходимым проявлением посреднической функции царя³⁶. Описаниями этой деятельности хронист дополняет семь биографий (№ 4, 6, 7, 12, 13, 15, 16), из коих пять посвящены позитивно оцененным царям: Асе, Йехошапату, Уззийаху и др. Хронист и его аудитория, очевидно, считали эту деятельность царя неизменным атрибутом и показателем его «добротности». Но следует вспомнить, что археологические и эпиграфические данные свидетельствуют не только об активной строительной деятельности «допленных» царей IX—VII вв. до н.э.³⁷, но также «послепленной» гражданско-храмовой общины³⁸.

Не менее важным аспектом хозяйственно-административной деятельности царя была в глазах хрониста организация войска, упоминаемая в восьми биографиях (№ 2—7, 11, 12) позитивно (кроме № 4) оцененных царей, причем следует отметить одинаковую актуальность этой деятельности в «допленном» Иудейском царстве³⁹ и в «послепленной» гражданско-храмовой общине⁴⁰.

Третий аспект хозяйственно-административной деятельности царя, привлекавший внимание хрониста — организация государственного аппарата управления, рассмотрен в четырех биографиях царей (№ 2—4, 7), признанных им (кроме № 4) идеальными. Этот аспект также был одинаково актуален в «допленной» реальности⁴¹ и в жизни «послепленной» гражданско-храмовой общины⁴².

Не повторяя сказанное в другом месте⁴³ о заинтересованности хро-

³³ Rad. Op. cit. S. 134; ср. Welch. Op. cit. P. 20—21; Mosis. Op. cit. S. 44 f.; Myers. Op. cit. I. P. LXXXIII, и др.

³⁴ Japhet. Op. cit. P. 374.

³⁵ Welten. Op. cit. S. 42 f.; Weinberg. Das Eigengut... S. 178 f.

³⁶ Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1948. P. 3 f.; Gadd C. J. Ideas of Divine Rule in the Ancient Near East. L., 1948. P. 39—41; Ардауба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 99 сл.; Вейнберг. Человек... С. 131 сл., и др.

³⁷ Kenyon K. Archaeology in the Holy Land. L., 1965. P. 240 f.; Naveh J. Excavations at Mesad Hashavyahu // IEJ. 1962. 12. № 2. P. 98; Cohen R. The Iron Age Fortresses in the Central Negev // BASOR. 1979. № 236. P. 61—79; Mazar A. Iron Age Fortresses in the Judean Hills // PEQ. 1982. № 114. P. 87—109, и др.

³⁸ Stern E. תרש-ישרל בתקופה הפרסית // Quadmoniot. 1969. II. № 4. P. 110—124; idem. Archaeology of Persian Palestine // CHJ. P. 88—114, и др.

³⁹ De Vaux R. Ancient Israel. I. New York — Toronto, 1965. P. 213 f.

⁴⁰ Welten. Op. cit. S. 98—114; Weinberg J. P. Zentral- und Partikulargewalt im achämenidischen Reich // Klio. 1977. 59. № 1. S. 33—38; Ackroyd. Op. cit. P. 148 f., и др.

⁴¹ De Vaux. Op. cit. P. 133 f.

⁴² Вейнберг И. П. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI—IV вв. до н.э. // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н.э.). Ереван, 1973. С. 153 сл., idem. Zentral- und Partikulargewalt... S. 29 f., и др.

⁴³ Weinberg J. P. Krieg und Frieden im Weltbild des Chronisten // OLP. 1985. 16. S. 111—129.

ниста в феномене «война и мир», о проявившейся в осмыслении им этого феномена отчетливой демифологизирующей, десакрализирующей тенденции, о восприятии им войны и мира как явлений преимущественно человеческого ряда, о всегда ситуативно и функционально обусловленной оценке войны и признании мира безусловно позитивной ценностью для «нас», обратимся к иной грани этой проблемы: к вопросу о месте военно-политической деятельности царей в хронистских биографиях. Как показывают данные таблицы (графа 2 б¹ — б²), военно-политическая деятельность есть неперенный компонент биографий всех царей, что соответствует признанию этого аспекта деятельности одним из важнейших в посреднической миссии древневосточного царя⁴⁴, его роли в реальной политике «допленных», особенно последних, давидидов⁴⁵, но также в реальной жизни «послепленной» гражданско-храмовой общины⁴⁶. Тем показательнее тот факт, что если в биографиях негативно оцененных хронистом царей (№ 1, 9, 14, 19—22 и др.) военно-политическая деятельность, особенно войны между обоими древнееврейскими государствами и неудачные войны против «них» занимают большое пространство, то в биографиях позитивно оцененных царей (№ 2, 3, 6, 12, 15, 18 и др.) этому аспекту деятельности уделяется мало внимания, даже когда речь идет о завершившихся победой войнах против «них».

Религиозно-культурная сфера деятельности как одно из существенных проявлений посреднической функции древневосточного правителя⁴⁷ занимает в хронистских биографиях большое пространство. Однако, как показывают данные таблицы (графа 2 в), она, во-первых, не заполняет собой весь объем биографий, а во-вторых, эта сфера деятельности включает различные аспекты, по-разному отраженные и оцененные хронистом в различных биографиях.

Первый аспект — реформа йахвистского культа или направленная против него антиреформа — упоминается хронистом в биографиях 11 царей (№ 2—4, 6, 7, 10, 14—18), в обширных блоках его *Eigengut*, что указывает на внимание хрониста к данному проявлению религиозно-культурной деятельности царя. Более того, именно этот аспект служит хронисту решающим критерием оценки жизни и деятельности царя: если антиреформа всегда влечет за собой негативную оценку, даже в случае положительной оценки деятельности в других сферах (№ 4), то реформа всегда обуславливает позитивную оценку царя, причем хронист явно акцентирует (по сравнению с *Dtr.*) роль царя в проведении реформ (II Chr. 35.1—19; ср. II R. 23.21—23 и др.), актуальных в «допленное» время, например, реформы царей Йехизкийаху (рубж VIII—VII вв. до н. э.), Йошиаху (вторая половина VII в. до н. э.) и других⁴⁸, так же как и в «послепленной» гражданско-храмовой общине⁴⁹.

⁴⁴ *Frankfort*. Op. cit. P. 251 f.; *Арджинба*. Ук. соч. С. 22 сл.; *Вейнберг*. Человек... С. 134 сл., и др.

⁴⁵ *Malamat A.* The Twilight of Judah. In the Egyptian — Babylonian Maelstrom // *Supplements to Vetus Testamentum*. 1975. XXVIII. P. 123—145.

⁴⁶ *Welten*. Op. cit. S. 165—172; *Ackroyd*. Op. cit. P. 150 f.; *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 186 сл., и др.

⁴⁷ *Frankfort*. Op. cit. P. 251 f.; *Gadd*. Op. cit. P. 39 f.; *Арджинба*. Ук. соч. С. 8 сл.; *Вейнберг*. Человек... С. 139 сл., и др.

⁴⁸ *Rowley H. H.* Hezekiah's Reform and Rebellion // *BJRL*. 1962. XLIV. P. 395—431; *Nicholson E. W.* The Centralisation of the Cult in Deuteronomy // *VT*. 1963. XIII. № 4. P. 380—389; *Weinfeld M.* Cult Centralization in Israel in the Light of a Neo-Babylonian Analogy // *JNES*. 1964. XXIII. № 3. P. 202—212, и др.

⁴⁹ *Mowinkel*. Op. cit. III. S. 124 f.; *Galling*. Op. cit. S. 165 f.; *Ackroyd*. Op. cit. P. 143 f., и др.

Вместе с сужением сюжетных линий из хронистского повествования выпадают также многочисленные персонажи, которые в девтеронимическом сочинении занимают обширное пространство рядом с царем, иногда даже оттеснив царя на второй план. Таковы священник-пророк Шемуел (Самуил), провозгласивший, по поручению бога, Давида царем; благодетель Давида, но затем его враг, царь Шаул; сын последнего, но друг Давида, его сородич и полководец Йоаб; жёны Давида — Михал, Абигаил, Бат-Шеба, его сыновья Адонийа, Абшалам и еще добрый десяток значимых персонажей в окружении Давида; в повествовании о Соломоне таковы мать царя Бат-Шеба, его брат Адонийа, мятежный Йерабеам, сын Небата и другие, которых хронист вообще не упоминает или упоминает лишь бегло, мимоходом, превратив тем самым свое повествование в «отчет о жизни человека от рождения до смерти», что составляет содержание биографии, специфику данного жанра²⁸. Поэтому позволительно определить жанр хронистского сочинения как биографию, а при монархической форме управления государством, как это было в допленной Иудее, «вся политическая история легко может быть представлена как история сменяющих друг друга правителей и соответственно оформлена как цикл биографий»²⁹, каким в действительности является кн. Паралипоменон в отличие от сочинения девтеронимиста.

Тому подтверждение — еще один аспект осуществляемого хронистом сокращения девтеронимического текста: он опускает все, касающееся «дочарственной» и «внедочарственной» жизни героев биографий. В достаточно пространной биографии Давида нет описания его пастушеской юности (I Sam. 16.11 и сл.), поединка с Голиафом (I Sam. 17.23 и сл.), любви Михал к Давиду (I Sam. 18.19 и сл.), любви Давида к Бат-Шебе (II Sam. 11.2 и сл.) и иных моментов.

Однако, как показывают данные таблицы, хронист не только сокращает девтеронимическое повествование, но в большинстве биографий он дополняет Dtr. отрывками своего Eigengut, удельный вес которого колеблется от 12% (от общего объема биографии) в биографии царя Йоаша до 85% в биографии царя Абийи. Удельный вес этих собственных отрывков хрониста особенно велик в биографиях царей, признанных им идеальными — Давида (63%), Асы (62%), Йехошапата (59%), Йехизкйаху (84%) и т. д., что доказывает важность этих дополнений в глазах хрониста и его аудитории³⁰. Тем более показательно, что все они содержат новые дополнительные материалы, данные о «дочарственной» жизни — деятельности царя. Это вместе с вышеотмеченным игнорированием хронистом событий «до- и внедочарственной» жизни перекликается со сказанным М. М. Бахтиным об античной биографии, в которой «не было и не могло быть ничего интимно-приватного»³¹, со спецификой ранней римской биографии, в которой герой показан только и целиком в сфере его общественно-государственного действия³². Но в чем состоит, из чего складывается эта общественно-государственная деятельность иудейских царей в биографиях хрониста?

²⁸ *Motigliano*. Op. cit. P. 11—12; ср. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 131 сл.; *Аверинцев*. Плутарх... С. 119 сл.; *Кнабе*. Ук. соч. С. 58 сл.; *Blenkinsopp J.* Biographical Patterns in Biblical Narrative // *JSOT*. 1981. 20. P. 27—46, и др.

²⁹ *Аверинцев*. Плутарх... С. 239.

³⁰ *Weinberg*. Das Eigengut... S. 165 f.

³¹ *Бахтин*. Формы времени... С. 280 сл.

³² *Кнабе*. Ук. соч. С. 57 сл.

Дополнив девтерономический текст пространными блоками своего Eigengut (I Chr. 22.1—19; 28.1—19; 29.1—20; II Chr. 29.5 сл., и др.), хронист в биографиях положительно оцененных им царей (№ 2, 3, 15 и др.) подчеркивает такой аспект их религиозно-культурной деятельности, как строительство и/или ремонт Иерусалимского храма, одинаково важный в жизни «допленного» царства⁵⁰ и «послепленной» гражданско-храмовой общины⁵¹.

Хронист уделяет особое внимание третьему аспекту религиозно-культурной деятельности царей — организации ими жречества. Об этом он говорит в биографиях семи (№ 2—4, 7, 10, 15, 18) позитивно (кроме № 4 и 10) оцененных царей в обширных отрывках Eigengut (I Chr. 23—26; II Chr. 8.13—16; 11.13—17; 35.14—16 и др.). Применением в них формул типа: wayuēhālkēm dāwīd maḥl^e-kōt «и распределил их [левитов] Давид на череды» (I Chr. 23. 6 и др.), wayuā^ʿāmēd ... ʾet maḥl^ekōt hakkohānīm «и установил [Соломон, Йехизкийаху] ... череды священников» (II Chr. 8.14; 31.2 и др.) хронист акцентирует роль царей в осуществлении этих реформ. Но каковы границы, пределы религиозно-культурной активности иудейских царей?

Ссылаясь на многократные упоминания в Dtr. совершаемых царями публичных жертвоприношений, благословений народа и других обрядовых действий (I Sam. 13.9—10; II Sam. 6.13.17—18; IR. 3.4.15 и т. д.), ряд исследователей⁵² признают, что в соответствии с распространенным на всем древнем Ближнем Востоке представлением о царе-жреце⁵³, не только правомочном, но и обязанном непосредственно участвовать в культе, «допленные» давидиды также регулярно выполняли жреческие функции, что категорически отвергается другими⁵⁴, подчеркивающими принципиальное недопущение царей-давидидов к выполнению публичных религиозных обрядов. Не исключено, что имел место сдвиг во времени — от признания допустимости непосредственного участия царя в культе к запрету подобного участия. Но каково отношение хрониста к этому важному аспекту религиозно-культурной деятельности царя?

В ряде случаев (I Chr. 16.2 = II Sam. 6.18; I Chr. 21.26 = II Sam. 24.25; II Chr. 6.3 = I R. 8.14 и др.) хронист без модификаций воспроизводит девтерономические описания непосредственного выполнения царями, правда, только Давидом и Соломоном, публичных культовых обрядов. Но хронист, во-первых, опускает два подобных описания из Dtr. (I R. 3.15; 9.25) и, во-вторых, в ряде случаев он модифицирует заимствованный из Dtr. текст таким образом, что фактически устраняет упомянутое там выполнение царем культовых действий. Если в девтерономическом тексте сказано: «... и приносил [Давид] в жертву (wayuizbaḥ)» (II Sam. 6.13), то в хронистском изложении говорится: «... приносили [левиты] в жертву (wayuizb^hū)» (I Chr. 15.26) и т. д.; показательнее, однако,

⁵⁰ De Vaux. Op. cit. P. 312 f.; Halpern B. The Constitution of the Monarchy in Israel. Ann Arbor, 1981. P. 15—19, и др.

⁵¹ De Vaux. Op. cit. P. 322—325; Gelston A. The Foundations of the Second Temple // VT. 1966. XVI. № 3. P. 232—235; Ackroyd. Op. cit. P. 136 f., и др.

⁵² North C. R. The Religious Aspects of Hebrew Kingship // ZAW. 1932. 9(50). S. 17 f.; De Vaux. Op. cit. P. 113—114; Mettinger T. N. D. King and Messiah. Lund, 1976. P. 305 f., и др.

⁵³ Mettinger. Op. cit. P. 304; Топоров В. И. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1982. С. 19 сл.; История древнего Востока. I. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. С. 171 сл., и др.

⁵⁴ Frankfort. Kingship... P. 342; Rosenthal E. I. J. Some Aspects of Hebrew Monarchy // Rosenthal E. I. J. Studia Semitica I. L., 1971. P. 3—20, и др.

замена хронистом отчетливого сообщения девтерономиста (II Sam. 8.18): «...и сыны Давида священниками были» (ub^enēy dāwid kohānīm hāyū) фразой: «...и старшие сыны Давида (или: „...и сыны Давида старшие, предводители“) рядом с царем» (...ub^enēy dāwid hari'šonīm l'eyad hammelek: I Chr. 18.17), которая, при всей ее неясности ⁵⁵, указывает на неприятие хронистом информации о давидах-священниках. Если к сказанному добавить, что хронист дополняет биографию почитаемого им царя Уззийаху (первая половина VIII в. до н. э.) обширным отрывком Eigengut (II Chr. 26.16—20) ⁵⁶, содержащим резкое осуждение царя за притязания выполнять жреческие функции, то правомерно заключить, что хронист, как и его старший современник, «автор» так называемой «программы восстановления» в книге пророка Йехезкеела (Иезекииля, Ez. 40—48) ⁵⁷, выступал за принципиальное недопущение царей-нежрецов к выполнению публичных религиозных обрядов, отстаивал основополагающее для организации и жизни «послепленной» гражданско-храмовой общины разграничение и обособление жрецов и нежрецов ⁵⁸.

Все вышеизложенное говорит о том, что исключение из хронистских биографий всей «до- и внецарственной» жизни персонажей и обращенность только к публично-государственной деятельности царей сочетаются в хронистском произведении с акцентированием многогранности и разносторонности этой деятельности, выраженном также композицией хронистских биографий. Для подтверждения сказанного сопоставим композицию девтерономического повествования о Давиде (II Sam. 1—IR. 2.11) с композицией хронистской биографии Давида (I Chr. 11—30):

борьба Давида с наследниками Шаула,
провозглашение Давида царем в Хеброне,
завоевание Иерусалима, перевозка
Ковчега завета, намерение царя строить храм,
войны с филистимлянами, моабитянами,
эдомитянами и другими,
встреча с Бат-Шебой,
мятеж Абшалома,
мятеж Шебы, сына Бихри,
война с филистимлянами,
учет народа,
старость и смерть царя.

провозглашение Давида царем в Хеброне,
герои и соратники Давида
перевозка Ковчега завета и организация
культы,
намерение царя строить храм,
война с филистимлянами, моабитянами,
эдомитянами и другими,
учет народа,
организация жречества,
организация государственной власти,
смерть царя.

Разница очевидна: если девтерономическое описание строится по хронологической схеме, более или менее соответствовавшей реальному течению жизни и деятельности царя ⁵⁹, то в хронистской биографии заметно тяготение к рубрифицированной структуре античной гипомнематической биографии ⁶⁰. Этим отнюдь не сказано, что хронистская биография есть биография гипомнематическая. Речь идет о другом: если хронологический принцип изложения предполагает временную последовательность

⁵⁵ Rudolph. Op. cit. S. 136 f.; Wenham G. J. Were David's Sons Priests? // ZAW. 1975. 87. № 1. P. 79—82; Myers. Op. cit. I. P. 139, и др.

⁵⁶ Rudolph. Op. cit. S. 286 f.; Myers J. M. II Chronicles. Garden City, 1979. P. 153 f., и др.

⁵⁷ Gese H. Der Verfassungsentwurf des Ezechiel (Kap. 40—48). Tübingen, 1957. S. 108 f.; Zimmerli W. Planungen für den Wiederaufbau nach der Katastrophe von 587 // VT. 1968. XVIII. № 2. S. 244—246, и др.

⁵⁸ Meyer. Op. cit. S. 175 f.; Vogt. Op. cit. S. 118; De Vaux. Op. cit. 386 f.; Beißberg. Гражданско-храмовая община... С. 15—20; Smith. Op. cit. P. 256 f., и др.

⁵⁹ Cp. Soggin J. A. The Davidic-Solomonic Kingdom // JH. P. 343—361, и др.

⁶⁰ Аверинцев. Плутарх... С. 120.

жизненных событий как некую данность, которая в значительной степени независима от автора и/или героя, во всяком случае не ими избрана или создана, то организация событий человеческой жизни по логическим рубрикам, коих нет в естественной человеческой жизнедеятельности, свидетельствует о стремлении автора акцентировать человеческую активность, волю своего персонажа.

Обращенность хрониста к одной лишь «царственной» жизни и деятельности предопределяет его большое внимание к воцарению царя и концу его царствования. Очевидно, что в осмыслении и описании воцарения хронист должен был считаться с характером реальной царской власти «допленного» времени и ее отражением в девтеронимическом сочинении. Вопрос о характере царской власти в Палестине является предметом оживленных дискуссий в современной историографии: большинство исследователей⁶¹ признают наличие там двух форм царской власти — «харизматической-демократической» (вторая часть определения неудачная. — *И. В.*) («charismatisch-demokratische») и «династически-институированной» («dynastisch-institutionelle»), но если одни⁶² говорят об их устойчивом сосуществовании, подчеркивая преобладание второй формы в Иудейском царстве, а первой — в Израильском, то другие⁶³ признают, что в обоих царствах с течением времени утвердилась «династически-институированная» форма царской власти. Поэтому тем показательнее те отклонения, или новеллы (по сравнению с Dtr.), что встречаются в хронистских описаниях воцарений.

Девтеронимическое повествование содержит ряд развернутых описаний божественного призвания, т. е. ключевого компонента «харизматической-демократической» формы, Шаула (I Sam. 9.1—10.27), Давида (I Sam. 16.1—13; II Sam. 5.2; 7.8), Йерабеама — основателя Израильского царства (конец X в. до н. э., I R. 11.29 и сл.), Йеху — правителя того же царства (вторая половина IX в. до н. э., I R. 16.2 и сл.) и др. Однако в хронистских биографиях, как показывают данные таблицы (графа 3 г), приводятся лишь упоминания о божественном призвании Давида (I Chr. 11.2; 17.7 и сл.; 28.4 и др.) и Соломона (I Chr. 17.11 и сл.; 22.9 и сл.; II Chr. 1.8 и сл.), причем последнее является новеллой хрониста, которая тем не менее не указывает на признание хронистом предпочтительности божественного призвания как формы воцарения⁶⁴. Дело в том, что хронист не только замалчивает развернутые описания девтеронимистом божественного призвания царя *rag excellence* Давида, но и переводит все сообщения о божественном призвании с уровня описания события на уровень упоминаний, реминисценций об этом событии⁶⁵, что говорит о снижении

⁶¹ *Soggin J. A.* Das Königtum in Israel. Ursprünge, Spannungen, Entwicklung. B., 1976. S. 6; ср. *De Vaux*. Op. cit. P. 91 f.; *Cazelles H.* The History of Israel in the Preexilic Period // *Tal*. P. 293 f., и др.

⁶² *Alt A.* Die Staaßenbildung der Israeliten in Palästina // *Alt A.* Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel. I—III. München, 1953—1959 (далее KSGVI). II. S. 15 f.; *idem.* Das Königtum in den Reichen Israel und Juda // KSGVI. II. S. 116—134; *Cross F. M.* Canaanite Myth and Hebrew Epic. Camb. Mass., 1973. P. 229 f.; *Mettlinger*. Op. cit. P. 233 f., и др.

⁶³ *Buccellati G.* Cities and Nations of Ancient Syria. Roma, 1967. P. 195 f.; *Ishida T.* The Royal Dynasties in Ancient Israel. B.—N. Y., 1977, и др.

⁶⁴ См. *Braun R. L.* Solomonic Apologetic in Chronicles // *JBL*. 1973. 92. № 4. P. 506—509; *idem.* Solomon, the Chosen Temple Builder // *JBL*. 1976. 95. № 4. P. 588—590, и др.

⁶⁵ *Вазмин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Вазмин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 282 сл.; *Bar-Efrat S.* Some Observations on the Analysis of Structure in Biblical Narrative // *VT*. 1980. XXX, № 2. P. 158 f., и др.

эффекта непосредственной действительности и тем самым авторитетности божественного призвания в глазах хрониста и его аудитории.

По-видимому, правы те исследователи⁶⁶, которые считают участие народа или его представителей (старейшин) в инвеституре царей постоянным, стабильным элементом воцарения, нашедшим свое отражение в девтеронормическом повествовании о воцарении Шаула (I Sam. 11.15 и сл.), Давида (II Sam. 5.1—3 и др.), Соломона (I R. 1.32 и сл.) и др. Хронист дополняет этот перечень упоминаниями о народном провозглашении царей Ахазияху (середина IX в. до н. э., II Chr. 22.1; ср. II R. 8.25) и Уззияху (II Chr. 26.1; ср. II R. 15.1), что говорит о его явно одобрительном отношении к этой форме воцарения, к которой, во-первых, причастны *yošbēu u'gūšalaim* («жители Иерусалима», II Chr. 22.1) и *kol 'am u'ehūdā* («весь народ Иехуда», II Chr. 26.1), занимавшие значительное место также в жизни «послепленной» гражданско-храмовой общины⁶⁷, а во-вторых, в ней человеческие воля и действие явно преобладают над божественными.

Последнее проявляется также в наследовании престола — той форме воцарения, которая в хронистских биографиях наиболее обычна. Явно одобрительное отношение хрониста к этой форме, где харизматический элемент, божественное призвание отдельного царя сведен до минимума⁶⁸, проявляется в гневном осуждении хронистом в отрывке своего *Eigengut* царя Йехорама (середина IX в. до н. э.) за убийство братьев, осквернившие принятый порядок наследования престола (II Chr. 21.2—4).

Хронист скован также в осмыслении конца царения ветхозаветным признанием смерти, как заложенной в самой человеческой сущности неизбежности, необходимости, наступление (смерть ранняя или в старости) и форма которой (смерть естественная или насильственная) в известной степени обусловлены жизнью и деятельностью самого человека⁶⁹, особенно если он — царь. Кроме того, хронист не мог не считаться с тем, каким в действительности был и/или описан в девтеронормическом повествовании конец царствования того или другого царя. Тем не менее хронист не копирует девтеронормические описания конца царения «допленных» давидов, а нередко предлагает своей аудитории собственные оттенки и нюансы. Как показывают данные таблицы (графа 3 д), из 12/10 позитивно оцененных хронистом царей царствование семи (№ 2, 3, 5, 7, 13, 15, 16) кончается естественной смертью, а из 10/12 царей, заслуживших негативную оценку, лишь у двоих (№ 4, 14) такая участь. Более того, развернутыми модификациями девтеронормического текста хронист усугубляет описание насильственного конца негативно оцененных им царей Йехорама (II Chr. 21.18—19; ср. II R. 8.24) и Йехоакима (рубеж VII—VI вв. до н. э., II Chr. 36.6—7; ср. II R. 24.6), а «хороший», т. е. естественный конец царя Менаше (первая половина VII в. до н. э.) хронист «оправдывает» описанием в отрывке своего *Eigengut* (II Chr. 33.12—20) покаяния непослуш-

⁶⁶ *Mettinger*. King... P. 129; ср. *Malamat A.* Kingship and Council in Israel and Sumer: A Parallel // JNES. 1963. 22. № 4. P. 246; *idem*. Organs of Statecraft in the Israelite Monarchy // BA. 1965. XXVIII. № 2. P. 37—38; *Tadmor H.* Traditional Institutions and the Monarchy // Studies in the Period of David and Solomon and other Essays. Tokyo, 1982. P. 240 f., и др.

⁶⁷ *Meyer*. Op. cit. S. 131 f.; *Vogl*. Op. cit. S. 90 f.; *Вейнберг*. Город... С. 158 сл.; *idem*. Der 'am hā' āres des 6.—4. Jh. v. u. Z. // Klio. 1974. 56. S. 328; *Ackroyd*. Op. cit. P. 135 f., и др.

⁶⁸ *Williamson H. G. M.* Eschatology in Chronicles // Tyndale Bulletin. 1977. 28. P. 115—154; *Japhet*. Op. cit. P. 387, и др.

⁶⁹ *Irwin*. Op. cit. P. 263 f.; *Wolff H. W.* Anthropologie des Alten Testaments. München, 1984. S. 150 f.; *Вейнберг*. Человек... С. 164 сл., и др.

ного царя. Просматривается определенная взаимосвязанность конца царствования, равно как и начала его — формы воцарения, со всем содержанием публично-государственной деятельности героев хронистских биографий, в совокупности определяющие оценку хронистом всей деятельности того или другого царя.

Оценочный подход, являющийся одной из структурных особенностей античной биографии⁷⁰, пронизывает все произведение хрониста, органически входит в ткань каждой отдельной биографии. Данные таблицы доказывают, что в хронистских биографиях наличествует определенная соотношенность между полнотой — неполнотой рубрифицированной схемы и оценкой жизни и деятельности соответствующего царя: «заполненная» схема, т. е. публично-государственная деятельность во всех или почти во всех сферах, воцарение и конец царствования, преобладает в биографиях позитивно оцененных царей (№ 2, 3, 6, 7, 12, 15 и др.), а биографиям негативно оцененных правителей (№ 1, 9, 17, 19, 20 и др.), как правило, свойственна «незаполненная» схема. Более того, из 12/10 негативно оцененных царей в биографиях девяти обнаруживается следующая соотношенность: небольшой объем (№ 1, 9, 17, 19—22); незаполненность рубрификационной схемы при преобладании в ней рубрик о войнах между обоими царствами или завершившихся поражениями войнами против «них», об антиреформах (№ 1, 9, 14, 17, 19—22); восхождение на престол по воле иноземных правителей (№ 20, 22); насильственный конец царения (№ 1, 8, 9, 17, 19—22); негативная оценка. И наоборот, в восьми из 10/12 биографий позитивно оцененных царей последовательно проводится другая соотношенность: большой объем биографий (№ 2, 3, 5—7, 12, 15, 18 и др.); заполненность рубрик публично-государственной деятельности, особенно в сферах государственно-административной, победоносных войн против «них» и религиозно-культурной (№ 2, 3, 6, 7, 12, 15, 18); воцарения путем наследования престола и/или провозглашения народом (№ 2, 3, 6, 7, 12, 15, 18), естественный конец царствования (№ 2, 3, 7, 15), позитивная оценка. Правомерно заключить, что ключевым критерием для позитивной оценки хронистом царя была «полнота», многогранность и всесторонность публично-государственной деятельности, а «неполнота», ограниченность и односторонность царской деятельности порождали оценки негативные. Хрониста, как и античных биографов⁷¹, привлекали «профессионально» деятельные персонажи.

Сраченность содержания жизни и деятельности царя с его оценкой, общая для всех биографий рубрифицированная схема, признание Давида эталоном для всех царей — все это создавало благоприятную почву для типизации персонажей биографии⁷², для моделирования образов царей одинаково «хорошими» или одинаково «плохими» и для забвения, игнорирования неповторимой индивидуальности каждого из них. Однако этого не произошло потому, что хронисту, во-первых, отнюдь не чужд феномен «личность — индивидуальность»⁷³, а во-вторых, манипулируя разделами рубрифицированной схемы, он создает индивидуальные градации и варианты «позитивности» хорошего царя или «негативности» плохого. Но

⁷⁰ *Аверинцев*. Плутарх... С. 181 сл.

⁷¹ Там же. С. 113 сл.

⁷² *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1977. С. 161 сл.; *Аверинцев*. Плутарх... С. 231 сл., и др.

⁷³ *Weinberg J. P.* Der Mensch im Weltbild des Chronisten: seine Psyche // VT. 1983. XXXIII. № 3. P. 313—316.

особенно показательно настойчивое стремление хрониста избегать унификации аксиологической части и по возможности ее индивидуализировать.

Девтерономист по отношению к 17 царям применяет стандартную оценочную формулу: *waууа'as̄ haууāšār b'e'eуnēу yhw̄h* «И творил справедливое [праведное] перед очами Йахве» (II R. 15.3; 18.3 и др.), или: *waууа'as̄ hāra' b'e'eуnēу yhw̄h*. «И творил несправедливое [неправедное, злое] перед очами Йахве» (II R. 3.2; 13.2 и др.), исключаящую всякую градацию однозначно позитивной или однозначно негативной оценки. Хронист же в немодифицированном виде применяет эту формулу лишь восемь раз, преимущественно в ее негативном варианте (№ 8, 9, 17, 20—22, а еще в шести случаях он ее модифицирует введением оценочных градаций, когда он «повышает» позитивность оценки жизни и деятельности царя Асы добавлением мировоззренчески и аксиологически очень весомого термина *tōb*⁷⁴ (= веселый, приятный, желанный; пригодный, красивый, добрый и т. д., II Chr. 14.1; ср. I R. 15.11) или когда он «понижает» позитивную оценку царя Амацйаху (начало VIII в. до н. э.) добавлением оговорки: «...только не от полного [целого] сердца» (...*raḳ lo' b'e'lebāb šālēm*, II Chr. 25.2; ср. II R. 14.3—4), и др. Еще показательнее второй модус модификации: в отличие от автора девтерономического произведения, где преобладает, за исключением, пожалуй, только повествований о Шауле и Давиде, выраженная однолинейность жизненного пути — царь «следует по пути Йахве» или царь «не следует по пути Йахве» — хронист охотно признает и показывает извилистость жизненного пути своих героев, особенно позитивно им оцененных. Ведь отклоняются «от пути Йахве» и возвращаются «на путь Йахве», проявляют непослушание по отношению к Йахве, чтобы вернуться к послушанию, Давид (I Chr. 21 = II Sam. 24), Йехизкйаху (II Chr. 32.24 и сл.), Менашше (II Chr. 33.2 и сл.) и др., причем каждый по-разному и в различном.

Важно также подчеркнуть, что в хронистских биографиях все эти жизненные повороты мотивированны. За исключением лишь одного упоминания внешнего по отношению к человеку побудителя поступка, это вне и надчеловеческий «противостоящий» (= *šātān*⁷⁵) «провоцирует» Давида на проведение учета народа (II Chr. 21.1; ср. II Sam. 24.1). Хронист, как правило, акцентирует внутреннюю мотивированность жизненного поворота⁷⁶, его зависимость от выбора самого царя и/или от воздействия на него других людей, но именно людей. Так, отклонение от «пути Йахве», непослушание Рехабеама (конец X в. до н. э., II Chr. 12.1), Уззийаху (II Chr. 26.16), Йехизкйаху (II Chr. 32.25) и др. было вызвано гордыней царей, а Йоаш (начало VIII в. до н. э.) сошел с «пути Йахве» после смерти доброго наставника под влиянием дурных советников (II Chr. 24.17) и т. д.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд наблюдений.

Нередко встречаемые в современной историографии⁷⁷ определения хрониста как бледного подражателя блистательного девтерономиста мо-

⁷⁴ Fox M. *Tōb as Covenant Terminology* // BASOR. 1973. 209. P. 41—42; Weinfeld M. *The Counsel of the «Elders» to Rehoboam and its Implications* // Maarav. 1982. 3/1. P. 50—51., и др.

⁷⁵ De Vaux. *Op. cit.* P. 156; North R. *Angel-Prophet or Satan-Prophet?* // ZAW. 1970. 82. № 1. P. 66—67, и др.

⁷⁶ Ср. Вальченко В. В. К вопросу о родовой принадлежности «Характеров» Феофраста // ВДИ. 1986. № 2. С. 160.

⁷⁷ Noth M. *Überlieferungsgeschichtliche Studien*. I. B., 1943. S. 110 f.; Holscher G. *Geschichtsschreibung in Israel*. Lund, 1952. S. 19, и др.

гут казаться обоснованными, если исходить из признания одножанровости обоих произведений. Тогда скромная «монохромность» хрониста, конечно, уступает яркой «полихромности» девтерономиста, сдержанная равномерность интонаций хронистского сочинения⁷⁸ заставляет с сожалением вспомнить драматическую напряженность девтерономического повествования, деловитые описания хронистом публично-государственных деяний царей — неадекватная замена пронизанным истинным трагизмом описаний столкновений между стареющим Шаулом и юным Давидом, между любящим отцом Давидом и мятежным сыном Абшаломом и т. д. Но именно то, что казалось бы и кажется недостатком хрониста и его творения — «монохромность» и деловитое описание публично-государственной деятельности, суженность сюжетных линий и сосредоточенность вокруг одного персонажа, сдержанная равномерность интонации и выраженная аксиологичность и др. — в совокупности составляет сущность жанра «биография» и является показателем принадлежности хронистского сочинения к этому жанру. Хронист, следовательно, не был ни подражателем, ни эпигном девтерономиста, а наоборот — зачинателем, точнее одним из зачинателей на древнем Ближнем Востоке жанра биографии.

Рождение этого жанра на древнем Ближнем Востоке именно в I тыс. до н. э., ближе к его середине, было обусловлено всей совокупностью социально-экономических, политических и идеологических процессов и сдвигов, свойственных второму этапу древневосточной истории⁷⁹. Тогда на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности человека нарастала автономность индивида, шел процесс индивидуализации, который в изобразительном искусстве имел своим последствием распространение портрета⁸⁰, а в словесном искусстве привел к распространению автобиографий⁸¹, например, хеттских, новоассирийских царей⁸², к появлению «псевдобιοграфических» («biography-like»⁸³) рассказов о ветхозаветных патриархах, хронистских биографий и т. д.

Когда на древнем Ближнем Востоке преимущественно в III—II тыс. до н. э. царственность воспринималась «нисходящей» и/или «нисходящей» с небес сакральной и субстанциальной силой, то цари представлялись как бы сменяющимися друг друга атлантами, держащими один и тот же небосвод, или носителями одного и того же платья⁸⁴. История поэтому была по существу «биографией» единой, но обладающей дискретностью царственности, а цари в этой единой «биографии» служили как бы «межами» этой дискретности, что хорошо видно в древневосточных летописях, заметно даже в сочинении девтерономиста. Поэтому появление вместо «биографии» царственности биографий царей свидетельствует о перемещении центра тяжести с царственности, которая, кстати, в сочинении хрониста предстает в значительной степени демифологизированным и десакрализированным, лишенным субстанциальности явлением, преимущест-

⁷⁸ Ср. *Аверинцев*. Плутарх... С. 123 сл.

⁷⁹ *Дьяконов И. М.* Основные черты древнего общества // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971. С. 142 сл.; История древнего мира. II. С. 5 сл., и др.

⁸⁰ *Померанцева Н. А.* Эстетические основы искусства древнего Египта. М., 1985. С. 150 сл.

⁸¹ Ср.: «Резкой, принципиальной грани между автобиографией и биографией нет» (*Bazmian*. Автор... С. 131 сл.).

⁸² *Güterbock H. G.* Hittite Historiography: A Survey // *HNal*. P. 21 f.; *Tadmor H.* Autobiographical Apology in the Royal Assyrian Literature // *HNal*. P. 36—57, и др.

⁸³ *Blenkinsopp*. Op. cit. P. 27—46.

⁸⁴ *Якобсон*. Представление... С. 66 сл.; *Вейнберг*. Человек... С. 117 сл. и др.

венно человеческой сферы⁸⁵, на царей как на активных действующих, принадлежавших к миру людей даже во время царствования. Такое восприятие царя не означает отрицания или умаления его посреднической функции: хронист акцентирует полезность позитивной деятельности царя и вредность его негативной деятельности для всего социума, всего царства и самого царя, но он подчеркивает значительную автономность царя на всех уровнях его жизни и деятельности, решающую роль его выбора «пути» и преимущественно человеческие истоки и побудители «хороших» и/или «плохих» поступков царя и т. д.⁸⁶ Но весь вопрос в том, соответствует ли такое осмысление царя статусу реального царя и его восприятию в «допленное» «царское» время или оно порождено рефлексиями «послепленного» «нецарского» времени о несуществующих в настоящем, но существовавших в прошлом царях?

Новые археологические и эпиграфические данные доказывают достоверность информации⁸⁷ о «допленном» времени, сообщаемой только хронистом и отсутствующей в девтеронормическом произведении — о крепостном строительстве Рехабеама (II Chr. 11.5—12), судебной реформе Йехошапата (II Chr. 19.5 и сл.), хозяйственной деятельности Уззияху (II Chr. 26.9—10) и другой деятельности царей, бывшей, как мы видели, одинаково актуальной и важной в «допленном» царстве и в «послепленной» гражданско-храмовой общине. Но одновременно хронист намеренно замалчивает многие известные ему ключевые события «допленного» времени — борьбу за власть между Давидом и Шаулом, мятежи против Давида, борьбу за престол после смерти Давида и др., которые в условиях борющейся за свое единство и существование «послепленной» гражданско-храмовой общины не только не были актуальными, но и выглядели одиозными. Если учтем также, что хронистское осмысление «допленного» царя во многом отличалось от его реального статуса в «допленное» время, от его восприятия девтеронормистом, то правомерно констатировать наличие в хронистских биографиях своеобразного историзма⁸⁸.

Своеобразие историзма хронистских биографий выражается в том, что, с одной стороны, хронист стремится к значительной степени достоверному, соответствующему «допленным» реалиям воспроизведению многих признаков и деяний «допленных» царей, избегая при этом нарочитой архаизации, столь заметной в некоторых ветхозаветных (кн. Руфь и др.) и апокрифических (кн. Юдифь и др.) сочинениях на сюжеты «допленной истории»⁸⁹. А с другой стороны, хронист сознательно и целенаправленно учитывает реальность и «социальный заказ» современной ему «послепленной» гражданско-храмовой общины, актуализирует образ и деятельность «допленных» царей, избегая, однако, при этом крайности модер-

⁸⁵ Weinberg J. P. Das Königtum und das Königreich im Weltbild des Chronisten // Klio. 1987.69 № 1, S. 28—45.

⁸⁶ Вейнберг И. П. Царь в хронистской картине мира // Тез. докл. Всесоюз. научно-методической конф. «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете». Даугавпилс, 1985. С. 17—18.

⁸⁷ Liver. Op. cit. P. 224 f.; Gray J. Recent Archaeological Discoveries and their Bearing on the Old Testament // Tal. P. 90, и др.

⁸⁸ Об историзме см. Утченко С. Л. Глазами историка. М., 1966. С. 243; Кон И. С. Историзм // СИЭ. Т. 6. Стб. 453—454; Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982. С. 230 сл., и др.

⁸⁹ Eissfeldt. Op. cit. S. 650—654, 793—796, и др.

язации, столь явственной в кумранских *пешарим*, местами в сочинениях Иосифа Флавия⁹⁰ и т. д.

Характеризующийся сбалансированностью между стремлением к достоверному воспроизведению прошлого и умеренной актуализацией прошлого историзм хронистских биографий обнаруживает точки соприкосновения с историзмом античной историографии⁹¹, что, равно как и жанр произведения хрониста, можно считать еще одним проявлением типологической близости между этим древнеближневосточным сочинением и творениями греческой мысли середины I тыс. до н. э.

И. П. Вейнберг

⁹⁰ Амусин И. Д. Кумранская община. М., 1983. С. 75 сл.; Troiani L. Per un'interpretazione della storia ellenistica e romana contenuta nelle «Antichità giudaiche» de Giuseppe (libri XII—XX) // Studi ellenistici. 1984. I. P. 39—50.

⁹¹ Кузнецов, Миллер. Ук. соч. С. 183 сл.

ROYAL BIOGRAPHY IN THE NEAR EAST IN THE MIDDLE OF THE FIRST MILLENIUM B. C.

I. P. Weinberg

The purpose of this article is to define more exactly the genre—affiliation of the Book of Chronicles. The conclusions drawn are the following:

1. The peculiarities of the content and style of the Book of Chronicles, such as business-like description of main public political activities, narrowing of the plot, concentration of the narration around one person, in their totality form the essence of the genre of biography and therefore the Chronist can be acknowledged as one of the initiators of this genre in Ancient Near Eastern historical writing.

2. The emerging of the royal biography in the Ancient Near East points out to fundamental changes in the perception of kingdom and king, demonstrates a strengthening demythologization and desacralization of these institutions and a rising apprehension of them, especially of the king as a phenomenon mainly human and profane, and therefore suitable for a subject of human biography.

3. Such a perception of kingdom and king in many aspect differs from their real state in preexilic Judea, pointing out to the Chronist's peculiar historicism, which unites the aspiration for a truthful description of the life and activities of the preexilic kings with a deliberate end purposeful reflection of some essential features and realities of his own time and surroundings, that of the postexilic (latter half of the sixth century B. C.—the first half of the fifth century B. C.) civic — temple — community.

© 1990 г.

ЗАМЕТКИ ПО ЛОКАЛИЗАЦИИ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ: АМФОРЫ И АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА КОЛОФОНА

Колофон — один из значительных ионийских центров в Лидии, основанный по преданию пилосцем Андремоном. Город находился в 3 км от моря на р. Гакес, но имел на морское побережье собственную гавань — город Нотион (рис. 1). В архаическое время Колофон славился как крупный процветающий центр; источники особо подчеркивают его военную мощь, опиравшуюся на конницу и сильный флот. Сложилась даже поговорка «взять в помощь Колофон», другими словами, обеспечить верную

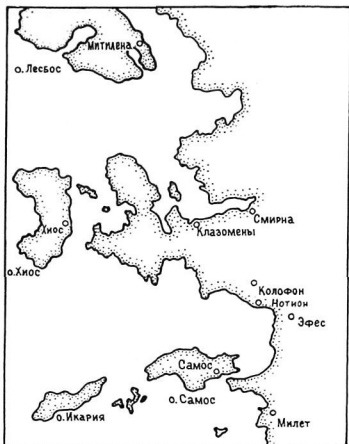

Рис. 1. Карта Ионии и прилегающих островов

победу (Herod. I. 142; Strabo. XIV. 1.3, 28; Liv. XXXVII. 26). Однако с VI в. до н. э. Колофон начинает терять свое значение, что связано прежде всего с агрессией соседней Лидии. На какое-то время город захватывает Гигес, затем огромный ущерб ему нанес Крез (Herod. I.14, 16). Последовавшее завоевание города персами после середины VI в. привело к значительному оттоку населения в Южную Италию и Фракию¹.

Дальнейшая политическая история полиса освещается источниками очень слабо. В V в. до н. э. Колофон входил в Афинскую Архэ, а в период между 450 и 446 г. в нем располагался афинский гарнизон, что, надо полагать, привело к установлению демократической формы правления². Во время Пелопоннесской войны город вновь на какое-то время захватывался персами (Thuc. III. 34)³. Известно также, что Лисимах переселял его жителей в Эфес (Paus. I.9; VII. 3), а в I в. до н. э. его захватывали пираты (Cic. de imp. Gn. Pomp. XII.33).

Об экономике города мы знаем ничтожно мало. Аристотель отмечает, что до лидийского нашествия большинство населения Колофона имело значительное недвижимое имущество (Arist. Pol. IV.3, 8). Можно думать, что основой этого благосостояния было развитое земледелие, вывоз продукции которого стимулировал развитие торгового флота, а необходимость контроля за морскими коммуникациями — и флота военного. Видимо, не случайно Нотий — морские ворота Колофона — играл столь большую

¹ Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 168.

² Там же. С. 333, 363.

³ Основная причина этого — внутривнутриполитическая междоусобица. Представители побежденной партии переселились в соседний Нотий.

роль в истории государства (Liv. XXXVII. 26; Xen. Hell. I.2.4). Упоминается также о разработке колофонцами золотых рудников во Фракии еще в эпоху архаики. С древности славилась колофонская смола — так называемая канифоль⁴. Хотя «золотой век» Колофона кончился в VI в. до н. э., он продолжал существовать как полис «среднего» экономического значения на протяжении многих последующих столетий, о чем свидетельствует предоставление ему иммунитета со стороны Рима (Liv. XXXVIII.39).

К сожалению, археологический материал почти ничего не добавил к этим скудным сведениям. Единственное исключение — несколько амфорных клейм с этниконом Κολοφώνιων, которые не оставляют сомнений в том, что на каком-то этапе Колофон осуществлял клеймение керамической тары. Эти клейма относятся к числу редчайших. За сто с лишним лет зафиксировано всего семь амфорных ручек с этником Κολοφώνιον или Κολοφώνιων. Первое клеймо с легендой Κολοφώνιον|Ἀπολλωνίου из Греко-римского музея в Александрии было опубликовано А. Дюмоном⁵. Среди причерноморских материалов Е. М. Придик выявил два клейма с аналогичной легендой и, видимо, оттиснутые тем же штампом, что и первое⁶. Четвертое клеймо опять-таки из Александрии было издано В. Грейс с приложением хороших фотографий и описанием глины⁷. Это клеймо также двустрочное, но имеет иную легенду: Ἠγεκράτου|Κολοφώνιων (рис. 2).

Новые колофонские клейма долгое время не встречались, и к середине 50-х годов, когда Б. Н. Граков завершал работу над «Корпусом клейм из Северного Причерноморья», он вынужден был ограничиться в разделе «Колофонские клейма» приведенными сведениями, причем клейм из Причерноморья в хранилищах уже не было и он включил их в сводку на основании записи Е. М. Придика. Опираясь на палеографию известных ему штампов, Б. Н. Граков считал их хронологически близкими и относил ко времени около конца III или начала II в. до н. э.⁸

За прошедшее время стало известно еще о трех колофонских клеймах. Одно — с той же легендой, что и на александрийском — приобретено в Файюме и хранится в Католическом университете Милана⁹. Второе и третье найдены в Горгиппия¹⁰ и Ольвии¹¹ и оттиснуты тем же штампом, что и клейма, зафиксированные А. Дюмоном и Е. М. Придиком. Особый интерес представляет ольвийская находка, поскольку впервые обнаружен

⁴ Латинская *resina Colophonia* — *Plin. NH. XIV. 25 (2)*.

⁵ *Dumont A. Inscriptions céramiques de Grèce. P., 1872. P. 387. Pl. X, 3.* Недавно это клеймо в хорошей прорисе переиздано: *Empereur J.-Y., Hesnard A. Les amphores hellénistiques // Céramiques hellénistiques et romaines II. Besançon, 1987. P. 56. Pl. 1—2.*

⁶ Одно клеймо из Ольвии, найденное в 1896 г., хранилось в ГИМ. Происхождение другого неизвестно, Е. М. Придик его видел в Археологической комиссии. Сведения отражены в карточке клейм Е. М. Придика, хранящейся в архиве ЛОИА.

⁷ Глина красная с белыми включениями. Поверхность темно-желтая. См. *Grace V. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World // Hesperia. 1949. VIII. P. 181, 187. Pl. 20, 8.*

⁸ Корпус керамических клейм Северного Причерноморья. Архив ИА АН СССР, P-2. № 2157—2198. Раздел «Колофонские клейма».

⁹ *Crisuolo L. Bolla d'anfora greci e romani, la Collezione dell'Università Cattolica di Milano. Bologna, 1982. P. 121 № 163; ср. Empereur J.-Y., Garland Y. Bulletin archéologique: Amphores et timbres amphoriques (1980—1986) // REG. 1987. Tome C. P. 88. suiv.*

¹⁰ 1979 г. Опись коллекции № 34. Хранится в Анапском археологическом музее.

¹¹ Агора, 1966. Помещение «Г» юго-западного дома, кв. 679. Хранится в ИА АН УССР, п. о. 0—66/1159.

ΜΓΕΚΡΑΤΟΥ
ΚΟΛΟΦΩΝΙΩΝ

Рис. 2

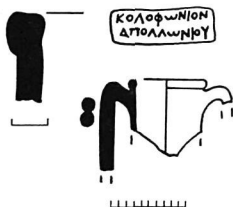

Рис. 3

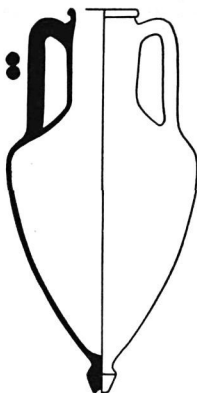

Рис. 4

Рис. 2. Колофонское клеймо из Александрии (по В. Грейс)

Рис. 3. Фрагментированная клейменная колофонская амфора из Ольвии

Рис. 4. Колофонская амфора из кургана 1Р у хутора Аджигол

не просто обломок ручки с клеймом, а значительный фрагмент горла с ручками и полностью сохранившимся венцом (рис. 3)¹². Это открывает определенные перспективы в поиске целых форм неклеяемой колофонской тары, которую можно попытаться выявить, сравнивая клейменный экземпляр с образцами керамической тары неустановленных центров производства.

Решение этой задачи несколько облегчается своеобразием профильных частей амфоры из Ольвии. Прежде всего, у сосуда двустольные ручки сечением $3,9 \times 1,7$ см, имеющие в верхней части резкий перелом. Венцы трапецевидной формы с горизонтальной площадкой сверху. На нем сохранились следы красной краски по всей окружности. Прямоугольное клеймо размером $2,7 \times 9,0$ см стоит у верхнего прилепа ручки. Диаметр венца (d_1) — $9,4 \times 11,6$ см, диаметр устья (d) в среднем 8,5 см. К сожалению, морфология самого сосуда не совсем ясна. Несомненно только, что это небольшая амфора со строго цилиндрическим средней высоты горлом. Довольно своеобразна глина — красно-коричневого цвета, плотная, с примесью мелкого слабоокатанного песка, основным компонентом которого являются полевые шпаты. Другие включения отсутствуют.

Перечисленные морфологические признаки значительно сужают поиск целых форм. Двустольные ручки эллинистического времени встречаются

¹² Чертеж фрагмента горла и прорисовка клейма сделаны Ю. Г. Виноградовым, любезно предоставившим их в мое распоряжение.

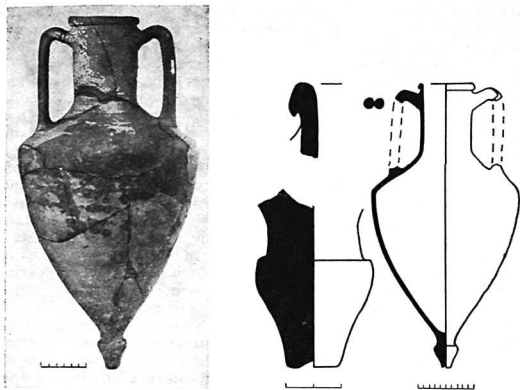

Рис. 5. Колофонская амфора из усадьбы № 6 поселения Панское-1 (фото и чертеж)

не столь уж часто, а в сочетании с другими признаками позволяют привести надежные аналогии. Мне известны два целых сосуда с такими характеристиками. Одна амфора происходит из кургана Γ у хут. Аджигол (совр. с. Солончаки) в округе Ольвии, раскопанного М. Эбертом в начале века¹³; ее размеры: $H = 53,6$ см, $H_0 = 48,0$ см, $H_1 = 21,5$ см, $D = 27,0$ см, $d_1 = 10,0$ см¹⁴. Глина по описанию М. Эберта — светло-красная, тонкая, снаружи желтая (рис. 4). Вторая амфора найдена в 1971 г. на усадьбе № 6 поселения Панское-1 в Северо-Западном Крыму¹⁵ и имеет размеры: $H = 51,0$ см, $H_0 = 44,6$ см, $H_1 = 20,0$ см, H_3 (горла) = $12,4$ см, $D = 26,2$ см, $d_1 = 10,2$ см, $d = 8,1$ см. Фактический объем 9,2 литра¹⁶ (рис. 5). Глина красно-коричневая, с мелким песком, идентична по цвету, структуре и составу глине фрагментированной клейменной амфоры из Ольвии¹⁷.

Обе амфоры имеют тулово конической формы с резким переломом в районе плеч, цилиндрическое горло, двустольные вертикально поставленные ручки и своеобразную ножку «кубаревидной формы» диаметром 4,2 см с небольшим углублением на подошве. Венец амфоры из поселения Панское-1 повторяет профилировку венца клейменого экземпляра, однако имеет подрезку снизу (рис. 3, 5).

¹³ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // Prähistorische Zeitschrift. 1913. Bd V. S. 29 f. Abb. 34. 1Рс.

¹⁴ H — высота, H_0 — глубина, H_1 — высота верхней части, D — диаметр тулова, d_1 — диаметр венца, d — диаметр устья.

¹⁵ П. о. ТЭ — 71. У6/13. Оп. 8/13. Хранится в ЛОИА АН СССР. Негатив в фотоархиве ЛОИА № 11. 89832.

¹⁶ Замер емкости производился овсом.

¹⁷ Конечно, было бы желательно сделать сравнительные анализы глин этих двух сосудов, например, оптико-петрографический или с помощью активации нейтронов по методике Лионского центра, однако возможности для этого пока не было.

Известная около 80 лет амфора из раскопок М. Эберта, естественно, уже привлекла внимание. И. Б. Зеест отнесла ее к условной группе «усть-лабинских»¹⁸, высказав предположение, что такая тара выпускалась в нескольких центрах в подражание косскому типу¹⁹. Позднее И. Б. Зеест выделила очень похожие образцы фрагментированных сосудов с кубаревидной ножкой и двуствольными ручками в особую группу типа «яблоновской»²⁰. Основной критерий такого членения — сильные отличия в составе глиняного теста. Действительно, кубаревидные ножки встречаются на косских амфорах IV—III вв. до н. э.²¹, клейменных родосских конца IV в.²², изредка на амфорах типа Солоха-I²³ и ряда других неустановленных центров. Недавно они зафиксированы в керамических материалах из амфорной мастерской на п-ове Датса недалеко от Книда²⁴. Очень похоже, правда более крупные, кубаревидные ножки присутствуют на амфорах с клеймами группы Зенона из кораблекрушения у Серке Лимана первой четверти III в. до н. э., которые В. Грейс считает продукцией птоломеевского Египта²⁵. Нет сомнений, что кубаревидная форма ножки была характерна для тары многих центров Восточного Средиземноморья.

Колофонские же кубаревидные ножки, судя по известным целым образцам тары, от прочих следует отличать по комплексу из трех признаков: глубокому перехвату у основания ножки, незначительному углублению на подошве и, конечно, по характерной желтоватой или красновато-коричневой глине с обильной примесью окатанного песка. Время от времени такие ножки встречались и встречаются в археологических комплексах, хотя традиционно их относят или к группе усть-лабинских²⁶, или же к прото-косским²⁷. Одну такую ножку удалось зафиксировать в 1988 г. на Елизаветовском городище (рис. 6).

Что касается двуствольных ручек, то и они присутствуют у амфор ряда центров²⁸, прежде всего уже упомянутых Коса и Родоса. Следует, правда, помнить и о том, что отнюдь не обязательно все образцы колофонской керамической тары имели двуствольные ручки. По крайней мере, из публикаций следует, что оба колофонских клейма из Александрийского музея стоят на одноствольных ручках²⁹. Надо думать, что и Е. М. Придик не преминул бы отметить двуствольность ручек, на которых он видел клейма из Северного Причерноморья. Скорее всего, как это было во многих цент-

¹⁸ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 92.

¹⁹ Она же. Внутренняя торговля Прикубанья с Фанагорией // МИА. 1951. № 19. С. 117.

²⁰ Она же. Керамическая тара... С. 107. Табл. XXV, 5А.

²¹ Там же. С. 106. Табл. XXIV, 51.

²² Grace V. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // *Hesperia*. 1963. XXXII. Fig. 1—5; Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. Табл. XXV, 3.

²³ Брашинский. Методы... Табл. XXIII, 3; XXIV, 2.

²⁴ *Empereur J.-Y., Tuna N. Zénon de Caunas et l'épave de Serce Limani* // BCH. 1988. CXII. P. 344 f. Fig. 4.

²⁵ Grace V. Some Amphoras from a Hellenistic Wreck // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 557 ff. Fig. 2, 4; Koehler C., Wallace M. The Transport Amphoras: Description and Capacities // AJA. 1987. 91. P. 49. ff. Fig. 26, 27.

²⁶ Зеест И. Б. О торговле Неаполя и ее значении для Боспора // МИА. 1954. № 33. С. 74 (скорее всего второй тип); Балканска А. Амфоры и амфорные печати // Севтополис. Т. I. София, 1984. С. 131, 142. Обр. 10, 11, 12, 13.

²⁷ Брашинский И. Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene*. 1965. IV. С. 96 сл.; он же. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 32. Табл. XXIII, 5.

²⁸ Брашинский. Методы... С. 122; *Empereur, Hesnard*. Op. cit. Pl. 4, 20; 8, 39.

²⁹ Grace. Standard Pottery... P. 181, 187. Pl. 20, 8; *Empereur, Hesnard*. Op. cit. Pl. 1, 2.

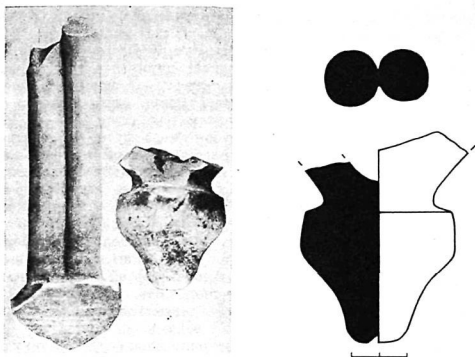

Рис. 6. Ножка и ручка колофонской амфоры из Елизаветовского городища (фото и чертёж)

рах, в Колофоне одновременно выпускались амфоры разных размеров, а может быть и различных типов, как с двухствольными, так и с одноствольными ручками. Для Коса, например, это устанавливается абсолютно твердо. Еще В. Н. Граковым отмечено два косских клейма «Ερμωλοσ» с эмблемой «два дельфина» от одного штампа, которые стоят в первом случае на одноствольной ручке, во втором — на двухствольной³⁰.

Известные на сегодняшний день целые колофонские амфоры, судя по линейным размерам, представляют один стандарт. Скорее всего его фактическое содержание приближалось к 9 литрам (при единственном фактическом замере в 9,2 литра). Такой объем примерно соответствует мере в 1 аттический гект или 8 хойников (8,65—8,75 литра), или локальной мере в 3 фасосских хоя (8,82 литра)³¹. Первая мера реконструируется для синопских фракционных амфор второй половины IV в. до н. э.³² и одной из групп херсонесской тары конца IV — начала III в. до н. э.³³. Локальная фасосская мера получила распространение в середине IV в. до н. э. в связи с выпуском биконических амфор развитого варианта³⁴. Таким образом, колофонская мера емкости дублирует ряд аналогичных. И вместе с тем этот вывод будет чисто гипотетичным, если не подкрепится соответствующими расчетами.

Для этого, как показывает опыт, необходимо сделать прикидку различных вариантов локальных систем для известных стандартных размеров рассматриваемого типа керамической тары. Основные линейные размеры

³⁰ Корпус керамических клейм. Раздел «Косские клейма».

³¹ Конечно, при желании можно подобрать и другие эквиваленты античных мер емкости, однако в данном случае в этом не было необходимости.

³² Брашинский. Методы... С. 114.

³³ Моныхов С. Ю. Керамическая тара эллинистического Херсонеса: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 14.

³⁴ Брашинский. Методы... С. 112 сл.

двух колофонских амфор в переводе на аттические дактили (1 дактиль = 20,408 мм)³⁵ выглядят следующим образом: $H = 26$, $H_0 = 22$, $H_3 = 6$, $H_4 = 16$, $D_1 = 12$, $d = 4$ аттических дактиля³⁶. Примечательно, что важнейшие параметры кратны более крупной единице — футу: $H_4 = 1$ фут, $D_1 = 3/4$ фута, $d = 1/4$ фута. По реконструируемой формуле расчета стандарта $[V_{\text{теор}} = H_4 ((D_1 + d)/2)^2]$ теоретическая мера емкости амфоры с такими размерами и такой формы должна равняться 1024—1028 аттических кубических дактилей или $1/4$ кубического фута, что соответствует 8,7 литра. Практическое совпадение расчетной меры и предполагаемого стандарта, кажется, может свидетельствовать в пользу предпочтительности гипотезы об употреблении в Колофоне аттической системы мер в то время, когда там производилась керамическая тара рассматриваемого вида.

Хронология этих амфор может быть установлена достаточно точно на основе археологического контекста находок. Аджигольская амфора встречена в погребальном комплексе вместе с аттическим чернолаковым тюльпановидным киликом³⁷ второй — третьей четвертей IV в. до н. э., если судить по аналогиям³⁸. Даже если предположить, что килик, как это часто бывает, несколько старше остального инвентаря³⁹, то и тогда амфору следует датировать не позднее конца IV в. до н. э.

К сожалению, с хронологией колофонских клейм дело обстоит несколько хуже. С одной стороны, находки таких клейм в Александрии дают нам нижнюю дату — 332 г. до н. э., ранее этой даты клейма не могут датироваться. С другой стороны, ориентировочная привязка Б. Н. Граковым этих клейм к концу III — началу II в. до н. э. вряд ли сейчас может быть принятой. Лунарные формы букв, как установлено, появляются в керамической эпиграфике уже с конца IV в. до н. э. и обычны в III в. до н. э.⁴⁰ Скорее всего известные нам амфорные колофонские клейма двух штампов следует отнести к первой половине III в. до н. э.

Локализация еще одной группы керамической тары эллинистического времени открывает новый археологический источник по истории античной экономики. И хотя импорт продукции в колофонской таре, судя по

³⁵ *Dinsmoor W. P. The Basis of Greek Temple Design: Asia Minor, Greece, Italy // Atti del settimo Congr. intern. di archeol. classica. 1961. V. I. P. 357. ff.*

³⁶ $H_1 = H_0 - H_3$ — производный параметр, равняющийся разнице между глубиной и высотой горла. D_1 — наибольший внутренний диаметр тулова. Вместе с диаметром устья (d) эти размеры, на мой взгляд, были определяющими при моделировании прототипа амфоры с учетом обусловленной стандартной меры в соответствии с античной методикой. См. *Моназов С. Ю. Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1980. № 4. С. 171; он же. О некоторых особенностях расчета стандартных мер емкости остроносовых амфор // АМА. 1986. Вып. 6. С. 109. Рис. 1.*

³⁷ *Ebert. Ausgrabungen... S. 30. Abb. 32.*

³⁸ *Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. 1970. V. XII. № 608; Иванов Т. Античная керамика от некрополя на Аполония // Аполония. Разкопки в некрополе на Аполония през 1947—1949 гг. София, 1963. № 428. В материалах Афинской агоры тюльпановидные килики в основном более раннего времени, в северопричерноморских же комплексах они встречаются вместе с хиосскими колпачковыми и гераклейскими амфорами середины — третьей четверти IV в. до н. э. См., например: *Моназов С. Ю., Рогов Е. Я. Керамические комплексы некрополя Панское-I // АМА. Вып. 8. Комплекс К. 44, М. 1, килик № 68 (в печати).**

³⁹ *Моназов С. Ю. Амфоры некрополя Панское-I на хоре Херсонеса // Тез. докл. науч. конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 258.*

⁴⁰ *Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // ИЭ. 1972. X. С. 12; Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 93 сл.; *Debidour M. En classant les timbres thasiens // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 315.**

массовому материалу, никогда не являлся особо значимым по сравнению, скажем, с синхронными фасосским, синопским или родосским, его необходимо учитывать для получения объективной картины торговых связей античной эпохи. А поскольку клеймение в Колофоне, судя по всему, носило нерегулярный характер, присутствие колофонской тары в составе керамических комплексов может и должно фиксироваться по обломкам неклеяемых сосудов, легко выделяемых из всего массива фрагментированной керамики.

С. Ю. Моныхов

NOTES ON THE LOCALISATION OF CERAMIC CONTAINERS,
AMPHORAS AND AMPHORA SEALS OF COLOPHON

S. Yu. Monakhov

This paper attempts to localise amphoras of Hellenistic Colophon. The author, having collected together all known finds of Colophon amphora seals, and relying on the discovery in Olbia of a fragmented sealed Colophon amphora, has singled out, by comparison, a group of sealed Colophon amphoras of early Hellenistic times. The most notable features of these amphoras are the double-stemmed handles, the cuplike base, and the peculiar reddish-brown clay with an admixture of sand. It is suggested that examples of containers of other types were made in Colophon along with this type at the end of the fourth and in the first half of the third century B. C., including one with single-stemmed handles.

© 1990 г.

ПЕРВЫЙ ПОКАЯННЫЙ ГИМН СОФИИ:
ИЗ ГНОСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Обращаясь к такой теме, как гностическая интерпретация, мы намерены коснуться только одной ее стороны. Нас интересует взгляд авторов гностических текстов на приводимое ими толкование, логика их рассуждений, мы пытаемся выяснить, чем могли руководствоваться они в своих построениях и оценках. Подходя к теме таким образом, мы затрагиваем вопросы, связанные с мировосприятием гностиков, общим настроением их сознания.

В качестве источника нами выбран текст, содержащий прекрасный материал для изучения гностической интерпретации. Этот текст взят из произведения, за которым в специальной литературе укрепилось название «Пистис София». Это произведение сохранилось в коптском пергаментном манускрипте, имеющем форму кодекса. По имени лондонского врача и библиофила, купившего кодекс в 1750 г., А. Эскью его называют Аскавианским; иное наименование — Лондонский. В датировке кодекса расхождения были очень велики — в несколько столетий. В последнее время его относят к годам между 340 и 360, а временем составления «Пистис София» предполагают 30-е годы IV столетия¹. Дошедшее до нас произве-

¹ *Tardieu M., Dubois J.-D.* Introduction à la littérature gnostique. I. CERF/CNRS, 1986. P. 66, 80.

дение, написанное, видимо, в Египте, является по мнению подавляющего числа исследователей переводом с греческого.

Хотя Аскевианский кодекс известен ученым уже более двух веков, имеется всего несколько переводов «Пистис София» на новоевропейские языки и латынь. Отсутствие же критического издания, снабженного комментарием и справочным аппаратом, сильно затрудняет изучение этого уникального памятника гностической мысли², настолько же содержательного, как и сложного. Можно лишь изумляться тому, что текст такой исключительной важности для истории духовной культуры древности, таких чисто художественных достоинств, заинтересовал столь малое число ученых³.

Как бы ни решался вопрос о природе гностического мировоззрения или умонастроения, мифологический аспект древних текстов, которые можно поставить в связь с этим явлением, неизменно привлекает к себе внимание исследователей. Им удалось наметить так называемый «гностический миф» — некую идеальную модель, которой в большей или меньшей степени отвечают конкретные источники. Читатель мог ознакомиться с русским переводом одного из таких текстов, сохранившихся на коптском языке, — «Апокрифом Иоанна»⁴, где основные узлы этой модели выражены достаточно ясно. «Пистис София» не принадлежит к памятникам, в которых гностическая мифология отразилась столь широко. «Пистис София» в целом освещает один, хотя и чрезвычайно важный сюжет гностического мифа — о падении и восхождении сущности высшего мира Софии. Однако было бы неверным думать, что только к этому сводится мифологический пласт «Пистис София». Отнюдь нет. То — лишь сюжетная канва, в сложных узорах, вышитых по ней, мы найдем следы самых разных мифологических персонажей и событий. Тема света, его единства, его очищения, сопротивления его отторжению и рассеянию, разворачиваемая как на уровне космического бытия, так и единичного существования, является стержневой для всего произведения.

«Пистис София» построена по типу беседы воскресшего Иисуса с ближайшими его учениками — форма обычная для многих гностических текстов. В этой беседе, местом которой названа Масличная гора, Иисус обещает собравшимся вокруг него ученикам открыть последние тайны мироздания. Иисус повествует о своем пути к вышним, пролежавшем через мир зонов и архонтов, чья сила была сокрушена им. При вознесении Иисус встретил Пистис Софию, горько оплакивавшую свою участь. Злоключения этого персонажа подробно описываются в рассказе Иисуса. Первоначально София обитала в тринадцатом зоне. Она возжаждала высшего и направила свой взор к Свету светов. Архонты двенадцати зонов возненавидели ее и, ведомые архонтом Дерзким (ΑΥΘΑΔΗΣ), заманили в вещество (ΖΥΑΝ), хаос, облекли ее тьмой, обманув ложным светом. София поняла свою ошибку, вознесла покаянные гимны к Свету светов, прося спасти ее. Моления были услышаны, послан Иисус, чтобы извлечь Софию из хаоса. Тогда София воспела благодарственные гимны вышнему. Затем, согласно рассказу Иисуса, она была возвращена им в тринадцатый зон. Беседа продолжается. Один за другим следуют вопросы и ответы

² Присоединяемся к высокой оценке памятника, данной Э. Амелино в предисловии к французскому переводу: ΠΙΣΤΙΣ ΣΟΦΙΑ (Pistis Sophia). Trad. par Amélineau. P., 1895. P. XXXI.

³ Tardieu, Dubois. Op. cit. P. 82.

⁴ См. Трофимова М. К. Из истории ключевой темы гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 189—203; она же. Апокрифы из Наг-Хаммади // Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 197—217.

о природе мира высочайшего, о тайнах света, без ведения которых нельзя проникнуть в те или другие части мироздания. Тема души преобладает в беседе. Из сказанного Иисусом следует: с одной стороны, требуется знание магии, с помощью которой оставшаяся тело души может продолжить свой путь к вышним и силы враждебных архонтов сдерживаются, с другой, сама она должна быть чистой и средствами той же магии удостовериться в прощении грехов. Тогда душе открыта Сокровищница света. Иисус говорит: «Те тайны (ΜΥΣΤΗΡΙΟΝ), о которых вы вопрошаете, — нет тайны, что была бы выше них. Они проведут ваши души к Свету светов, в места истины и блага, в место Святое всех святых, в место, где нет ни мужчины, ни женщины, ни формы (ΜΟΡΦΗ), но свет постоянный и несказанный» (378) ⁵.

«Пистис София» построена так, что Иисус не только отвечает на вопросы учеников, но вызывает их самих на обсуждение смысла услышанного, ждет интерпретации, которую, в свою очередь, оценивает. Передавая покаянные гимны Софии, Иисус настраивает учеников на истолкование песнопений, побуждает их говорить. Ситуация интерпретации, рефлексия — определяющая в произведении. Мы хотели бы познакомить с ней читателя, предложив ему разбор одного небольшого фрагмента из «Пистис София», который содержит первый покаянный гимн Софии, 68/69 псалом Давида, приведенный в качестве толкования гимна Марией Магдалиной, а также диалог с разъяснениями по этому поводу между Марией и Иисусом. Набор таких структурных единиц, как гимн, псалом, толкование на них в диалоге, неоднократно повторяется в «Пистис София», хотя нередко наличествует еще одна единица — миф. Ее отсутствие, быть может, связано здесь с тем, что первому гимну непосредственно предшествует повествование Иисуса и оно как бы заменяет собой миф, уточняящий ситуацию, в которой гимн функционирует.

Начнем разбор фрагмента из диалога, а именно с тех мест его, где так или иначе выражена рефлексия относительно предлагаемого толкования. Интерпретируемый текст не только приведен полностью, но и определен в следующих словах: «гимн (ἝΥΜΝΟΣ), который рекла Пистис София в своем первом покаянии (ΜΕΤΑΝΟΙΑ), каясь в своем грехе и говоря обо всем, что произошло с ней» (52). Вызов к истолкованию гимна заключен в знакомой по каноническому тексту Нового Завета и апокрифам формуле: «Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он» (52). Сама же интерпретация, т. е. приведенный Марией 68/69 псалом Давида, названа ею «разрешением (ΒΩΛ) тайны (ΜΥΣΤΗΡΙΟΝ) покаяния Пистис София» (55) ⁶.

Мы еще вернемся к диалогу, но прежде присмотримся к отношениям гимна и псалма, к чертам их сходства и различия, с целью уяснить, что же могли означать слова Марии о «разрешении тайны». Заметим попутно, что непреложность сказанного Марией, т. е. выраженного ею толкования, скреплена репликой Иисуса: «Хорошо же, Мария, блаженная...» (56).

В нашем разборе мы оставляем в стороне текстологическую проблему, касающуюся того, какие именно редакции псалма были положены в ос-

⁵ Перевод с коптского выполнен нами по кн.: *Schmidt C. Pistis Sophia // Coptica 2. København. 1925.* Цифры в скобках, данные в статье за цитатами из «Пистис София», если особо не оговорены, соответствуют пагинации рукописи, принятой в этом издании К. Шмидта.

⁶ В подобных случаях для обозначения интерпретации употребляются несколько дальше в «Пистис София» такие выражения, как: «мысль (ΝΟΗΜΑ) покаяния» (58), «разрешение смысла покаяния» (62).

нову его коптского перевода, а также какие были использованы при составлении гимна, поскольку эта проблема не имеет прямой связи с задачей данной статьи, хотя сама по себе и очень важна. Но мы не будем уходить от нашей цели: рассмотреть фрагмент, как след рефлексии его автора, понять логику его рассуждений. По той же причине мы опускаем и дебатировавшийся в специальной литературе вопрос о том, сочинены ли покаянные гимны самим автором «Пистис София» или они существовали независимо от этого произведения и, подобно псалмам, претерпели или иную обработку, были включены в композицию⁷. Так или иначе, с точки зрения истории текста очевидно, что псалом Давида 68/69 служил образцом при создании гимна, был, так сказать, переведен в другую знаковую систему — гностического мифа⁸. Однако в композиции «Пистис София» псалом и гимн меняются местами: здесь псалом играет роль интерпретирующего гимна.

Приступая к сравнению гимна и псалма, отметим, что по числу стихов (36) они равны, причем стихи одного текста почти везде как-то соответствуют стихам другого. Отношения гимна и псалма складываются в виде некоего схождения — расхождения двух текстов. Напряженность этих отношений всего более ощутима, пожалуй, в первых и последних стихах. Так, первые пять стихов гимна в сжатой форме включают самые необходимые сведения о содержании мифа, в нем отраженного. Тут мы найдем своеобразный ключ к знаковой системе гимна. Вот эти стихи:

1. О, Свете светов, тот, в который от начала уверовала я. Услышь же ныне, Свете, покаяние мое. Спаси меня, Свете, ибо злые мысли вошли в меня.
2. Взглянула я, Свете, на части нижние, узрела я там свет и помыслила: пойду я к тому месту, чтобы свет сей взять. И пошла я, и оказалась во тьме, той, что внизу хаоса. И не смогла я вырваться оттуда, дабы пойти к месту моему, ибо теснима была всеми исхождениями сего Дерзкого. И сила с ликом львиным взяла свет мой, что у меня.
3. И возвала я о помощи, и не вырвался вопль мой из тьмы, и обратила я взор мой к вышнему, дабы Свет помог мне, тот, на который уповала я.
4. И когда обратила я взор мой к вышнему, увидала я всех архонтов зонов многочисленных, и взирали они на меня и насмеялись надо мною, хоть и не сделала я им ничего злого, но ненавидели они меня без причины. И когда исхождения сего Дерзкого увидали архонтов зонов, насмехающихся надо мной, они поняли, что архонты зонов не помогут мне, и осмелели они, эти исхождения, что теснили меня силою. И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня.
5. Ныне же, Свете истины, ты знаешь, что я сделала сие в простоте моей, думая, свет с ликом львиным тебе принадлежит. И грех, который я содеяла, открыт пред тобою.

Гимн начинается с указания на то, к кому он обращен. Это «Свет светов» (стих 1). «Я» гимна, т. е. Пистис София, от лица которой гимн ведется, по имени не называется, но характеризуется косвенно — через

⁷ Обзор литературы об этом см.: Kragerud A. Die Hymnen der Pistis Sophia. Oslo, 1967.

⁸ Ср. в связи с этим размышления скандинавского исследователя Г. Лудина Янсена о дистанции между системой верований Ветхого Завета в 87/88 псалме и гностической системой в соответствующем этому псалму покаянном гимне Софии (*Ludin Jansen H. Gnostic Interpretation in Pistis Sophia // Proceeding of the IXth International Congress for the History of Religions Tokio and Kyoto 1958. Tokio, 1960. P. 106—111*).

упоминания действий и состояний. Содержание гимна не только обозначено: «покаяние мое» (ст. 1), но и намечена вина: «злые мысли», приведшие к ложным действиям, к ситуации обмана. Ясен стержень, вокруг которого разворачивается действие: борьба за свет. Поименованы враги: исхождения Дерзкого, сила с ликом львиным, архонты эонов. Очевидна принадлежность описываемого миру вземному. Названа просьба, заключенная в гимне: спасение.

Что же касается псалма, на его начале меньше, чем в гимне, сказывается забота о том, чтобы пояснить, о чем, собственно, пойдет речь. И это естественно, поскольку с точки зрения последовательности, в которой создавались тексты, псалом первичен. Автор же гимна, вторичного относительно псалма, как бы был вынужден дать ключ к его знаковой системе, чтобы оттенить особость этого текста. Присмотримся к началу псалма:

1. Избавь меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.
2. Погряз я или погиб в преисподней, и не было у меня силы; опустился я в глубины морские, буря поглотила меня.
3. Испрадался я, взывая; гортань моя охрипла; очи мои убыли, в то время как уповал я на Бога моего.
4. Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины; усилились враги мои, преследующие меня несправедливо; чего не грабил я, они отняли у меня.
5. Боже, Ты узнал безумие мое; и грехи мои не сокрыты от Тебя.

Хотя некоторые из затрагиваемых в этих стихах вопросы те же, что и в гимне, освещение их иное. Другая инвокация: «Боже». «Я» псалма — это не космическая сущность, как в гимне, но человек. Сказано и о преследующих того, от имени которого псалом: налицо образ врагов на войне, многочисленных, усиливающихся, грабящих. Мольба об избавлении сплетается со словами упования на «Бога моего». Звучит тема покаяния: «Боже, ты узнал безумие мое; и грехи мои не сокрыты от Тебя» (ст. 5).

Достаточно заметно отличаясь друг от друга по своему содержанию, первые стихи гимна и псалма, тем не менее, постоянно перекликаются между собой, их сходство простирается до почти полного совпадения целых пассажей. Так, в гимне (ст. 4) читаем обо «всех архонтах эонов многочисленных», что «...ненавидели они меня без причины» — в псалме же (ст. 4) сказано: «Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины». Близки по своей форме и заключительные фразы этого стиха: «И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня» (гимн); «...чего не грабил я, они отняли у меня» (псалом). Но разница между космическими устремлениями гностического гимна и религиозностью библейского псалма все же дает о себе ясно знать. Достаточно одного слова, чтобы изменился смысл. В гимне говорится о свете, который «они отняли у меня». В соответствующем же пассаже псалма упоминания о свете нет и быть не может. Слово «свет» в данном контексте указывает на ту почву гностического мифа, которая питала гимн, но была чужой псалму.

Как уже было сказано выше, в начале псалма и гимна обозначены многие темы, которые прослеживаются и дальше. Несколько видоизменяясь, вбирая новые образы, в разных сочетаниях они сохраняют вплоть до стиха 29 горестный, жалобный настрой покаянного песнопения, взя-

тый в первых же пассажах. Черты формальной близости двух текстов еще виднее, чем в начале. Однако всегда есть знак, позволяющий безошибочно ориентироваться в их разном содержании. Вот некоторые из примеров этого.

Ст. 7: «Ибо тебя ради и света твоего в тесноте я, и позор покрыл меня» (гимн); ср. псалом: «Ибо Тебя ради взял я на себя поношения, позор покрыл лице мое». Здесь в гимне, как и в стихе 4, упомянуто о свете, чего нет в псалме. Зато в этом последнем есть слова «лице мое», что отвечает человеческому образу «я» псалма, а не космическому, как в гимне.

Ст. 8: «И света твоего ради стала я чужой моим братьям невидимым и великим исхождениям Барбело» (гимн); ср. псалом: «Стал чужим я братьям моим, чужим сынам матери моей». Определение братьев «невидимые» и выражение «великие исхождения Барбело» вместо «сыны матери моей» (псалом) отчетливо говорят о разных знаковых системах, которым принадлежат тексты. То, что в гимне относится к образам космических сущностей, в псалме — людей.

Образы реальной жизни, если они не переосмыслены в гимне, просто отбрасываются, как это видно из ст. 11: «Я облекся во вретиче; стал я для них притчею» (псалом); ср. гимн: «И вот, я в этом месте, горюя и ища Свет, тот, что зрела я в вышнем». Но если «вретиче» не вяжется с космическими персонажами, «врата» постоянно встречаются в гностическом мифе. Есть они и в ст. 12 гимна, но снабжены дополнением — «зонов». Там сказано: «И искали меня стражи врат зонов, и все те, кто в тайне его пребывал, надо мною глумились». Связь с гностической картиной мироздания очевидна. Совсем иначе ориентированы образы этого стиха в псалме: «Кричали обо мне сидящие у ворот, и распевали обо мне пьющие вино».

Можно было бы увеличить число примеров, так как почти повсюду в сравниваемых текстах есть точки соприкосновения, но систематическое изучение этого не было нашей задачей. Напомним, что целью было распутать один композиционный узел фрагмента, и только ради этого мы предприняли сопоставление двух его структурных единиц — псалма и гимна.

Но прежде чем подвести итог нашим наблюдениям, с тем чтобы приступить к следующему этапу «распутывания узла», позволим себе еще одно сопоставление. На сей раз будут взяты пассажи из заключительной хвалебной части текстов, сильно контрастирующей своей просветленностью с мрачной тональностью других частей. Это — последние три стиха, в которых и в гимне и в псалме проходит образ града. Но как поразному он трактуется! В гимне читаем:

34. Да восхвалят Господа всех зонов души и вещества, и вещества и все, что в них.
35. Ибо Господь спасет их душу из всякого вещества. И уготовят град в свете. И все души, которые спасутся, пребудут в том граде, и унаследуют они его.
36. И душа тех, которые тайну получают, пребудет в том месте. И те, которые получили тайну во имя Его, пребудут в ней.

Образ «града в свете» напоминает о Сокровищнице света, средоточии света душ, очистившихся от скверны (об этом в «Пистис София» рассеяно много упоминаний). В псалме же Давида «Грады иудейские» хотя и могут быть мыслимы символически, соотносимы с земной реальностью. Они лишены той безусловной надмирности, которой окутан образ града в гимне. Вот текст псалма.

34. Да восхвалят Господа небо и земля, море и все, что в нем.
 35. Ибо Бог спасет Сион, и созиждутся грады иудейские, и поселятся там, и унаследуют его.
 36. Семя рабов Его удержит его и любящие имя Его пребудут в нем.

Итак, к какому же общему выводу можно прийти, сопоставляя гимн и псалом? Формальное сходство столь же очевидно, как и наличие разных знаковых систем, опирающихся на гностическую мифологию и соответствующее миропонимание, с одной стороны, и религиозность библейского псалма, с другой. Но неужели последовавшая за словами псалма роешлика Марии, что «это есть разрешение тайны покаяния Пистис Софии» приносима к внешнему подобию гимна псалму? Ответ на этот вопрос, как представляется, можно найти в том самом диалоге между Иисусом и Марией Магдалиной, с которого мы начали разбор фрагмента.

Как уже было замечено нами при анализе «Евангелия от Фомы», кажущаяся чисто внешней связь между собой отдельных пассажей с помощью повторяющегося слова позволяет уловить глубинный смысл текста⁹. Так и в рассматриваемом фрагменте следом за призывом Иисуса к толкованию гимна («Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он») вступает Мария со словами: «Господи, мой, есть уши у моего человека света, и слышу я в моей силе света, и твой дух, который во мне, он отрезвил меня» (52). Здесь в «Пистис София» уточняется смысл знаменитого призыва к истолкованию, причем пояснением присуща та определенность образов, которая вообще отличает гностические тексты (Мария слышит «ушами», которые есть у ее «человека света»)¹⁰. Речь идет об обращении к духовной потенции в человеке, имеющей взнезную непреходящую природу (тема, которая в других частях «Пистис София» неоднократно поднимается). Слова Марии о том, как собственно услышано ею сказанное Иисусом, слова, предваряющие толкование, которое предлагается дальше, ориентируют на путь мистического постижения, на уровень других мерил, чем в земном мире.

Об этом уровне сказано в 44 изречении «Евангелия от Филиппа». К этому уровню устремлен гносис. Следы этой ориентации трижды достаточно отчетливо проступают в «Пистис София»: в словах Марии о «твоем духе, который во мне» (52), в ее признании, что сила Иисуса пророчествовала о покаянии Софии в 68-м псалме через пророка Давида (53), наконец, в самом гимне, в обращении Софии («Свете, который в тебе и который во мне», ст. 30). Поэтому, возвращаясь к сказанному во фрагменте о псалме Давида как о разрешении тайны покаяния Софии, мы полагаем следующее. Эти слова, вложенные в уста Марии, не только отвечают общей ряду гностических памятников направленности на то, чтобы увязать смысл того или иного события гностического мифа с библейским текстом, «прочсть» это событие как предреченное в Писании, но и другому. Они опираются на важнейшее для гностиков представление о едином, единой реальности, манифестирующей себя во множестве форм. В том же, чтобы подняться в постижении манифестируемых форм к этой реальности, гностики видели цель интерпретации, спасение.

⁹ Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 72—97.

¹⁰ Ср. «Апокриф Иоанна» с его антропологическими представлениями, а также текст из «Пистис София» о том, что представляет собой человек (см. Трофимова М. К. Из истории гностических текстов // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 216 сл.).

Тема единого прямо или косвенно определяла содержание многих текстов. Она стояла за пространными описаниями мифологических существ и их исхождений. Самое непосредственное отношение к ней имела установка «собрать себя»¹¹, отчетливо выраженная как в гностических писаниях умозрительного типа, так и в ритуальном поведении¹². Учение о внутреннем пути человека, ориентированном на анамнезис, центрирована на едином. Острая неприязнь к миру вещественному, как крайнему проявлению отъединенности, смертности, множественности, была в несомненной зависимости от гностической трактовки темы единого. Рассмотренный фрагмент «Пистис София» с его направленностью на интерпретацию также по-своему отразил атмосферу духовных исканий, в которых доминировала тема единого.

Предлагаемый ниже фрагмент дан в нашем переводе с коптского по изданию К. Шмидта¹³. Свой перевод мы сопоставляли с немецким¹⁴ и французским¹⁵. Выражаем искреннюю признательность А. А. Архипову, взявшему на себя труд ознакомиться с переводом фрагмента и обсудить с нами ряд спорных мест.

«ПИСТИС СОФИА», 42—56

42 «И было потом: восшел я к завесам тринадцатого зона. И было: когда подошел я к их завесам, они сами раздвинулись и открылись предо мной. Вошел я в тринадцатый зон, нашел я Пистис Софию ниже тринадцатого зона, совсем одну, рядом с ней никого из них не было. Сидела она в этом месте, скорбя и горюя, ибо не взяли ее в тринадцатый зон, ее место в вышних. И снова скорбела она из-за страданий, которые причинил ей сей Дерзкий, тот, кто один из Тросильных. Но это — когда

43 я буду говорить с вами о его исхождении, я скажу вам тайну, как это случилось.

И было: когда Пистис София увидела меня, светившегося весьма, весьма, не было меры света, который был на мне, она впала в большое смятение, и она взглянула на свет моего одеяния. Узрела она тайну ее имени на одеянии и всю силу тайны, ибо была она вначале в местах вышних, в тринадцатом зоне. Но воспевала она свет в вышних, тот, который узрела на завесе Сокровищницы света. И было: когда продолжала она воспевать свет в вышних, воззрились все архонты, которые при двух великих Тросильных, и ее невидимый, связанный с ней, и двадцать два других исхождений невидимых, — ибо Пистис София и ее супруг, они и другие двадцать два исхождения составляют двадцать четыре исхождения, те, которыми вышел великий Пропатор невидимый, он и два великих Тросильных».

И было: когда Иисус сказал это его ученикам, вышла вперед Мария, она сказала: «Господи мой, я слышала тебя, сказавшего однажды: „Пистис София — сама вне двадцати четырех исхождений“, — и почему она не в их месте? — но ты сказал:

44 „Я нашел ее ниже тринадцатого зона“».

Иисус ответил, он сказал его ученикам: «Было: Пистис София была в тринадцатом зоне, месте всех ее братьев невидимых, это есть двадцать четыре исхождения великого невидимого; и было: по заповеди первой тайны, обратила взор Пистис Со-

¹¹ См. Puech H.-Ch. Gnostic gospels and related documents // Hennecke. NT Apocrypha. V. I. L., 1963. P. 242.

¹² См. об этом в нашей статье «К вопросу о гностической тайне» (в печати).

¹³ Schmidt. Pistis Sophia.

¹⁴ Schmidt C. Koptisch-gnostische Schriften. I. Bd. Die Pistis Sophia. Die beiden Bücher des Jēf. Unbekanntes altgnostisches Werk / 2. Auflage bearb. von W. Till. B., 1954.

¹⁵ ΠΙΣΤΙΣ ΣΟΦΙΑ. Trad. par Amélineau.

фиа к вышнему. Увидала она свет Сокровищницы света, и пожелала идти в то место, и не могла она идти в то место. Однако прекратила она совершать тайну тринадцатого эона, но воспевала свет в вышнем, который узрела в свете завесы Сокровищницы света.

И было: в то время как воспевала она место вышнего, все архонты, которые были в двенадцати зонах, те, что внизу, возненавидели ее, ибо прекратила она их тайну и пожелала идти к вышнему и быть надо всеми ними. Этого ради разгневались они на нее и возненавидели ее; и сей великий Троеpsilonльный Дерзкий, то есть сей третий Троеpsilonльный, который в тринадцатом эоне, тот, который не послушался и не изшел всей чистотой его силы, бывшей в нем, и не дал чистоты его света в то время, когда архонты отдали их чистоту ему, — пожелал, между тем, стать господином надо всем тринадцатым эоном и теми, которые ниже его.

45 И было: когда архонты двенадцати эонов разгневались на Пистис Софию, которая была выше них, они весьма возненавидели ее. И сей великий Троеpsilonльный Дерзкий, о котором я ныне сказал вам, сам присоединился к архонтам двенадцати эонов; и он сам разгневался на Пистис Софию и весьма возненавидел ее, ибо помыслила она идти к свету, который выше него; и он изшел великой силой с ликом львиным; и из его вещества, которое было в нем, он изшел другим множеством вещественных исхождений, очень жестоких и послал их в пределы нижние, в части хаоса, чтобы там теснили они Пистис Софию и взяла у нее ее силу, потому что она помыслила идти к вышнему, который надо всеми ними, и потому что она прекратила дальше совершать их тайну. Но была она упорна, горюя и ища свет, который узрела. И возненавидели ее архонты, которые держались или были утверждены в тайне, которую они совершали. И далее возненавидели ее все стражи, те, кто у врат эонов.

46 И было: затем, по заповеди первой заповеди сей великий Дерзкий Троеpsilonльный преследовал Софию в тринадцатом эоне, чтобы она обратила взор к частям нижним, увидела бы его силу света в этом месте, ту, которая с ликом львиным, и пожелала бы ее, и пошла бы к месту этому, и взяла бы они свет у нее.

И было: затем взглянула она вниз и увидела его силу в частях нижних. И не знала она, что та — от сего Троеpsilonльного Дерзкого, но она думала, что та — из света, который узрела прежде в вышнем, того, который был на завесе Сокровищницы света. И помыслила она: пойду я в сие место без супруга моего, возьму свет, создам из себя эоны света, чтобы могла я идти к Свету светов, который в вышнем вышних. В то время как помыслила она это, вышла она из ее места тринадцатого эона и сошла в двенадцатый эон. Архонты эонов преследовали ее и гневались на нее, ибо замыслила она найти их величие. Она же вышла из двенадцатого эона и сошла в пределы хаоса и приблизилась к силе света с ликом львиным, дабы пожрать ее. Все же вещественные исхождения сего Дерзкого окружили ее. И великая сила света с ликом львиным пожрала силы света в Софии, очистила ее свет и пожрала его. И ее вещество бросили в хаос. Стало оно архонтом с ликом львиным в хаосе, половина его была от пламени, другая половина — от тьмы. Был он — Иалдабаоф, тот, о котором говорил я вам множество раз. Когда же это случилось, ослабеда София весьма, весьма. И опять начала эта сила света с ликом львиным, дабы взять все силы света у Софии; и все вещественные силы сего Дерзкого окружили Софию разом, теснили они ее. Громко воззвала Пистис София, к Свету светов воззвала она, тому, который от начала узрела, в который уверовала. Произвела она это покаяние, так говоря:

1. О, Свете светов, тот, в который от начала уверовала я. Услышь же выше, Свете, покаяние мое. Спаси меня, Свете, ибо злые мысли вошли в меня.
2. Взглянула я, Свете, на части нижние, узрела я там свет и помыслила: пойду
48 я к тому месту, чтобы свет сей взять. И пошла я и оказалась во тьме, той, что внизу хаоса. И не смогла я вырваться оттуда, дабы пойти к месту моему, ибо теснима

- была всеми исхождениями сего Дерзкого. И сила с ликом львиным взяла свет мой, что у меня.
3. И возвала я о помощи, и не вырвался вопль мой из тьмы, и обратила я взор мой к вышнему, дабы Свет помог мне, тот, на который уповала я.
4. И когда обратила я взор мой к вышнему, увидала я всех архонтов зонов многочисленных, и взирали они на меня и насмехались надо мною, хоть и не сделала я им ничего злого, но ненавидели они меня без причины. И когда исхождения сего Дерзкого увидали архонтов зонов, насмехающихся надо мной, они поняли, что архонты зонов не помогут мне, и осмелили они, эти исхождения, что теснили меня силой. И свет, тот, который я не отбирала у них, они отобрали у меня.
5. Ныне же, Свете истины, ты знаешь, что я сделала сие в простоте моей, думая, свет с ликом львиным тебе принадлежит. И грех, который я соделаю, открыт пред тобою.
6. Не дай же мне убавиться, Господи, ибо уповала я на твой Свет от начала. О, Господи, о, Свете силы, не дай мне убавиться в моем свете.
7. Ибо тебя ради и света твоего в тесноте я, и позор покрыл меня.
- 49 8. И света твоего ради стала я чужой моим братьям невидимым и великим исхождениям Барбело.
9. Было сие со мною, о, Свете, ибо взревновала я о месте обитания твоего. И пал на меня гнев сего Дерзкого — того, кто не послушался повеления твоего, чтобы исходил он в исхождение его силы, — ибо оказалась я в его зоне, не совершив его тайны.
10. И смеялись надо мною все архонты зонов.
11. И вот я в этом месте, горюя и ища Свет, тот, что зрела я в вышнем.
12. И искали меня стражи врат зонов, и все те, кто в тайне его пребывал, надо мною глумились.
13. Я же устремила взгляд мой к вышнему, к тебе, Свете, и уповала на тебя. Ныне же, Свете светов, теснима я во тьме сего хаоса. Коли хочешь ты прийти, чтобы спасти меня, велико твое милосердие, ты услышь меня поистине и спаси меня.
14. Спаси меня от вещества этой тьмы, дабы я не погибла в ней, чтобы спаслась я от исхождений сего божественного Дерзкого, тех, что притеснили меня, и от их злодеяний.
15. Да не поглотит меня эта тьма, и эта сила с ликом львиным да не пожрет целиком всю силу мою. И хаос этот да не покроет силу мою.
- 50 16. Услышь меня, Свете, ибо блага милость твоя, и призри на меня по полноте милосердия твоего.
17. Не отврати лица твоего от меня, ибо сильно истерзана я.
18. Скоро услышь меня и спаси силу мою.
19. Спаси меня архонтов ради, что ненавидят меня, ибо ты, знаешь ты тесноту мою и муку мою и муку силы моей, ту, что взяли у меня. Пред тобою посеявшие меня во все эти злодеяния. Поступи с ними по благовождению твоему.
20. Взирала сила моя из хаоса и из тьмы. Ждала я супруга моего, не явится ли он, не сратится ли за меня, — и не прибыл он. И ждала я, не явится ли он, не даст ли силы мне, — и его не нашла я. И когда искала я свет, они дали мне тьму.
21. И когда искала я силу мою, они дали мне вещество.
22. Ныне же, Свете светов, тьма и вещество, которыми облекли меня исхождения сего Дерзкого, да станут они им ловушками и да попадут они в них, и да воздашь ты им, и соблазнятся они, и не вступят они в место Дерзкого их.
23. Да пребудут они во тьме и да не видят света; да взирают они на хаос всякое время и да не обратят взора к вышнему.
24. Обрушь на них их месть и да обьмет их твой закон.
- 51 25. Да не вступят они в их место с сего времени к их божественному Дерзкому, и да не вступят его божественные исхождения в их места с сего времени, ибо не-

честив и дерзок их бог, и он мыслил, что совершил он злодеяния эти от себя, сам не ведая, что если бы не смирилась я по заповеди твоей, не имел бы он власти надо мною.

26. Но когда смирил ты меня по заповеди твоей, преследовали они меня еще более, и исхождения их приложили страдание к смирению моему.

27. И взяли они силу света у меня, и вновь начали, весьма теснили они меня, дабы свет весь, что во мне, взять. Того ради, во что высеяли они меня, да не поднимутся они в тринадцатый эон, место правды.

28. И да не притчутся они к наследию очищающихся со светом их, и да не притчутся они к тем, которые скоро покаются, дабы скоро получить тайну в свете.

29. Ибо взяли они у меня свет мой. И стала оскудевать во мне сила моя. И убавилась я светом моим.

30. Ныне же, Свете, который в Тебе и который во мне, воспеваю я имя Твое, Свете, в славе.

31. И да будет, Свете, гимн мой угоден Тебе как тайна возвышенная, та, что входит во врата света, та, которую изрекут те, кто покается, и которой светом они очистятся.

52 32. Ныне же да возвеселятся все вещества; ищите все свет, дабы сила вашей души, которая в вас, была жива.

33. Ибо свет внял веществам. И не оставил Он никакие вещества без того, чтобы не очистить их.

34. Да восхвалят Господа всех эонов души и вещества, и вещества и все, что в них.

35. Ибо Господь спасет их душу из всякого вещества. И уготовят град в свете. И все души, которые спасутся, пребудут в том граде, и унаследуют они его.

36. И душа тех, которые тайну получают, пребудет в том месте. И те, которые получили тайну во имя Его, пребудут в ней».

И было: когда Иисус сказал эти слова его ученикам, он сказал им: «Это гимн, который рекла Пистис София в своем первом покаянии, каюсь в своем грехе и говоря обо всем, что произошло с ней. Ныне же тот, кто имеет уши слышать, да услышит он».

Снова вышла вперед Мария и сказала: «Господи мой, есть уши у моего человека света, и слышу я в моей силе света, и твой дух, который во мне, он отрезвил меня. Услышь же, что говорю я о покаянии, которое произвела Пистис София, говоря о грехе своем и обо всем, что произошло с нею. Сила твоя пророчествовала некогда об этом через пророка Давида в шестьдесят восьмом псалме:

- 53 1. Избавь меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.
2. Погряз я или погиб в тине преисподней, и не было у меня силы; опустился я в глубины морские, буря поглотила меня.
3. Истрадался я, взывая; гортань моя охрипла; очи мои убьили, в то время как уповал я на Бога моего.
4. Многочисленнее волос на голове моей ненавидящие меня без причины; усилились враги мои, преследующие меня несправедливо; чего не грабил я, они отняли у меня.
5. Боже, Ты узнал безумие мое; и грехи мои не сокрыты от Тебя.
6. Да не постыдятся во мне надеющиеся на Тебя, Господи, Господи сид; да не посрамятся во мне ищущие Тебя, Господи, Боже Израилев, Боже сил.
7. Ибо Тебя ради взял я на себя поношения, позор покрыл лице мое.
8. Стал чужим я братьям моим, чужим сынам матери моей.
9. Ибо ревность по дому Твоему снедала меня; поношения ноносящих Тебя (в рук: меня) пали на меня.
10. Согнул я постом душу мою: это стало мне в поношение.
11. Я облекся во вретиче; стал я для них притчею.
12. Кричали обо мне сидящие у ворот, и распевали обо мне пьющие вино.

- 54 13. Я же молился в душе моей Тебе, Господи; время благоволения Твоего, Боже; по полноте милости Твоей услышь о спасении моем поистине.
14. Избавь меня от этой тины, дабы не погрязнул я в ней; да спасусь я от ненавидящих меня и от глубины вод.
15. Да не поглотит меня тучина; да не пожрет меня преисподняя; да не схватит меня колодезь пастью своею.
16. Услышь меня, Господи, ибо блага милость твоя; по полноте милосердия Твоего призри на меня.
17. Не отврати лица Твоего от раба Твоего, ибо скорблю я.
18. Услышь меня скоро; внемли душе моей и избавь ее.
19. Спаси меня врагов моих ради, ибо Ты, знаешь Ты поношение мое, и позор мой, и посрамление мое. Все оскорбляющие меня пред Тобою.
20. Сердце мое ждало поношения и страдания; ждал я того, кто будет скорбеть со мною, — не нашел я его, и того, кто утешит меня, — не обрел я его.
21. Они дали желчь в пищу мою; они напоили меня уксусом в жажде моей.
22. Да будет трапеца их пред ними ловушкою, и сетью, и воздаянием, и соблазном.
23. Согни хребет их навсегда.
24. Пролей на них гнев Твой, и ярость гнева Твоего да обметет их.
25. Да будет жилище их пусто; никто да не живет в жилище их.
26. Ибо кого Ты поразил, они преследовали его; они приложили к боли ран его.
27. Они приложили беззаконие к беззакониям их; и да не войдут они в правду
- 55 Твою.
28. Да истребятся они из книги живых; и да не напишутся они вместе с праведниками.
29. Я же — бедный и который страдал; благо лица Твоего, Боже, прияло меня к себе.
30. Восхваляю я имя Бога моего с песнею и возвеличу Его в хвалении.
31. Будет это более угодно Богу, нежели телец юный, вздымающий рога и копыта.
32. Да узрят бедные и возвеселятся. Ищите Бога, дабы души ваши были живы.
33. Ибо Господь внял бедным. И не пренебрег Он теми, кто в медных оковах.
34. Да восхвалят Господа небо и земля, море и все, что в нем.
35. Ибо Бог спасет Сион, и созиждутся грады иудейские, и поселятся там, и унаследуют его.
36. Семя рабов Его удержит его и любящие имя Его пребудут в нем».
- И было: когда Мария сказала эти слова Иисусу посреди учеников, она сказала ему: «Господи мой, это есть разрешение тайны покаяния Пистис Софии».
- 56 И было: когда Иисус услышал Марию, сказавшую эти слова, он сказал ей: «Хорошо же, Мария, блаженная, плерома или всеблаженная Плеромы, та, которую будут ублажать во всех родах».

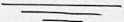
М. К. Трофимова

THE FIRST PENITENT HYMN OF SOPHIA:
FROM THE GNOSTIC INTERPRETATION

М. К. Трофимова

The interpretation that constitutes the semantic core of many Gnostic texts deserves careful study from various angles. In particular it is undoubtedly of interest how the interpretation was realised in the texts themselves, what form it acquired, and to what intratextual links it led. The present paper, devoted to analysis of a fragment of *Pistis Sophia*, a Gnostic work that has come down from a fourth century Coptic manuscript, was written during study of this general problem. The first penitent hymn of Sophia

cited in the fragment, and the 68/69th Psalm of David, are linked together through the translation. This relation becomes evident from a parallel examination of the hymn and the psalm, which are rooted in two different symbolic systems — Gnostic mythology and Biblical religiosity. The many correspondences of the hymn and psalm discovered during analysis of the fragment (inherent in the text but not discussed in it) explain the sense of the key statement that the psalm is «an authorisation of the secret of the repentance *Pistis Sophia*», that is, plays the role of interpretation of the hymn. Understanding of the correspondences the text is oriented to reveals the essence of the Gnostic understanding — of the mystic path to awareness of the profound unity of the many manifestations of one reality. The paper is accompanied by a translation of the fragment by the author from the Coptic text *Pistis Sophia* as edited by K. Schmidt.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1990 г.

РАСКОПКИ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В РАЙОНЕ БИР-КОТ-ГХВАНДАИ (СВАТ, ПАКИСТАН)

Деятельность Итальянской археологической экспедиции ИсМЕО (Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока) в Пакистане под руководством Д. Фаченна по исследованию долины Свата исторического периода (начиная с IV в. до н. э.) была сконцентрирована на двух основных направлениях: с одной стороны, на исследовании буддийского религиозного искусства и архитектуры, а с другой — светской архитектуры.

В рамках второго направления, включающего изучение поселений этого периода, Итальянская миссия продолжает программу исследований и раскопок в окрестностях современной деревни Барикот, т. е. Бир-кот-гхвандаи (Bir-Kot-ghwandai — «Холм Бир-кот»). О значении этой местности свидетельствуют как письменные исторические источники, так и наличие хорошо известных развалин, сохранившихся в этом районе.

Стоящий отдельно и имеющий форму полумесяца холм Бир-кот возвышается в средней части долины реки Сват, западнее современной деревни Барикот, на левом берегу реки (рис. 1). Ряд укреплений, среди которых с восточной стороны виден внушительный крепостной вал, окружают вершину холма, где сохранились развалины двух ступ. Сохранившиеся строения, по-видимому, относятся к периоду «Хинду-шахов» (IX—X вв. н. э.), но вещественные останки, обнаруженные среди развалин ступ, дают возможность предположить, что уже в кушанский, а возможно, и в индо-греческий, период холм являлся цитаделью поселения. Вероятно, поселением в древности были заняты южный террасный склон холма и равнина, замкнутая его полукругом. Об этом свидетельствуют множество глиняных черепков, найденных на поверхности земли, и значительное количество заметных на этом участке древних сооружений.

Холм и окружающая его местность неоднократно изучались в нашем столетии¹. Сэр Аурел Стайн и проф. Дж. Туччи оживляли Бир-кот с древним городом Базирой, захваченной Александром Македонским в 327 г. до н. э. и упоминаемой в класси-

¹ Stein A. On Alexander's Track to the Indus. L.— N. Y., 1929. P. 30—40, 45—48; *idem*. An Archaeological Tour in Upper Swāt and Adjacent Hill Tracts // *Memoirs of the Archaeological Survey of India*. 42. Calcutta, 1930. P. 11—12, 19, 23, 26, 30; *Barger E., Wright Ph.* Excavations in Swāt and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan. A Detailed Report of the 1938 Expedition // *Ibid*. 64. Delhi — Calcutta, 1941; P. 9—13; *Tucci G.* Preliminary Report on a Archaeological Survey in Swat // *EW*. 1958. 9. P. 295—299, 327. Fn. 28; *idem*. La via dello Swat. Bari, 1963. P. 38. *Faccenna D.* A Guide to the Excavations in Swāt (Pakistan) 1956—1962. Roma, 1964. P. 13; *Rahman Abdur*. Excavation at Damkot // *Ancient Pakistan*. 1968—1969. IV. P. 108. Fn. 1; *Tucci G.* On Swat: the Dards and connected Problems // *EW*. 1977. 27. P. 49—50; *Eggermont P. H. L.* Ptolemy, the Geographer, and the People of the Dards: Alexander in Buner, the Aornus Problem and the Dards of Dyrta // *Journal of Central Asia*. 1984. VII. 1. P. 79—80.

Рис. 1

ческих источниках. Курций Руф называл город Базиру «богатым городом»², а Арриан писал в своем «Анабасисе», что в городе имелась цитадель, «очень высокая и хорошо укрепленная со всех сторон»³. Данные характеристики безусловно соответствуют Биркоту, чей топоним *Baḡi/Viḡ* происходит, как предполагал А. Стайн, непосредственно от древнего названия *Vaḡira* или *Vajira* (*Vajira* > *Bayira* > *Veira* > *Viḡ*), он засвидетельствован в период Хинду-шахов в форме *Vajirasthāna*, имеющей в надписи из Барикота, которая хранится в настоящее время в Лахорском музее⁴. Верна эта идентификация или нет, очевидно стратегическое значение поселения Бир-кот, контролировавшего дороги, сходящиеся из Верхнего Свата, Нижнего Свата и Бунера.

Жизнь поселения, которое в течение многих веков занимало различные территории, частично изучена благодаря археологическим изысканиям проф. Дж. Стакула⁵. Самые древние следы заселения относятся ко второй четверти II тыс. до н. э. (засвидетельствованы разрозненные углубления неясного назначения, вырытые прямо в земле; в середине II тыс. их сменили первые каменные постройки, прямоугольные в плане). Обнаруженные материалы указывают на интересную взаимосвязь с культурами долины Инда, как хараппского, так и постхараппского периодов. Поселение продолжало существовать в течение последующих протонисторических периодов, во второй половине II тыс. и в течение I тыс. до н. э. на территории нижней части равнины, дальше от холма. Наоборот, плоский участок в непосредственной близости от холма был освоен только в исторический период, и это объясняет отсутствие остатков от протонисторических периодов в двух из изучаемых нами слоев, поскольку основные наши усилия

² *Curtius Rufus. Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt. Lpz, 1882. VIII. 34.*

³ *Arrianus. Anabasis Alexandri / Ed. L., 1946—1949. IV. 27.*

⁴ *Shastri R. B. D. R. Six Inscriptions in the Lahore Museum // Epigraphia Indica. XXI. P. 301.*

⁵ *Stacul G. Excavation at Bir-kōt-ghundai (Swāt, Pakistan) // EW. 1978. 28. P. 137 ff.; idem. Bir-kōt-ghundai (Swāt, Pakistan) 1978. Excavation Report // EW. 1980. 30. P. 55 ff.; idem. Brief report of the Archaeological Missions of IsMEO in Asia. Pakistan, Bir-kōt-ghundai // EW. 1981. 31. P. 175; 1982. 32. P. 217—219; idem. Bir-kot-ghundai, in Italian Archaeological Mission (IsMEO), Pakistan, Swat, 1956—1981. Documentary Exhibition. Roma, 1982. P. 14—15; idem. Scavi a Loebanr III e Bir-kōt-ghundai (Swāt) // Scavi e Ricerche Archeologiche degli anni 1976—1979. CHR. Roma. 1982. 1. P. 305—313; idem. Prehistoric and Protohistoric Swāt, Pakistan (c. 3000—1400 B. C.) // IsMEO Reports and Memoirs XX. Rome, 1987.*

были сконцентрированы как раз в местах наибольшего скопления остатков исторического периода.

Короткое обследование, проведенное в 1982 г. Д. Фаченной и мною, наряду с подтверждением исключительного богатства данного памятника выявило и нависшую над древним поселением угрозу. Ему угрожает современная деревня, которая, к сожалению, в течение ряда лет расширялась в сторону этого ранее незаселенного участка.

В 1984—1987 гг. были заложены три траншеи в трех разных частях памятника под руководством автора и при участии археологов А. Филидженци, О. Оливьери, М. Наскари и чертежников В. Беллисарио, М. Кафаро и Ф. Коччи⁶.

Первая траншея (ВКГ 1) размером 25 × 10 м была проложена в восточной части плоского участка, в поле, окруженном современными домами, которые в момент раскопок являлись юго-восточной границей археологической зоны, свободной от современных сооружений. Вторая траншея (ВКГ 2) была сделана для исследования склона холма. Мы воспользовались там глубоким разрезом, сделанным экскаватором с целью создания террас для земледелия. В одном из открытых участков мы отобрали довольно узкий отрезок длиной 30 м, и его раскопки с точной фиксацией стратиграфии дали нам представление о структурной последовательности и составе слоев на памятнике. Небольшая траншея размером 7,5 × 4 м на нижней террасе у подножия участка позволила дополнить хронологическую последовательность ранними этапами, а расширение верхней траншеи размером 18 × 8 м позволило полностью раскрыть монументальный квадратный зал с колоннами.

Третья траншея (ВКГ 3) размером 40 × 12,5 м была проложена в середине плоской части поселения, недалеко от того места, где в 1985 г. в ходе раскопок в поисках новых данных о протонисторическом поселении проф. Дж. Стакул раскрыл угол укрепленного бастиона, а также небольшой участок стены укрепления.

Результаты первых трех лет исследований двоякие. С одной стороны, мы можем теперь опираться на три стратиграфические последовательности в трех разных местах поселения, что позволяет проследить его эволюцию на большом историческом отрезке начиная с конца IV в. до н. э. и вплоть до исламского периода (приблизительно до XV в. н. э.). С другой стороны, обнаруженные развалины, в частности часть стены укрепления, примыкающий к ней дворцовый комплекс и сводчатый квадратный зал на склоне холма подтверждают значимость данного памятника и дают интересные материалы для архитектурного и исторического анализа.

В качестве основы методологии раскопок мы использовали систему, предложенную Э. Харрисом в работе «Принципы археологической стратиграфии» (*Principles of Archaeological Stratigraphy*. L., 1979) и детально разработанную в издании Центрального справочного Института Министерства культурного наследия Италии «Правила редактирования публикаций стратиграфии раскопок» (*Norme per la redazione della scheda del saggio stratigrafico*. Rome, 1984). Данная методология, помимо прочего, предполагает полную графическую и фотографическую документацию каждой стратиграфической единицы (т. е. всех единичных черт, которые составляют слой в более широком понимании) и предоставляет неоспоримые преимущества в последующем аналитическом изучении стратиграфии.

В каждой из траншей периодизация устанавливалась на основе выделения различных расположенных друг над другом сооружений наряду с выделением соответствующ-

⁶ Callieri P. Bir-kōt Ghwandai. Trench BKG 1 // EW. 1984. 34. P. 484—493; Filigenzi A. Bir-kōt Ghwandai. Trench BKG 2 // Ibid. P. 493—500; Callieri P., Filigenzi A., Stacul G. Bir-kōt-ghwandai, Swāt: 1987 Excavation Campaign. A Preliminary Report // Pakistan Archaeology. 24 (in press); Callieri P. Archaeological Activities at Bir-kōt-ghwandai, Swāt. A Contribution to the Study of Pottery of Historic Age from the NWFP // South Asian Archaeology. 1987. Rome, 1990 (in press); *idem*. Bir-kōt-ghwandai: an Early Historic Town in Swat (Pakistan) // South Asian Archaeology. 1989 (in preparation).

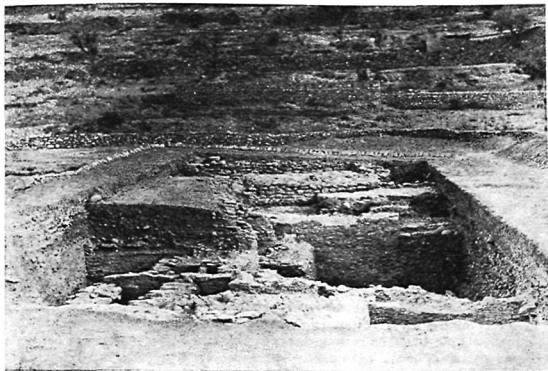

Рис. 2

щих ярусов полов. На основе стратиграфических диаграмм мы получили для каждой отдельной траншеи последовательности строительных периодов, которые достаточно достоверны. Только в будущем мы сможем обосновать культурные периоды, которые обозначили бы историческую эволюцию всего поселения. Безусловно предварительный характер хронологических рамок периодов определяется проходящими в настоящий момент исследованиями гончарных изделий и других находок наряду с изучением различных способов каменной кладки. Интересный материал для сравнения предложенных датировок был получен (лишь в отношении траншеи ВКГ 1) в результате термолюминесцентных анализов образцов из семи различных стратиграфических единиц, проведенных в Институте физических наук Миланского университета под руководством проф. Дж. Спиноло при содействии Н. Куомо ди Каприо и благодаря активной помощи М. Диана из Национального Совета по исследованию и развитию ядерной энергии и альтернативных энергий (ЕНЕА). Для четырех из семи образцов термолюминесцентная и археологическая датировки совпадают, тогда как для трех других образцов по двум критериям существует разрыв, который в настоящее время изучается. Кроме того, продолжается геологическое исследование местности проф. С. Лоренцони и Е. Занеттини из Университета Бари.

В траншее ВКГ 1 наибольший интерес представляла длинная и сложная последовательность 10 структурных периодов, пронумерованных начиная с основания, однако никаких важных архитектурных остатков обнаружено не было. Выделенная последовательность дает нам основу для изучения глиняных изделий и других находок и заслуживает описания, хотя и синтетического (рис. 2).

Самые древние следы обитания (пер. I) прямо над поверхностью материка состоят из очага, по-видимому, на круглом возвышении, огражденном выложенными по периметру камнями. Среди немногочисленных гончарных изделий можно видеть много серой керамики, а также таких изделий, которые в областях Свата и Гандхары датировались III или II в. до н. э. Интерес представляет часть ободка чаши красной глины с тщательно выгравированной греческой буквой, что может быть основанием для датировки этого

первого поселения индо-греческим периодом, т. е. II в. до н. э. Не исключено, однако, что оно относится к III в. до н. э.

В следующий период (пер. II) можно наблюдать первые сооружения, которые раскрыты пока не полностью. Это стены нерегулярной кладки из плит кристаллического сланца. Гончарные изделия, которые в изобилии представлены блюдами со слегка приподнятыми прямыми краями (так называемого типа *thāli*) и горшками с отогнутым венчиком, ничем не отличаются от гончарных изделий предыдущего периода и несомненно принадлежат той же культуре. Интересная особенность первого периода состоит в том, что гончарные изделия украшались вырезанными треугольниками; этот орнамент связан с культурой Свата протоисторического периода.

Первые сооружения правильной формы (пер. III) представлены двумя тщательно сложенными стенами из плит, образующих угол помещения. Среди находок, связанных с этими сооружениями, помимо керамики (в основном серой) мы бы хотели упомянуть фрагмент терракотовой женской фигурки типа «*Baroque Lady*». Такой тип был характерен для индо-греческого периода, хотя он сохранился и в кушанскую эпоху.

Следующий структурный период (пер. IV) был исследован в большем объеме (вскрыта значительная часть трех смежных помещений). Стены этого периода выстроены фундаментально, из блоков различной толщины, уложенных в правильную кладку с мощным фундаментом и точным построением углов. В некоторых местах сохранились на стенах участки, покрытые сырой глиной. Было выделено несколько лежащих близке друг над другом земляных полов, один из которых пересекал прекрасно выполненный водосток, выложенный ввиду каменными пластинами. Среди гончарных изделий наряду с сохранением более древних форм заметно появление новых типов. Есть и несколько чаш западного происхождения — некоторые из них имитируют металлические формы и представлены полированной черной керамикой, напоминающей (возможно, и имитирующей) так называемую северную черную полированную керамику. Что касается декора, то в пер. IV появляются отлитые изображения. Наиболее интересными находками этого периода являются квадратная медная монета индо-греческого царя Аполлодота (около 160 г. до н. э.) и три терракотовые женские фигурки различных типов. Одна из них, так называемого «скрипкообразного» типа (*fiddle-shaped*), представляет местную традицию, другая восходит к типу «*Baroque Lady*», третья — миниатюрная головка с естественными и тонкими чертами лица, явно эллинистическая — безусловно, один из прекрасных примеров техники терракоты Северо-Запада. Эти находки позволили нам датировать период приблизительно I веком до н. э. — началом I в. н. э. (рис. 3).

После того как эти сооружения были оставлены жителями, они оказались частично разрушенными при постройке фундаментов для зданий следующего периода (пер. V), а частично были использованы как основания для них. К первому этапу этого периода можно отнести две довольно высокие, массивные параллельные стены толщиной 1,20 м, сложенные из каменных плит. Несмотря на то что мощность стен говорит об их значимости для поселения, их назначение до сих пор не выяснено. На втором этапе были возведены новые сооружения правильного и точного строения у южной стены. Среди гончарных изделий более древние типы не встречаются; распространены неглубокие блюда, небольшие горшки с характерным двойным изгибом стенок, а также новые формы ободков чаш и горшков. Старая посуда типа *thāli* уступила место новой, с округлыми стенками и слегка расширяющимся наружу ободком. Кроме большого разнообразия форм мы должны отметить высокое качество гончарных изделий, которые отличаются изысканной формой и прекрасным обжигом. Иногда встречается красная керамика, украшенная простыми черными геометрическими фигурами; реже встречающиеся отснутые мотивы включают изображения так называемых чаш-лотосов⁷. Монета вре-

⁷ Cf. *Wheeler M. Chārsada, A Metropolis of the North-West Frontier. Oxf., 1962. P. 40—41; Hussain J. Shaikhan Dheri Pottery. A Methodological and Interpretative Approach. Univ. of Cambridge, 1980 (unpublished dissertation, courtesy of the author). P. 126—128.*

Рис. 3

Рис. 4

мен правления Азеса II, небольшая терракотовая маска-гротеск эллинистического типа (рис. 4) и маленький, но показательный осколок края бутылки из зеленого «мармориного» стекла предположительно римско-сирийского производства вместе с данными керамики позволяют датировать период концом I—II в. н. э. Стекланный осколок представляет особую значимость, поскольку свидетельствует о том, что через поселение проходили торговые пути на запад.

В следующий период (пер. VI) наблюдаются разрушение покинутых построек к югу от массивных стен и строительство новых зданий поверх пластов насыпи, которые перекрыли этот участок. Однако гончарные изделия указывают на неразрывную связь с предыдущим периодом и, по-видимому, свидетельствуют о том, что оба периода принадлежат к одной культуре.

Последовательность в строительстве прервана широким рвом, прорытым на участке массивных стен V периода и заполненным разнообразными, но однородными толстыми пластами камней и земли. Тот факт, что ров и его заполнение тесно связаны, а две канализационные трубы имеют сток на участке в следующем периоде (пер. VII), навел нас на мысль о том, что назначение рва состояло в том, чтобы отводить воду, собирающуюся в помещениях, построенных вокруг него. Эти постройки сооружены из хороших каменных плит; они примыкают к той части улицы, которая выложена речной галькой. Среди керамических изделий мы наблюдаем увеличение доли кувшинов и посуды из грубой глины, а также некоторое однообразие и замедление эволюции типов, состоящее в появлении более замысловатых орнаментов типах предшествующих периодов. Серая керамика полностью отсутствует, и есть всего несколько черепков тонкой красной керамики с замечательными изображениями черной краской геометрических фигур и животных. Такая посуда напоминает так называемую Fashion Ware, найденную в Дамкоте, поселении в соседней долине Дира, где вела раскопки экспедиция Пешаварского университета⁸. Особенно много в пер. VII было найдено бус и браслетов из кости и раковин, иногда встречавшихся и в более ранние периоды. Среди других находок мы бы хотели упомянуть о цельной терракотовой женской фигурке того типа, который был широко распространен в кушанский период, и фрагментированное изоб-

⁸ Cf. *Rahman Abdur*. Op. cit. P. 228.

ражение гандхарской Харити (Hārīti), найденное в заполнении. Мы предлагаем датировать этот период II—III вв. н. э.

Разрушение описанных построек означало оставление равнинной зоны и перемещение поселения в более безопасное место, на склон холма. Здесь, в разрезе ВКГ 2 было обнаружено строение, относящееся к последующим векам. В то же время более низкий участок разреза ВКГ 1 показывает лишь открытое пространство. На этом участке было обнаружено несколько полов и ярусов глины, с поверхности которых в древности были впущены многочисленные углубления (диаметром ок. 50 см и такой же глубины). Все они были заполнены мягкой глиной, песком и в некоторых случаях большими камнями. Очевидно, они представляют собой место, где гончар приготавливал глину, смешивая ее с песком⁹. На этом участке, свободном от построек, благодаря изучению находок стало возможным выявить различные этапы. Это дало нам четкое разграничение между двумя культурными горизонтами. Первый (пер. VIII) демонстрирует преемственность от предыдущего периода, хотя в гончарных изделиях наблюдается общий упадок технического уровня, превалируют кувшины и миски, а чаши встречаются реже. Связь с гончарными изделиями VII периода дает возможность предположить, что эти изделия могут быть отнесены к векам, непосредственно следующим за ним, т. е. приблизительно к IV—V вв. н. э.

Пер. IX имеет другие, существенно отличные характеристики. Гончарные изделия демонстрируют совершенно новые формы: у кувшинов появляется рифленые внешней стороны венчика¹⁰, типичными для мелкой посуды являются кубки простой красной керамики в форме усеченного конуса с прямыми стенками. Особенно выделяется красная керамика с бело-черной росписью, она может считаться наиболее характерной для этого периода¹¹. Браслеты из стекловидной пасты, которые время от времени встречались, начиная с I в. н. э. становятся широко распространенными. Находка монеты периода Хинду-шахов и ряд других находок вместе с данными, полученными в Дамкоте, позволяют нам отнести этот пер. IX ко времени не ранее VIII в. н. э., к периоду правления Хинду-шахов и, возможно, к раннему исламскому периоду.

В последний структурный период в траншее ВКГ 1 (пер. X) наблюдается возврат к использованию ранее заброшенного участка для обитания, появляются примитивные сооружения из камня и сырцового кирпича, с неровными земляными полами. Гончарные изделия, сильно отличающиеся от керамики предыдущих периодов, представлены в основном большими сосудами и кухонной посудой, часто с отгиснутым или нарисованным простым геометрическим орнаментом. Мелкая посуда представлена только кубками, имеющими форму усеченного конуса и характерными для периода Хинду-шахов. Можно сделать интересные сопоставления с образцами, которые используются и в настоящее время в этой местности. Важным для хронологии оказался кусок кирпича, покрытого бирюзовой глазурью, который вместе с другими свидетельствами позволяет датировать X период приблизительно XV в. н. э.

Что касается траншеи ВКГ 2, то поселение на этом участке склона возникает позднее, чем на равнине. Первые сооружения здесь могут быть сопоставлены с постройками V периода, исследованными в траншее ВКГ 1 (I—II вв. н. э.), — прежде всего на основе хорошо изученной строительной техники. Последовательность строительных горизонтов не прерывается на протяжении еще четырех структурных периодов, последний из которых может быть отнесен, судя по керамике, к периоду Хинду-шахов (IX—X вв.). Интересно заметить, что заселение этого высокого и удобного для обороны пространства продолжается даже тогда, когда равнинный участок, исследованный в траншее ВКГ 1, оказывается заброшенным (начиная с IV в. н. э.).

Однако наиболее интересным результатом, полученным в траншее ВКГ 2, стало

⁹ Cf. *Verardi G. A Trial-Trench at Dhūmāvārahī, Kathmandu // South Asian Archaeology 1987. Rome, 1990 (in press).*

¹⁰ Cf. *Rahman Abdur. Op. cit. P. 244.*

¹¹ Cf. *ibid. P. 119; Wheeler. Op. cit. P. 80.*

Рис. 5

исследование монументального квадратного сводчатого зала, главного из сохранившихся архитектурных остатков IV периода данной траншеи, датированного приблизительно IV в. н. э. (рис. 5).

Зал имеет форму квадрата 6×6 м, северная его сторона наклонена к склону холма; на южной стороне сохранилось внушительное основание с двумя круглыми сводами по углам диаметром ок. 1,50 м. Внешняя стена толщиной в 1 м представляет специфическую технику строительства, в которой квадратные каменные блоки чередуются с вертикальными рядами из небольших расположенных одна над другой каменных плит. Таким образом, каждая выложенная линия отделена от последующих горизонтальными рядами каменных плит, что создает общий дух гармонии и постоянства. Пол зала покоился на насыпи, поддерживаемой специальными упорами из крупного гравия вперемежку с пластами глины с большим содержанием пепла и угля. Пол представляет собой утоптанную земляную поверхность, на которой сохранилось много камней, по-видимому, покрывавших ее. В зале расположены на расстоянии 1,35 м друг от друга базы четырех колонн высотой более 1 м и 0,55 м в диаметре с двойным тором на квадратном основании. Они выполнены в той же технике, которая использовалась при сооружении основных стен, с чередованием каменных блоков с рядами небольших каменных плит. В центре зала между колоннами был обнаружен низкий очаг с круглым отверстием диаметром ок. 0,75 м, который был покрыт двумя прямоугольными каменными плитами. Контур очага выложен плитами меньшего размера. Внутри очага были найдены обожженная земля и камни, но пока раскопки в очаге были лишь частичными: в ближайшем будущем планируется более тщательное исследование остатков поселения с привлечением палеоботаника для надлежащего сбора растительных остатков. Второй очаг был найден в северо-восточном углу, а вдоль западной стороны помещения было обнаружено что-то вроде небольшого резервуара прямоугольной формы ($40 \times 30 \times 20$ см), выложенного из каменных плит.

На полу мы обнаружили толстый слой, состоящий в основном из горелой земли с пеплом, содержащим значительное количество частичек угля, что может свидетельствовать

Рис. 6

говать о пожаре, который мог повлечь за собой разрушение здания. Внутри не сохранилось предметов, которые можно датировать, и это можно сделать лишь предположительно на основе соответствующей стратиграфической последовательности. Единственным остатком материальной культуры, найденным на полу, является небольшое основание из серого кристаллического сланца круглой формы, служившее, по всей видимости, опорой для какого-то предмета.

Пока не решенной остается проблема входа в зал, поскольку до сих пор не обнаружено никаких следов двери или прохода. Однако нынешний уровень сохранности стен позволяет нам сформулировать гипотезу о нахождении входа на восточной стороне: северная стена имеет продолжение в восточном направлении, что позволяет предположить существование на этой стороне смежного помещения.

В архитектурном строении здания обнаруживаются черты, напоминающие, хотя и с определенными оговорками, строение храма огня: квадратный план, четыре колонны, очаг в центре помещения¹². По сравнению с традиционной формой такого здания здесь отсутствует обводной коридор, хотя, как мы видели, с восточной стороны зал был соединен с другими помещениями, очевидно, ограждавшими основной зал, в который нельзя было попасть непосредственно снаружи. В любом случае зал имеет несомненное сходство с другими подобными сооружениями этого района, которое может указывать на совершенно другое его назначение — очевидно, парадное или военное¹³. Раскопки соседних сооружений с восточной стороны, а также тщательный анализ растительных остатков в очаге дадут нам возможность определить истинное назначение зала. Подтверждение религиозной функции сооружения ясно укажет на его принадлежность иранской религии, если учесть, что в IV в. н. э. Северо-Восток находился под властью

¹² Cf. *Wright H. Square Temples. East and West. Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Teheran, 1968. P. 353—362; Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. B., 1971; Litvinskij B. A., Pitchikjan I. R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // Revue Archéologique. 1981. P. 195—216.*

¹³ Cf. *Tucci. Preliminary... P. 318; Filigenzi. Op. cit. P. 496.*

Рис. 7

Сасанидов. Даже в случае жилого назначения здания особенности его архитектуры в связи с типологией других памятников Свата и Гандхары указывают на иранское влияние.

В разрезе ВКГ 3 стратиграфическая последовательность включает данные как относительно протоисторического (II—I тыс. до н. э.), так и исторического периодов. Изучение протоисторических этапов осуществляется проф. Дж. Стакулом и выходит за рамки настоящей работы; мы же обобщим чрезвычайно важные результаты, относящиеся к историческому периоду.

Мы обнаружили значительную часть внушительной стены городского укрепления, которая тянется с востока на запад вдоль всей траншеи. Удалось установить внешнюю южную сторону стены, отличную от внутренней, где были обнаружены развалы внутреннего дворцового комплекса, современного поздним этапам строительства стены укрепления (рис. 6).

Изучение сложной стратиграфической последовательности на внешнем участке позволило исследовать эволюцию этого впечатляющего сооружения, которое возведено на пластах протоисторического периода (пер. 1 в условной последовательности). Укрепление представлено массивной стеной толщиной 2,70 м. В каменной кладке, остававшейся довольно однородной на протяжении всего существования постройки, ис-

пользованы плоские блоки разного размера, а также квадратные блоки и крупная галька (рис. 7).

Можно выделить пять последовательных периодов строительства, соответствующих стратиграфической схеме и дающих основу для структурной периодизации.

В первый период (пер. II А) стена была построена прямо на уровне пола без фундамента. На вертикальных поверхностях она имеет массивное утолщение, представляющее собой бастион — возможно, основание прямоугольной башни. От нее сохранилась только северная часть, примыкающая к стене под прямым углом. Параллельно стене на расстоянии ок. 8 м был обнаружен крутой склон, который разрезает горизонтальные глинистые пласты раньше, чем стена и другие строения. Этот искусственный склон, возможно, представляет собой северную сторону широкого рва, другая сторона которого должна находиться к югу от границы раскопок траншеи.

После разрушения южной части башни из-за трещины на ее восточной стене она была вновь построена (пер. II В) с использованием той же техники поверх поднявшегося уровня пола. Башня полностью сохранила прежний план и представляет собой прямоугольник размером 5 × 3,5 м. Раскопки южного основания башни позволили вскрыть ее фундамент. На востоке башня покоится на твердых глиняных пластах, покрывающих более ранние сооружения, и наоборот, в западной части башня опирается на глубокое двухступенчатое основание, примыкающее в восточной части к плотным глиняным пластам и заполненное землей.

Башня, исследованная в 1985 г., имела вначале такой же вид и была укреплена наклонной подпоркой только позднее. Расстояние между двумя башнями составляет ок. 28,5 м. Таким образом, мы можем предположить, что укрепление древнего города первоначально состояло из длинной и массивной стены с прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии около 30 м друг от друга и выходящими фасадом к искусственному рву. Линия этих укреплений, граничащих на юге с равнинной местностью, защищенной на севере естественным холмом в форме полумесяца, может быть легко прослежена по небольшим открытым участкам в восточной части поселения и по очертаниям поверхности земли на всем его западном участке.

Как таковое укрепление существовало довольно долго без каких-либо изменений, по крайней мере на открытом участке. Это длительное обживание подтверждено значительной мощностью слоев на внешнем участке. Накопление культурного слоя, проходившее, очевидно, довольно медленно и постоянно, привело к образованию слоев, чьи поверхности служили полами; их нарастание, вероятно, в значительной степени снизило оборонную значимость сооружения.

Вслед за той частью башни, которая все еще видна на поверхности холма, были построены несколько каменных зданий к югу от укрепления (пер. III). Из них сохранился лишь небольшой участок на севере, поскольку позднейший крупный оползень снес много сооружений, а также большую часть ранних пластов. В связи с этим назначение сооружений выяснить трудно; сам факт, что уровень их пола достаточно высок, похоже, исключает возможность того, что они являлись частью второй передовой линии обороны подобно тем, которые встречаются в более сложных системах укреплений.

Затем следует меньшее скопление почвы у подножья склона, образованное оползнем. Новое строение (пер. IV А) было построено к югу от башни, оно примыкало к склону и использовало участок стены, который сохранился от более ранних строений пер. III. Такая преемственность между двумя структурными периодами предполагает, что второе строение является реконструкцией первого. Оно имеет прямоугольную форму, вытянутую параллельно стене укрепления, протянувшейся к востоку, его связь со стеной укрепления была лишь конструктивной, функции же их были совершенно различны.

За незначительным расширением бастиона поверх уплотненного пласта (пер. IV В) последовало полное захоронение строения. После длительного периода заброшенности участок был использован в средние века под кладбище.

Рис. 8

Что касается времени постройки стены укрепления (пер. IIА), то значительные основания для предварительной датировки представляют две терракотовые фигурки, одна из которых весьма схожа с фигуркой из Чарсады (Charsada), датированной началом III в. до н. э.¹⁴ Гончарные изделия представляют особый интерес, поскольку в них можно заметить как элементы древней, еще протоисторической традиции, так и новые черты, которые знаменуют начало нового ремесленного производства, представленного первыми образцами красной керамики.

Для датировки весьма длительного Пер. II В ценность представляют гончарные изделия и терракоты. На начальной стадии периода женская фигурка ручной работы с выгравированным точками чаннавиром (*channavira*) имеет сходство с фигуркой из Чарсады, датированной М. Уилером началом III в. до н. э.¹⁵ Аналогичным образом в этот ранний период мы находим глиняный черепок со штампованным орнаментом, который напоминает осколок штампованной посуды из Чарсады, датированный III в. до н. э.¹⁶ (рис. 8). Гончарные изделия из более поздних пластов имеют такое же смешение двух традиций; с течением времени и по мере подъема уровней пола протоисторический элемент исчезает, уступая место красной керамике исторического периода. Длительная история существования стены восходит к кушанскому и более поздним периодам, возможно, до III в. н. э.

Делая попытку интерпретации стены укрепления в пределах небольшой площади раскопок, мы прежде всего должны отметить, что такое сооружение является основным в истории города и предполагает большие экономические затраты и сильную политическую власть. Все имеющиеся в нашем распоряжении предметы для датировки, связанные с ранними этапами укреплений в Бир-кот-гхвандаи, относятся к периоду, предшествующему II в. до н. э., очевидно, к III или к концу IV в. до н. э. Двумя основными

¹⁴ Wheeler. Op. cit. P. 112. Pl. XXXI. № 1.

¹⁵ Ibid. P. 108. Pl. XXV. № 3.

¹⁶ Ibid. P. 102. Pl. XIX.

известными нам историческими реалиями, которые играли существенную политическую и культурную роль в этом регионе, было присутствие греко-македонцев и Маурьев. Что касается Свата, то его захват Александром Македонским подтверждается письменными источниками. В сообщении Арриана об осаде и захвате Базиры, древнего города, идентифицированного Стайном и Туччи с Бир-кот-гхвандаи, говорится, что среди захваченных Александром нескольких городов в районе Свата лишь одна Базира была укреплена¹⁷. Греческий глагол *τεύξω*, употребленный Аррианом, означает конкретно «строить стену укрепления». Пока нельзя точно определить, могла ли обнаруженная нами стена принадлежать укреплению, появившемуся благодаря македонцам, если действительно Базира соответствует Бир-кот-гхвандаи.

В любом случае план оборонительного укрепления Бир-кот-гхвандаи без сомнения соответствует одной из наиболее распространенных оборонительных систем эллинистического мира в период между IV и III вв. до н. э. (массивная стена с прямоугольными башнями и вынесенным вперед рвом, рассчитанная лишь на пассивную оборону)¹⁸. Использование каменной кладки вместо необожженного кирпича, что объясняет различную толщину стен конструкций, не является принципиальным различием, поскольку связано с наличием строительного материала и местными традициями. Соответствие эллинистическим традициям распространяется также на геоморфологическое положение поселения, в котором крепость возвышается над равнинной территорией.

Далее к востоку от Бир-кот-гхвандаи зафиксировано укрепление Сиркап (*Sirkap*), которое, однако, можно отнести к I в. до н. э.¹⁹ Мы не должны также забывать многочисленные укрепления, известные в Северной Индии с начала исторического периода, в особенности Раджгир (*Rajgir*), которое, к сожалению, не удается точно датировать²⁰.

Греческое происхождение Бир-кот-гхвандаи, в случае подтверждения новыми доказательствами, имело бы большое значение для такого района, как Сват; здесь обнаружены три глиняных черепка с греческими надписями, два из которых происходят из Бир-кот-гхвандаи²¹.

И, наконец, следует упомянуть об обнаруженных развалинах на участке, примыкающем с севера к укреплению; судя по качеству кладки и размерам комнат, они должны принадлежать дворцу. Этот комплекс несомненно более поздний, чем два первых периода, исследованных за границей укреплений. В любом случае, поскольку нет никакой структурной преемственности между конструкциями внутри укреплений и вне их, за стенами, хронологическое соотношение между этими конструкциями может быть основано главным образом на хронологии находок. В связи с этим, чтобы избежать трудностей и неудач в периодизации конструкций внутри стен, мы будем употреблять по отношению к ним термин «фазы», термин же «периоды» сохранится лишь для хронологии конструкций вне укреплений.

Наиболее ранняя фаза описываемого комплекса (IA) была исследована на достаточно большом протяжении лишь в южной части участка; она представлена двумя смежными помещениями с узким свободным пространством между ними и оборонительной стеной. Стены их возведены очень аккуратно из крупных плоских каменных

¹⁷ *Arr. Anab. Alex.* IV. 28. 4—5.

¹⁸ Cf. *Winter F. E. Greek Fortifications*. L., 1971. P. 191 ff.; *Francfort H.-P. Les fortifications en Asia Centrale de l'âge du bronze à l'époque kouchane*. P., 1979. P. 23—30; *Leriche P. Fouilles d'Ai Khanoum*. V. Les remparts et les monuments associés (MDAFA 29). P., 1986; *Leriche P., Tréziny H. eds. La Fortification dans l'histoire du monde grec* (Colloque International du CNRS). P., 1986.

¹⁹ *Marchall J. Taxila*. Cambr., 1951. P. 113 ff.; *Francfort*. Op. cit. P. 29.

²⁰ *Kuraishi M. A. Rajgir* / 5th ed revised by A. Ghosh. New Delhi, 1958; *Sharma Y. D. Remains of early historic cities* // *Archaeological Remains. Monuments and Museums*. I. New Delhi, 1964. P. 60—62.

²¹ *Pugliese Carratelli G. Greek Inscriptions of the Middle East* // *EW*. 1966. 16. P. 35—36; *Callieri P. A Potsherd with a Greek Inscription from Bir-kot (Swat)* // *Journal of Central Asia*. VII. 1. P. 49—53; *idem*. *Bit-köt Ghwandai* P. 499. Fig. 14.

Рис. 9

блоков, перемежающихся с мелкими; в одном из помещений сохранилась обмазка из сырой глины, покрывавшая стену. Первоначальный пол перекрыт многочисленными более поздними. Поздняя стадия представлена фазой IV, на которой одно из помещений перенесло существенную переделку, в то время как другие конструкции остались без изменений. Конец фазы I соответствует моменту, когда помещения были засыпаны землей до уровня стен с целью выравнивания основания для новых конструкций. При этом проемы дверей были заложены вровень со стенами и затем послужили основаниями для порогов в дверях новых конструкций.

Новая фаза (IIA), по-видимому, соответствует пер. IVA в конструкциях за стенами и была исследована на достаточном пространстве. Стены, построенные с большой аккуратностью, демонстрируют кладку с ромбовидным узором, однако не столь точно выполнены, как во время фазы I (рис. 9). Были вскрыты три помещения размерами соответственно $11 \times 2,75$ м, 12×4 м и $4 \times 2,5$ м. В юго-восточной части раскопа исследовано четвертое помещение, видимо, не имевшее крыши, в котором находился квадратный колодец со стенками каменной кладки, сохранившаяся высота их над уровнем пола составляет 0,5 м; внутри колодца на стенках имеются квадратные выемки для ног (для спуска в колодец) на двух противоположных сторонах кладки через равные промежутки (рис. 10). Колодец исследован в глубину на 5 м; он был заполнен слоями глины с вкраплениями крупной гальки совершенно без находок. Колодцем пользовались с южной стороны, где он имеет невысокую ступеньку, покоящуюся на поверхности пола. Пол в южной части помещения покрыт плитами кристаллического сланца в регулярной кладке; выделяются два уровня пола, связанных с колодцем и очень похожих друг на друга. Небольшой прямоугольный сток обнаружен на полу у восточной стены помещения; видимо, он предназначался для отвода воды, пролившейся при пользовании колодцем. Первоначальные полы в других помещениях сделаны из плотной глины с вкраплением нескольких плоских каменных плит; они перекрыты многочисленными более поздними полами.

Комплекс существовал в течение долгого времени и датируется по нумизматическим находкам I—IV вв. н. э., затем он был разрушен и покинут. После заустения

Рис. 10

он был перекрыт еще несколькими слоями аллювиальной глины. Судя по мощности слоев, оставшихся от разрушения, здание было весьма высоким.

Наиболее интересной находкой из дворца является фрагмент каменной стелы из Южной Индии (Nagarjunakonda), которая была вторично использована в стенке в качестве скамьи. Ее присутствие подтверждает значимость города даже для более позднего периода и его связи с отдаленными странами не только Средиземноморского мира, но также с наиболее удаленными регионами Индийского субконтинента.

П. Кальери, сотрудник Итальянского института
Среднего и Дальнего Востока

© 1990 г.

ТЕРРАКОТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КАНИШКИ С СУПРУГОЙ В ДЖАУЛЬЯНЕ (ТАКСИЛА)

Ступа и монастырь Джаульян находятся в восточной части древней Таксилы. Раскопки, произведенные в период с 1913 по 1934 г. сэром Дж. Маршаллом, раскрыли тайну местонахождений Таксилы. Я хотел бы предложить идентификацию группы статуй из терракоты в углублении перед пещерой 29 в монастыре Джаульян (рис. 1).

На западной стороне двора монастыря Джаульян перед помещениями 1, 2, 27 и 29 и на восточной — перед помещением 17 имеются небольшие углубления со скульптурными группами, обращенными к крытой галерее¹. Ширина самой большой из них,

¹ Marshall J. Taxila. V. III. New Delhi, 1975. P. 103a.

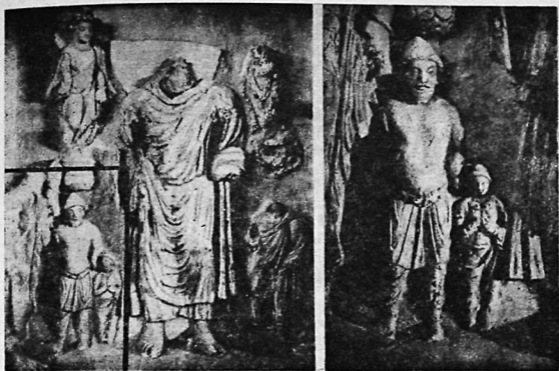

Рис. 1

находящейся перед помещением 29, составляет около 140 см. В углублениях находятся статуи, «сделанные из глины с использованием известковой побелки, краски и позолоты. Они сохранились благодаря глине, обожженной и частично превратившейся в керамику, когда монастырь сгорел дотла»².

Можно предположить, что монастырь Джауляни был построен в кушанский период после основания нового поселения в Таксиле (в современном Сирсуке). Дж. Маршалл отмечает, что «все три города находились недалеко от Сирсука и были впервые построены вскоре после закладки города, но затем в значительной степени реконструированы и обновлены во время подъема буддистской культуры в IV—V вв.»³. Имеются основания считать, что монастырь существовал с начала раннекушанского периода до конца V в. н. э. Каменные строения и археологические материалы, в основном монеты, подтверждают эту точку зрения. В помещении 29 был обнаружен керамический сосуд, содержащий фрагменты санскритской рукописи, выполненной письмом брахми периода Гуптов. Монеты «представляют собой в основном индо-сасанидские образцы мелкого достоинства, относящиеся к V в. н. э., и указывают, что разрушение сангхарамы, так же как и других буддистских сангхарам в непосредственной близости, происходило в конце V в. н. э. и, по всей вероятности, объясняется нашествием гуннов, которые вторглись тогда в северо-западную часть Индии»⁴. Другие монеты из монастыря представляют собой либо местную чеканку города Таксилы, либо эмиссии кушанского периода. Маршалл отмечает, что «подворье монастыря было первоначально построено с использованием разнообразной узорчатой каменной кладки, которая получила распространение во II в. н. э., но крупные ремонты и реконструкции, включая углубления и постамент, описанный выше, были выполнены позднее (в основном в IV—V вв. н. э.) из полутесаного камня»⁵.

² Ibid. V. I. P. 381.

³ Ibid. P. 5.

⁴ Ibid. P. 387.

⁵ Ibid. P. 382 f.

Скульптурная группа в Джаульяне, которая состоит из Будды, фигур бодхисаттвы, светских прихожан, монаха и дэвы, уникальна в своем роде. Некоторые статуи из этой группы можно встретить на различных керамических и лепных рельефах из Таксилы, но целиком композиции нигде не была выполнена. При входе в монастырь со стороны ступы справа от нас находится помещение 29, а перед ним — эта скульптурная группа, выполненная в большой неглубокой нише (167,5 × 148,25 см).

Статуи различных персонажей выполнены пропорционально их величию и положению. Будда расположен в центре в позе абхая-мудра. В настоящее время голова статуи не сохранилась. Это центральная фигура и, таким образом, она в два или более раза выше остальных основных статуй. Слева от Будды, с открытым левым плечом расположен монах в монашеском одеянии, фигура которого в два раза меньше, чем фигура Будды. По мнению Маршалла, это изображение настоятеля монастыря⁶.

Два божества, стоящие на лотосах и смотрящие на Будду, находятся справа и слева у его головы и плеча. Вполне возможно, что это Брахма и Индра, которые часто располагаются по бокам от Будды на многих гандхарских скульптурах, а также в гробнице Шах-джи-ки-дхери (Пешавар), на которой Канишка также изображен в нижней части композиции.

Наиболее примечательны статуи в группе дарителей, где изображены прихожанин и его жена. Маршалл отмечает, что «одежда дарителя и его отчетливо видимое лицо с бородой указывают на то, что он иноземец (млеччха) из Ирана. Особого внимания заслуживают головной убор, затянутые брюки (или, возможно, тетры поверх брюк) и пояс с застежкой, удерживающий его тунику на бедрах. Последний, возможно, был сделан из золота и серебра и инкрустирован драгоценными камнями. Статуя жены дарителя представлена в традиционном восточном наряде; размер ее чуть более половины статуи мужа. Интересно ее платье, состоящее из длинной туники в стиле греческого хитона с шалью (индийская сари, греческий гиматий), свободно наброшенной на левую руку и плечо и спадающей до ног, оставляя тунику видимой сверху. Ее украшения состоят из двух браслетов на каждом запястье, браслета на правой руке, тяжелого ожерелья и легкого пояса вокруг бедер. Ее головной убор, похоже, имеет характерные персидские ленты, закрывающие щеки, которые спереди скреплены крест накрест медальоном, а сзади завязаны на шею»⁷.

Есть данные, позволяющие предположить, что «даритель», как его назвал Маршалл, — ни кто иной, как великий царь кушан Канишка. Так называемый «даритель» одет в традиционную одежду жителей Северной Индии — аудичья-веса, идентичную той, которую привнесли с собой скифы и кушаны. Много статуй кушанских царей и царевичей были найдены в Матхуре, Сурх-Котале и других местах. Кушанский царь обычно изображался одетым в тунику до колен, штаны, пояс с пряжкой, украшенный драгоценностями, и остроконечный головной убор. В такое же дорогое и аристократическое платье одет так называемый «даритель», который не может быть простолюдином, выходцем из Ирана. По всей вероятности, он должен быть великим царем кушанского периода. Никакой другой скифский, парфянский или кушанский правитель не пользовался таким уважением у буддистов, как Канишка. Борода «дарителя» — это важный отличительный признак, подтверждающий идентификацию. Имеется много скульптур мужчин, одетых в иранскую одежду, но они без бороды. На монетах Канишка изображался с бородой, и фигура «дарителя» очень похожа на изображение Канишки на монетах. Правители династии кушан также изображаются без верхней одежды поверх туники, как Вима Кадфиз на статуе из Матхуры и Канишка на монетах и на гробнице Шах-джи-ки-дхери. Верхнюю одежду, возможно, правитель одевал по особым случаям или зимой, и, таким образом, художник изобразил кушанского царя во время его визита в монастырь с царицей одетым только в тунику поверх штанов. Изображе-

⁶ Ibid. V. II. P. 471.

⁷ Ibid.

ние художника настолько реалистично, что на ногах «дарителя»-царя видны тяжелые туфли, которые он надевал всегда, в то время как Будда и другие фигуры в нише изображены, как и обычно, босиком.

В надписи Самудрагупты в Аллахабаде упоминается дайванутра Шахисаханушахи, который в то время еще правил в северо-восточных провинциях. Маршалл нигде точно не указывал, что эта ниша — произведение более позднего периода. Вполне возможно, что она была создана в период правления династии кушан. Даже если эта работа датируется более поздним периодом, можно сказать, что реставраторы во время реконструкции в монастыре воздавали должное великому буддистскому правителю Канишке, при котором впервые появилось изображение Будды в образе человека и который многое сделал для распространения буддистского учения, а также, возможно, был основателем монастыря. Таким образом, реставраторы помнили о нем и изобразили в отреставрированной нише. Если статуя была выполнена в кушанский период, о чем может свидетельствовать ее совершенство, то вполне возможно, что основатель монастыря, кем мог быть сам Канишка или один из его преемников, потребовал, чтобы его изображение передавало глубокое почтение к Будде. Нельзя забывать о том, что Канишка считался одним из величайших буддистских правителей и был почитаем и спустя века, во времена китайских путешественников.

По традиции статуя Будды создавалась почти в два раза выше других фигур (в данном случае фигур настоятеля, двух богов и «великого царя»). Даритель в скифской одежде — это не простой человек, а определенно царь: его статуя в два раза больше статуи его супруги и одного размера со статуями богов и настоятеля. Правитель династии кушан назывался «двапутра», и предполагалось, что он обладал божественным даром и был равным дэвам, в то время как его супруга считалась обыкновенной царницей. Таким образом, разница в размере указывает на различный статус персонажей и на то обстоятельство, что статуя в иранском одеянии может быть только статуей Канишки I, буддистского правителя династии кушан.

Б. Р. Мани,
доктор, руководитель Делийского отделения
Археологической службы Индии

© 1990 г.

ИЗ НЕДАВНИХ ОТКРЫТИЙ УЗБЕКИСТАНСКОЙ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ-ГОХАРИСТАНЕ

Узбекистанская искусствоведческая экспедиция Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР, созданная и на протяжении многих лет руководимая Г. А. Пугаченковой, в 1990 г. отмечает 30-летие своей научно-исследовательской деятельности. За эти годы работами экспедиции внесен выдающийся вклад в познание истории культуры Средней Азии и сопредельных стран.

Рекогносцировочными маршрутами и стационарными исследованиями УзИскЭ охвачены многие области Узбекистана, но основным направлением ее полевых работ является всестороннее комплексное исследование археологических памятников античного периода, расположенных в Сурхандарьинском оазисе Северной Бактрии. Широко используя методы археологии — рекогносцировки и раскопки, экспедиция основное внимание уделяет изучению художественной культуры. Вместе с тем ей по праву

принадлежит приоритет в открытии и исследовании ряда незаурядных памятников материальной и духовной культуры, в разработке многих проблем археологии и истории кушанского периода. Итоги этих исследований, изложенные в более чем 10 монографиях, коллективных сборниках и почти в двухстах статьях, опубликованных у нас в стране и за рубежом (Англия, США, Венгрия, ФРГ, ГДР, Япония, Италия)¹, хорошо известны в науке. Поэтому здесь охарактеризованы только те из недавних открытий УзИскЭ в Северной Бактрии, которые почти не нашли отражения в научной литературе. Среди них, в частности, пограничная стена кушанского времени у к. Дарбанд и пещерный комплекс в Кара-Камаре. Эти открытия дают новые данные для понимания ряда важнейших историко-культурных проблем Кушанского государства, в том числе для уточнения северных его границ и для решения вопроса о возможном существовании в Бактрии митраистских святилищ.

1. Пограничная стена у кишлака Дарбанд

Проблема северных границ Кушанского государства неоднократно обсуждалась в исторической науке. Отсутствие на этот счет конкретных указаний письменных источников породило разнообразие мнений, сводящихся в основном к следующему: 1) первоначальный центр Кушанского государства находился в одном из районов Согда — Мианкале, где локализуется столица Кушан, город Кушания; последующие завоевания Кушан осуществлялись в южном направлении; 2) родина Кушан — левобережная Бактрия, откуда ими были начаты завоевания центральных и северных областей Средней Азии; 3) в пору расцвета Кушанского государства в его состав входила большая часть Среднеазиатского междуречья, в том числе Согда и Хорезм; 4) северная граница Кушанского государства проходила по Гиссарскому хребту; территория к югу от него принадлежала Кушанскому государству, территория же к северу находилась в подчинении государства Кангюй.

Первое мнение, восходящее к концепции В. Томашека и широко бытовавшее в обобщающих исследованиях 40—50-х годов, было впоследствии опровергнуто². Что же касается трех последних мнений, то соотношение числа сторонников и противников того или иного из них примерно одинаково. Одни исследователи по-прежнему считают, что кушанам принадлежала большая часть Средней Азии, другие полагают, что их владения ограничивались Гиссарским хребтом. Наиболее обстоятельно последнее мнение было обосновано М. Е. Массоном³, а вслед за ним Е. В. Зеймалем⁴, использовавшими исторические и в особенности нумизматические данные, свидетельствующие о весьма редких находках кушанских монет в Согде и несколько большем их количестве в Хорезме, в количественном отношении, однако, не идущих ни в какое сравнение с наход-

¹ Основные из них: *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966; *она же.* Скульптура Халчаяна. М., 1971; *она же.* Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1976; *она же.* Древности Мианкаля. Ташкент, 1989; *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др.* Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978; *Ртвеладзе Э. В., Пидеев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 19; *Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.* Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1983; *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент (в печати); коллективные сборники: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973; Античные и средневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

² *Ставицкий Б. Я.* О северных границах кушанского государства // ВДИ. 1961. № 1. С. 112; *Пугаченкова Г. А.* К иконографии Герая // ВДИ. 1965. № 4. С. 127—136; *Массон М. Е.* К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан» // ОНУ. 1968. № 8. С. 14—26.

³ *Массон.* Ук. соч. С. 12—14.

⁴ *Зеймаль Е. В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 205—207.

ками в Северной Бактрии. Так, только на одном городище Кампыр-теше за несколько лет раскопок найдено около 300 кушанских монет, тогда как за все годы остальные области Среднеазиатского Междуречья (Хорезм, Согд, Чач и Уструшана) принесли всего около 120 монет, из них в Хорезме немногим более 100⁵. Это ли не убедительное свидетельство отсутствия в них серьезного политического влияния Кушанского государства!

Тем не менее вопрос о северных границах Кушанского государства оставался до недавнего времени нерешенным. В ряде изданий фигурируют прежние представления, а также карты с показом кушанских владений, охватывающих большую часть Средней Азии. Новые археологические материалы вкупе со сведениями письменных источников и пумизматическими данными позволяют сейчас более конкретно установить северную границу Кушанского государства.

В долине реки Шуроб у к. Дарбанд в Сурхандарьинской обл. УзССР в 1986 г. нами была обследована крепостная стена, полностью перекрывавшая всю долину, по которой в древности и средневековье проходила основная дорога, соединявшая северные и центральные области Средней Азии с Бактрией-Тохаристаном и Индией. Сведения о ней и расположенных поблизости Железных воротах опубликованы нами в небольшой статье⁶.

Как позднее удалось выяснить, эта стена была впервые обследована в 1889 г. полковником Белявским при полевой военной рекогносцировке офицеров Генерального штаба Туркестанского военного округа в Бухарском ханстве. В 1938 г. она изучалась Г. В. Парфеновым, датировавшим ее на основании найденной здесь керамики кушанским временем. Следует также упомянуть о весьма интересном сообщении Г. В. Парфенова, писавшего, что в 1930 г. рядом с этой стеной на развалинах рабада Абдуллахана была найдена «серебряная монета с портретным изображением и легендой Александра Македонского, виденная нами в 1931 г. у одного из местных жителей»⁷. Данное сообщение имеет важное научное значение, поскольку до сих пор в Средней Азии были отмечены лишь два места находки монет Александра Македонского — двух медных монет в окрестностях Самарканда и тетрадрахмы на городище Куны-Фазли к юго-западу от Карши, которая, однако, по мнению Е. В. Зеймалья, могла быть и монетой первых селевкидских царей, чеканивших тетрадрахмы с именем Александра⁸.

Перейдем теперь к описанию самой стены и краткой географической характеристике данного района (рис. 1). Долина Шуроба, протянувшаяся на 9—10 км в направлении запад—восток, с запада замкнута небольшим горным хребтом с перевалом Чакчак; в восточной части она ограничена Шерабадарьей, в которую впадает Шурбо. Отсюда и вплоть до начала горного хребта, из которого вытекает Шерабадарья, узкой полосой располагается кишлак Дарбанд. С севера и с юга, соответственно, долина Шуроба ограничена круто поднимающимися хребтами Сарымас и Сусизтаг. По дну долины проходит Большой Узбекский тракт, который после моста через Шуроб, если следовать с юга, круто поворачивает на запад. В этом же месте от него отходит на восток другая дорога, следующая через кишлак Дарбанд (в 2 км от развилки дорог) в районцентр Байсуи и далее в Верхнесурханскую котловину (область Чаганиана). В 30 м к югу от развилки дорог, на левом берегу Шуроба располагаются развалины караван-сарая Абдуллахана. В 800 м от развилки дорог и в 3 км к западу от кишлака Дарбанд долину

⁵ Б. И. Вайнберг показала, вопреки прежнему мнению, отсутствие политического подчинения Хорезма Кушанам (*Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 87—89*).

⁶ *Ртвеладзе Э. В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. 1986. № 8. С. 34—39.*

⁷ Эти сведения взяты мною из неопубликованной статьи Г. В. Парфенова «Некоторые данные об археологических памятниках правобережного Тохаристана, преимущественно на территории Сурхандарьинской области Узбекской ССР» (с. 14—15) хранящейся в архиве Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

⁸ *Зеймалья Е. В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 65.*

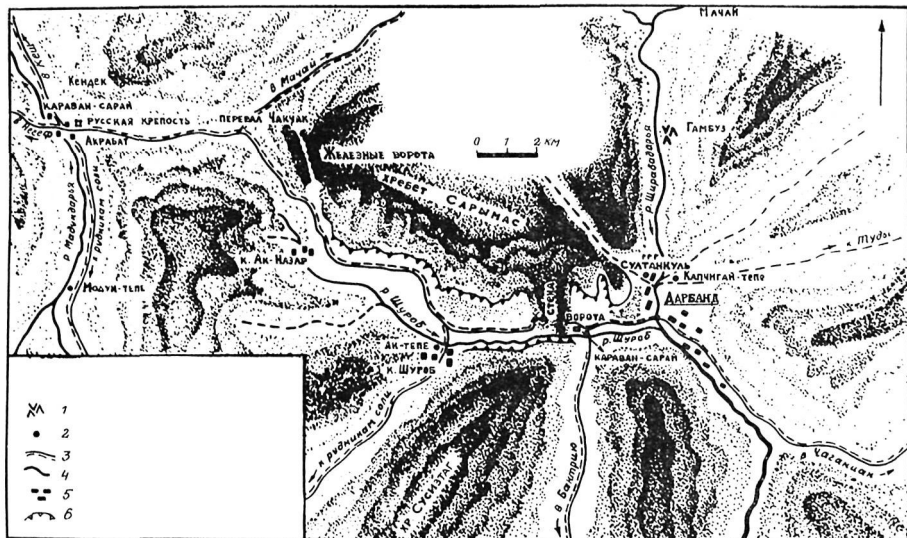

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников в районе Дарбанда: 1 — металлургическое производство, 2 — тепе, 3 — дороги, 4 — река, 5 — населенный пункт, 6 — скальный обрыв

перегораживает скалистая гряда, по которой через перевал Аккотал проходит Большой Узбекский тракт. В южном своем окончании эта гряда круто обрывается к Шуробсаю, протекающему здесь в глубоком каньоне с отвесными склонами. К северному краю каньона одной из сторон выходит скалистая возвышенность, поверхность которой занимают остатки мощной крепости (около 80×50 м), известной у местных жителей как Курганак или Кургани Шерходжа. До недавнего времени здесь еще были видны окружавшие ее стены из камня и сырцового кирпича, уничтоженные при возведении стальных опор для линии высоковольтной передачи. На поверхности крепости и ее склонах встречается керамика, типичная для кушанского времени, найдены также средневековая керамика и обломки жженого кирпича.

Примерно от середины крепости в южном направлении вплоть до обрыва к Шуробсаю прослеживается крепостная стена. Аналогичная стена отходит от середины северного фаса крепости, следуя по скалистому гребню до пересечения его с отвесно поднимающимися на 200—300 м склонами другого хребта — Сарымас. В начале своего течения от крепости опускается по гребню вниз, к естественному понижению — перевалу Аккотал, где в древности, вероятно, располагались ворота стен, а затем круто поднимается все выше, извиваясь по скалистому гребню и повторяя особенности естественного рельефа. Общая протяженность стены, ориентированной по оси юго-восток — северо-запад, около 1,5 км, высота от 2 до 5 м. По ее гребню хорошо прослеживается кладка из необработанных камней, а в ряде мест заметны башни. Примерно в середине, там, где она круто изгибается, с внутренней стороны стены имеется ровная площадка со следами построек. В северо-западной части на протяжении более 100 м стена была полностью разрушена при закладке карьера для добычи гипса. Здесь нами произведена зачистка стены, позволившая уточнить ее структуру и датировку. Выяснилось, что ширина стены в основании около 6,5 м, сохранившаяся высота — 2,7 м. С внешней и внутренней стороны стена сложена из квадратных сырцовых кирпичей ($32 \times 32 \times 11$; $33 \times 33 \times 11$ см), на которых имеются клейма в виде «альфы» и «пси», причем в кладке наряду с целым кирпичом употреблены и половинки. Ширина кладки — 2 и 2,5 м, соответственно, внутреннее пространство стены заполнено каменными глыбами и землей. Не исключено, однако, что первоначально здесь имелся внутрестенный проход, позднее заполненный камнем. Датировка стены I—III веками н. э. не вызывает сомнений, так как сырцовый кирпич аналогичных размеров отмечен на многих городищах и поселениях Бактрии кушанского времени⁹. Эту же датировку подтверждают и найденные в стене фрагменты керамики, в частности нижняя половина цилиндрического кубка на кольцевом поддоне, типичного для этого времени.

С точки зрения фортификационного искусства стена представляла собой мощное оборонительное сооружение. Об этом свидетельствуют не только ее толщина и высота (первоначально стена была, вероятно, гораздо выше 5 м), но и точнейший учет особенностей природного рельефа, создававшего дополнительные преграды для ее захвата или скрытого подхода противника. Стена возведена на вершине скалистой гряды, выступающей над долиной Шуроба более чем на 400 м, с которой окружающая местность с севера хорошо просматривается на несколько километров.

И в других горных ущельях, через которые враг мог проникнуть в Бактрию, существовали аналогичные оборонительные сооружения. Так, еще в 1960 г. Г. А. Пугаченкова зафиксировала мощную стену из рваного камня (ширина стены 3 м, протяженность — 5 км), датируемую кушанским временем, которая перегораживала всю долину реки у к. Сина¹⁰. Аналогичные стены по некоторым долинам имеются в ущелье Узундара около Сайроба и в районе к. Панджоб в Кугитанге.

Как сейчас становится ясно благодаря нашим исследованиям, на северо-западе Кушанского государства была создана мощная оборонительная система, включавшая

⁹ Пугаченкова, Ртвеладзе и др. Дальверзин-тепе — кушанский город... С. 232.

¹⁰ Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганпана // Труды ТашГУ. Вып. 200. Археология Средней Азии. VI. Ташкент, 1963. С. 50—51.

три пояса фортификационных сооружений: пограничные оборонительные стены с крепостями, обозначавшие и защищавшие границу (Дарбанд); 2) государственные крепости, защищавшие дороги на выходе их из горных ущелий (Кафыр-кала, Сари Банд, Тарагай-тепе и другие); 3) государственные крепости, контролировавшие переправы через Окс (Кампы-тепе, Келиф, Термез).

Не исключено, что в Северо-Западной Бактрии имелись и районные стены вокруг важнейших оазисов, подобно окружной стене Балхского оазиса¹¹.

Таким образом, можно говорить о наличии централизованной оборонительной системы для отражения нашествий внешнего врага. В связи с этим представляется вероятным, что Северо-Западная Бактрия, учитывая ее важнейшее стратегическое значение и наличие системы государственной обороны, могла иметь статус особой административной единицы типа пограничной области. На наличие подобных областей в Кушанском государстве указывает бактрийский титул Ноковозока — *καταραγγο* — «наместник, начальник пограничной области, маркграф», зафиксированный в надписях из Сурх-Котала¹².

Данные армянского историка Себеоса (VII в.) подтверждают, по нашему мнению, тот факт, что именно район Дарбанда и Гиссарский хребет были границей Кушанского царства. Описывая поход сасанидского полководца Вахрама Михрвандака, Себеос говорит, что Вахрам «силой завоевал Балх и всю страну кушанов, до другой стороны великой реки под названием Вехрот (Амударья. — Э. Р.), до места под названием Казбион»¹³.

И. Маркварт локализовал Казбион в Бухарском оазисе¹⁴, однако эта локализация, как отметил И. В. Пьянков, не оправдана¹⁵. Более предпочтительна предложенная М. Е. Массоном локализация Казбиона на месте городища Касби (средневековая Кесба. — Э. Р.) к западу от Карши¹⁶.

В своей еще не опубликованной статье «Газаб-Габаза-Казбион» я постарался доказать, что древняя область Газаб, упомянутая историками Александра Македонского, располагалась в горах Западного Гиссара от Дарбанда до к. Гузара в Кашкадарьинской обл. и что древняя Газаб и средневековый Казбион — это названия одной и той же области. Обращает на себя внимание созвучие данных двух названий, оглушение звука «г» в «к» нередко в иранских языках, что же касается окончания -он, -ан, то, вероятно всего, что здесь мы имеем персидскую форму (ср. *Balaxš* — *Вадахшан*; *šaganī* — *Сагāniyan* и т. д.). Подтверждает эту гипотезу наличие сходных топонимов; так, на русских топографических картах конца XIX — начала XX в. местность к западу от Ак-рабада обозначена как «Газбан»¹⁷, а местные старожилы еще в 1969 г. рассказывали мне легенду, согласно которой в давние времена этой местностью управлял некий Габазан-шах. Все эти вместе взятые данные позволяют считать что приведенные выше слова Себеоса получают ясное топографическое определение: северной границей страны Кушан является район Дарбанд, отмеченный пограничной стеной, за ним находилась местность Казбион-Газаб.

II. Пещерный комплекс Кара-Камар

Он находится на крайнем юго-западе Сурхандарьинской обл., в Гагаринском р-не, в 11 км к западу от железнодорожной станции Болдыр и в 3 км к северу от пере-

¹¹ Она же. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 137—140.

¹² Henning W. B. The Bactrian Inscription // BSOAS. 1960. V. 23. Pt. 1.

¹³ Тер-Мкртчян Л. Х. Армянские историки о Средней Азии V—VII вв. М., 1979. С. 58.

¹⁴ Marquart J. Wehrot und Arang. B., 1938. S. 153.

¹⁵ Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982. С. 29.

¹⁶ Массон. Ук. соч. С. 19.

¹⁷ Maes H. A. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. 1879.

правы Кую-Кара-Камар и одноименного кишлака. В этом месте обширная Шерабадская долина сменяется невысокой холмистой Куюкамарской грядой, сложенной из третичных песчанков и конгломератов, являющейся, в свою очередь, восточным отрогом обширной Келифо-Шерабадской горной гряды, протянувшейся с юго-запада на северо-восток на границе Узбекистана и Туркменистана.

Кара-Камар впервые обследован в 1875 г. Н. А. Маевым во время рекогносцировки дорог в Восточной Бухаре; он отметил наличие здесь трех пещер, покрытых внутри грубыми изображениями людей, лошадей, собак, рук и голов. Н. А. Маев считал, что изображения эти сделаны пастухами, заглянувшими в пещеры на ночь своего стада. В 1940 г. подробное обследование пещер Кара-Камар осуществил Г. В. Парфенов, который полагал, что здесь находился буддийский пещерный монастырь, подобный Кара-тепе в Старом Термезе, хотя никаких следов его буддийской принадлежности он не обнаружил. Поскольку материалы исследования данного комплекса опубликованы нами с достаточно подробным описанием¹⁸, остановимся лишь на наиболее существенных результатах. Описываемый комплекс представляет собой П-образную площадку (55 × 35 м), открытую с юго-восточной стороны и окаймленную с трех других сторон толщей песчаникового массива высотой от 2—3 до 10 м. Правильные геометрические очертания «площади», или «двора», хотя и в значительной мере нарушенной сейчас эрозийными и эоловыми процессами, позволяют предположить не естественное, а искусственное ее происхождение. Она, по-видимому, была вырублена в массиве легко поддающегося обработке песчаника, на месте имевшейся здесь промонны. В юго-западной и северо-западной стенах двора в два яруса располагаются искусственные пещерные сооружения, вырубленные в толще песчаника. В первом ярусе находятся наиболее крупные по размерам сооружения, начинавшиеся, вероятно, с уровня двора. Приведем описание одного из них.

Пещерное сооружение 3. Расположено в северо-западном углу «двора». Ориентировано по оси север—юг, входом обращено на юго-восток к ПС-1 и ПС-2. Не исключено, что все эти три пещерных сооружения были объединены в единый комплекс посредством каких-то наземных сооружений, причем предвратная их часть была, вероятно, перекрыта естественным сравнительно тонким песчаниковым козырьком, от которого сохранились сейчас отдельные выступы на высоте около 6 м. Пещерное сооружение 3 в плане приближается к сильно вытянутой трапеции с сужением к выходу, размеры: 9,8 × 5,8 × 9,8 × 3,2 м. Углы пересечения стен в интерьере ПС-3 скруглены. В восточной стенке у угла заметны очертания свода ниши. Свод помещения горизонтален, со скруглением в углах. Способ обработки свода и стен сооружения аналогичен употребленному в других сооружениях. Высота от уровня современного заполнения до замка свода — 2,5 м, от основного пола — не менее 3—5 м. Вход в ПС-3 также потерял свою первоначальную форму и открыт на всю ширину пролета, но в некоторых местах заметны выступы входной торцевой стены, сохранившейся в длину на 0,3—0,4 м.

На поверхности юго-западной стены имеются арабские даты, ниже их тамгообразный знак, заключенный в картуш, а еще ниже линейный рисунок животного. Во втором ярусе, на высоте 5—6 м от современной поверхности находятся небольшие (2 × 1; 2,5 × 1,8 м и т. д.), в значительной мере обвалившиеся ниши-пещерки, также, вероятно, искусственного происхождения.

Большой научный интерес представляют обнаруженные в Кара-Камаре надписи на арабском, бактрийском, греческом и латинском языках.

Арабские надписи. Они обнаружены на стенах пещерного сооружения № 1 (одна на западной торцевой стене) и № 3 (две на боковой юго-западной стене) и состоят из обозначения даты выполнения надписи, начертанного в два вертикальных столбца.

¹⁸ Ртвеладзе Э. В., Аршавская З. А., Шейко К. А. Пещерный комплекс Кара-Камар // Архитектура и строительство в Узбекистане. 1988. № 8. С. 24—26.

Рис. 2. Бактрийская надпись из Кара-Камара

Даты следующие: 584 г. х. (1187—1188 гг. н. э.; 837 г. х. (1433—1434 гг. н. э.); 949 г. х. (1542—1543 гг. н. э.). Кроме того, перед входами в пещерные сооружения имеются поздние арабские надписи XIX — начала XX в., содержащие религиозные формулы типа «бисмады» и «калимы».

Бактрийские надписи. Эти надписи имеются на стенах некоторых пещерных сооружений Кара-Камара, но, к сожалению, почти все они уничтожены современными посетителями этого места, нанесшими поверх бактрийских надписи на русском и узбекском языках. Почти полностью сохранилась лишь одна бактрийская надпись, передающая, видимо, имя собственное, и частично две другие. Первая надпись нанесена на поверхность стены между пещерными сооружениями № 2 и № 3 на высоте немногим более 1,5 м. В древности это пространство было перекрыто сверху скальным «карнизом», в настоящее время обвалившимся, поэтому данная часть скалы подвергается частым выветриваниям и размыву, что сказалось на сохранности надписи. Длина надписи — 60 см, высота букв различна: от 5 см (o), или 7 см (t), до 10—11 см (p и x). Она состоит из одного слова, так как вблизи нее не заметно следов каких-либо других букв. Надпись была определена как бактрийская и первоначально прочитана нами как $\lambda p \zeta_{\mu} o x \rho$, во втором компоненте которого очевидно читалось $o x \rho$ (o) или $o x \rho$ (t) — имя божества $Waxš$, бактрийское $Uxš$ ($o x \rho$ на кушанских монетах) (рис. 2). Позднее В. А. Лившиц предложил читать это слово как $a p \zeta_{\mu} o x \rho$ (o). Вторая надпись, находящаяся на высоте около 3 м на поверхности скалы к западу от пещерного сооружения № 2, сохранилась плохо. В ней угадывается несколько букв, которые мы совокупно читаем как «PЮАМА» (?). Еще в одной надписи, находившейся несколько ниже предыдущей, сохранилось лишь несколько плохо различимых букв *кол...*

Греческая надпись. Вырезана на западной стенке небольшой пещерки второго яруса, расположенной над пещерным сооружением № 1. Она состоит из семи или восьми букв, причем последняя буква полустерта и плохо заметна. Конечные знаки надписи выходят из пещеры на наружную поверхность скалы таким образом, что вырезать ее сейчас было бы невозможно, не имея опоры под ногами. Можно предположить, что во время ее выполнения над пещерным сооружением № 1 был своего рода

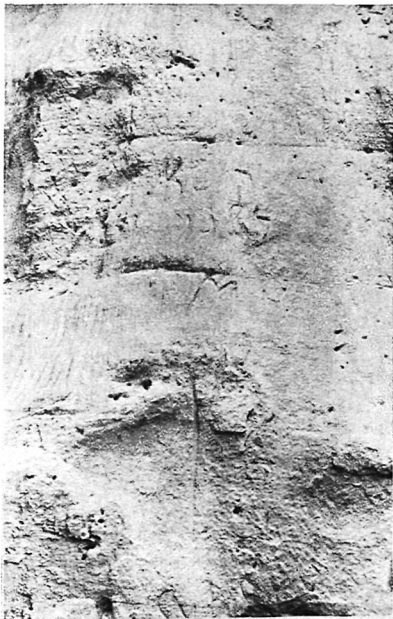

Рис. 5. Верхняя латинская надпись из Кара-Камара

скальный «козырек», в настоящее время обвалившийся. Длина надписи — 43 см, наибольшая высота букв, в частности, р и п — до 15—19 см, глубина — 0,5—1 см. (рис. 3). Прежде надпись была покрыта слоем «пустынного загара», который сейчас отслоился. По мнению Ю. Г. Виноградова, видевшего фотографию надписи, ее можно читать Ριποσθενη(ουσ) «Рипос поставил / посвятил». Ю. Г. Виноградов склонен датировать эту надпись I—II вв. н. э., но не исключает возможности отнесения ее к позднему эллинизму. Того же чтения, за исключением предпоследней буквы, придерживается специалист по античной эпиграфике Ю. Б. Устинова, осмотревшая вместе со мной эту и другие надписи в Кара-Камаре в мае 1988 г. (см. ее статью в настоящем номере ВДИ). Рис. 3,4 — вклейки.

Латинские надписи. Их две, они высечены на скальной поверхности между пещерными сооружениями 2 и 3; нижняя — на высоте 3,5 м, а верхняя — на высоте более 5 м от современного уровня дневной поверхности, который в древности был ниже примерно на 1—1,5 м (рис. 4—5). Обе надписи вырезаны в мягком песчанике на поверхности скалы, подвергающейся сейчас сильному воздействию ветра и атмосфер-

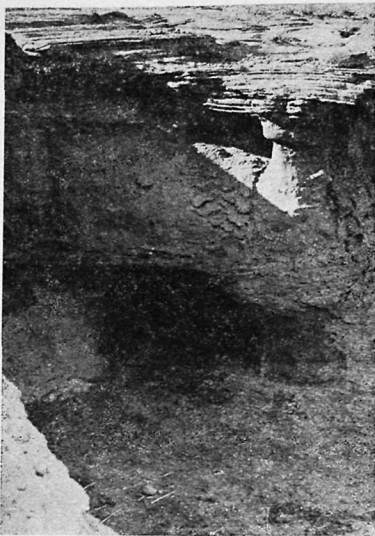

Рис. 6. Вход в пещерное святилище Кара-Камара

ных осадков, сохранность надписей недостаточно хороша — многие буквы уже плохо заметны или полностью исчезли. Можно полагать, что прежде эта часть пространства между пещерными сооружениями 2 и 3 была прикрыта сверху скальным «козырьком», позднее обвалившимся. Нижняя надпись состоит из трех строк, высота букв в них до 7—8 см, за исключением двух последних букв во второй строке, высота которых не более 4,5 см, глубина — 0,2 см, длина строк — 22—25 см, высота надписи — 35 см. Уже при первом посещении Кара-Камара эта надпись была определена нами как латинская, в которой достаточно хорошо читалась вторая строка G. Rex — сокращение имени Gaius в сочетании, как мы предполагали, с хорошо известным титулом Rex — царь. Эту надпись по фотографии изучал Ю. Г. Виноградов, который высказал предположение о возможном чтении стк. 3 как сокращения двух слов Apollinaris Legio, т. е. названия римского XV легиона Apollinaris.

Ю. Б. Устинова пришла к близкому выводу (см. комментарий в ее статье). Верхняя надпись (первая — по Ю. Б. Устиновой) расположена над нижней, на расстоянии около 2 м, но несколько правее. Она также состоит из трех строк; в стк. 1 различимо слово ROD, в стк. 2 сохранились неясные очертания каких-то знаков, в стк. 3 отчетливо видны две буквы — IM. Высота надписи 44 см, длина строк — 20 см, расстояние между строками — 6 см.

Помимо изучения надписей и обмеров пещерного комплекса нами также были начаты исследования культурного слоя в пещерном сооружении 3. Эти исследования

определили характер культурного слоя общей мощностью 1,18 м, состоящего из чередующихся прослоек обгорелой земли с угольками, зольников, навоза, песка, мелкого песчаника толщиной от 5 до 25 см. Особенности этих прослоек показывают, что данный культурный слой не определяет первоначального назначения пещерного сооружения. Он сложился в результате длительного использования пещеры в качестве временного убежища и загона для скота. Что же касается первоначального назначения этого комплекса, то, очевидно, он не мог выполнять функции сооружений жилого назначения. Об этом говорят открытые и высокие входы в пещеры, отсутствие элементарных условий для жилья. Более предпочтительно считать эти сооружения культовыми, что согласуется и с наличием достаточного числа посетительских надписей, обычно сосредоточенных в местах культового назначения.

С каким культом связан данный пещерный комплекс? Ответить на этот вопрос пока весьма затруднительно. Нет данных, свидетельствующих о его буддийской, как полагал Г. В. Парфенов, или зороастрийской принадлежности. В то же время характер архитектуры пещерных сооружений этого комплекса указывает на определенную близость их к митраистским святилищам, которые представляли собой зачастую искусственные или естественные пещеры со сводчатым потолком и расположенными вдоль стен каменными скамьями. Освещались пещеры особыми светильниками, символизирующими божественный свет. Любопытно, что в пещерных святилищах Кара-Камара обычно в торцовой стене имеются небольшие треугольные ниши, которые, судя по закопченности стен, предназначались для установки светильников (рис. 6).

К выводу о том, что данные пещерные святилища могли быть митреумами, пришла и Ю. Б. Устинова (см. ее статью). В этом отношении весьма интересно наличие в стк. 3 верхней латинской надписи двух букв IM, которые, по-видимому, представляют собой стандартную аббревиатуру *Invictus Mit(h)ra* — «Непобедимому Митре», принятую во всем римском мире.

Воздерживаясь от дальнейшей исторической интерпретации полученных данных, мы выражаем надежду, что специалисты обратят внимание на столь интересные и неожиданные надписи из Кара-Камара и решат вопрос об их хронологической принадлежности. В то же время нет сомнений, что пещерные сооружения Кара-Камара принадлежат к числу незаурядных памятников кушанского времени в Северной Бактрии.

Э. В. Ртвеладзе

© 1990 г.

НАСКАЛЬНЫЕ ЛАТИНСКИЕ И ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСИ ИЗ КАРА-КАМАРА

На стенах пещеры Кара-Камар, покрытых многочисленными надписями разных эпох, вплоть до современных, и рисунками, удается выделить одну греческую и две латинские надписи. находка латинских надписей знаменательна уже тем, что, насколько нам известно, до сих пор латинских надписей восточнее Закавказья не обнаруживали, и открытие их на границе Туркмении и Узбекистана существенно расширяет территориальные пределы латинской эпиграфики.

Обе латинские надписи расположены у одного из входов в пещеру, близко друг от друга, причем надпись 1 расположена примерно на 1,5 м выше надписи 2. Они высечены на значительной высоте даже от современной поверхности земли, которая на несколько метров выше древней. Отметим, что когда вход в пещеру еще не обвалился,

эти надписи находились как бы на стенах «вестибюля» и могли быть видны, по всей вероятности, только при искусственном освещении.

Надпись 1 была, как минимум, трехстрочной. Буквы второй строки теперь нечитаемы, а в первой и третьей строках сохранилось:

ROD

I M

Высота букв колеблется от 0,05 (M) до 0,06 м (R). R имеет слегка закругленную боковую гасу, у M пересечение двух средних гас находится примерно на середине высоты боковых, несколько расходящихся в стороны.

Надпись 2: PAN

G. REX

AP. LG

Высота букв в сткк. 1 и 3 — 0,07—0,08 м, в стк. 2 G и R несколько выше остальных букв (0,07—0,08 против 0,45 м), в стк. 3 две последние буквы написаны курсивом. В сткк. 2 и 3 сохранились точки-разделители.

Сочетание актуарного письма, которым исполнены обе надписи, с курсивным любопытно, но объяснимо для исследуемого памятника: ведь надписи высечены не профессиональным резчиком, а, как мы попытаемся доказать, римскими легионерами, в неудобном для работы месте. Характерно, что торопливым курсивом выполнены две последние буквы надписи: может быть, на них не хватило времени или начал гаснуть светильник?

Шрифт обеих надписей не дает возможности более точной их датировки, нежели императорским периодом. Трудно определить, что такое ROD. По всей видимости, это или сокращение, или то, что осталось от какого-то имени греческого происхождения, начинавшегося с Ροδ-, как Ροδανός, Ροδίνπος, Ροδίων, Ροδός, и т. п. В латинской транскрипции в таком случае выпало H, необходимое после R в RHOD, но такое отклонение от орфографии вполне допустимо.

Очень любопытна третья строка надписи 1. Расстояние между буквами I и M в три раза превосходит интервал между другими буквами этой надписи и надписи 2. В то же время I·M (с точкой или другим букворазделителем) — стандартная аббревиатура Invictus Mit(h)rae, принятая во всем римском мире¹. Эта точка могла либо не сохраниться на хрупком песчанике (как вторая строка надписи), либо никогда не существовать: точки и прочие знаки ставили не всегда, и в данном случае автор надписи мог удовлетвориться тем, что оставил между I и M большое *casat*.

Существенным аргументом в пользу предложенного чтения служит обнаружение надписей в пещере: ведь митреух мыслился как пещера, и для сооружения своих храмов митрансты стремились использовать пещеры, естественные или искусственные гроты и т. п.² В таком случае надпись 1 представляет собою, по всей вероятности, посвящение лица, имя которого начиналось на ROD, Непобедимому Митре — Invictio Mithrae.

Обратившись ко второй надписи, начнем с третьей строки. AP·LG — сокращение, означающее (XV) Apollinaris Legio³. Этот легион, сформированный еще при триумvirате, в 62 г. н. э. был направлен из Паннонии в Армению (Tac. Ann. XV. 25)⁴ и оставался там до 66 г. В начале осени этого года римляне потерпели сокрушительное поражение от парфян в борьбе за Армению; парфяне тогда захватили множество плен-

¹ Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. P., 1889. P. 366; Calderini A. Epigrafia. Torino, 1974. P. 294.

² Vermaseren M. J. Corpus inscriptionum et monumentorum religionis Mithriacae. V. 1.—2. Hague, 1956—1960; Campbell L. A. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968.

³ Cagnat. Op. cit. P. 363; Calderini. Op. cit. P. 262.

⁴ Ritterling E. Legio // RE. XII, 2. 1925. Sp. 1750; Domaszewski A. von. Apollinaris legio // RE. I, 2. 1894. Sp. 2845; Webster G. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A. D. L., 1969. P. 71, 73, 80.

ных, некоторых из них судьба могла забросить даже в Кара-Камар. Обратим внимание на то, что на Пицундском городище остались следы пребывания на Кавказе XV Legio Apollinaris: черепица с клеймами LEG XV⁵. Все эти соображения дают возможность датировать надпись последней третью I в. н. э.

В таком случае в стлк. 1 следует читать Ραπ(ρoνιcι), что очень хорошо увязывается с историей XV Apollinaris: ведь в Армению он был переведен из Паннонии, и какая-то группа (или один человек) вполне могла продолжать называть себя паннонцами или еще как-нибудь в этом роде. В стлк. 2 G — инициал имени Gaius⁶. Rex — видимо, прозвище этого Гаия из XV легиона. Особого внимания заслуживает важная роль XV легиона в распространении митраизма, которую подчеркивают современные исследователи⁷. Этот легион долго стоял в Паннонии, которая, по-видимому, может считаться регионом, где митраистские мистерии проходили фазу становления и оформления и откуда уже достаточно сложившаяся традиция была перенесена в Рим и другие части империи⁸. Самое раннее из известных посвящений Митре — это алтарь, поставленный центурионом XV легиона в Карнунте (Паннония)⁹. Это посвящение могло быть сделано или до 62 г., или в 105—114 гг., когда XV Legio Apollinaris вернулся в Паннонию. Оставив в стороне вопрос, были ли митраистские верования распространены среди воинов этого легиона еще до похода в Армению или это произошло уже в Закавказье под сильным влиянием местного культа Митры (Dio LXXII. 5; Plin. NH. XXX. 6.17)¹⁰, отметим, что, во всяком случае, после Армянской кампании именно в этом легионе впервые в римской армии проявились митраизм.

Греческая надпись расположена в 5 м от современной дневной поверхности у другого входа в пещеру. Она читается:

Ῥῖπος ἱθῤ(κς).

Конечная Σ в слове Ῥῖπος курсивная, O расположен над Π, курсивный также E. Высота букв — 0,15—0,19 м.

Ῥῖπος — наверное, или имя, или прозвище от слова со значением «тростниковая плетенка»; в просмотренных справочниках греческих собственных имен обнаружить его не удалось.

В ἱθῤ(κς) две последние буквы, необходимые для образования правильного аориста от ἱθῤκ, или никогда не были написаны, или исчезли со временем, что не исключено, так как уже у H вторая вертикальная галта полустерта.

Надпись, по-видимому, представляет собою посвящение некоего Рипа. Курсивный шрифт очень трудно датировать, тем более в таком удаленном от основных греческих центров месте, но в принципе эта надпись может относиться к тому же периоду, что и латинские. Скорее всего, посвящение Рипа обращено также к Митре, хотя не исключено, что та же пещера использовалась и для отправления другого культа раньше или позже того времени, когда она служила митреумом.

Итак, приведенные соображения позволяют предположить, что латинские надписи в пещере Кара-Камар оставлены бывшими воинами XVI легиона в последней трети I в. н. э. и одна из них представляет собою посвящение Митре, а сама пещера, может быть, использовалась как митреум.

Ю. Б. Устинова

⁵ Кизурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., Тодуа Т. Т. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987. № 2. С. 88—92.

⁶ Calderini. Op. cit. P. 288.

⁷ Daniels C. M. The Role of the Roman Army in the Spread and Practice of Mithraism // Mithraic Studies. II. Manchester, 1975. P. 250 f.

⁸ Beskow P. The Routes of Early Mithraism // Etudes mithraïques. Leiden, 1978. P. 10.

⁹ Daniels. Op. cit. P. 250.

¹⁰ Ibid. P. 251.

© 1990 г.

В. Ю. Зуев

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ М. И. РОСТОВЦЕВА

(К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»)

Основные вопросы концепции истории и археологии Скифии академика М. И. Ростовцева, детально разработанные ученым в многочисленных его трудах по этой теме, можно классифицировать и представить в виде большой и стройной системы. К первой категории следует отнести вопросы глобально-исторического масштаба, ставшие для ученого главными в его многолетних научных изысканиях. Это прежде всего вопросы о значении скифской эпохи в истории нашей страны, а также вопросы о месте и роли, которые занимала и играла страна Скифия (позже ставшая Россией) в истории античной цивилизации. Ко второй категории относятся вопросы культурологического порядка: о специфике культурного облика Скифии, о характере ее основных культурных укладов (так называемого «иранского», «эллинистического» и «эллинского»), выражающих собой разные грани единой панорамы культурной жизни Скифии. Следующую категорию составляют темы конкретно-исторического порядка. К ним относятся вопросы истории и археологии киммерийцев, скифов, греков, савроматов, сарматов, кельтов, фракийцев и целого ряда других древних народов, населявших в разные времена просторы Северного Причерноморья, о существовании и взаимоотношениях которых нам стало известно благодаря античным писателям и поэтам. Эти конкретные темы, в свою очередь, разбиваются у М. И. Ростовцева на целый ряд групп вопросов политического, социально-экономического и культурного характера (вопросы политической истории народов Скифии и Боспора, социально-экономического строя боспорской, скифской и сарматской держав, вопросы генезиса «скифского звериного стиля», его морфологии и семантики и т. д.). Завершает эту схему, возвышаясь над ней, еще одна категория вопросов сугубо методологического содержания. К ним относятся проблемы специфики разнородных исторических материалов как самостоятельных источников информации, проблемы их прочтения и взаимодополнения, т. е. вопросы источниковедческого плана, без разработки которых М. И. Ростовцев не представлял себе концептуальный охват темы истории и археологии Скифии.

Вспомним слова самого М. И. Ростовцева о том, как он определял главный мотив своих изысканий и как пришел к его пониманию. В мае

1918 г. в предисловии к книге «Эллиниство и иранство на юге России» он писал: «Мы чрезвычайно мало знаем и очень мало интересуемся нашим прошлым, которое не кажется на первый взгляд связанным с нашими судьбами. А rigid непонятно и не может быть понятно, какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем, с нашей историей и нашей культурой. Между тем эта связь, связь не этнографическая и не политическая, а культурная, связь преемственности, имеется и определяет собою культурные особенности жизненного уклада того, что позднее стало Россией, в наиболее ранние эпохи существования этой части культурного мира. Для того чтобы иметь право поставить этот вопрос, имеющий огромное значение для нашей истории и для истории человечества вообще, надо прежде всего знать политические и культурные судьбы эллиниства и иранства, главнейших носителей древнейшей культуры на пространстве России. Судьбы эти нам известны очень плохо. Во-первых, потому, что огромный накопленный материал не только не изучен, но даже не приведен в систему. Во-вторых, потому, что в основу изучения не кладется единственно правильная сравнительно-историческая точка зрения... Путь, которым я пришел к моей концепции, изложен в многочисленных моих статьях и книгах о юге России; в общей форме, с приведением всего материала, этот путь намечен в печатающейся большой книге моей „Исследование по истории Скифии и Боспора“¹.

Эти строки служат своего рода ключем для понимания ростовцевской концепции истории и археологии Скифии.

Период формирования его взглядов охватывает почти 60 лет жизни ученого. Срок немалый, если учесть, что все эти годы были связаны с бурным процессом развития мировой исторической науки конца XIX — начала XX в. За это время мировоззрение М. И. Ростовцева в целом и его взгляды на историю и археологию Скифии неоднократно менялись.

В поисках исходной точки того творческого пути, по которому М. И. Ростовцев пришел впоследствии к созданию концепции истории и археологии Скифии, мы затрагиваем сложную проблему соотношения научных традиций, воспитавших М. И. Ростовцева как самостоятельного ученого, с теми новациями в науке, которые он привнес в нее своими исследованиями. Чтобы понять эти новации, обогатившие науку и наше общее представление о древнем мире, необходимо реально себе представлять, насколько зависело все сделанное М. И. Ростовцевым от уровня и качества того фундамента знаний, заложенного научными традициями более ранних времен, от которого он отталкивался в своем движении вперед.

В 1922 г. С. А. Жебелев, анализируя сделанное М. И. Ростовцевым для отечественной археологии, писал: «...нужно постоянно помнить, что изучение классических и „скифских“ древностей, происходящих с нашего

¹ *Ростовцев М. И.* Эллиниство и иранство на юге России. Пг.: Изд-во «Огни». Серия «Круг знания», 1918. С. V—VI. Как уже отмечалось мною (см. ВДИ. 1989. № 1. С. 209; № 2. С. 198), историография знает два варианта названия книги, один из которых принадлежит самому автору, а другой — «Скифия и Боспор» — С. А. Жебелеву. Для того чтобы выйти из сложного положения с вариантами названий книги, предлагается следующее: в тех случаях, когда речь будет идти о замысле и композиции всего труда М. И. Ростовцева, называть его в первоначальном варианте: «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства» (сокращено — «Исследование»). Эту же форму можно применять и тогда, когда будут упоминаться неопубликованные при жизни ученого главы из II тома «Исследования». В случае же упоминания I тома книги за ним целесообразно сохранять название, прочно вошедшее в историю науки, — «Скифия и Боспор».

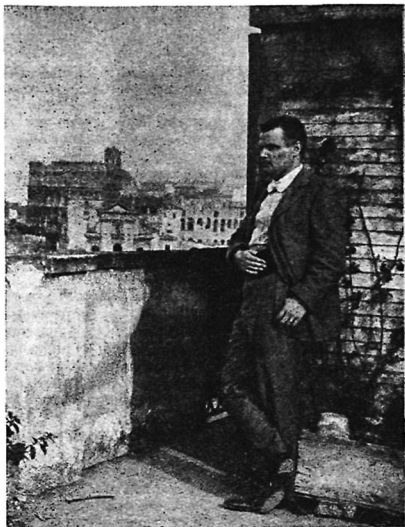

Рис. 1. М. И. Ростовцев. Рим, 1895 г. Фото Я. И. Смирнова. ЦГИА, ф. 1041.

юга, должно стоять на единственно правильной и возможной, в научном отношении, позиции. У нас все еще продолжают отчасти думать, что южно-русские классические памятники представляют собою что-то самодовлеющее и в себе самом замкнутое; что эти памятники входят в область „русских древностей“; что поэтому им может заниматься всякий, без надлежащего образования в области именно классической археологии. Печальное заблуждение! „Классические древности южной России“, „скифо-сарматские древности“ — лишь отдел классической археологии. Плодотворно изучать их может только археолог-классик; для научного занятия ими мало еще родиться, учиться и жить в России. Для этого нужно пройти хорошую и основательную школу, созданную дружными усилиями наших западных собратьев»².

Именно эту школу и прошел М. И. Ростовцев, совершив с 1893 по 1897 г. целый ряд путешествий в Грецию, Малую Азию, Италию, Францию, Испанию и Северную Африку (рис. 1). Он познакомился во время поездок со многими выдающимися учеными Западной Европы, среди

² Железов С. А. Введение в археологию. История археологического знания. Ч. I. Пг., 1923. С. 150 сл.

Рис. 2. Группа профессоров Санкт-Петербургского университета, начало века. Стоят, слева направо — Г. Ф. Церетели, А. А. Васильев, Б. В. Фармаковский, Окунев; в центре — Я. И. Смирнов; крайний справа — С. Н. Кондаков. Сидят, слева направо — Б. А. Тураев, В. Н. Бешевич, Г. И. Котов, Д. М. Айналов; четвертый справа — Н. П. Кондаков, справа от него — С. М. Ростовцева (супруга М. И. Ростовцева), С. А. Жебелев и М. И. Ростовцев. Фото из ЛО Архива АН СССР, ф. 192

которых были Дерпфельд, Вилламовиц-Мёллендорф, А. Мау, М. Пру и многие другие. В эти годы М. И. Ростовцев напряженно работал над своей магистерской диссертацией по системе государственного откупа в Римской империи, собирал и изучал по всем европейским музеям римские свинцовые тессеры, посещал все сколь-нибудь значащие раскопки на своем пути и, наконец, просто путешествовал в компании со своими друзьями: Н. П. Кондаковым, Я. И. Смирновым, Б. В. Фармаковским, Е. М. Придиком, художниками Брайловским и Л. Бакстом и с молодым поэтом, филологом-классиком Вяч. Ивановым (рис. 2).

Во время своих зарубежных поездок Ростовцев успевае проявить себя как историк, археолог, нумизмат и знаток архитектуры Рима. Но к будущим занятиям древностями Юга России ученый приходит все же другим путем — через искусствоведение.

Следует отметить, что такой подход к археологии античного времени в конце XIX в. был наиболее распространенным среди археологов и филологов-классиков. Навыки этой работы стали вырабатываться у М. И. Ростовцева начиная с 1891 г., когда Н. П. Кондаков предложил ему как студенту, специализирующемуся по истории Рима, заняться в его семинарии изучением помпеянской декоративной живописи. Предложение Кондакова постепенно превратилось для его ученика в отдельную область многолетних и плодотворных исследований.

Под большим впечатлением от работ А. Мау в Помпеях М. И. Ростовцев, вернувшись в Россию, решает взяться прежде всего за памятники античной декоративной живописи, уже достаточно известные в Причерноморье русской археологии³.

Труд, начатый М. И. Ростовцевым в 1897 г., растянулся более чем на 15 лет. За это время он неоднократно посещал Керчь и Херсонес, уста-

³ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I. СПб., 1914. С. 2.*

новил тесное сотрудничество с А. А. Бобринским, Б. В. Фармаковским, П. П. Покрышкиным, Н. И. Веселовским, А. А. Спицыным, В. В. Шкорпиллом, Р. Х. Лепером, М. Б. Скубетовым, К. К. Косцюшко-Валюжиничем и М. В. Фармаковским. Вместе с последними они осмотрели все известные сохранившиеся склепы античного времени с росписями, исследовали их вновь раскопками, а также путем снятия точных планов, копий с настенной живописи, фотографирования и составили из этого материала единый свод источников⁴. Для создания этого свода М. И. Ростовцев поднял при помощи А. А. Спицына все имеющиеся в архиве Императорской Археологической Комиссии (далее — ИАК) отчеты и рапорты. И надо отдать ему должное — в этой работе он практически ничего не пропустил. Однако весь только перечисленный здесь последовательно гигантский многолетний труд был всего лишь подготовительным, так как перед исследователем стояла труднейшая задача датировки собранного им материала. Можно ли сказать, что именно эта работа сформировала в М. И. Ростовцеве археолога и историка античного периода Северного Причерноморья? И нет, и да. Дело в том, что несмотря на огромный труд по созданию хронологии памятников с декоративной живописью, относящихся к эллинистическому и римскому времени, М. И. Ростовцев подходил к их изучению прежде всего как историк искусства. В этом можно легко убедиться, проанализировав многочисленные работы ученого о южнорусских древностях, относящихся к периоду подготовки издания «Античной декоративной живописи на юге России»⁵. Но, с другой стороны, М. И. Ростовцев не случайно написал в 1913 г.: «Книгу свою я посвящаю Никодиму Павловичу Кондакову. Он первый открыл мне глаза на памятники, с ним я совершил одно из первых моих археологических путешествий, в беседах с ним я научился смотреть и видеть. Историком искусства, как он, я не сделался, как не сделался и чистым филологом-классиком, но не бесполезны, может быть, для науки о древности и те деятели, которые подходят к памятникам к а к и с т о р и к и и а р х е о л о г и» (выделено мною. — В. З.)⁶.

⁴ В фонде М. И. Ростовцева в ЦГИА СССР (ф. 1041, оп. 1) хранятся следы этой гигантской исследовательской работы. После обработки этого материала писем с мест находок, фотографии и чертежи вновь смогут стать дополнительными источниками для изучения декоративной живописи античного периода Северного Причерноморья.

⁵ См. такие его работы, как: Заметка о росписях керченских катакомб // ЗРАО. 1897. Т. IX. С. 291—298; Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического изучения Керчи // ЖМНП. 1906. Май. С. 211—231; Развитие античной декоративной стеновой живописи // Гермес. 1910. № 4. С. 121—124; Роспись Керченской гробницы, открытой в 1891 г. // Сб. в честь гр. А. А. Бобринского. СПб., 1911. С. 119—154; Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. Рим, 1911; Писсида расписного склепа кургана Васюринской горы // ЗООИД. 1912. XXX. С. 136—153.

⁶ *Ростовцев. Античная декоративная живопись...* С. IX. Любопытно отметить, что собственно истории античной декоративной живописи на Юге России М. И. Ростовцев собирался заняться чуть позже издания своей книги. Именно поэтому он обозначил свой обзор памятников как I том книги с атласом (кстати, в современной литературе атлас к этой книге, изданный в 1913 г., нередко ошибочно называют ее II томом. См., например: Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 582; National Encyclopedia of Biography. V. XXXIX. P. 558). Появление же II тома книги, который должен был содержать систематическое сопоставление выводов в рамках античной декоративной живописи вообще, было задержано двумя обстоятельствами: во-первых, финансовым положением ИАК, затратившей на издание I тома и атласа огромную сумму денег, а во-вторых, желанием самого М. И. Ростовцева разобраться в специфике истории этого края, которая определила и характер местных наметников живописного искусства. Последнее обстоятельство, навсегда задержавшее искусствоведческую работу ученого по данной теме, мне представляется очень важным для правильного понимания того пути, по которому М. И. Ростовцев пришел к созданию концепции истории и археологии Скифии.

Многолетние занятия памятниками Юга России подвели М. И. Ростовцева к ряду принципиальных вопросов по истории Скифии и Боспора, без ответа на которые он считал невозможным правильное понимание археологического материала. К изучению этих вопросов он, уже тогда доктор римской словесности, подошел не как археолог или искусствовед, а как историк, изучающий древний мир преимущественно в социально-экономическом аспекте его истории.

Кардинальный поворот в направлении и характере исследований южно-русского материала, знаменующий собою начало следующего периода на пути ученого к созданию концепции истории Скифии, произошел в его творчестве на рубеже 1910-х годов. Связано это было прежде всего с тем, что как раз в это время М. И. Ростовцев приступил к детальному изучению эллинизма как самостоятельной эпохи в истории античности. Эпоха эллинизма волновала М. И. Ростовцева прежде всего потому, что именно она определила специфику социально-экономической истории Рима, над изучением которой он работал уже долгие годы. Поэтому большое желание ученого разобраться в эллинистических предтечах римской культуры в полной мере объясняет причины смещения его интересов в эту область исследований. Определенную роль в этой своеобразной переориентации сыграло и изучение М. И. Ростовцевым памятников античной декоративной живописи Юга России, появление и существование которых было обусловлено общими закономерностями развития эллинистической эпохи. Детальное знакомство со многими памятниками литературы, эпиграфики, искусства и археологии всего Средиземноморья, а также последовательный интерес к социально-экономическим основам жизни древнего мира позволили М. И. Ростовцеву подойти к выявлению этих закономерностей истории эллинизма с позиций концептуального осмысления темы.

Изначальное восприятие древнего мира как единого и органичного явления было обусловлено для М. И. Ростовцева его пониманием науки о древности как симбиоза аналитической и синтетической герменевтики. Это понимание восходит у М. И. Ростовцева к одному из его учителей — Фаддею Францевичу Зелинскому, который в своих университетских лекциях уделял много внимания вопросу о связях классической филологии, археологии и искусствознания как самостоятельных дисциплин с исторической наукой⁷. Для Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева аналитическое толкование однородной категории памятников и синтез уже истолкованных разнородных категорий в единое целое было единственно возможным путем перехода от собственно филологии, археологии, эпиграфики и искусствознания к подлинно научной истории древнего мира. А такой переход был возможен только при условии концептуального восприятия исторических эпох древнего мира. О том, что именно такое концептуальное восприятие эллинистической эпохи было выработано М. И. Ростовцевым уже в начале 10-х годов XX в., свидетельствуют конспекты его лекций, прочитанных в Петербургском университете⁸.

Окончание следует

⁷ Зелинский Ф. Ф. Классическая филология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 70. С. 811—816.

⁸ См. ЦГИА СССР, ф. 1041, оп. 1, ед. хр. 117. Конспекты лекций М. И. Ростовцева «Эллинизм как термин. Характерные черты эллинизма как эпохи и значение этой эпохи в истории человечества».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1990 г.

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОСТИ В I ТОМЕ «ИСТОРИИ ЕВРОПЫ»¹

Выход в свет I тома «Истории Европы» знаменует важный этап в развитии отечественной исторической науки: создание подобного труда означает новый подход к проблеме единства «европейского дома», стремление найти истоки этого единства, определить специфику европейской истории. Том открывается Предисловием ко всему изданию, в котором охарактеризованы общая структура и научные принципы построения восьмитомной «Истории Европы», и Введением к рецензируемому тому.

Первый том охватывает огромный период в истории Европы — от появления первобытного человека на Европейском континенте около двух миллионов лет тому назад до расцвета и крушения античной цивилизации, заложившей основы современной социально-политической организации и культуры европейского общества. Том включает в себя две не равномерные по хронологическому диапазону и объему материала части. Часть первая «Европа в каменном и бронзовом веке» (с. 45—124) содержит краткий обзор результатов изучения археологических памятников, позволяющий проследить развитие производительной деятельности человека, системы поселений, материальной и духовной культуры первобытных племен Средиземноморья, Западной и Восточной Европы. Не считая себя достаточно компетентной, чтобы судить о достоинствах и недостатках этого раздела (надеюсь, что он найдет должную оценку в работах специалистов), отмечу лишь, что его последние главы «Древняя Европа и индоевропейская проблема» и «Европа во II тысячелетии до н. э.» удачно смыкаются с последующим изложением истории античной цивилизации.

Основное место в томе занимает вторая часть, посвященная истории античного мира, и это вполне закономерно: именно на юге Европы происходило становление первых для европейского региона классовых обществ и государств, складывалась цивилизация, оказавшая огромное влияние на все последующее развитие Европы, а через европейцев и на мировые цивилизации. Античное наследие присутствовало во всей дальнейшей истории Европы: по-разному воспринимаясь в разные эпохи, оно органически входило в политическую и духовную жизнь, формировало европейский менталитет. Как справедливо сказано в Заключении к тому, античная эпоха была временем, «когда формировавшаяся в наиболее развитых регионах Европы цивилизация оказывала все большее влияние на прилегающие к Средиземному морю и на гораздо более удаленные области Азии и Африки».

Античные государства втягивали в сферу своего воздействия ближние и дальние племена: в эпоху их существования начался длительный процесс складывания европейской культуры, «европейского дома». При этом надо иметь в виду, что античная цивилизация не ограничивалась рамками Европы не только географически, но и духовно: она восприняла, переработала, органически включила в мировосприятие античного человека важнейшие культурные достижения древнего Ближнего Востока и

¹ История Европы в восьми томах с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Европа / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1988.

сделала эти достижения затем достоянием того племенного мира, который вошел в состав античных государств (прежде всего Римской державы). Но племена Европы не просто воспринимали греко-римскую культуру, в свою очередь они также оказывали воздействие на античные государства Средиземноморья, происходило взаимовлияние разных племен и народностей друг на друга, особенно в границах и на периферии эллинистических государств и Римской империи.

Если учитывать все эти особенности развития европейских регионов, то представляется вполне оправданной структура второй части тома, где история античных обществ на территории Греции и Италии рассматривается синхронно, и с главами, посвященными этим обществам, соседствуют главы, характеризующие племенной мир. Такой принцип построения удачен (за редким исключением — не ясно, например, почему о завоевании римлянами Дакии рассказывается позже, чем о ее романизации); читателю как бы все время напоминают, что античный мир существовал в «варварском» окружении, с которым отношения были сложные: племена не только испытывали влияние античных государств, но, в свою очередь, оказывали на него прямое и косвенное давление. Так, отмечается взаимовлияние греческой и фракийской культур (с. 211); большой интерес представляет анализ политических и культурных связей греческих колоний Причерноморья со скифами в главе IX, где показано, что тесные контакты с окружающей варварской средой и адаптация к новым условиям жизни вносили элементы своеобразия в образ жизни греческих колонистов; можно присоединиться к утверждению автора этой главы, что культурный симбиоз взаимно обогащал цивилизацию и тех и других (с. 382). Этот тезис можно распространить и на другие регионы, где античный мир сталкивался с племенным. Синхронное описание обоих этих миров, их сопоставление — одно из достоинств рецензируемого тома «Истории Европы».

Античный раздел предваряется Введением, где дано определение специфических черт античной цивилизации, основой которой была гражданская община (греческий полис, римская *civitas*). Определение это очень существенно для советской исторической науки, в которой велись споры о сущности полиса и о соотношении его с различными типами самоуправляющихся общин на древнем Востоке. Характеристика античной гражданской общины, данная во Введении, типологически отграничивает ее от города последующих эпох и от города в других регионах древности. В то же время эта характеристика, являясь итогом исследований советских историков античности, позволит в дальнейшем установить не только различия, но и общие черты самоуправляющихся общин древности, более четко определять суть древних обществ вообще.

Смысл определения античной гражданской общины сводится к следующим положениям: одной из основополагающих черт этой общины была верховная собственность на землю гражданского коллектива с правом распоряжаться землей и контролировать ее использование; граждане обладали законодательной и судебной властью и не могли быть порабощены за долги; существовало сочетание прав и обязанностей граждан (в частности, обязанность более богатых граждан нести большие тяготы на службе государству). Во Введении в качестве еще одной специфической черты называется равенство граждан перед законом: в развитых полисах это было действительно так, однако исономия не везде и не всегда соблюдалась.

Важной стороной приведенного определения представляется признание неразрывного единства экономики и политической структуры, которое обуславливало и идеологическую ориентацию общества на гражданскую общину как высшую ценность, культ гражданской свободы. В этом — существенное отличие античности от древневосточных обществ, в которых рабу в собственном смысле слова противостояла иерархия подчиненных людей, вершиной которой являлся царь. По существу лишь в полисах появляется понятие «свобода» как отсутствие господства одного лица над другим, понятие, которое становится частью системы ценностей античного гражданина и переходит затем в европейскую культуру.

Основные черты гражданской общины античного мира не просто декларируются

во Введении, они затем прослеживаются на конкретном историческом материале, в частности при характеристике складывающихся греческих полисов и римской *civitas* в прекрасно написанных главах «Архаическая Греция» и «Ранняя республика в Риме», которые создают концептуальное единство представлений об общей основе различных гражданских общин и в то же время дают возможность увидеть конкретные различия (жаль только, что в разделе мало сопоставлений между Грецией и Римом на конкретном материале).

Нужно сказать, что вся рецензируемая часть тома написана на высоком научном уровне с учетом всех новейших открытий и точек зрения. Главы не перегружены историографическими отсылками, но в них приводятся наиболее важные трактовки тех или иных вопросов, выделяются спорные проблемы как общего характера, так и частные. К наиболее общим нерешенным проблемам во Введении относятся проблемы роли и форм классовой борьбы и социальной революции в античном мире, вопрос о связи государств II тыс. до н. э. с государствами древнего Ближнего Востока, о судьбах полиса, в частности вопрос кризиса полиса в IV в. до н. э. и римской гражданской общины в I в. до н. э.; спорной остается проблема сущности эллинизма; недостаточно исследован, по мнению авторов, и вопрос о войнах. В ряде случаев авторы предлагают свое решение вопроса, но иногда оставляют поставленные вопросы открытыми. Мне представляется убедительной общая характеристика классовой борьбы, данная во Введении, подход к проблеме «кризиса полиса»; не вызывает возражений трактовка эллинизма, содержащаяся в главе X (мне даже кажется, что спорность «эллинистической проблемы» несколько преувеличена): в этой главе справедливо утверждается, что новые формы культуры, государства, социально-экономических отношений были результатом синтеза, в котором греко-македонские и восточные элементы играли ту или иную роль в зависимости от конкретных условий; применять термин «эллинистические» к Греции и Македонии можно только с большой долей условности.

Можно сказать, что в целом авторам в пределах относительно небольшого объема удалось вычленить основные черты социально-экономического и политического развития античных обществ. Принцип синхронности, разрывающий в известном отношении единство изложения истории той или иной страны, в целом не помешал (за немногими исключениями, о которых я скажу ниже) преемственности между главами. Особенно целью — и концептуально и структурно — выглядит история древней Италии и всей Римской державы. Меньше внутренней связи между «греческими» и «римскими» главами, но и здесь можно проследить общие черты экономической, политической и идеологической жизни античных гражданских общин. Хочется обратить внимание на выделение такой важной черты античного мировосприятия, как сочетание традиционализма и динамизма, что отмечается в параграфе о культуре Греции V в. до н. э. и подробно раскрывается при характеристике системы ценностей римской гражданской общины (с этой характеристикой начинается анализ истории греческих полисов в главе XI, что кажется правильным, так как система ценностей римского гражданина помогает понять все проявления римской культурной жизни).

В каждой главе можно встретить новые трактовки отдельных событий и явлений. В краткой рецензии нет возможности перечислить все эти трактовки. Интересен анализ археологического материала догреческих культур Балканского полуострова, очень четко прослежен процесс демократизации полисов в главах, посвященных истории архаической и классической Греции; интересно показано значение Греко-персидских войн для политической жизни: победа в этих войнах укрепила позиции не только демократических, но и олигархических слоев, благодаря притоку рабов олигархи смогли выйти из того хозяйственного тупика, в который загнали их реформы Солона и Клисфена. Заслуживает внимания анализ истории греческих полисов в IV в. до н. э.: в соответствии с позицией, высказанной во Введении, автор избегает употреблять ставший весьма распространенным термин «кризис полиса», говоря только об его трансформации; изменения и сдвиги в греческом обществе IV в. до н. э. субъек-

тивно воспринимались частью граждан как катастрофа — и именно это восприятие нашло отражение в наших источниках.

Такой подход представляется очень плодотворным, он подводит к тем проблемам, которые занимают умы современных историков, какими бы периодами истории они ни занимались — проблемам социальной психологии, ее формирования под влиянием внешних форм жизни и обратного влияния на эти формы. Следует отметить, что элементы социальной психологии проанализированы в ряде глав тома — наиболее последовательно этот анализ присутствует в главах по истории Рима, где он органически включен в характеристику общественных отношений. Примером может служить описание отношения в Риме к земельной собственности, без которого нельзя понять и экономическую структуру римского общества (нужно сказать, что похожее отношение отмечено и для греческих полисов — в частности, непростительность продажи «отеческой земли», но в главе, посвященной Греции V в., этот вопрос изложен более кратко). Интересно описание социально-психологических предпосылок принципата Августа, связи его с традиционными римскими ценностями, поэтому кажется оправданным выделение культуры эпохи Августа из общего параграфа «Культура. Распространение христианства», помещенного в конце главы XIV, и включение описания этой культуры в параграф «Принципат Августа». Социально-психологический анализ встречается и в других главах, прежде всего при рассмотрении проблем культуры, а в параграфе, посвященном эллинистической культуре, после характеристики культурных достижений в различных областях в качестве итога приводится материал о перестройке социально-психологического облика человека эллинистической эпохи.

О достоинствах отдельных глав «Истории Европы» можно говорить много; безусловно, история Европы в античную эпоху представляет большой интерес для широкого круга читателей.

Однако при всех достоинствах этого труда он, с моей точки зрения, не лишен недостатков. Главный недостаток заложен в самом принципе «европеизма», поскольку античная цивилизация складывалась не только на европейских территориях. Разумеется, авторы не игнорируют полностью Ближний Восток: восточные регионы фигурируют в главах, посвященных завоеваниям Александра Македонского и эллинистическим государствам, само определение сущности эллинизма сделано на материале внеевропейских государств. И все же восточный материал представлен очень скупо; Римская империя существует на страницах I тома практически без восточных провинций (они упоминаются вскользь). А между тем эти провинции играли весьма значительную роль в хозяйственной, политической и культурной жизни империи. Для складывания общеантичной культуры восточные элементы (через эллинистическую культуру и непосредственно) также имели немалое значение. В главе же XIV даже такие верования, как вера в бессмертие души, загробное воздаяние, переселение душ, распространенные среди народных масс, связываются только с влиянием платонизма и пифагорейзма, без учета восточных верований. Не потому ли так бегло и бледно в этой главе охарактеризовано христианство, что оно зародилось на Востоке? Хотя «распространение христианства» вынесено в заголовок параграфа, оно пунктирно прослеживается буквально в нескольких фразах — от появления в низах до формирования епископальной церкви. В главе много имен разных деятелей, предводителей восстаний в провинциях, полководцев, которые эти восстания подавляли, но отсутствует апостол Павел (который проповедовал и в городах Европы). Ранее христианство, без подробного анализа которого вряд ли возможно глубокое понимание дальнейшего духовного развития европейских стран, заслуживало особой главы в I томе «Истории Европы».

Я не останавливаюсь на некоторых частных замечаниях, которые можно было бы высказать по отдельным вопросам, поскольку эти замечания не могут повлиять на общую оценку I тома «Истории Европы». Хочу отметить только одну, тоже, казалось бы, частную проблему, но которая — с моей точки зрения — имеет принципиальное зна-

чевие. Речь идет об отношении к террористическим акциям императоров I в. В главе XIV дается сравнительно «мягкая» оценка этим акциям, поскольку императоры, по мнению автора, проводили более разумную и более отвечающую интересам времени политику, чем та, какую хотелось бы сенатской оппозиции. Не опровергая выводы, касающиеся целей оппозиции, я хочу сказать, что никакие репрессии ни в древности, ни в новое время не могут быть оправданы «государственными интересами». В главе сказано, что террор затрагивал только довольно узкий круг высшей знати, столкновения в верхах мало задевали широкие массы населения. Террор нельзя оценивать только с количественной точки зрения: он разлагал нравственный потенциал общества. К тому же доносили не только на знать (достаточно хорошо известны доносы на первых христиан, исходившие из низов). Система доноительства была столь распространена не только в Риме, но и в провинциях, что префект Египта в I в. н. э. пытался несколько обуздать доносчиков; в его эдикте говорится, что город почти обезлюдел от множества доносчиков и каждый дом находится в страхе (OGIS 669). Провинциальные города пресмыкались перед могущественными императорскими вольноотпущенниками, которые могли безнаказанно совершать преступления (как это видно на примере вольноотпущенника Домициана Флавия Архиппа, чью деятельность пытался расследовать Плиний Младший во время пребывания своего в Вифинии). Мне представляется, что проблема репрессий I в. н. э. требует дальнейшего всестороннего изучения по разным направлениям, в том числе и изучения его социально-психологических последствий.

В томе встречаются противоречия в трактовках тех или иных явлений, упоминаемых в разных главах. Конечно, каждый автор имеет право на свою точку зрения, но если она существенно расходится с тем, что сказано в соседней главе,— это следовало бы оговорить и внести дополнительные обоснования. Приведу один пример: в главе I (второй части) сказано, что Гомер, видимо, перевел «две названные поэмы (т. е. Илиаду и Одиссею) с древнеахейского на древнеионийский диалект, укрепив их композиционное единство»; и далее: «Возможно, Гомер был лишь гениальным компилятором героических песен, созданных ахейскими аэдами» (с. 170). Иная трактовка дана в главе V: поэмы Гомера подводят итоги периода послемикенского регресса и в то же время во многом предвосхищают приближающуюся «арханческую революцию». По мнению автора этой главы (которое кажется мне более убедительным), Гомер, скорее всего, ориентировался на собственный жизненный опыт, присовокупляя к нему ту информацию, которую он черпал из рассказов своих современников и людей более старшего поколения (с. 223—224). Проблема «Илиады» и «Одиссеи» как исторического источника слишком важна для ранней истории Греции; необходимо было оговорить спорность оценок этих поэм и сказать, с чем связаны приведенные расхождения.

Вообще, как представляется, проблемам культурологическим уделено в томе места меньше, чем они того заслуживают (может быть, следовало перераспределить объем материала в пользу истории культуры за счет некоторого сокращения описаний внешнеполитических событий); хотелось бы видеть анализ повседневной жизни, включая характер семьи, проведение досуга и т. п. Но, вероятно, каждый читатель может высказать подобные замечания, желая прочесть о том, что наиболее близко ему. Структура тома, очевидно, представлялась авторам наиболее приемлемой для оптимального решения стоявших перед ними задач.

В заключение могу сказать, что невзирая на сделанные замечания I том «Истории Европы» — полезная и интересная книга.

И. С. Свенцицкая

А. А. МОЛЧАНОВ, В. П. НЕРОЗНАК, С. Я. ШАРЫПКИН. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию / Отв. редакт. АН СССР Т. В. Гамкрелидзе. М.: Наука, 1988

Выход в свет рецензируемой книги — не только весьма отрадное и долгожданное явление, но и свидетельство большого интереса в нашей стране к одному из великих открытий XX в. — дешифровке крито-микенского линейного письма В и прочтении древнейших греческих текстов XV—XIII вв. до н. э. Книга восполнила существенный пробел в наших исследованиях — отсутствие обобщающего труда по истории микенологии и ее проблематике, поскольку прошло уже три с половиной десятилетия после открытия М. Вентриса (началом дешифровки признан 1953 год) и появления книги С. Я. Лурье¹. В этом плане мы существенно отстали от зарубежных коллег, которые успели создать несколько работ этого типа².

Определяя стоящие перед ними основные задачи, авторы указывают на необходимость интерпретации текстов линейного письма В как важнейшего источника для изучения греческого общества II тыс. до н. э., с одной стороны, и детального описания «микенского» диалекта древнегреческого языка, с другой (с. 4). В соответствии с намеченными задачами монография состоит из трех глав. Первая глава «Предмет микенологии, ее рождение и развитие» и вторая — «Тексты линейного письма В как исторический источник» написаны А. А. Молчановым, третья — «Язык крито-микенских надписей линейного письма В» — С. Я. Шарыпкиным. Словарь основной крито-микенской лексики составил В. П. Нерознак, Практикум — А. А. Молчанов. Последним же написан дополнительный раздел «Минийский язык: проблемы и факты».

В начале I главы (с. 6—30) А. А. Молчанов дает сжатое определение микенологии как научной дисциплины, изучающей памятники письменности второй половины II тыс. до н. э., написанных на «микенском» диалекте, а также разъясняет происхождение самого названия науки «микенология». Представляется правильным мнение автора о том, чтобы унифицировать в наших изданиях написание «линейное письмо В» с сохранением латинской литеры В как соответствующее международному узусу и отказаться от употребления в этом случае русской литеры Б. Привлекает внимание наблюдение о типологическом сходстве крито-микенских текстов, относящихся полностью к сфере учета материальных ценностей, с хозяйственными документами эллинистического Египта, написанными на папирусах³.

Излагая процесс становления критского письма, автор правомерно увязывает его с историческим развитием Крита, крушением в середине XV в. до н. э. минийской (догреческой) цивилизации и вторжением с материка греко-ахейцев. Следовало бы лишь, на наш взгляд, говоря о «письменности Фестского диска» как о «типицейшей» словесно-слоговой системе, подчеркнуть, что несмотря на многочисленные попытки специалистов разных стран, в том числе и самого автора⁴, вопрос о прочтении этого

¹ Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957.

² Назовем некоторые из них: *Doria M. Avviamento allo studio del Miceneo: struttura, problemi e testi. Roma, 1965; Hiller S., Panagl O. Die frühgriechischen Texte aus mykenischer Zeit: zur Erforschung der Linear B-Tafeln. Darmstadt, 1976; Hooker J. T. Linear B: An Introduction. Bristol, 1980.*

³ В свое время Дж. Чэдвик предположил, что сам характер и особенности линейного письма В с его тонкими линиями и небольшими изгибами знаков могли бы свидетельствовать о его первоначальном предназначении для надписей на мягком (в это время в Египте уже использовался папирус) писчем материале (Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма В // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 228).

⁴ Молчанов А. А. Некоторые результаты применения комбинаторского метода исследования при анализе текста «Фестского диска» // Вестник МГУ. Серия: История. 1977. № 2. С. 67—83.

памятника продолжает оставаться открытым в науке ввиду его уникальной неповторимости⁵.

А. А. Молчанов с полным основанием отмечает, что Эванс исключал возможность того, что язык надписей линейного В — греческий и что его позиция, подкрепленная авторитетом ученого, послужила препятствием, мешающим найти правильное решение вопроса. Хотелось бы, однако, напомнить, что среди тех немногих, кто «осмелился» опровергнуть мнение Эванса, были советский исследователь С. Я. Лурье и немецкий — П. Кречмер, предположившие, что найденные в Греции таблички написаны на греческом языке⁶. Хотя среди непосредственных предшественников М. Вентриса по праву названы американские ученые А. Кобер и Э. Беннет (с. 17), следовало бы упомянуть, что существенный вклад в решение проблемы дешифровки в целом внесли и труды шведского исследователя А. Перссона⁷, чешского — Б. Грозного⁸, болгарского — В. Георгиева⁹ и ряда других.

История самой дешифровки линейного письма В М. Вентрисом изложена А. А. Молчановым с достаточной четкостью. Некоторое сомнение вызывает, однако, упоминание о говоривших и писавших по-гречески писцах-ахейцах» (с. 21). Ведь общеизвестно, что алфавитная письменность появляется у греков значительно позднее, к тому же не известно, были ли первые писцы ахейцами или критянами. Представляется также, что процесс приспособления линейного А к фонологической системе греческого был более сложным, чем это кажется автору, и, возможно, достаточно продолжительным и что по крайней мере в начальный период составниками писцов (их число доходило в Пилосе до 30—40, в Кноссе до 75—100)¹⁰ должны были быть опытные специалисты, в равной степени владевшие как линейным письмом А, так и греческим языком. Думается, следовало бы отметить, что в начале 80-х годов было учтено более 4747 табличек, из них 3369 из Кносса, 1112 — из Пилоса, 73 — из Микен, 43 — из Фив и 6 — из Тиринфа¹¹.

Нельзя не согласиться с А. А. Молчановым, что успешная дешифровка линейного письма В благоприятно сказалась на исследованиях минойского круга проблем в целом, послужив стимулом для их более интенсивной разработки. Она же, как указывает автор, привела к выделению в особую научную дисциплину еще одной отрасли антиковедения — минойстики¹².

Глава II посвящена рассмотрению текстов линейного письма В как исторического источника (с. 31—65). Прежде всего, автор задается вопросом, как дешифровка линейного письма В сказалась на изучении истории Греции II тыс. до н. э. Во-первых, удалось установить, что население материковой Греции микенского периода было по преимуществу греческим и говорило по-гречески. Во-вторых, выяснилось, что греки-пришельцы установили свою власть на Крите в середине XV в. до н. э. В-третьих, получило подтверждение предположение о существовании во II тыс. до н. э. единого «микенского мира», охватывавшего как греческий материк, так и примыкавшие к нему острова. Речь идет при этом, как справедливо указывает автор, о языковом и куль-

⁵ Крайний скептицизм проявляет, в частности, Э. Барбер, утверждая, что ограниченность дискового текста не позволяет предложить его достоверную дешифровку и интерпретацию (*Barber E. J. W. Archaeological Decipherment*. Princeton, 1974).

⁶ Лурье С. Я. История Греции. Ч. I. Л., 1940. С. 64—65; *Kretschmer P. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten // Glotta*. 1940. V. 28. S. 231—278.

⁷ *Persson A. W. Schrift und Sprache in Altkreta*. Uppsala, 1930.

⁸ *Grozny B. Kretas und Vorgriechenlands Inschriften // Archiv Orientalní*. 1946. V. 15. S. 146—302.

⁹ *Georgiev V. Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache*. V. 1—2. Sofia, 1936—1938.

¹⁰ *Olivier J.-P. Les scribes de Cnossos // Studia Mycenaea*. Brno, 1968 (далее — SM). P. 24.

¹¹ *Bartonek A. The Linear B Texts and Their Quantitative Evaluation // Res Mycenaea*. Nürnberg, 1983. P. 16—27.

¹² *Молчанов А. А. Таинственные письма первых европейцев*. М., 1980. С. 107.

турном единстве, ибо политического единства — по нашему мнению — скорее всего не было. Существование независимых друг от друга дворцовых хозяйств в Пилосе, Микенах, Кноссе и Фивах говорит о том, что троянский поход был, очевидно, временным военным союзом ряда самостоятельных греческих царств.

Раскрывая характер документов линейного письма В и возможностей их изучения, А. А. Молчанов отмечает, что микенские архивы дают основание для получения ценных сведений о социально-политической структуре и принципах организации хозяйства микенских государств. Вместе с тем ограниченность найденных в них текстов, представляющих собой исключительно документы хозяйственной деятельности, равно как и трудности, обусловленные спецификой их записи, создают немалые препятствия для восстановления полной картины экономической и духовной жизни ахейского общества XV—XIII вв. до н. э. Положение усложняется и тем, что значение ряда ключевых слов остается до сих пор не выясненным. Рассмотрение упоминавшихся в кносских табличках топонимов позволяет А. А. Молчанову предположить наличие на Крите высокой степени централизации политической и экономической власти, а также проследить приблизительно границы материковой Мессении со столицей в Пилосе. Терминологическая специализация и формульная устойчивость дают основание автору думать, что применявшаяся в Кноссе и Пилосе система отчетности «отличалась большой разработанностью» (с. 44)¹³.

В следующих параграфах II главы (с. 45—58) детально анализируется состояние сельского хозяйства, ремесленного производства, торговли, военного дела и религиозных представлений микенского общества, нашедшее свое отражение в крито-микенских текстах. Заслуживает внимания ряд положений, относящихся к этому кругу вопросов. В земледелии преобладало выращивание злаков (пшеница и ячмень) и садоводство (оливы и смоковницы). Животноводство (овцы, козы, свиньи, коровы) обеспечивало дворцы молоком, мясом, шерстью, шкурами и молочными продуктами. Основными видами земельной собственности были *ko-to-na ki-ti-me-na*, т. е. земля «частная», и *ke-ke-me-na ko-to-na*, т. е. земля общинная, или общественная (ср. *κτοίνα* «участок земли»). Следует попутно заметить, что это толкование до сих пор вызывает разногласия у исследователей¹⁴. А. А. Молчанов, описывая состояние сельского хозяйства микенской эпохи, посвящает несколько страниц пятого параграфа (с. 46—50) изложению взглядов по этому вопросу Г. Ф. Поляковой¹⁵. Не подвергая сомнению ценность этого анализа, думается, что он, несомненно, выиграл бы, если бы читатель получил возможность сравнить высказывания по этой сложной проблеме и других многочисленных авторов¹⁶. Это было бы тем более желательно, что с момента появления упомянутой книги прошло почти десять лет.

Касаясь ремесленного производства, автор обращает внимание на высокую степень его специализации. Хотя вопрос об этнической принадлежности отдельных групп ремесленников автором не ставится (а он вызывает несомненный интерес), заслуживает упоминания наблюдение М. Вентриса об относительно более высокой пропорции несомненно греческих имен среди пилосских кузнецов¹⁷.

Крито-микенские тексты позволили значительно расширить наши сведения об организации военного дела на Крите и в пилосском царстве. Выяснено наличие арсе-

¹³ *Olivier J.-P.* Une loi fiscale mycénienne // BCH. 1974. 98. P. 25—35.

¹⁴ См., например, статью: *Carpenter M.* *Ki-ti-me-na and ke-ke-me-na at Pylos // Minos.* 1983. V. 18. P. 81—88. Автор предлагает понимать под *ki-ti-me-na* «землю хорошего состояния, рядом с селом», под *ke-ke-me-na* «землю более удаленную, обрабатываемую в случае необходимости».

¹⁵ *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978.

¹⁶ *Mühlestein H.* Nochmals zu den oka-Tafeln von Pylos // Res Mycenaeae. Nürnberg, 1983. S. 311—327.

¹⁷ *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambr., 1956. P. 354; ср.: *Гринбаум Н. С.* Крито-микенские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики (Пивдар) // SM. P. 85.

налов с вооружением (мечи, копья, дроты, стрелы и др.), применение колесниц в военных действиях, использование в них как сухопутных подразделений, так и морских. Остается спорным в науке вопрос о табличках серии о-ка из Пилоса. Автор присоединяется к точке зрения Л. Палмера, полагавшего, что речь идет о наблюдениях за морским побережьем и сборе отрядов в связи с угрожавшей дворцу опасностью (с. 56).

Мир богов отражен в табличках довольно полно. Упоминается большинство божеств олимпийского пантеона, известных грекам I тыс. до н. э., включая Зевса (Дивия) и Геру, Посейдона и Афины. Следовало бы, однако, отметить и присутствие в крито-микенских текстах наименований божеств, которые до сих пор остаются неразгаданными, таких, как Ma-na-sa и Pi-pi-tu-na¹⁸.

Нельзя не согласиться с А. А. Молчановым, что прочтение микенских текстов пополнило представления ученых-антиковедов о догреческом прошлом Эллады и прежде всего острова Крит (с. 58). Удалось подтвердить присутствие в греческом языке II тыс. до н. э. ряда слов, заимствованных у догреческих ее обитателей. В качестве примера приводятся слова: a-sa-mi-to (ισάμιτος) «ванна» и ka-ti (κατίς) «сосуд». Третий пример — слово da-ma-te нам представляется недостаточно убедительным, поскольку его значение до сих пор не выяснено. Кстати и сам автор лишь предполагает его минойское происхождение. Заслуживают полной поддержки предположения автора, что система ахейского землепользования на Крите могла быть заимствована греками у критян-минойцев, подобно тому как их система письма была приспособлена к родному языку пришельцев (с. 59), и что топонимическая карта острова складывалась в основном в догреческий период (с. 62).

Говоря о задачах дальнейшего изучения текстов линейного письма В, А. А. Молчанов напоминает о невыясненном до сих пор вопросе, касающемся степени грамотности микенских греков (с. 63). Ее ограниченный характер, связанный с использованием письма для нужд главным образом дворцовых хозяйств, послужил, по мнению ряда ученых, причиной исчезновения микенской письменности после разрушения самих дворцов. Можно бы к этому добавить, что, на наш взгляд, этому исчезновению способствовал и наддиалектный характер использованного в табличках греческого архаического языка.

Оставляя в стороне надежды автора на открытие в будущем новых больших архивов, подобных кносскому и пилосскому, коснемся намечаемых им задач дальнейшего развития микенологии. А. А. Молчанов высказывает мнение, что «основные направления в работе ученых, занимающихся микенологической проблематикой, остаются теми же, что и в последние три десятилетия, прошедшие после выдающегося открытия М. Вентриса» (с. 64). Это утверждение нуждается в уточнении. За тридцать лет микенология шагнула далеко вперед: подготовлены прекрасные издания крито-микенских текстов (см. с. 177), составлены словари и справочники, изучена история дешифровки линейного письма В, всесторонне проанализирован язык табличек, осуществлены тщательная интерпретация и источниковедческое их рассмотрение. Все это создало прочную и солидную базу для продолжения исследований, их качественного углубления, уточнения и совершенствования.

С чем можно безоговорочно согласиться, так это с тезисом, что для успешного изучения истории Греции II тыс. до н. э. требуется комплексное использование как памятников линейного письма В, так и всей совокупности сведений смежных научных дисциплин (с. 65).

III глава содержит анализ языка крито-микенских надписей линейного письма В. Она представляет собой, как указывает С. Я. Шарышкин, краткий очерк грамматического строя микенского диалекта и преследует цель подготовить читателя к чтению и интерпретации древнейших греческих текстов (с. 66). Главе предпослан сжатый очерк истории изучения микенологии в нашей стране, начало которому положила уже от-

¹⁸ Baumbach L. The Mycenaean Contribution to the Study of Greek Religion in the Bronze Age // SMEA. Fasc. XX. 1979. P. 143—159.

меченная монография С. Я. Лурье 1957 г. Автор называет основные проблемы, связанные с решением вопросов микенологической лингвистики; несоответствие графической системы письма звуковому строю греческого языка, ограниченность языкового материала в связи с характером и лаконичностью инвентарных списков, социально-историческое различие между общественными системами II и I тыс. до н. э. (с. 68—69). Представляется справедливым заключение С. Я. Шарыпкина, что, несмотря на перечисленные трудности, исследование крито-микенских текстов является весьма ценным как для истории самого греческого языка, так и для сравнительного изучения индоевропейских языков. Собственно лингвистическое рассмотрение микенского диалекта автор начинает с изложения графической системы линейного письма В (с. 70—80). Тщательному разбору подвергается вопрос об инвентаризации микенской лексики методом отождествления слов с древнегреческими аналогами и комбинаторным методом (с. 81—87). С. Я. Шарышкин не скрывает трудностей, связанных с правильным прочтением многих слов и условностью их понимания, напоминая, что один слоговой знак может передавать до 70 различных слогов (с. 84). Излагая три концепции в понимании соотношения крито-микенской письменности и звукового строя греческого языка, автор не без основания отдает предпочтение предположению И. М. Тронского о передаче на письме только сильноподлежащих согласных (с. 86). В анализе звукового строя языка крито-микенских надписей (с. 87—94) привлекают внимание сохранившиеся еще в микенском лабиовелярные фонемы (q^u , q^{uh} , g^u), перешедшие впоследствии в губные смычные, а также судьба слоговых сонантов (r , l , φ , η), сближающая микенский с эолийским диалектом. Основная часть главы посвящена подробному рассмотрению именного словоизменения (с. 94—115), поскольку категории имени принадлежит основная роль в языке дошедших до нас текстов. С. Я. Шарышкин анализирует своеобразие микенской падежной системы, проявляя критическое отношение к существующим по этой проблеме точкам зрения. Вместе с тем автор высказывает и ряд собственных суждений, представляющих несомненный научный интерес (в частности, это относится к вопросу о синкретизме падежей).

Заслуживают внимания и соображения С. Я. Шарыпкина по вопросу о диалектной принадлежности языка крито-микенских надписей (с. 121—127). Признавая наддиалектный характер микенского, автор рассматривает его как древнеахейский диалект — переходную ступень от общегреческого состояния к диалектам I тыс. до н. э. В кратком заключении подводятся итоги лингвистического исследования крито-микенских текстов, существенно обогатившего наши сведения в области исторической грамматики греческого языка в целом, в изучении фонологии, морфологии, синтаксиса, этимологии, лексики и диалектологии, в частности. Выявлены также интересные связи с палеобалканскими языками, и, в первую очередь, обнаружены микенофригийские контакты (с. 126).

Важной и органической частью рецензируемой книги является Словарь крито-микенской лексики, составленный В. П. Нерознаком (с. 128—155). Небольшой по размеру, он включает основные достоверно интерпретируемые апеллятивы, необходимые для перевода и истолкования текстов. Каждая словарная статья содержит всю доступную нам информацию и снабжена соответствующими грамматическими сведениями, а также переводом на русский язык. Кроме того, нередко для сравнения приводятся классические греческие эквиваленты и сопоставления с соседними языками, в частности, с фригийским. Вместе с тем ряд слов не попал в Словарь: a_3 -ka-sa-ma PY Jn 829 «наконечники», ka-ra-ko MY Ge 607 «мята болотная», pa-sa-ro PY Ta: 716 «крючок», pa-ta-ja KN Ws 1704 «стрелы», pe-ri-ke MY Ue 611 «чаша». Слово da-mi-jo PY Ea 803 почему-то переведено «земля» и только ниже «предоставленный народом», форма a-ke-re-se PY Aq 64 может обозначать не только футурум, но и аорист.

Основную часть книги составляет небольшой Практикум (составитель А. А. Молчанов), включающий тексты 19 табличек с их транскрипцией, прочтением и переводом (с. 156—166). Таблички удачно подобраны и отражают различные сферы хозяй-

ственной жизни пилосского и кносского дворцов. Они дают наглядное представление читателю о характере и внешнем виде (приводятся и отдельные рисунки) крито-микенских текстов. Представляется целесообразным в табличке РY Ad 676 перевести: «22 взрослых (VIR) сына банщик», В РY Ak 824 дополнить при переводе угущенное слово a-ri-qa-i-ta, В РY An 607 — слово e-e-to. В транслитерацию таблички РY Ta 715.3 вкралась описка: должно быть to-re-zo (двойственное число) вместо to-re-za (единственное число). Жаль, что не приведен ни один текст из важной серии РY Jn, связанной с обработкой металла.

В Дополнении А. А. Молчанов излагает в сжатой форме состояние изучения проблематики минойского языка после дешифровки М. Вентрисом линейного письма В и намечает основные направления решения возникших вопросов с помощью применения к ним современной методики комплексного источниковедения (с. 176).

В библиографический список включена основная литература по микенологии, как зарубежная, так и отечественная (с. 177—183). Ее распределение по пяти разделам не только облегчает читателю ориентировку в материале, но и дает представление о степени разработанности крито-микенской тематики. Остается лишь высказать сожаление, что в книге отсутствует полная библиография работ советских исследователей по микенологии, начало которой было положено автором этих строк более 20 лет тому назад¹⁹.

Заключая рассмотрение рецензируемой книги, хотелось бы высказать и несколько общих замечаний. Во-первых, авторы, сосредоточив свое основное внимание на значении открытия Вентриса для исторической науки и лингвистики, совершенно упустили из виду еще одну научную область — греческое литературоведение. То обстоятельство, что поэмы Гомера оказались на 500—700 лет моложе крито-микенских писем, неопровержимо подтвердило предположение о существовании догомеровской греческой культуры со своей словесностью и, в частности, с поэзией. Появились исследования, призывающие пересмотреть вопрос о безусловной зависимости всех греческих литературных жанров от Гомера. После дешифровки стал широко дебатироваться вопрос о крито-микенских истоках эпической традиции²⁰, о восхождении диалекто-лексической общности хоровой лирики и гомеровского эпоса к догомеровскому архаическому первоисточнику²¹, о самостоятельности раннегреческой лирики²², трагедии²³, эпиграммы²⁴. Процесс переосмысления складывавшегося на протяжении многих столетий и укоренившегося в сознании, а теперь поколебленного взгляда на изначально монопольное положение Гомера продолжает усиливаться.

Во-вторых, вне поля зрения авторов остался вопрос о сопоставлении изображенной Гомером картины микенского мира с данными крито-микенских текстов. Его освещение могло бы помочь читателю в уяснении того, насколько дешифровка линейного В способствовала подтверждению или опровержению «историзмов» гомеровского эпоса. Не подтвердилось, в частности, предположение о наличии прочного панахейского единства в период троянского похода. Оказалось, что гомеровский каталог кораблей весьма неточно отражает реальное состояние политико-территориальной ситуации микенского мира: этот вывод основан на сопоставлении сведений о Мессении у Гомера и в микенских табличках. В ряде случаев на изображении деталей тро-

¹⁹ SM. P. 243—248.

²⁰ Durante M. Sulla preistoria della tradizione poetica greca. Roma, 1971.

²¹ Grinbaum N. S. La koine micenea e la formazione della lingua nella lirica corale greca // Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di micenologia. III. Roma, 1967. P. 875—879; Grinbaum H. C. Язык древнегреческой хоровой лирики (к итогам исследования) // ВЯ. 1988. № 2. С. 109—115.

²² Flöte und Harfe, göttlicher Widerhall. Frühgriechische Lyrik / Hrsg. von V. Jarcho. Lpz., 1985. S. 30.

²³ Ярзо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978. С. 12.

²⁴ Чистякова Н. А. Греческая эпиграмма VIII—III вв. до н. э. Л., 1983. С. 197.

янской войны Гомером сказывается поздняя реальность VIII в. до н. э.: это относится к сфере военных действий, спортивных состязаний, к употреблению некоторых политических, социальных и хозяйственных терминов. А. Хойбек приходит к заключению, что свои зачастую весьма смутные и отрывочные сведения о микенской эпохе Гомер восполнял богатой фантазией и доступными ему данными о послемикенской действительности²⁵.

В-третьих, не нашел должного освещения вопрос о сопоставительном сравнении кносских и пилосских текстов. Среди более чем трех тысяч табличек из Кносса наиболее представительными являются серии: D (овцеводство, 881 табличка), X (фрагменты, 847), S (колесницы, 246), L (ткани, 212), A (женщины, 179). В Пилосе (более тысячи табличек) выделяются серии: A (женщины и мужчины, 213), E (зерновое хозяйство, 210), N (лен, 104). В кносских текстах представлено большинство детерминативов и идеограмм линейного письма В. Однако в них не представлены такие детерминативы, как 65 «мука», 22 «коза»; такие идеограммы, как 103 «человек», 104 «олень», 132 «кувшин», 141 «золото», 152 «бычья шкура», 200 «чан» — все они имеются в Пилосе²⁶.

II, наконец, четвертое замечание относится к передаче микенского α нередко с помощью греческой α . Как известно, последняя характерна для ионийского диалекта и не может отражать архаического состояния микенского. Поэтому микенское α следует передавать всегда греческой α : $\alpha\theta\text{-u-}\alpha\theta\text{-ta}$ (с. 46), не $\beta\omega\beta\acute{\iota}\tau\alpha\varsigma$, а $\beta\omega\beta\acute{\iota}\tau\alpha\varsigma$, и соответственно: $\alpha\acute{\iota}\gamma\alpha\pi\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma$ (с. 46), а не $\alpha\acute{\iota}\gamma\alpha\pi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$; $\sigma\upsilon\beta\acute{\epsilon}\tau\alpha\varsigma$ (с. 47), а не $\sigma\upsilon\beta\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$; $\theta\rho\acute{\iota}\nu\omega\varsigma$ (с. 51), а не $\theta\rho\acute{\iota}\nu\omega\varsigma$; $\chi\acute{\alpha}\rho\upsilon\varsigma$ (с. 52), а не $\chi\acute{\eta}\rho\upsilon\varsigma$ и т. д. Это тем более правильно, что все эти слова с долгой α представлены в литературных источниках (в частности в хоровой лирике) и, как стало окончательно ясно после дешифровки, являют собой отнюдь не только дорийские, а архаические общегреческие формы.

Высказанные выше соображения ни в коей мере не умаляют ценности рецензируемой книги. Ее главное достоинство — соединение строгой научности с доступностью изложения материала. «Введение в микенологию» — крупный шаг в изучении крипто-микенских текстов линейного письма в нашей стране. Можно не сомневаться, что появление монографии послужит новым стимулом для интенсификации исследований в области советского антиковедения.

И. С. Гринбаум

²⁵ Heubeck A. Geschichte bei Homer // SMEA. Fasc. XX. P. 227—250.

²⁶ Olivier J.-P., Godart L., Seydel C., Sourvinou C. Index généraux du Linéaire B. Roma, 1973. P. 385—405.

© 1990 г.

F. L. HOLT. *Alexander the Great and Bactria*. Mnemosyne. Bibliotheca Classica Batava. Leiden, 1988. 114 p.

Книга Ф. Л. Хоулта, профессора Хьюстонского университета в Техасе, выделяется своей целевой направленностью из широкого потока книг, посвященных Александру Македонскому: в ней рассмотрен частный вопрос — завоевание Александром Бактрии и Согдианы. Книга состоит из восьми глав, объединенных в четыре раздела. В первом разделе, в краткой историографической главе «О Бактрии», служащей своего рода введением, Ф. Л. Хоулт дает методическое обоснование своего подхода. Честь наиболее фундаментальной разработки греко-бактрийской проблематики автор справедливо приписывает «двум китам»: В. Тарну — представителю эллинофильского на-

правления и А. Нарайну — стороннику индо-азиатского¹, рассматривавшим историю Бактрии с чисто этноцентристских позиций. Хотя оба исследователя внесли существенный вклад в изучение истории Бактрии, однако, по мнению Ф. Л. Хоулта, в связи с новыми археологическими открытиями их книги полностью устарели (с. 5)². При этом, замечает автор, историю Греко-Бактрии следует начинать не с 250 г. до н. э., а на столетие раньше, с эпохи Александра Македонского, которая, по мысли ученого, предопределила весь последующий ход исторического процесса.

Во II главе — «Об Александре» Ф. Л. Хоулт предлагает во избежание предвзятых мнений больше внимания концентрировать не на мечтах Александра о «мировом братстве», а на реальности — на противоречиях враждебных восточных и западных традиций, которые Александру не удалось устранить и примирить, что привело греков и персов к последующим ожесточенным войнам и непрерывным мятежам (с. 9).

II раздел — «Бактрия до Александра» состоит из двух глав: «Земля и люди» и «Исторические и политические традиции». В первой из них на основе современных географических, топографических и климатических данных Ф. Л. Хоулт объясняет, почему средиземноморские греки воспринимали климат древней Бактрии как совершенно невыносимый для жизни человека (с. 13), при этом в его выводах факторы окружающей среды играют преувеличенно решающую роль в истории Бактрии (с. 24). В классической литературной традиции, как показывает Ф. Л. Хоулт, дана искаженная картина Центральной Азии: например, будто бы Александр впервые обучил арабский язык обрабатывать землю, а согдийцев заботиться о своих родителях, а не убивать их; Александр якобы заставил индийцев почитать греческих богов, а скифов — не есть мертвецов, а предавать их погребению и т. д. Все эти вымыслы автор предлагает (с. 25) расценивать как решительно несоответствующие действительности (в частности, до Александра жители Бактрии и окружающих регионов рассматривались как убийцы и каннибалы). Плутарх просто считает большой удачей, пишет Ф. Л. Хоулт (с. 26), что все, что пережило войны Александра, были преобразованы в греков. После же завоевания Александра Бактрия предстает в литературе как жемчужина всей Арианы, как страна тысячи городов. Отсюда обычно делается достаточно простой вывод: произошла ошеломляющая перемена, преобразование с точки зрения урбанизации, сельского хозяйства и торговли.

В главе «Исторические и политические традиции» Ф. Л. Хоулт оценивает формулировку Плутарха «о чуде Александра» как апологетическую. На самом деле возрождение Бактрии было возвращением к древнему процветанию: государство воскресло после бедствий, учиненных Александром. Среди археологов, подчеркивает Ф. Л. Хоулт, растет убеждение, что Бактрия переживала специфическое «бактрийское чудо» — местную независимую эволюцию в мощное процветающее государство (с. 33). Интересна мысль Ф. Л. Хоулта, проводимая автором в качестве лейтмотива книги, о том, что отношения между кочевниками и земледельцами в целом были взаимовыгодными, хотя бывали и конфликты. Он приравнивает их к отношениям между двумя городами и двумя цивилизациями, двумя изофункциональными структурами (с. 31). Природа и местоположение Бактрии благоприятствовали встрече древних цивилизаций задолго до Александра и долгое время после него (с. 32).

¹ Tarn W. W. *The Greeks in Bactria and India*. 3 ed. Chicago, 1985; Narain A. K. *The Indo-Greeks*. Oxf., 1957.

² Имеются в виду публикации эдикта Ашоки из Кандагара, раскопок греко-бактрийского города Ай Ханум в Афганистане и вотивов храма Окса на Тахти Сангине (Южный Таджикистан). См.: Schlumberger D. M. Une nouvelle inscription Grecque d'Aśoka // CRAI. 1964. P. 126—140; Scerrato U., Carratelli G. P., Garbini G. A Bilingual Graeco-Aramaic Edict by Asoka. The First Greek Inscription Discovered in Afghanistan // Serie Orientale Roma. T. XXIX. IsMEO. 1964. P. 1—62; Bernard P. av. autres. Fouilles d'Ai Khanoum. T. I // MDAFA. 1973. T. XXI; Bernard P. Les monnaies hors trésors, questions d'histoire Greco-Bactrienne. Fouilles d'Ai Khanoum. T. IV // MDAFA. 1985. T. XXVIII; Litvinskij B. A., Pichikijan I. R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2.

Рассматривая сведения Ктесия о походе Ниана на Бактрию, автор присоединяется к утверждению П. Бриана о том, что переписывание Ктесия производилось с такой тенденцией, чтобы оно предсказывало греко-македонское завоевание (с. 36)³. В легенде о Семирамиде Ф. Л. Хоулт отстаивает правдоподобность сведений о многочисленных городах Бактрии. Ученые, заключает автор, несправедливо приписывали создание городов только Александру и видели в рассказе о Семирамиде анахронизм, относя урбанизацию этого региона к эллинистическому периоду.

При анализе источников по Бактрии ахеменидской эпохи Ф. Л. Хоулт указывает на сходство в описании походов Кира и Александра к Яксарту: тесные параллели между этими походами, по его мнению, отражают часть истинной истории, будучи вызваны сходными географическими и политическими условиями, а также намеренным подражанием со стороны Александра. Действия обоих полководцев были направлены не на пользу земледельцев Согдианы, а против ее возможного союза с кочевниками.

Автор разделяет мнение исследователей, которые предполагают существование тесных связей Дария и его семьи с Бактрией (с. 39)⁴. Доказательство он видит, в частности, в том, что в начале правления Дария, когда вся империя возстала, оказывая ему стойкое сопротивление, лишь Бактрия и соседняя Арахосия сражались на стороне даря⁵. Такая поддержка со стороны области, лишь недавно присоединенной к Персии и управляемой сыном Кира, могла происходить лишь от более ранних уз. Об этом же говорит и упоминаемое в Бехистунской надписи имя бактрийского сатрапа Дадаршиш — Дарий. Другой пример можно найти и в большой приверженности Дария к религии Зороастра. Предполагаемые связи с Бактрией имеет и семья Дария: имя приверженной к зороастризму бактрийской царицы, например, носит жена Дария Атосса — «всемогущая» (с. 40). Еще более важным свидетельством служит имя ее сестры Роксаны, наиболее значительное в истории Бактрии. С точки зрения Ф. Л. Хоулта, еще более показательны судьбы сыновей Дария и Атоссы, карьера которых явно отражает важность Бактрии для империи в целом и для ее границ в частности. Анализируя сохранные источниками рассказы о жизни детей и внуков Дария и Атоссы, Ф. Л. Хоулт показал, что Бактрия находилась под властью близких родственников правящего царя⁶. Кроме того, именно в Бактрии чаще всего поднимали они восстания в процессе борьбы за царский трон (Таниоксарк — Смердис, Дарий, Ариамен, Масиста, Гистасп и др.). Потомки Дария, управляя Бактрией, находились в вице-царской должности, как впоследствии селевкидские правители, что, вероятно, отражало царскую политику Ахеменидской империи. Бактрийские сатрапы при мятежах опирались на местную, бактрийскую (а часто и скифскую) знать (с. 42). В своей опоре на Бактрию Бесс действовал точно так же, как все бактрийские сатрапы (с. 45).

Остановившись на двух крупных комплексах — кладе Окса и храме Окса, характеризующих культуру Бактрии ахеменидского периода, Ф. Л. Хоулт указывает, что раскопки на Тахти Сангине Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна значительно расширили доказательство и прибавили убедительность выводам, сделанным при анализе произведений из клада Окса. Ф. Л. Хоулт присоединяется к их мнению, что клад Окса первоначально был частью храмовых приношений храма Окса на Тахти Сангине⁷.

³ Briant P. L'Asie Centrale et les royaumes proche-orientaux du premier millénaire (VII e — IV e siècles avant notre ère). P., 1984. P. 30.

⁴ См. также: Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. B., 1970. S. 9 ff.

⁵ С ссылкой: Olmstead A. History of the Persian Empire. Chicago, 1978. P. 110, 113.
⁶ Мончадская Е. А. О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV вв. до н. э. // ТГЭ. Т. 6. 1961. Это мнение высказывалось и ранее (Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940. С. 3, 4). Исчерпывающее рассмотрение вопроса см.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 104, 118, 194, 305.

⁷ Пичикян И. Р. Клад Окса и храм Окса // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 35—43.

По его наблюдениям, архитектура храма Окса показывает сильное персидское влияние, а 5000 приношений демонстрируют, насколько велики были ахеменидские художественные традиции в Бактрии (с. 43). Проведенные полевые работы на Тахти Сангине, отмечает Ф. Л. Хоулт, увеличили нашу уверенность в персидском присутствии в Бактрии, точно так же, как единственное городище Ай Ханум совершенно уничтожило все сомнения в отношении позднейшего греческого присутствия в этом регионе.

В целом Ф. Л. Хоулт считает, что картина ахеменидского периода Бактрии достаточно ясна. Ахеменидская Бактрия хотя и была политически беспокойной, но в экономическом и культурном отношениях была функционирующим компонентом империи. Она имела свои города, ирригацию, персидскую бюрократию и занимала видное место в торговле Востока и Запада.

В III разделе — «Границы в огне» в двух главах автором рассматривается противодействие, встреченное Александром Македонским в Азии: «Александр и варварское сопротивление» и «Александр и греко-македонское сопротивление». Ф. Л. Хоулт убежден, что победный марш войска Александра первоначально не повлек радикальных изменений в жизни бактрийских городов и деревень: Бесса сменил Александр, местные вельможи выразили ему покорность, за что получили от нового царя назначения в свои же области (с. 52). Александр столкнулся с ожесточенным сопротивлением только тогда, когда, подобно Киру, достиг пограничной зоны между Согдианой и Скифией. Вместо сложившейся традиции «вращающейся двери на границе» попытка Александра ввести «дверь, запертую на засов» потерпела неудачу (с. 57): македонцы понесли сильное военное поражение на Зеравшане от конфедерации согдийцев и скифов во главе со Спитаменом. Восстание продолжалось и когда Александр зимовал в Бактрах в 329—328 гг. до н. э., несмотря на репрессии и разрушения, которые лишь «подливали масло в огонь» (с. 60).

Продолжение согдийского сопротивления в следующем году Ф. Л. Хоулт видит в случайном эпизоде, происшедшем с македонцами в Ксениппе⁸, куда Александр направился с отрядами за провиантом: его приближение заставило бежать местное население, однако затем около 2500 согдийцев и скифов неожиданно напали на Аминту. Скифы и согдийцы были разбиты, но большинство первых спаслись в пустыне, несколько позже Спитамен претерпел судьбу других согдийских вождей, позиция которых, как считает Ф. Л. Хоулт, всецело зависела от успехов и поражений. Следующий поход Александра совместно с Кеном был направлен на Навтаку, где они провели зиму и раннюю весну, обезопасив несколько укреплений в горных теснинах. Причем Ф. Л. Хоулт видит здесь новый, принципиально иной подход в политике Александра к местному населению. Более дипломатичное и мягкое отношение к местной знати оказалось решающим в успехе политики царя: крепости на скалах не грабились, семьи вождей восстания, в том числе и Спитамена, не истреблялись, сторонники восставших не обращались в рабство, их земли не раздвигались и не раздавались в качестве добычи. Подобно персидскому царю, Александр учредил набор в армию, призвав согдийцев и бактрийцев, закрепив таким образом эти права за будущим поколением — эпигонов. Сыновья вельмож содержались в лагере Александра, чтобы гарантировать соответствующее поведение прощенных родителей. Оксарт отдал македонцам трех своих сыновей, один из которых стал командиром эскадрона, но, что самое важное, с точки зрения автора рецензируемой книги, дочь Оксарта Роксана была в начале 327 г. отдана в жены Александру (с. 67). Для Александра это был важный шаг, так как это была первая женитьба царя для укрепления империи (примером ему послужили многочисленные браки Филиппа, устроенные с целью защиты границ Македонии). У Ф. Л. Хоулта нет сомнений в том, что реальности согдийских неудач, а не романтика были на уме у Александра, когда он женился на представительнице местной зна-

⁸ О локализации Ксениппы см.: *Литвинский Б. А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков // ИТН. Т. I. М., 1963. С. 264.*

ти: «Роксана была настолько же взяткой, насколько невестой» (с. 68). Потерпев неудачу в попытке истребить согдийскую знать, царь достиг своего, кооперируясь с ней. После этого брака местные правители, а также зависящая от них знать были связаны с Александром лично как политически, так и родственными узами. Продолжающееся сопротивление заставило царя умерить свое вмешательство в местную жизнь, что означало возвращение Александра к прежней персидской политике и практике и привело к преодолению бесконечного согдийского сопротивления (с. 67). Но даже и при полной победе успех Александра не представляется Ф. Л. Хоулту окончательным. Успротоверение Согдианы легло тяжкой ответственностью на тех, кто был оставлен для укрепления городов.

Главу «Александр и греко-македонское сопротивление» Ф. Л. Хоулт посвятил годам борьбы Александра в Центральной Азии. По мнению автора, Александр к моменту прихода в Бактрию был пленником двух традиций: восточной — как правитель Ахеменидского царства и македонской — как македонский царь. Последнее вызывало не менее сложные отношения Александра с войском, которое хотело видеть в нем прежнего царя и не хотело делить свою власть и свои богатства с побежденными народами. Из этих двух посылок Ф. Л. Хоулт делает логически верный вывод: чем больше Александр сближался с обитателями Бактрии и Согдианы, тем более он становился чуждым для армии, которая привела его туда (с. 70). Автор обращает внимание на важный, с его точки зрения, фактор, сыгравший существенную роль в неудаче политики постоянных поселений греков в Бактрии и Согдиане, — враждебность между греками и македонцами в самой армии Александра (с. 77)⁹. Ученый полагает, что большое пополнение наемников в 329—328 гг. несло с собой семена подстрекательства к мятежу, а решение Александра заселить ими военные колонии в Бактрии и Согдиане было провокацией по отношению ко всем народам, которых это касалось.

Веским аргументом в пользу крайней напряженности положения в оставляемой Александром Согдиане служит и численность войсковых контингентов (10 000 человек пехоты и 3500 единиц кавалерии), необходимых для стабилизации положения в Бактрии. Армия эта по размеру¹ представляла собой треть того войска, которое Александр привел из Греции в Азию (с. 81). Картина, нарисованная Ф. Л. Хоултом, чрезвычайно мрачна: «...греки не хотели здесь оставаться ни при каких условиях, а местные жители не хотели их терпеть» (с. 81). При такой ситуации, действительно, одного только слуха о том, что царь умер, было достаточно, чтобы колонисты снова взбунтовались против своих македонских военачальников ради возвращения к «своему греческому образу жизни» (τῶν Ἑλληνικῶν ἠγωγῶν καὶ βίαιαν)¹⁰. Далее автор излагает восстание 325 г. в Бактрии по Курпию Руфу (IX. 7.1—11)¹¹. Ф. Л. Хоулт резонно полагает, что Аминта, сатрап Бактрии, оставленный Александром, был убит во время восстания (с. 84). Наемники, рассеянные по Согдиане, устремились в Бактрию, во-первых, не желая нести пограничную службу, и, во-вторых, чтобы участвовать в мятеже. Упоминается и другой вождь восстания — Бикон, земляк Афинодора, объявившего себя царем. История с последующей казнью Бикона показательна для оценки хаоса, возникшего в это время: во время пытки Бикон был освобожден, а его мучители сами должны были спасаться бегством. Оценивая это событие, Ф. Л. Хоулт заключает: «Новое государство, оставленное Александром, через 18 месяцев после его ухода превратилось в хаос» (с. 84). Попытки Александра установить контроль путем насильственной колонизации Бактрии и Согдианы оказались безуспешными. Компромисс не был найден, так как поселенцы-греки с не меньшей враждебностью относились к идее «постоянных» греческих поселений, чем местное

⁹ Касааясь причин восстания греков в 323 г. до н. э., Ф. Л. Хоулт ссылается на следующие работы: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 181—221; Bernard. Les monnaies... P. 127—128.

¹⁰ Кошеленко. Ук. соч. С. 193.

¹¹ Там же. С. 182—184.

население. Таким образом, по словам исследователя, как царь Александр завоевал Восток, а как колонизатор он его потерял (с. 85).

Последний раздел книги, также состоящий из двух глав, посвящен междоусобице на Востоке и его последствиям. Растущая независимость Востока за 20 лет до и после Селевка привела, как считает автор, к реанимированию прежней персидской системы руководства Согдианой местными автономными сатрапами и их гиппархами. Можно сказать, что политическое прошлое Бактрии и Согдианы было обновлено, однако теперь во главе правления стояла новая колониальная элита, пережившая войну и революцию. Примечательны и новые географические границы, отведенные Ф. Л. Хоултом непосредственному обитанию македонцев: «...похоже, что греки, которые остались для оформления этого процесса, были сконцентрированы в долине Окса — на наиболее стабильной и производственно ценной зоне оккупации». Согдийско-скифская граница была, вероятнее всего, очищена от греческих поселений; этот регион остался таким, каким он был до прихода Александра (с. 87). Именно это, замечает Ф. Л. Хоулт, более чем что-либо ослабило напряжение между греками и варварами. Этот вывод автора, развивающего свою идею о скифо-согдийском конформизме, тем более интересен, что перекликается с мнением Е. В. Зеймалья, к которому исследователь пришел на основании изучения нумизматического материала¹².

В рассмотрении борьбы Пифона за власть над Восточными сатрапиями Ф. Л. Хоулт обрисовывает мир раннего эллинизма, разделенный на множество враждебных лагерей (с. 94). Он обращает внимание на личное отсутствие в решающих битвах Оксиарта и Стасанора, а также на то, что войска Бактрии и Согдианы сражались по разным сторонам поля битвы при Паретакедах. У ученого нет сомнений, что по прошествии семи лет после восстания поселенцы еще искали способы уйти из своих колоний. Только трудностями выбора нужной стороны для осуществления своих целей объясняет он почти равное количество сражающихся бактрийцев на противоположных сторонах.

Короткая битва между Антигоном и Эвменом закончилась — Эвмен был предан и не смог отступить в Бактрию, как было задумано (с. 95).

После описания победы Антигона и казни Эвмена Ф. Л. Хоулт сосредоточивает внимание на перераспределении Восточных сатрапий: Пифон, обвиненный в подстрекательстве, и Эвдам, военачальник из Индии, были казнены вместе с Эвменом, Стасанору и Оксиарту было позволено остаться сатрапами в Бактрии — их нельзя было легко удалить, так как они имели сильную опору в своих сатрапиях (Diod. XIX. 48.1—2). Беспокойная северная граница, превратившаяся в «кипящий горшок», оставалась прочным ядром, предназначенным осуществлять оборону на Востоке; это говорит о том, что еще со времени самых ранних битв среди преемников Александра Восточные сатрапии достигли полунезависимого военного и политического статуса того же типа, что появился со времени Ахеменидов.

Случай с Вахшуваром, с точки зрения Ф. Л. Хоулта, показателен в этом же смысле, если Вахшуваром был сатрап Оксиарт, как предполагают некоторые нумизматы (с. 97). Золотые статеры, отчеканенные Вахшуваром, очень редки, но они имеют два очень интересных типа, которые показывают смесь ахеменидских характеристик с уже известными греческими типами, чеканенными в этом регионе. Кроме того, выпуск с собственным именем Вахшувара предполагает растущую политическую, а не экономическую независимость. Ф. Л. Хоулт отмечает наличие различных мнений о золотых и серебряных монетах Андратора, чеканенных в Парфии, и считает этот вопрос перешенным, учитывая продолжающиеся дебаты¹³.

¹² Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192—198.

¹³ Уже после выхода книги Ф. Л. Хоулта вопрос об Андраторе коренным образом пересмотрен: Дьяконов И. М., Зеймаль Е. В. Правитель Парфии Андратор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С. 4—19.

В последней главе — «Продолжающийся путь» Ф. Л. Хоулт рассматривает историю царствования Селевка Никатора. По мнению автора, можно твердо утверждать, что Селевк дважды шел по стопам Александра. Сначала — между 308 и 305 гг., когда он завоевал власть над Бактрией без всякого затруднения. Второй раз — после 293 г. до н. э., когда он в более неустойчивой фазе своего правления стал усиливать греческую колонизацию региона (с. 99). Ф. Л. Хоулт высоко оценивает дипломатические способности Селевка: прокламируя себя как прямого наследника Александра, Селевк отправился из Месопотамии, чтобы подовать «мятежных сатрапов» на Востоке. К тому же Селевк имел одно уникальное преимущество над остальными претендентами на Восточные сатрапии: он был единственным македонцем, который не отказался от своей восточной супруги: Апама, дочь Спитамена (Атг. 7.4.6), в честь которой Селевк назвал несколько городов, помогла укрепить власть Селевку, как Роксана — Александру. Многие Селевк, независимо от своего желания, должен был оставить в таком виде, в каком он его нашел, хотя он и не отказался от владения сатрапией: на первом этапе он требовал лишь номинального подчинения. Таким образом, по мнению автора, Селевк в подражание Александру совершил «полный круг», так как для подчинения Согдианы он не располагал временем и соответствующим войском. Однако спустя десятилетие он стал не номинальным, а реальным правителем, используя своего сына Антиоха в качестве вице-царя на Востоке, а также при помощи нескольких блестящих полководцев, дипломатов и новых солдат-поселенцев (с. 103).

В заключение автор приходит к выводу, что между войнами, колонизацией, междоусобицами и повторяющимися завоеваниями македонцев греки и бактрийцы поняли, что они могут жить вместе если и не как равные, то и не как противники. Результатом этого было появление автономного Греко-Бактрийского царства, управляемого людьми вроде Агафокла.

Книга Ф. Л. Хоулта показывает, что в последнее время ракурс восприятия Бактрии изменился: история и структура этого государства вновь превращаются в предмет специального исследования, с выявлением локальных и общих черт, с последующим включением истории Бактрии в широкий исторический контекст эллинизма на Востоке¹⁴. Книга выделяется твердой, последовательной концепцией, свежестью мысли, однако в ряде мест автор недостаточно справедлив к своим предшественникам. Сам Ф. Л. Хоулт неоднократно подчеркивает, что новые открытия не только опровергают выводы В. Тарна и А. Нарайна, но и подтверждают их. Так, приведенные надписи из Кандагара с эдиктом Ашоки лишь служат дополнением к существующей письменной традиции. Открытие Французской археологической миссии в Афганистане «прекрасного эллинистического города Ай Ханум, обеспечивающее ясность греческих и восточных характеристик, сосуществовавших бок о бок», также, с нашей точки зрения, в равной степени могло быть привлечено на свою сторону как А. Нарайном, так и В. Тарном¹⁵. То же самое можно сказать и о Тахти Сангине. Все эти памятники не

¹⁴ Одна из последних обобщающих работ о завоевании Александром Ахеменидской державы: *Seibert J. Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander d. Gr. auf kartographischer Grundlage // Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B. № 68. Wiesbaden, 1985.*

¹⁵ Ф. Л. Хоулту пока неизвестны последние статьи А. Нарайна, посвященные новым открытиям в Ай Ханум: *Narain A. K. The Greek Monogram and Ai-Khanum — The Bactrian Greek City // Numismatic Digest. 1986. V. X; idem. Notes on Some Inscriptions from Ai-Khanum (Afghanistan) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1987. Bd 69; idem. On the Foundation and Chronology of Ai-Khanum: A Greek-Bactrian City // India and the Ancient World. History, Trade and Culture Before. A. D. 650. Professor P. H. L. Eggermont Jubilee Volume Presented on the Occasion of his Seventieth Birthday. Leuven, 1987 и др. Кроме того, ни В. Тарн, ни А. Нарайн не начинали исследования истории Греко-Бактрии с 250 г. до н. э., о чем Ф. Л. Хоулту известно по третьему переизданию В. Тарна, осуществленному им самим (Чикаго, 1985), не говоря уже о наиболее капитальных исследованиях того же автора: *Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Chicago, 1985. P. 1—70; idem. Alexander the Great. T. I. Camb., 1948. P. 59—120.**

анализируются Ф. Л. Хоултом, отсутствует даже краткое резюме о культуре Бактрии эллинистического периода. Новые археологические открытия охарактеризованы автором предельно скупо и в самом общем смысле. Это относится к истории раскопок Бактр, Мараканды. Не может удовлетворить локализация автором Александрии Оксианы (идентифицируемой некоторыми с современным городищем Ай Ханум где-то на Оксе, отказ от идентификации недавно открытого города у слияния Вахша и Пянджа) (с. 30, прим. 70, 71). Монография снабжена обширной библиографией (с. 104—110), где, к сожалению, за небольшими исключениями, слабо отражены труды русских и советских историков. Даже цитируемую работу Г. А. Кошеленко автор использует недостаточно глубоко, по-видимому, из-за языкового барьера.

Все эти замечания не умаляют несомненных достоинств книги Ф. Л. Хоулта. В конце заключения автор сообщает, что период селевкидского правления в Центральной Азии будет им рассмотрен в готовящейся к печати монографии, где будут освещены очень важные для III в. до н. э. археологические открытия. Присущее автору блестящее знание нумизматического материала, слабая изученность Бактрии этого хронологического периода¹⁶ заставляют нас с нетерпением ждать выхода новой книги.

И. Р. Пичиян

¹⁶ Общие работы о селевкидской колонизации см.: *Cohen G. The Seleucid Colonies: Studies in Founding, Administration and Organisation // Historia Einzelschriften 30. Wiesbaden, 1978; Schober L. Untersuchungen zur Geschichte Babyloniens und der Oberen Satrapien 323—303 v. Ch. München, 1981.*

© 1990 г.

НОВЫЕ ТОЙБНЕРОВСКИЕ ИЗДАНИЯ ЕВРИПИДА

В 1989 г. Тойбнеровское издательство в Лейпциге могло бы отпраздновать небольшой юбилей: 25 лет тому назад оно выпустило в свет первую из еврипидовских трагедий «Елену» (1964), а в 1988 г. появилось сразу три тома из этой серии: «Геракл», «Ифигения в Авлиде» и «Финикиянки»¹. Теперь осталось ждать последние три трагедии — «Медею», «Ниполита» и «Электру», которые, впрочем, имеются в комментированных оксфордских изданиях, особенно — монументальный «Ниполит» Барретта.

Издавший в тойбнеровской библиотеке «Геракла» К. Ли имел своим ближайшим предшественником Дж. Диггя, предпринявшего новое издание² взамен вышедшего еще до первой мировой войны трехтомника Мэррея. Во многом оба новых издателя сходятся, считая недостоверными ст. 452, 762, 1291—1293, 1299 сл., 1338 сл., 1366, 1421 (правда, Ли старается защитить подлинность ст. 1291—1293). Оба издателя согласны в перестановке ст. 860 после ст. 870 и в перемещениях внутри стихов 1184—1190. В отличие от Диггя Ли не принимает (по-моему, напрасно) предложенную еще Виламовицем перестановку ст. 87 после ст. 89. Наиболее же существенное отличие издания Ли, вытекающее, впрочем, из схемы тойбнеровских изданий, — указание на параллельные места и свидетельства.

«Ифигения в Авлиде», как известно, — самая сложная из трагедий Еврипида с точки зрения состава текста, так как она была поставлена в Афинах в 405 г. уже посмертно

¹ *Euripides. Hercules / Ed. K. H. Lee. Lpz, 1988. XVII. 59 p.; Euripides. Iphigenia Aulidensis / Ed. H. Ch. Günther. Lpz, 1988. XXII. 68 p.; Euripides. Phoenissae / Ed. D. I. Mastronarde. Lpz, 1988. L. 154 p.*

² *Euripides fabulae / Ed. J. Diggle. T. II. Oxf., 1981.*

но и, может быть, по не вполне завершенному авторскому экземпляру. Поэтому не лишены основания подозрения во вмешательстве в него режиссеров и актеров и возникающие отсюда сомнения в подлинности многих частей пьесы, охватывающие ее от самого начала до конца. В этих условиях новый издатель «Ифигении» Г. Гюнтер мог либо избрать достаточно консервативный метод, по которому пошел его ближайший предшественник Ф. Жуан³, либо подвергнуть сомнению едва ли не половину трагедии, имея и здесь за собой авторитет весьма солидных исследователей прошлого века. Гюнтер занял достаточно умеренную позицию: решительно подложным он считает только весь финал, начиная со ст. 1532; затем он подвергает атетезе еще 33 стиха, основываясь на предложениях, сделанных около 100—150 лет тому назад, и добавляет к ним по собственному усмотрению ст. 5, 1130—1133 и 1275. Выносить суждение по каждому заподозренному стиху — не место в краткой аннотации; несомненно, особенно много споров вызовет атрибуция ст. 1578—1629, которые Гюнтер вслед за М. Вестом считает написанными в IV—VII вв. взамен утерянного к тому времени подлинного финала. Впрочем, поживем — увидим.

Новое тойбнеровское издание «Финикиянок» превышает по своему объему два ранее названных тома, вместе взятых. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, «Финикиянки» входили в так называемую византийскую триаду, и число рукописей, привлеченных Дж. Мастронарде для нового издания, превышает 40. При этом рукописная традиция была предварительно тщательнейшим образом исследована и самим Мастронарде, и совместно с Бремером⁴. Во-вторых, к настоящему времени известно 20 папирусов с отрывками разной величины из текста трагедии и еще свыше десятка, содержащих свидетельства к разным стихам и так называемые *hypothesis* — античные предисловия, занимающие, кстати, в новом издании вместе с ранее известными 14 страниц. Наконец, текст «Финикиянок», как и «Ифигении в Авлиде», вызывал многочисленные сомнения и атетезы, обзор которых дается, вместе со сводом конъектур, не затронутых в аппарате, в отдельном приложении.

Из всего этого ясно, что объем ссылок на параллельные свидетельства и особенно критического аппарата должен был основательно возрасти по сравнению с двумя предыдущими трагедиями, известными только в двух рукописях. Надо заметить, что по отношению к многочисленным атетезам Мастронарде тоже занимает весьма сдержанную позицию. Он решительно отсекает последние 30 стихов как совершенно не согласующиеся по содержанию с предшествующей сценой и два первых: как теперь стало ясно из Папирусных находок, подлинный текст «Финикиянок» начинался со ст. 3 («Нλ...»). Обсуждать остальные (незначительные, впрочем) атетезы здесь столь же невозможно, как и в «Ифигении». Следует только сразу же сказать, что новое, капитальное издание «Финикиянок» не только заполняет лауну в изучении Еврипида, обрзававшуюся с начала XX в., но и дает в руки исследователей крупнейший материал, предваряющий обещанное Мастронарде комментированное издание «Финикиянок».

В заключение отметим, что все три новых тома Еврипида снабжены, как обычно в этой серии, почти исчерпывающей библиографией и указателем размеров в хоровых партиях (к этому обзору Ли и Мастронарде дают еще небольшие примечания).

В. Н. Ярго

³ *Euripide. Iphigénie à Aulis. Texte établi et traduit par F. Juan. P., 1983.*

⁴ *Mastronarde D. J., Bremer J. M. The Textual Tradition of Euripides' Phoinissai. Univ. of California, Berkely, 1982.*

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 1990 г.

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ ЕГИПЕТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В ЛИТВЕ*

4. Коллекционеры и любители древностей XIX в. Внимание к древнему Египту усилилось в Литве, как и во всей Европе, в конце XVIII в., после египетского похода Наполеона, в котором, как известно, участвовали также художники и ученые; на основании собранного ими материала было создано «Описание Египта» в 24-х томах. Участник экспедиции Доминик Виван Денон в 1802 г. опубликовал «Путешествие в Нижний и Верхний Египет» с рисунками древнеегипетских памятников. Наряду с другими памятниками он описал и измерил зодиак, изображенный на потолке храма в Дендера, который особенно заинтересовал европейских ученых. Основываясь на расположении созвездий, многие отнесли время строительства храма к VI или даже к XV тыс. до н. э.! Началась дискуссия, в которую включился директор астрономической обсерватории Вильнюсского университета профессор Мартин Почобут (Одлянчикий) (1728—1810)¹. Результаты его исследований были изложены в изданной в 1803 г. в Вильнюсе книжке «О древности египетского зодиака в Дендера»², где он доказывал позднее его происхождение. Переведенная на французский язык, эта работа была положительно оценена иностранными учеными³. В 1822 г. Ж.-Ф. Шампольон опубликовал свое знаменитое «Письмо господину Дасье», в котором изложил первые результаты своей дешифровки древнеегипетской иероглифической письменности. Здесь же он датировал зодиак храма в Дендера римским периодом египетской истории⁴, подтвердив, таким образом, датировку М. Почобута.

В 20-х годах XIX в. путешествие по Востоку (Турция, Ливану, Египту, Нубии) совершил окончивший Вильнюсский университет молодой ученый, начинающий журналист и писатель Осип Иванович Сенковский (1800—1858). Имев большие лингвистические способности, он быстро освоил не только несколько западноевропейских языков, но также и персидский, турецкий, арабский. Во время своей поездки он делал зарисовки древних святилищ, составлял их планы, собирал археологические находки. Привезенный им иератический папирус 3,5 м длиной был подарен краковской Ягеллонской библиотеке (теперь он хранится в Краковском университете)⁵. О. И. Сенков-

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 1988. № 3.

¹ Член Лондонского Королевского общества и член-корреспондент Парижской Академии наук. Перестроив Вильнюсскую обсерваторию, М. Почобут с 1773 г. начал в ней постоянные наблюдения, которые продолжал в течение 34 лет, отдавая университету и обсерватории все свое время и средства (Piročkinas A., Sidlauskas A. Mokslas senajame Vilniaus universitete. Vilnius, 1984. P. 105—107).

² O dawności zodyaka egiptskiego w Denderach. Przez X. Marcina Odlanickiego Pocobuta... w Wilnie, 1803.

³ Piročkinas, Sidlauskas. Op. cit. P. 143.

⁴ Лувшиц И. Г. Из истории русской египтологии // ПС. 1958. Т. 3. С. 152.

⁵ Andrzejewski T. U początków polskiego kolekcjonerstwa egiptologicznego // Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. Warszawa, 1966. S. 55.

ский точно скопировал зодиак из храма в Дендера и подарил копию Египетскому музею Петербургской Академии наук⁶. По возвращении из поездки он был приглашен в Петербург и зачислен на службу переводчиком Коллегии иностранных дел, а позже назначен ординарным профессором арабского и турецкого языков Петербургского университета, где работал в течение 25 лет. В 1825 г он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Часть своих путевых заметок Сенковский опубликовал⁷, имеются и неопубликованные рукописи⁸. Им написано и немало ориенталистических произведений, в том числе и посвященных Египту. Его литературная и публицистическая деятельность заслуженно принадлежит истории культуры XIX столетия.

Следует упомянуть еще одного воспитанника Вильнюсского университета — Анатолия Мухлинского (1808—1877), который посетил Египет в 1834—1835 гг., а в 1869 г. в качестве гостя присутствовал на открытии Суэцкого канала. К сожалению, 10 томов путевых заметок Мухлинского утеряны, сохранилось лишь несколько его статей и писем⁹.

Древним Египтом интересовались многие любители искусства и коллекционеры. Среди литовских собирателей одним из первых был Иосиф Антон Коссаковский (1772—1842) — адъютант Наполеона и генерал его армии, с юных лет увлекавшийся искусством и совершенствовавший свои познания в этой области в Париже. Располагая немалыми суммами денег, регулярно получаемыми из своих поместий в Литве, Коссаковский собрал в Париже коллекцию произведений искусства — старинное оружие, прикладное искусство, нумизматику, памятники археологии (в том числе и древнеегипетские), минералогии и орнитологии¹⁰. Следуя европейской моде, он коллекционировал также китайские и японские изделия. Впоследствии его коллекция перешла во владение наследников его брата Михаила; часть собраний Иосифа Антона и Михаила была передана Виленской археологической комиссии, а другая попала в поместье Вайткушес (совр. Укмяргский р-н)¹¹.

Увлечение Египтом в семье Коссаковских было присуще и сыну двоюродного брата Иосифа Антона — Станиславу Феликсу Коссаковскому (1795—1872), известному дипломату, литератору, живописцу, архитектору и коллекционеру. Он родился в Гамбурге, детство провел в поместье Вайткушес, образование получил в Парижском Лицее Бонапарта; в 1822—1827 гг. работал первым секретарем русского посольства в Риме¹². Именно здесь С. Ф. Коссаковский познакомился с Ж.-Ф. Шампольоном, который, опубликовав свой основной труд «Очерк системы древнеегипетских иероглифов», путешествовал по Италии, копируя древнеегипетские надписи с собранных в ее музеях памятников. В лице молодого дипломата Ж.-Ф. Шампольон нашел сторонника, понимающего значение его научных выводов и активно защищающего и пропагандирующего его теорию¹³. С именем С. Ф. Коссаковского связана статья Ж.-Ф. Шампольона «Египетские письма: письмо господину Z» — ответ аббату Ланчи, который особенно остро критиковал его выводы. Во время посещения Ж.-Ф. Шампольоном Рима Ланчи опубликовал статью, где утверждал, что в исследованиях египетского письма необходимо руководствоваться данными Библии. По совету друзей Шампольон ответил аббату в форме открыто о письме (Флоренция, 15.06.1825), адресованного

⁶ Каверин В. Собр. соч. Т. 6. М., 1966. С. 297.

⁷ *Sekowski J.* Wyjątki z opisu podróży w Nubji i wyższej Etiopji // *Pamiętnik Warszawski*. 1822. Т. II; *Powrót z Egiptu przez Archypelag i część Azji Mniejszej do Konstantynopola* // *Ibid.* 1823. Т. IV.

⁸ *Notaty Josefa Sekowskiego dotyczące jego podróży na Wshód. 1819—1821.* ЦГАИ Литвы. Ф. 1135. Оп. 3. № 12.

⁹ ОР ЦБ АН Литвы. БФ. 1848. С. 4.

¹⁰ *Polski słownik biograficzny.* Т. XIV/2. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969. Zeszyt 61. S. 276—277.

¹¹ *Ibid.* S. 277.

¹² *Ibid.* S. 286.

¹³ *Лившиц.* Ук. соч. С. 151 сл.

48. Niektóre prawa rzezi pisma Koptońskiego jest, ale się może być dowolna, nie o nich bieżących nie możemy mieć postać hieroglifów literowych z ich własną słownictwa. Najmiejsciej.

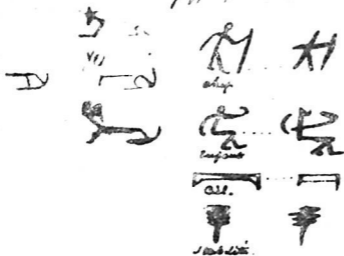
Wszystkie znaki hieroglificzne miały odpowiedno sobie znaki w pismie koptońskim, ulegały one prawom, ilości i wartości, row pozostałych kłose dla zwykłego zamieszkania: były wyrażone przez prawa, ilości znaków złączonych oddzielnych tej samej myśli.

O pismie Demotyckim

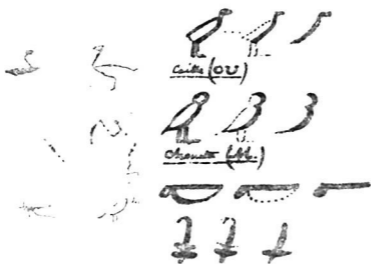
Przebieg cywilizacji dot usie sposobie wprowadzenia do «
myśli» nowej klasy ludzi, latwiejszego pisma niż Koptońskie. Wzięło więc z tego ostatniego pisma prawa, ilości znaków złączonych uogólniających do wyrażenia wog. Wskazano dźwięków mowy ustnej, których jednak liczba nie była większa, nad 40. lub 50. Wzięło więc tego pisma, liczbę znaków symbolizujących przedstawiających imiona i prawnieby swięte o których mogła być rozmowa w transakcjach cywilnych. System ten bardzo szybko wszedł do liczby znaków, był w gruncie jednak tym samym co i dwa poprzedzające utworzył je imo przysięgła cypli Demotyckie, którego był jest bardzo dawnym w Egipcie. Inaki złączonych przez uogólniają, liczbę innych w tym czasie rodzajów pisma, które zupełnie prawnie nie przewidywało znaków zastawionych zakrywają je myśli o tym dani znaków złączonych.

Рис. 1. Фрагмент черновика «Доклада» С. Ф. Коссаковского

glyptiques linéaires: Exemples.

2° D'autres ne consistent que dans le trait principal de l'hieroglyphe linéaire: Exemples

3° D'autres uns ne sont qu'une partie d'un signe linéaire employé

«г-ну Z», т. е. Коссаковскому, которого Ланчи также критиковал как сторонника Шампольона¹⁴.

Несомненно к этому же периоду следует отнести написанный С. Ф. Коссаковским «Доклад», т. е. краткое изложение иероглифической системы Шампольона¹⁵ для русского посла в Риме Андрея Италинского, которого противники взглядов Шампольона пытались привлечь на свою сторону. Деятельность А. Италинского (1743—1827) не ограничивалась дипломатией; он интересовался новыми направлениями в искусстве и науке, археологией, арабистикой, внимательно следил за острой полемикой, разгоревшейся в Риме между Шампольоном и его противниками. Желая шире и полнее познакомиться А. Италинского с новой теорией объяснения системы иероглифов Шампольона, С. Ф. Коссаковский и написал своего рода конспект лекций Шампольона, прочитанных им в Риме в 1825 г. для ученых и дипломатов¹⁶. «Доклад» интересен не только как непосредственное свидетельство общения С. Ф. Коссаковского и Ж.-Ф. Шампольона. Как указывает И. Г. Лившиц, здесь изложены основные принципы дешифровки древнеегипетского письма, которым следовал Ж.-Ф. Шампольон в важнейших своих исследованиях, однако встречаются и факты, которые зафиксированы только в позднейших его произведениях, а некоторые выводы С. Ф. Коссаковского о дешифровке системы древнеегипетских иероглифов являются совершенно оригинальными, не обнаруженными ни в одной из работ известного египтолога¹⁷. Видимо, основываясь на материале «Доклада», С. Ф. Коссаковский пропагандировал исследования Ж.-Ф. Шампольона во многих своих выступлениях в различных ученых кружках Рима, Петербурга и Варшавы¹⁸. По возвращении из Рима С. Ф. Коссаковский задержался в Петербурге, где содействовал признанию научной деятельности Шампольона. В 1827 г. французский ученый был избран почетным членом Петербургской АН (во Французскую АН он был избран только через три года)¹⁹.

С 1828 г. С. Ф. Коссаковский обосновался в Варшаве. Из Италии и Франции он привез произведения старых итальянских, фламандских, испанских мастеров, картины современников, живописцев Рима и Парижа, произведения прикладного искусства, различные древности, в том числе и памятники искусства древнего Египта, которые в то время были особенно популярны. Пополнив свою коллекцию в Варшаве, он основал в своем дворце галерею произведений искусства, экспозицию различных древностей, библиотеку и архив²⁰. В 1843 г. Коссаковский оставил службу, чтобы иметь возможность заняться исключительно литературой, искусством и наукой, намечавшаяся изучать древнеегипетские тексты (к сожалению, об этой стороне его деятельности мало известно)²¹. К этому его побуждал и Шампольон, писавший Коссаковскому: «Не спешите на вопросы: мне очень хочется, чтобы Вы душою стали бы египтянином, и для этого я не пожалю ничего, что будет от меня зависеть»²². Со временем Коссаковский задумал перевести сокровища на родину своих предков, в окрестности Укмярге. Подготовил проект дворца в неоготическом стиле (строительство в Вайткукесе при-

¹⁴ Там же. С. 153 сл.

¹⁵ *Compte-rendu sur le système hiéroglyphique de Mr. Champollion fait pour son excellence Mr. d'Italinsky par le comte S. Kossakowski; Лившиц. Ук. соч. С. 154.*

¹⁶ Доклад, посвященный его автором П. Сухтелену и хранящийся в Институте востоковедения АН СССР, был переведен на русский язык и опубликован И. Г. Лившицем в 1958 г. См. *Лившиц. Ук. соч. С. 156—168.*

¹⁷ Там же. С. 156.

¹⁸ *Reychman J. Z nieznaných kart orientalistyki polskiej XIX wieku. Zainteresowania egiptologiczne S. F. Kossakowskiego // Przegląd orientalistyczny. 1966. № 2(58). S. 140.*

¹⁹ *Karasiński I. Zapomniany warszawski egiptolog // Stolica. 1963. № 3.*

²⁰ *Polski słownik... T. XIV/2. Zeszyt 61. S. 287; Zilėnas V. Lietuvos kolekcininkai ir muziejūninkai 5. Juozas Antanas ir kiti Kasakauskai // Kultūros barai. 1982. № 4. P. 64.*

²¹ *Reychman. Op. cit. S. 141.*

²² *Лившиц И. Г. Два неизданных письма Ж.-Ф. Шампольона // ПС. 1956. С. 120.*

ходится на 1857—1862 гг.), он вернулся в Литву. После его смерти его сын Станислав Казимир (1837—1905), исполняя волю отца, все его коллекции перевез из Варшавы в Вайткушес.

Древний Египет не оставил безучастным и С. К. Коссаковского — исследователя геральдики и одного из первых в Литве фотографов-любителей. Интерес к древнему Египту, ставший семейной традицией, видимо, и поощрил его на создание произведений на эту тему методом фотомонтажа. Возможно, что С. К. Коссаковский пользовался для этого собранными еще его отцом фотографиями городов и пирамид Египта²³.

С началом первой мировой войны часть собрания художественной галереи в Вайткушесе (картины, скульптура) была эвакуирована в глубь России. Другие экспонаты (по естествознанию, археологии, прикладному искусству) были расхищены. Большая часть библиотеки и архива пошла в Республиканскую библиотеку в Каунасе, а позже в Государственную республиканскую библиотеку Литвы²⁴. Там хранится рукописный отрывок на польском языке «О египетской хронологии» из книги Владислава Венжика (1816—1848) «Путешествия по древнему миру», изданного в 1842 г.²⁵ Там же хранится и рукопись на французском языке «Египетская археология: памятная записка; о путях развития изобразительного письма древнего Египта. Рассуждение, содержащее краткое обозрение религии египтян, изъясняемой с помощью нового ключа энигматических знаков» Иосифа Пассалаквы, директора Берлинского Египетского музея²⁶. В описи Вайткушеской библиотеки, составленной 25.IX.1898 г., указано свыше 10 книг о древнем Египте, среди них — издания «Путешествия в Иерусалим и Египет» Радзивилла Сиротки на латинском (1601) и польском (1874) языках, труды французских, польских авторов конца XVII — конца XIX в.²⁷ Часть архива хранится в рукописном отделе Центральной библиотеки АН Литвы; в Центральном гос. Историческом архиве Литвы также имеются некоторые документы Коссаковских. Среди них находится и черновик упоминаемого выше «Доклада» С. Ф. Коссаковского А. Итальянскому, написанный на польском и французском языках (рис. 1)²⁸, текст которого, однако, отличается от опубликованного И. Г. Лившицем.

В 1861—1862 гг. Египет посетил И. Жагель. Окончив в 1843 г. коллегию ордена пияров в Укмярге, Игнат Жагель (Жагялис, Жегелис; 1821/26—1891) был вынужден продолжать свое образование вне Литвы: он учился в Киеве, в 1851 г. имел врачебную практику в Одессе, затем уехал в Европу. В 1856 г. он получил диплом врача в Париже, а в 1859 г. — в Лондоне (есть сведения, что он совершенствовал свои знания в Сорбонне и Оксфорде). И. Жагель много путешествовал по Востоку: побывал в Индии, где в течение четырех лет служил врачом в английской армии в Мадрасе; несколько лет состоял семейным врачом при египетском хедиве; шесть лет служил османскому султану Абдул-Азизу. Посетил острова Юго-Восточной Азии — Цейлон, Яву, Суматру, побывал на Мадагаскаре и Кубе, путешествовал по Сахаре, Абиссинии, Аравийскому полуострову, Турции. Посещая столичные города, он особенно интересовался музеями, научными центрами, общался с учеными, знал несколько языков. Был избран членом нескольких академий, почетным членом Оксфордского университета, награжден орденами иностранных держав²⁹. В 1876 г. возвратился в Вильнюс, а в 1880 г. опубликовал двухтомную иллюстрированную «Историю Египта»³⁰. Во вступлении И. Жагель

²³ Первые снимки пирамид и городов Египта были сделаны Френсисом Фритом (1822—1898) в 1856 г. Этими снимками и мог воспользоваться С. К. Коссаковский (Шолак П. Из истории фотографии. М., 1983. С. 42).

²⁴ *Zilėnas*. Op. cit. P. 65.

²⁵ ОР ГРБ. Ф. 99—131. Рукопись без даты; 4 листа.

²⁶ ОР ГРБ. Ф. 99—59. Берлин, 1842 г.; 9 листов.

²⁷ ОР ГРБ. Ф. 99—677.

²⁸ ЦГАИ Литвы. Ф. 1279. Оп. 1. № 51 (Compte-rendu sur le système hiéroglyphique de M^d Champollion pour S. E. M^r d'Italinski par le Cte S. Kossakowski).

²⁹ *Kudaba C. Anykštėno klajanės po pasaulį/Mokslas ir gyvenimas*. 1966. № 2. P. 30.

³⁰ *Zagiella J. Historija Egiptu*. T. 1—2. Wilno, 1880.

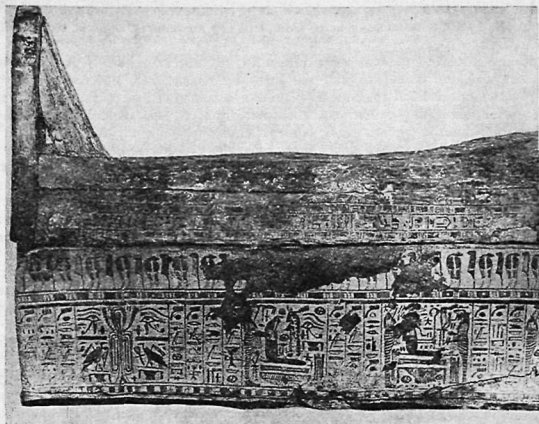

Рис. 2. Часть саркофага певицы Амона, XI—X вв. до н. э. (ГМ ИЭ, IM-6285)

писал, что создать эту книгу ему помогло долголетнее изучение памятников древнего Египта. Он сообщал, что сам проводил раскопки и изучал найденные памятники, а также утверждал, что читал папирусы, надписи на надгробиях и стенах храмов. Важные сведения о прошлом Египта автор нашел в музеях Лондона, Лувра, Турина, Берлина, изучал частные коллекции в Каире, Александрии, Флоренции, Париже, Лондоне, пользовался трудами известных египтологов, а с некоторыми учеными-современниками — Мариеттом, Шмидтом, Уилкинсоном, Бругшем, Лепсиусом был, по его утверждению, лично знаком. «История Египта» Жагеля — это фактически история смены династий фараонов, описание некоторых событий — войн, строительства, освещение некоторых особенностей государственного устройства, мифологии, религии и т. п., пространные очерки о природных условиях страны ³¹.

В 1884 г. в Вильяусе И. Жагель издал вторую книгу, посвященную путешествию по странам Восточной Африки и Передней Азии ³², в которой большое внимание уделил экономике этих стран, истории Суэцкого канала, многовековым торговым взаимоотношениям Египта с соседними странами. Книга написана не только на основе его собственных путевых заметок — в ней использованы сведения путешественников различных времен. Она содержит описания обычаев насельников Эфиопии, действующих в их среде правовых норм, большое внимание уделено жизни и религии арабов. Самые привлекательные страницы книги Жагеля посвящены описанию охоты. Чучела добытых на охоте животных, а также коллекции минералов, археологических находок,

³¹ *Kudaba*. Anykštėno klajonės... P. 30.

³² *Zagiella J.* Podróż historyczna po Abissynii, Adel, Szoa, Nubii, u źródeł Nilu, z opisaniem jego wodospadów, oraz po krajach podrównikowych; do Mekki i Medyny, Syryi i Palestyny, Konstantynopolu i po Archipelagu. Wilno, 1884.

гербарии Жагель отправлял в научные центры и музеи Лондона, Парижа, Киева³³. Книги Жагеля со временем были забыты и сейчас стали библиографической редкостью. Поскольку автор мало заботился о фактической точности сообщаемых им сведений, некоторые современные исследователи склонны подвергать сомнению как отдельные факты его биографии, так и их интерпретацию³⁴.

Одним из центров собрания древнеегипетских древностей стал Вильнюсский Музей древностей, основанный Е. Типшкевичем в 1856 г. Первыми экспонатами стали статуэтки египетского жреца (ГМ ИЭ. ИМ-4968) и бога Осириса (ГМ ИЭ. ИМ-4972), найденные А. Плятером при раскопках Швекшисского кургана и переданные впоследствии музею Ю. И. Крашевским (см. ВДИ. 1988. № 3. С. 84—85). Сам А. Плятер подарил музею изготовленные слепки с вещей этого клада, из копх уцелел лишь один — со статуэтки Осириса (ГМ ИЭ. ИМ-4962). Следующими экспонатами стали две мумии крокодилов из Мемфиса и терракотовая статуэтка, подаренная в 1860 г. проф. Е. Эйхвальдом³⁵ (1795—1876) — натуралистом, членом-корреспондентом Петербургской АН, работавшим в Тартуском и Казанском университетах, в 1827—1838 гг. преподававшим в Вильнюсском университете и Медицинско-хирургической академии. К сожалению, эти экспонаты не сохранились, видимо, погибли во время восстания 1863 г., ибо не были включены ни в один из каталогов музея, изданных позже. В том же 1860 г. египтологическое собрание Музея древностей обогатил Александр Браницкий (1821—1877), приславший из гор. Белой Церкви саркофаг с мумией (рис. 2)³⁶. Профессор Вильнюсского университета А. Ф. Адамович (1802—1881), представляя на одном из заседаний музея новый экспонат, выдвинул предположение, что мумия, находящаяся в саркофаге, — женская и относится к эпохе Рамсеса III³⁷. В периодической печати того времени и в составленном Ф. Добрянским каталоге Музея древностей указывается, что А. Браницкий подарил в саркофаге мумию, «привезенную из Фив»³⁸, однако о посещении А. Браницким Египта до 1860 г. ничего не известно. Все биографы указывают, что первое свое путешествие в Египет А. Браницкий совершил в 1863—1864 гг. с братом Кон-

Рис. 3. Крышка саркофага. Панополь, V—II вв. до н. э. (ГМ ИЭ, ИМ-6285)

³³ По сведениям некоторых исследователей, он собирал древности и для частной коллекции графа Ю. Мишска (1782—1881), жившего в Париже. См.: *Drioton E., Vandier J. Egipt faraonów. Warszawa, 1970. S. 272.*

³⁴ *Ślabczyński W. Polscy podróżnicy i odkrywcy. Warszawa, 1973. S. 233—239.*

³⁵ *Przegląd miejscowy // Kurjer Wileński. 1860. № 22. S. 213.*

³⁶ *Kurjer Wileński. 1861. № 5. S. 39—40.*

³⁷ *Ibid.*

³⁸ Каталог предметов Музея древностей, состоящего при Виленской Публичной библиотеке / Сост. Ф. Добрянский. Вильна, 1879. С. 29—31.

стантинном и проф. А. Вагой, второе — в 1872—1873 гг.³⁹ Богатую орнитологическую коллекцию и хорошо сохранившуюся уже разбитованную мумию в саркофаге, привезенные из этих поездок, он подарил зоологическому кабинету Варшавского университета⁴⁰. Когда и каким образом Браницкий приобрел саркофаг с мумией, подаренный им Вильнюсскому Музею древностей, можно только догадываться. Возможно, он унаследовал его в составе коллекций своего отца или деда или же получил в дар от родственников жены, Александра и Стефана Голыньских, путешествовавших в 1836—1837 гг. по Италии, Египту и Палестине⁴¹. Его могла приобрести и сестра А. Браницкого Катерина, побывавшая в Египте в 1852 г. со своим мужем Адамом Потоцким⁴², или долго живший в Париже брат А. Браницкого Франциск-Ксаверий⁴³. Не вполне ясна и причина, побудившая его подарить саркофаг с мумией именно Вильнюсскому Музею древностей, поскольку позднее сам Браницкий основал библиотеку, архив и музей в Суховском замке. В его коллекции было и около 500 древнеегипетских экспонатов, добытых во время раскопок в Египте⁴⁴. После смерти А. Браницкого коллекции перешли к его жене Анне Голыньской, позже — сыну Владиславу, члену Вильнюсской археологической комиссии⁴⁵, который в дальнейшем пополнил их (в 1882 г. он также посетил Египет), а после смерти последней коллекции достались его дочери Анне⁴⁶, и дальнейшая их судьба неизвестна. Что же касается саркофага, подаренного А. Браницким Музею древностей, то он вскоре был экспонирован и изображен на одной из литографий альбома «Виленьских видов»⁴⁷. Это была первая в Литве публичная выставка, на которой посетители могли любоваться столь экзотическим экспонатом.

В 1899 г. Б. А. Тураев, осмотрев и довольно подробно описав саркофаг, подаренный А. Браницким, установил, что он принадлежал «владычице дома» (т. е. замужней женщине) и «певце». Ученый сомневался в датировке, найдя, что надписи на саркофаге «безграмотны и бессмысленны»⁴⁸. В 1985 г. Е. С. Богословский уточнил, что саркофаг принадлежал «владычице дома», «певце Амуна [...]» (имя пока не просматривается), и датировал его XI—X вв. до н. э. Внутреннюю крышку этого памятника он отнес к другому саркофагу, изготовленному в Панополе (совр. Ахмим) и датировал его V—II вв. до н. э. (рис. 3).

Зимой 1862 г. Евстахий Тишкевич привез от служивших в Кронштадте офицеров и врачей русского флота (В. Витковского, Й. Гринцевича, А. Сеневица, А. Сайкевича, К. Крелевицкого, А. Цивинского и др.), совершивших в 1856—1867 гг. кругосветное путешествие, подарок Вильнюсскому Музею древностей — 118 экзотических экспонатов, среди которых были древнеегипетские вещи — статуэтки, скарабеи, керамическая посуда, светильники⁴⁹. К сожалению, дальнейшая судьба этой коллекции неизвестна. А через месяц Вильнюсский Музей древностей получил три посылки с древнеегипетскими экспонатами от известного во всей Европе коллекционера М. Тишкевича, деятельность которого заслуживает более широкого освещения.

³⁹ Polski słownik... 1936. T. 2. S. 397.

⁴⁰ Aleksander i Konstanty hrabiowie Branicy // Wędrowiec. Warszawa, 1877. № 21. S. 333.

⁴¹ Polski słownik... 1961. T. IX / 4. Zeszyt 43. S. 603.

⁴² Ibid. 1983. T. XXVII/4. Zeszyt 115. S. 752.

⁴³ Pulaski K. Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wolynia i Ukrainy // Brody. 1911. T. I. S. 20.

⁴⁴ Chwałewik E. Zbiory Polskie archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne ze zbioru pamiątek przeszłości w ojczyźnie i na obczyźnie. Warszawa, 1916. S. 218.

⁴⁵ ЦГАИ Литвы. Ф. 1135. Оп. 22. Д. 67. С. 18.

⁴⁶ Polski słownik... 1936. T. 2. S. 397.

⁴⁷ Wilczinski J. K. Album de Wilna.

⁴⁸ Тураев Б. А. Описание египетских памятников в Русских музеях и собраниях // ЗВРАО. Т. XII. Вып. II—III. 1899. С. 180—182.

⁴⁹ Каталог предметов Музея древностей, состоящего при Виленьской публичной библиотеке. 2-е изд. Вильна, 1885. С. 36, 38—44; Spis przedmiotów ofiarowanych dla muzeum Wilenskiego przez niektórych mieszkanców miasta portowego Kronstatu. Wilno, 1862.

5. Михаил Тишкевич — крупнейший собиратель египетских древностей в Литве (1828—1897). Вспоминая об этом «человеке огромного роста с великолепной русой бородой, сердечным и приятным вельможе, расточительным и страстным собирателе старинных предметов», его друг В. Фрöhнер, бывший хранителем в Лувре, в 1892 г. писал: «За эти сорок лет увлечения древностями граф Михаил Тишкевич в ученом мире приобрел вполне высокую и вполне заслуженную репутацию. Ему принадлежали многие из известных предметов, занимавших весьма достойное место в наших музеях; у него, однако... не возникла мысль все эти чудеса, в окружении которых он любил находиться, собрать в одной книге. Если бы его коллекции стали известны в то время, когда они составлялись, то ни один любитель не смог бы с ним сравниться — ни римские прелаты XVI века, ни миллионеры нашего столетия»⁵⁰. Таким он был в глазах своего современника, таким он нам представляется и поныне — один из крупнейших коллекционеров XIX в., коллекционер поистине европейского масштаба.

Родился М. Тишкевич в 1828 г. в г. Логойске (ныне Минская обл.), окончил гимназию в Вильнюсе; учился дома одновременно у известного библиографа и хранителя библиотеки Вильнюсского университета Адама Йохера (1791—1860) и польского композитора Станислава Монюшко (1819—1860)⁵¹. Впоследствии М. Тишкевич одним из первых оказал материальную поддержку Вильнюсскому театру, а затем стал также и членом-почетником Музея древностей, основанного Е. Тишкевичем в 1856 г.⁵²

В 1849 г. М. Тишкевич женился на Марии Радзивилл и в 1855 г. в Городке (Минская обл., Острошский Городок) выстроил дворец в английском стиле⁵³. Среди хранящихся во дворце ценностей была прекрасная коллекция польских монет, приобретенных у К. Бейера, Микоцкого и других коллекционеров (эта коллекция досталась графу Е. Чапскому, который впоследствии подарил ее Кракову). Кроме монет М. Тишкевич владел обширной коллекцией оружия XVI—XVIII вв. (около 1863 г. она пропала), а также коллекцией западноевропейской живописи⁵⁴.

Унаследовав Биржайскую вотчину, дававшую большие доходы, М. Тишкевич решил использовать эти средства на свое любимое занятие — изучение древностей и собирание коллекций⁵⁵. Как свидетельствует он сам, в принятии этого решения важную роль сыграла совершенная им зимой 1861—1862 гг. поездка в долину Нила: «Путешествие в Египет и раскопки оказали большое воздействие на всю остальную мою жизнь, ибо с тех пор страсть к древностям все более и более разрасталась во мне»⁵⁶. Свои впечатления он описал в «Дневнике путешествия по Египту и Нубии», полным любопытных сведений и описаний и не лишенном литературных достоинств. Первая часть дневника была издана в 1863 г. в Париже заботами и на средства П. К. Вильчинского⁵⁷, вторая так и осталась ненапечатанной (в 1903 г. рукопись находилась у сына Тишкевича Иосифа⁵⁸, но позже исчезла).

⁵⁰ La collection Tyszkiewicz: Choix de monuments antiques. Avec texte explicatif de W. Fröhner. Munich, 1892. P. 2.

⁵¹ Kronika // Tygodnik illustrowany. 1898. № 49. S. 973.

⁵² Ibid.

⁵³ Tyszkiewicz J. Tyszkiewicziana. Poznan, 1903. S. 76.

⁵⁴ Ее составляли оригиналы Г. Гольбейна и Ф. Буше, картина религиозного содержания, приписываемая Рафаэлю, и несколько десятков работ других художников. Здесь было много работ французских живописцев того времени — А. В. Бугро, Н. В. Дяаз де ла Пенья, Г. Лейса, Г. ван Гове, Э. Вербуктовена, Б. К. Куака, Ж.-Б. Маду и произведения художников других школ (коллекция была продана в Париже в 1864 г., большую ее часть приобрел Ян Тишкевич из Ваки). Большую ценность представляли и другие собрания — три больших альбома акварелей известных польских и немецких мастеров этого времени (1850—1860 гг.), несколько десятков серебряных кубков, мебель, изделия из фаянса, стекла, фарфора, серебра (Ibid. S. 86).

⁵⁵ Notes et souvenirs d'un vieux collectionneur/Par le Comte Michel Tyszkiewicz. P., 1898. P. 17.

⁵⁶ Ibid. P. 13.

⁵⁷ Tyszkiewicz M. Dziennik podróży do Egiptu i Nubii. T. I. P. 1863.

⁵⁸ Tyszkiewicz J. Tyszkiewicziana. S. 86.

Прибыв в октябре 1861 г. в Александрию, М. Тишкевич арендует корабль и отправляется в плавание по Нилу, делая остановки почти во всех местах, связанных с памятниками древности. В своем «Дневнике» он высказывает сожаление, что многие древне-египетские ценности «... были раскопаны в период правления Аббаса-Баши, когда правительство не уделяло ни малейшего внимания памятникам, и они были утрачены, не принеся пользы. Сельские жители, к которым попадали древности из золота или серебра, переплавляли их, а другие, изготовленные из менее ценных материалов, за ничтожное вознаграждение сбывали иностранцам» (с. 92—93).

М. Тишкевич неоднократно посещал Египетский Национальный музей в Булаке, познакомился с его основателем и директором, генеральным директором Службы древностей Египта О. Мариеттом, которому, как писал М. Тишкевич, «древности необходимы, как атмосферный воздух для дыхания». С середины XIX в. О. Мариетт начал проводить интенсивные и планомерные археологические изыскания в Египте и одновременно прилагал максимум усилий для организации охраны памятников древности в стране. Имея в виду его деятельность, Тишкевич замечает в своем «Дневнике»: «... было бы в самом деле чрезвычайно похвально, если бы где-то в одном месте было возможно собрать все памятники этой одной из старейших в мире культур, — и в этом отношении эдикт (об охране памятников культуры.— А. С.) ... оказал бы большую услугу науке» и высказывает сожаление, что правительство Египта «позволяет долгие годы лежать в земле бесценным памятникам, которые кто-нибудь, возможно, и раскопал бы, не будь запрета. А сколько этих... древностей, сохранных во всей земле Египта, — почти невозможно представить; за несколько столетий поисков обнаружена лишь незначительная их часть. Земля ими усеяна, как поле битвы костями» (с. 92—93).

В Каире М. Тишкевич получает официальное разрешение вице-короля Мохаммеда Саид-Паши на проведение археологических раскопок по всей территории Египта и Нубии. Русский вице-консул в Каире Лавинсон, с которым М. Тишкевич свел знакомство в Александрии, получил подобное разрешение год назад; он приглашает М. Тишкевича и других знатных гостей на вскрытие найденных в верховьях Нила трех саркофагов с мумиями⁵⁹. Все обнаруженное при разбинтовывании мумий Лавинсон подарил Тишкевичу⁶⁰.

В «Дневнике» М. Тишкевич описывает, как по прибытии в Луксор нашел консульского агента Мустафу-Ага, и тот пообещал ему набрать 60 рабочих для раскопок, место для которых было выбрано «... на холме за храмом, где когда-то строилась часть Фив, позднее названная Карнаком по наименованию важнейшего в этом крае храма» (с. 345—352). Во время раскопок были обнаружены развалины и много мелких находок: алебастровая статуэтка Исиды с младенцем на руках, большая глиняная урна и

⁵⁹ В «Дневнике» Тишкевич подробно и ярко описывает этот эпизод. Заинтересованный возможностью наблюдать редкостное зрелище, он прибывает к Лавинсону немного раньше, чем был приглашен. Все три саркофага, которые присутствующие осматривали во дворе, были изготовлены из древесины сикомора и удивительно хорошо сохранились («источали крепкий запах мирры»). Саркофаги были расписаны яркими красками и покрыты иероглифическими надписями. «Открыв первый саркофаг, внутри него обнаружили еще один, а в том — еще картонаж, жесткий, как дерево, сплошь покрытый прекрасной росписью, изображающей усопшего перед богом, сцену его суда и, наконец, его торжества на небесах». Иероглифы были написаны имя и титул покойного. С трудом открыли картонаж и из него извлекли мумию. Запеленутая в узкие полоски желтоватого холста, она напоминала куклу. С разрешения хозяина Тишкевич ее разбинтовал; вокруг распространился такой сильный запах мирры, что у некоторых началось головокружение. При этом обнаружили семь скарабеев с иероглифическими надписями, вазизанных на шнурке (один из золота, два — покрыты эмалью с золотыми перегородками, остальные — из камня), две красивые кожаные ленты с иероглифическими текстами и фигурами богов, скрещенные на груди, несколько каменных бусин и статуэток богов. Саркофаги остальных двух мумий были также тройные, содержимым сходны с первым; в одном из них рядом с мумией нашли лук и три деревянные палцы (с. 222, 225—230).

⁶⁰ *Tyszkiewicz M. Dziennik... S. 225—230.*

сосуд, бронзовые и каменные статуэтки Осириса и других богов, 16 глазурованных скарабеев, а также довольно плохо сохранившаяся каменная статуя богини (с. 356). Вместе с Мустафой-Ага Тишкевич переправился на другой берег Нила, в Долину царей, где намеревался также вести работы, однако оказалось, что это место зарезервировано О. Марпеттом для государственных раскопок. Увидев разочарование Тишкевича, Мустафа-Ага подарил ему саркофаг с мумией, которую Тишкевич тотчас разбинтовал и нашел немало мелких предметов искусства (с. 357—359). Раскопки в Карнаке продолжались весьма успешно. Были найдены небольшая инкрустированная костью шкатулка, сосуды для воды (внутри позолоченные, снаружи покрытые глазурью), фаянсовая статуэтка Исиды, много других каменных и глиняных статуэток, фаянсовые украшения, скарабей, а также золотой перстень оригинальной формы (с. 360 сл.).

Коллекцию, собранную в Египте (в Каире были приобретены еще два собрания), упаковав во множество ящиков, Тишкевич вывез в Париж. В музее Булака осталась подаренная им базальтовая статуя юноши (в 1869 г. она уже считалась пропавшей). «Распаковав все,— вспоминает Тишкевич,— я пригласил Г. де Руже и Де Лонгперье осмотреть мою коллекцию. Эти ученые подчеркивали, что в ней много важных экспонатов, подобных которым нет в собраниях Лувра; свои речи... они завершили предложением купить коллекцию для музея. Продать коллекцию я отказался, однако с удовольствием предложил все это в дар»⁶¹.

С тех пор Тишкевич уже не мог спокойно жить в Литве, хотя в поездках его постоянным спутником была тоска по родине⁶². «Спустя год после возвращения из Египта,— вспоминает коллекционер,— было решено обосноваться в тех странах, где я смог бы удовлетворить свои все более проявляющиеся склонности». В 1862 г. он обосновался в Неаполе и намеревался заняться здесь раскопками⁶³. Зимой 1862—1863 гг. были вскрыты могильники, где найдено много расписных ваз и других предметов, однако, по мнению Тишкевича, не было ни одной «первоклассной вещи». «Не желая продолжать далее раскопки в таком неблагоприятном районе, я прервал их. Свои надежды я возложил на Рим — столицу античного мира», — пишет он⁶⁴. В 1865 г. Тишкевич переселяется в Рим (где прожил до конца жизни), имея первоначально скромную коллекцию древностей, приобретенную в Неаполе, однако решительно намереваясь ее обогащать как покупками, так и с помощью раскопок⁶⁵. Вскоре здесь уже «... все знали Conte polacco, как его называли»⁶⁶. Торговые сделки свели Тишкевича с известным собирателем древностей — негоциантом А. Кастеллани, он поддерживал связи и с венецианским банкиром А. Ротшильдом, а также с коллекционером Э. Ротшильдом⁶⁷. Приблизительно в 1869 г. Тишкевич посетил Египет во второй раз⁶⁸. Неизвестно, проводил ли он раскопки, однако коллекция несомненно увеличилась.

⁶¹ Notes et souvenirs... P. 1.

⁶² *Tyszkiewicz M. Dziennik...* S. 233.

⁶³ Notes et souvenirs... P. 13.

⁶⁴ Ibid. P. 14.

⁶⁵ Ibid. P. 15.

⁶⁶ «О малейшей находке, обнаруженной вчера, он знал уже на следующий день. Торговцы редкостями, ювелиры, маклеры, метрдотели — все знали его дом, и бывало интересно наблюдать, как в обед у него выстраивалась очередь торговцев, предлагающих кто бронзовую античную статую, выдолбленную в Тибре, кто золотое этрусское украшение или венецианские кружева. В субботу утром до восхода солнца он сам отправлялся на Piazza Montanara посмотреть, не привезли ли чего интересного в своих возах крестьяне, приехавшие на базар. Не один раз можно было увидеть его раскапывающим где-нибудь на монастырском дворе или в окрестностях Рима» (*Collection d'antiquités du comte Michel Tyszkiewicz: Catalogue orné de trente trois planches / Décrite par W. Froehner. P., 1898. P. 4*).

⁶⁷ Notes et souvenirs... P. 15, 46—49.

⁶⁸ *Wspomnienia antykarskie z Włoch // Przegląd Polski. 1892. № 312. Zeszyt. 12. S. 522; Notes et souvenirs... P. 1.*

Как полагал Тишкевич, «истинный ценитель древностей не испытывает никакого удовлетворения, покупая произведения искусства, будь они даже редчайшими и прекраснейшими. Такой способ приобретения коллекций может удовлетворить любителя-коллекционера, но не настоящего искателя древностей»⁶⁹. Однако он, конечно, прибегал и к этому способу пополнения своего собрания: «Когда здоровье уже не позволяло целые дни проводить в сыром рву, я иногда покупал какую-нибудь прекрасную, только что обнаруженную находку, чтобы тем самым хоть немного успокоить страсть к поискам»⁷⁰.

В течение последующего периода своей жизни Тишкевич собрал коллекцию римских золотых, серебряных и бронзовых медалей (попавшую впоследствии в Берлинский музей), составил одно за другим два собрания гемм и камней (первое было продано, второе хранилось до конца жизни), ценное собрание мраморных статуй и бюстов (сейчас оно в Копенгагене), а также большую коллекцию греческих и римских древностей (мрамор, бронза, керамика, стекло, серебро, камень), из которой он сам в конце жизни продал несколько экспонатов (они были вывезены на американский континент), а все остальные после его кончины были распроданы в 1898 г. на аукционе в Париже, и большинство из них пошло в Лувр⁷¹. Единичные произведения, представляющие большую художественную ценность, Тишкевич продавал или дарил сильным мира сего, таким, как император Наполеон III и Папа римский Пий IX⁷².

За свою жизнь Тишкевичу удалось собрать несколько действительно больших и ценных коллекций, однако он их не смог сохранить. В. Фрэнер отчасти объясняет причину этого явления: коллекционер «... более радовался находке или приобретению, чем заботился о сохранении. Сколько удивительных предметов, которые ему принадлежали, сегодня хранятся в Лувре, Британском музее, в Берлине (Египетский музей) и Копенгагене (Новая Карлсбергская Глиптотека). Сразу после приобретения экспоната он рассматривал его целыми часами, вглядываясь в мельчайшие следы резца или кисти, любуясь обнаруженным совершенством, испытывая такое удивление и такое удовлетворение, которое даже трудно представить. После такого основательного осмотра предмет почти не занимал его более...»⁷³.

При исследовании судебных коллекций М. Тишкевича выяснилось, что кроме музеев, названных В. Фрэнером, часть коллекции попала в Варшавский Национальный музей, Музей Метрополитэн (Нью-Йорк)⁷⁴ и в три музея Литвы. Общественность Вильнюса была возмущена тем, что М. Тишкевич подарил Лувру коллекцию, привезенную из Египта. По свидетельству историка культуры М. Бренштейна, Евстахий и Константин Тишкевич укоряли коллекционера в том, что такая ценная коллекция не попала в Литву, но М. Тишкевич объяснял свой поступок тем соображением, что в Литве, по его мнению, эти произведения вызывали бы у зрителей лишь любопытство, в то время как в Париже, исследуемые учеными, они могли принести пользу для изучения истории искусства⁷⁵. Будучи действительно членом-попечителем Вильнюсской Археологической комиссии с самого ее основания⁷⁶, М. Тишкевич не оставил без внимания Вильнюсский Музей древностей: уже через несколько месяцев после своего прибытия в Египет в апреле 1862 г. он прислал 222 экспоната (статуэтки богов, амулеты⁷⁷), которые

⁶⁹ Wspomnienia antykwarskie... S. 517.

⁷⁰ Ibid. S. 518.

⁷¹ *Tyszkiewicz J. Tyszkiewicziana*. S. 87, 88.

⁷² *Rybicki R. W. Na marginesie badań archeologicznych i kolekcjonerstwa Michała Tyszkiewicza (1828—1897)* // *Archeologia*. 1966. T. XVII. S. 230.

⁷³ *Collection d'antiquités...* P. 4.

⁷⁴ *Lipińska J. Michał Tyszkiewicz — kolekcjoner sztuki starożytnej* // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 1970. T. 14. S. 464.

⁷⁵ *Brenstejn M. Pochodzenia mumij egipskich w Wilnie* // *Kurjer Wilenski*. 1933. 1. 15. № 12.

⁷⁶ *Kronika* // *Tygodnik ilustrowany...* S. 973.

⁷⁷ *Kurjer Wilenski*. 1862. 04.14. № 31.

пополнили раздел египтологии, и позже — еще две детские мумии и другие египетские древности, а также орнитологические экспонаты ⁷⁸. Подаренная им коллекция в 1879 г. была включена в каталог Вильюссского Музея древностей, составленный Ф. Добрянским. Здесь классифицировано и кратко описано 212 мелких амулетов, 13 каменных статуэток, 5 глиняных светильников, 2 металлических «идола», 5 стеклянных и 2 глиняных сосуда, алебастровая лампа, кусочки папируса, камень для разглаживания папируса, 4 камня из пирамид, 2 засушенных детеныша крокодила и 2 детские мумии (всего 253 ед.)⁷⁹. Во втором, дополненном издании каталога указывается, что к этой группе относятся также две бронзовые статуэтки египетских богов (Оспир и Исид с младенцем), которые во время раскопок в Египте в 1863 г. нашел О. Мариет ⁸⁰. Каким образом они попали в музей, неизвестно; возможно, их переслал музею сам нашедший, а может быть через посредство М. Тишкевича.

В 1899 г. все эти экспонаты были осмотрены и более подробно описаны Б. А. Тураевым ⁸¹, однако не были датированы, а в 1985 г. сохранившиеся 17 экспонатов из этой коллекции, хранящиеся сейчас в Музее истории и этнографии Литвы, были осмотрены и датированы Е. С. Богословским. Сохранились скульптурная голова бога Бэса (IM-4960, известняк, V—IV вв. до н. э.), фигурка бога Амона в образе барана (IM-4965, фаянс, IV—I вв. до н. э.), статуэтка бога мудрости Тота в образе идущего человека с головой ибиса (рис. 4) (IM-4964, фаянс, XIV—XII вв. до н. э.), амулет-подвеска в виде лежащего льва (IM-4969, известняк, фаянс, I тыс. до н. э.), пять небольших сосудов для благовоний (три глиняных, два из них — IM-4977 — относятся к VI—V вв. до н. э., третий — IM-4975 — ко второй половине IV в. до н. э. — 30 г. до н. э.; один из оставшихся двух стеклянных сосудов — IM-4974 — изготовлен в Фивах и относится к последним годам до н. э. — первым годам н. э.; другой — IM-4973 — производство мастерских в Навкратисе, начало н. э.), два скарабея (IM-4970, камень, I тыс. до н. э.; IM-4971, известняк, фаянс, последние века до н. э.), две части от засушенных крокодильчиков (IM-4979) и две детские мумии, запеленутые в просмоленные бинты с картонажными масками на лицах (IM-6286, IM-6287, I тыс. до н. э.).

Несколько партий древнеегипетских памятников получил от М. Тишкевича музей в Логойске ⁸², основанный в 1842 г. Константином Тишкевичем (1806—1868) ⁸³. Экспонаты были размещены в двух залах дворца — в Большом и Малом, египетские древности хранились в шкафу, рядом с изделиями мастеров Рима, Флоренции и Неаполя. Были здесь также находки М. Тишкевича из раскопок в Помпее ⁸⁴. После смерти К. Тишкевича Логойск и все коллекции были унаследованы его сыном Оскаром (1837—1897), который «не чувствовал никакой привязанности к памятникам старины» и перед смертью распродал их за бесценок, хотя «родственники с охотой заплатили бы за эти памятники намного большую цену» ⁸⁵. В конце XIX в. (скорее всего, до 1897 г.) часть сохранившейся коллекции приобрел другой Михаил Тишкевич (1860—1930) — представитель украинской ветви семьи Тишкевичей (из Андрюшовки), любитель искусства и коллекционер, деятель Общества поощрения искусств «Захента». В 1901 г. он подарил этому обществу собрание — 18 000 памятников древности, в которое входили 626 экспонатов из Логойска (среди них были древности Египта, Греции, Литвы, Польши, а также археологические находки из разных мест Польши, Литвы и России). Во время второй мировой войны это собрание сильно пострадало, и до нас дошло едва

⁷⁸ Ibid. 1862.05. 08. № 36; 05.11. № 39.

⁷⁹ Каталог... 1879. С. 30—31. № 2308—2560.

⁸⁰ Каталог... 1885. С. 37. № 19—20; Тураев. Описание... С. 179.

⁸¹ Тураев. Описание... С. 179—217.

⁸² Tyszkiewicz J. Tyszkiewicziana. S. 81.

⁸³ Ibid. S. 80.

⁸⁴ Акулич С. Музеі Братоў Тышкевічаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. № 2. С. 50.

⁸⁵ Tyszkiewicz J. Tyszkiewicziana. S. 80, 81.

Рис. 4. Амулет-подвеска бога Тота в образе идущего человека с головой ибиса, XIV—XII вв. до н. э. (ГМ ИЭ, ИМ-4964)

Рис. 5. Статуэтка бога Птаха, VIII—VII вв. до н. э. (ХМ МКЧ, Тт-4425)

ли 400 экспонатов, в числе которых около 100 памятников искусства древнего Египта (12 амулетов, несколько украшений, мелкая скульптура)⁸⁶.

После смерти Оскара Тишкевича в 1897 г. Логойск и остатки коллекции унаследовал его сын Иосиф (1869—1913/15), очень ценивший собрание своего деда. В 1907 г. он решает сохранившуюся часть коллекции передать, как он писал, «создаваемому ныне в Вильне музею»⁸⁷. (Речь может идти либо о Музее Общества науки и искусства, либо о Музее Общества поощрения науки — оба были основаны именно в 1907 г.). Весьма вероятно, что имелся в виду Музей Общества науки и искусства, основанный в Вильнюсе по инициативе В. Тишкевича в доме С. Тишкевича, позднее переместившийся во дворец К. Тишкевича (сейчас здание Центральной библиотеки АН Литвы). Председателем вильнюсского Музея Общества науки и искусства был Владислав Тишкевич из Лентвариса, заместителем — его брат Антон Тишкевич, а экспонаты дарил многие представители рода Тишкевичей со всей Литвы⁸⁸. Переговоры по делам музея велись и с Иосифом Тишкевичем, жившим в то время в Мюнхене⁸⁹; в Логойске осталось еще немало экспонатов, в том числе и предназначенных в дар музею (так, например, упоминается целый шкаф древнеегипетских древностей, разбитованная мумия, видимо, вместе с саркофагом, большой свиток хорошо сохранившихся, но еще не прочитанных папирусов); там же находилась и библиотека, кропотливо собранная М. Тишкевичем⁹⁰. Экспонаты из Логойска были доставлены в Вильнюс только в 1910—1911 гг.⁹¹ Видимо, именно тогда в археологический раздел Музея Общества поощрения науки по-

⁸⁶ *Lipińska*. Michał Tyszkiewicz... S. 467; *Lorentz* S. Muzeum Narodowe w Warszawie // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie*. 1938. T. I. S. 31.

⁸⁷ *Wankie W.* Muzeum Łohojskie // *Świat*. 1907. № 35. S. 10; *Wspaniały dar* // *Lechita*. 1907. № 3. S. 203.

⁸⁸ ОР ЦБ АН Литвы. Ф. 151—296, 331.

⁸⁹ Там же. Ф. 151—303.

⁹⁰ *Wankie*. Muzeum Łohojskie. S. 10.

⁹¹ *Самуэлич В.* Матар'ялы з месц м. Логойск (Менскай акругі) // *Наш край*. 1928. № 4. С. 28.

пало довольно много экспонатов из Логойска (несколько древнегреческих и римских изделий, включая и археологические находки из Помпей, где вел раскопки М. Тишкевич), однако египетские древности среди них не упомянуты⁹². Вскоре И. Тишкевич умер, а приблизительно в 1915 г. в одном вильнюсском антикварном магазине появились египетские древности из коллекции графа Тишкевича. Есть основания предполагать, что эти небольшие экспонаты были проданы вдовой И. Тишкевича Констанцией Брандт-Тишкевич или кем-либо из его близких родственников. Менее вероятно, что их мог продать Альфред Тишкевич (1882—1930), внук М. Тишкевича, унаследовавший в 1901 г. после смерти отца Биржай, поскольку какие-либо сведения о наличии в этом дворце египетских древностей отсутствуют. Несомненно одно — в антикварный магазин древнеегипетские вещи могли попасть только из собраний М. Тишкевича, единственного источника подобного рода древностей в тогдашней Литве. Об этом может свидетельствовать и одновременное поступление туда же экземпляра сочинения М. Тишкевича «Дневник путешествия по Египту и Нубии». Кстати, это подтверждал и владелец антикварного магазина⁹³. Древнеегипетские экспонаты были приобретены жителем Вильнюса, страстным коллекционером Юозасом Станкявичюсом (1866—1958). Плодом его многолетнего кропотливого собирательства была богатая библиотека, большое и ценное собрание древностей⁹⁴. Более четырех десятилетий он хранил египетские древности, не желая расставаться с ними. В 1959 г. М. Гарвидис, коллега, опекавший его в старости, выполняя волю коллекционера, передал экспонаты Художественному музею им. М. К. Чюрлёнса. В том же году экспонаты из коллекции Ю. Станкявичюса были включены в экспозицию древнего Египта, действовавшую в музее до 1974 г. Из 97 экспонатов этой коллекции (Тt-4424—4484, Тt-4523—4555, Тt-4269, Тkr-881, Тpm-25480) несомненно оригинальными по определению Е. С. Богословского являются 52 единицы хранения (9 не относятся к древнему Египту, 18 являются копиями и имитациями, 14 вызывают сомнения, 4 являются моделями). В числе оригиналов — большинство амулетов — символов древнеегипетских богов Тот, Амона, Хора, Таург, Бастет, Сахмет, Хатхор, а также изображения змей, крокодила, ихневмонов, лягушек и «ока Хора»; имеются отдельные разрозненные детали и бусы, печати, скарабен и только одна статуэтка — бога Птаха (рис. 5) (бронза, VIII—VII вв. до н. э., ХМ МКЧ, Jt-4425). Эти экспонаты относятся ко времени от додинастического периода до первых веков нашей эры; большинство древностей представляют период I тыс. до н. э.

Экспонаты из Логойской коллекции, появившиеся примерно в 1915 г. в вильнюсском антикварном магазине, не были последними. Примерно в это же время Кристина Брандт-Тишкевич (несомненно, вдова упомянутого выше И. Тишкевича, хотя имя другое) подарила Обществу поощрения искусства «Захента» в Варшаве свиток папируса более чем 9,5 м длиной с текстом «Книги мертвых». Из Логойской коллекции в октябре 1919 г. вместе с другими экспонатами «Захенты» папирус перешел в Варшавский Национальный музей⁹⁵. Этому же музею Тишкевичи из Логойска подарили в 1926 г.⁹⁶ еще одно собрание древностей (амулеты, фигурки, папирусы, мумия и найденная рядом с ней редкая ткань с фигурками людей); судя по описанию, это были те самые экспонаты, которые в 1907 г. намеревался подарить музею И. Тишкевич⁹⁷. В 1933 г. Варшавский музей снова приобретает экспонаты из бывшего Логойского музея, на этот раз около 50 портретов представителей рода Тишкевичей⁹⁸.

⁹² ЦГАИ Литвы. Ф. 1135. Оп. 22. Д. 279. С. 84.

⁹³ Об этом в 50-х годах сообщил И. Алексене коллекционер Ю. Станкявичюс.

⁹⁴ В 1985 г. автору рассказывал об этом Ю. Мацейка.

⁹⁵ *Andrzejewski T.* Nowe dane o księdze umarłych piastunki Kai // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie.* 1957. Т. 2. S. 723.

⁹⁶ *Chwalewik E.* Zbiory Polskie archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbiory pamiątek przeszłości w ojczyźnie i na obczyźnie. Warszawa, 1916. S. 348.

⁹⁷ *Wankie.* Muzeum Łohojskie. S. 10.

⁹⁸ *Lorentz.* Muzeum ... S. 31.

Древнеегипетские экспонаты имелись также и у другого представителя этого рода, увлекавшегося древнеегипетской историей, владельца Раудондвариса Бенедикта Генрика Тишкевича (1853—1935). В сохранившихся инвентарях дворца указывается, что коллекции предметов искусства из стран Ближнего и Дальнего Востока здесь появились в период между 1867 и 1876 годами⁹⁹. Известно, что Б. Г. Тишкевич в 1875 г. уже во второй раз посещает Восток (Индия, Япония, Китай)¹⁰⁰, а в 1876 г. совершает кругосветное путешествие на яхте¹⁰¹. Большая часть предметов искусства (мебель, фарфор, текстиль, изделия из мрамора и слоновой кости, лаковые изделия), украсивших интерьер замка в Раудондварисе, его персидский и арабский кабинеты привезены из этих путешествий — об этом свидетельствуют рассказы современников и указания на место происхождения экспонатов в инвентарной книге¹⁰². Сведений о посещении Б. Г. Тишкевичем Египта не обнаружено; нет указаний на место происхождения древнеегипетских экспонатов и в их инвентарных описях. Можно предполагать, что М. Тишкевич, узнав о пристрастии своего родственника к путешествиям и экзотике, подарил ему некоторые древности, привезенные из Египта (возможно, также и из других стран). Встретаться и получить часть экспонатов от известного коллекционера Б. Г. Тишкевич мог еще во время своих поездок в 1875—1876 гг., более поздние контакты могут датироваться временем после 1883 г., когда владелец Раудондвариса после смерти жены переехал жить в Париж¹⁰³. Но Б. Г. Тишкевич не порывает с родиной, часто посещает Раудондварис, в 1894 г. посылает экспонаты из собраний замка на выставку во Львов¹⁰⁴, а 29 июня 1907 г. становится одним из первых частных лиц, обогативших собрания Музея искусства и науки. В Вильнюс из Раудондвариса прибыли книги, рукописи, нумизматическая коллекция, а также и коллекция этрусских, греческих, римских и египетских древностей (вазы, сосуды, украшения, статуэтки — всего 105 ед.)¹⁰⁵. В 1914 г. при ликвидации Музея общества искусства и науки его собрания (около 5000 экспонатов) были переданы Вильнюсскому музею науки, действовавшему до 1941 г. Затем экспонаты были переданы в Исторический музей АН Литвы, а в 1944 г. в Гос. Художественный музей Литвы¹⁰⁶. Сохранилась почти вся коллекция, включая и 23 древнеегипетских экспоната (среди которых четыре копии). Оригинальными по определению Е. С. Богословского являются три фаянсовых нагрудных украшения (два — TD-2534 и TD-2535 — датируются VII—VI вв. до н. э., а третье — TD-2533 — V—IV вв. до н. э.), пять скарабеев (TD-2551 — VII в. до н. э.; TD-2537—2539 — первая половина I тыс. до н. э.; TD-2553 — V—II вв. до н. э.) два ушебти (TD-2542—XI—VIII вв. до н. э., TD-2541—VII—V вв. до н. э.) и амулеты — богини Исида с младенцем (TD-2545 — X—VIII вв. до н. э.; TD-2544 — конец II тыс. до н. э.; TD-2543 — VII—V вв. до н. э.), База (TD-2550—I тыс. до н. э.), «ока Хора» (TD-2548—I тыс. до н. э.), льва (TD-2595 — середина I тыс. до н. э.) (рис. 6), Хора (TD-2546 — середина II тыс. до н. э.), Харпократа (TD-2547 — VII—VI вв. до н. э.) и отдельная бусина (TD-2549 — середина I тыс. до н. э.). 11 предметов из этого собрания в 1970—1988 гг. экспонировались в Музее янтаря в Паланге.

Представление о коллекциях М. Тишкевича может быть дополнено некоторыми публикациями. Так, летом 1895 г. на выставке «Искусство древнего Египта» в Бэрментонском художественном клубе в Лондоне были представлены и египетские древ-

⁹⁹ АХМ МКЧ. НР-157.

¹⁰⁰ Mały słownik pionierów Polskich kolonjalnych i morskich. Warszawa, 1933. S. 565; Nowosci // Wędrowiec. 1875. № 285. S. 238.

¹⁰¹ Kronika Paryżska, literacka, naukowa i artystyczna // Biblioteka Warszawska. 1876. T. IV. S. 375.

¹⁰² АХМ МКЧ. НР-159. С. 80.

¹⁰³ ЦГАЛИ Литвы. Ф. 230. Оп. 1. Д. 3. С. 6.

¹⁰⁴ Zdora J. Powszechna wystawa krajowa we Lwowie // Świat. 1894. T. 2. S. 406, 407.

¹⁰⁵ ОР ЦБ АН Литвы. Ф. 151—131. С. 108.

¹⁰⁶ ГХМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 975. С. 80—81.

Рис. 6. Амулет-подвеска в виде лежащего льва. Середина I тыс. до н. э. (ХМ, TD-2595, вид сверху и справа)

ности из его собрания. Вместе с другими экспонатами они были репродуцированы в каталоге, изданном этим обществом¹⁰⁷. Два каталога коллекций М. Тишкевича составил бывший хранитель музея в Лувре В. Фрэнер: первый — «Коллекция Тишкевича: собрание античных древностей» (1892, тетр. 1; 1897, тетр. 2—3) (см. прим. 50) был красочным, содержащим много иллюстраций изданием (тираж — 100 экз., скоро ставшим библиографической редкостью, и второй — «Каталог аукциона коллекции Тишкевича» (1898) (см. прим. 66) — вышел уже после смерти коллекционера. Перу самого М. Тишкевича принадлежат «Заметки и воспоминания старого коллекционера», в 1895—1897 гг. опубликованные в журнале «Revue archéologique», а в 1898 г. переведенные на английский язык и вышедшие отдельным иллюстрированным изданием.

Как отдельные экспонаты из собрания Тишкевича, так и их группы неоднократно привлекали к себе внимание известных исследователей: В. Фрэнер писал о греческих надписях, А. Фуртвенглер — о геммах, Е. Леву, С. Рейнах — о глиптике и археологических раскопках, К. Роберт — о вазах и надписях, К. Вернике — о древней бронзе¹⁰⁸. Сам М. Тишкевич также проводил научные исследования, написал труд о римской нумизматике, который по его просьбе В. Фрэнер издал под своим именем¹⁰⁹.

Древности сопровождали М. Тишкевича всю жизнь. Важнейшей, можно сказать, единственной идеей его собирательства было желание найти то лучшее, что дает каждое искусство. «Будь то шумерский камень или миниатюра времен Людовика XV, — он был способен оценить их достоинства и наслаждаться ими с особо изысканным чувством и вкусом», — писал о нем его современник. Экспонаты из его коллекции, рассеянные по европейским музеям, и сегодня вызывают огромный интерес посетителей и ученых.

Экспонаты из коллекции М. Тишкевича, хранящиеся в музеях Литвы, до сих пор были доступны лишь узкому кругу специалистов. В ближайшее время предполагается открыть экспозицию древнего Египта, соединив экспонаты из всех музеев Литвы. Эти памятники собирались в течение долгого времени усилиями целого ряда ученых и коллекционеров Литвы. Благодаря их энтузиазму в Литве собрано крупнейшее после РСФСР собрание египетских древностей. Наш долг — сохранить их для будущих поколений, для чего необходимы соответствующее хранение и реставрация экспонатов. Обеспечивая их сохранность и наилучшее экспонирование, мы воздаем дань уважения коллекционерам, собравшим древности, которые представляют большую ценность для всей истории мировой культуры.

А. П. Сниткувене

¹⁰⁷ *Tyszkiewicz J. Tyszkiewicziana. S. 1.*

¹⁰⁸ *Rybicki. Na marginesie badan ... S. 230.*

¹⁰⁹ *Ibid.*

К 70-летию ЮЛИИ КОНСТАНТИНОВНЫ КОЛОСОВСКОЙ

Дорогая Юлия Константиновна!

Редколлегия и редсовет журнала «Вестник древней истории», Ваши коллеги, друзья и ученики сердечно поздравляют Вас с юбилеем и выражают Вам искренние чувства благодарности, уважения, глубокой симпатии.

Почти 40 лет Вы отдали служению журналу! В 1953 г. молодым научным работником после защиты кандидатской диссертации Вы пришли в Институт истории АН СССР, и Вам было поручено вести в «Вестнике древней истории» отдел «Критики и библиографии», а позднее отдел «Доклады и сообщения»; в 1963 г. Вы стали ответственным секретарем ВДИ, с 1976 по 1988 г.

Вы исполняли обязанности заместителя главного редактора. В годы, когда главными редакторами журнала были наши виднейшие историки древности — член-корр. АН СССР С. В. Киселев, акад. В. В. Струве, проф. С. Л. Утченко, журнал стал ведущим центром антиковедения в нашей стране, вокруг журнала сформировался широкий круг профессионалов-антиковедов. В становлении журнала, в определении его основной тематики немалая роль принадлежит и Вам. С 1989 г. Вы стали членом Редакционного совета. Ваша любовь к журналу, глубоко ответственное отношение к своим обязанностям и демократичность создавали благожелательную творческую атмосферу в редакции.

Одновременно с работой в журнале Вы вели и продолжаете вести большую исследовательскую работу. Ваши научные интересы определились в аспирантуре МГПИ им. В. И. Ленина, когда по окончании Московского университета под руководством проф. В. Н. Дьякова Вы написали диссертацию «Дакия в период кризиса III в. н. э.». С этого времени история дунайских провинций Римской империи стала главной темой Ваших многочисленных исследований: двух монографий — «Паннония в I—III вв.» (М., 1973) и «Работство в западных провинциях Римской империи» (М., 1977, в соавторстве с Е. М. Штаерман, В. М. Смириним, Н. Н. Беловой) и более 60 работ и разделов в коллективных трудах, в том числе в «Культуре Рима» (М., 1985) и «Истории Европы» (т. I, М., 1987). Вами были написаны главы, посвященные древнейшим и древним периодам в «Истории Венгрии» (М., 1971), «История Молдавской ССР» (т. I, Кишинев, 1987) и др. Все Ваши исследования отличаются скрупулезностью текстологического изучения источников и широкой эрудицией в разработке научных проблем. Многие Ваши работы переведены и изданы за рубежом, Вы заслуженно считаетесь одним из ведущих и известных специалистов по истории римских провинций и народов Подунавья. Вы были участницей многих международных конгрессов и симпозиумов.

Вероятно, трудно даже представить себе, сколько ныне маститых и еще молодых ученых обязаны Вам помощью и добрым словом, скольким Вы помогли прийти в науку, стать профессиональными антиковедами. А мы все, кто проработал с Вами вместе многие (или даже немногие) годы, любим Вас и всегда будем ценить Вашу душевную теплоту, удивительное обаяние, Вашу благожелательность и трогательную заботу о журнале.

Поздравляем Вас с юбилеем, желаем Вам здоровья, дальнейших творческих успехов и надеемся, что еще многие годы мы будем вместе работать в любимом Вами «Вестнике».

15(28) декабря исполнилось 90 лет Василию Ивановичу Абаеву — выдающемуся ученому, лингвисту и историку культуры.

В. И. Абаев — заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР (1957), лауреат Государственной Премии им. Коста Хетагурова (1966), почетный член «Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland» (1966). В. И. Абаев участвовал в ряде международных конференций и конгрессов востоковедов, читал лекции в Collège de France (1966).

В. И. Абаев — автор более чем 200 работ по различным проблемам лингвистики, филологии и истории иранских народов (прежде всего осетин) начиная с древнейшего периода. Многие исследования В. И. Абаева уже давно стали классическими, его труды исключительно высоко оценены мировой наукой и пользуются неизменным авторитетом в СССР и за рубежом.

Редколлегия и редсовет журнала сердечно поздравляют Василия Ивановича с прекрасным юбилеем и желают ему здоровья и новых творческих удач.

К этим поздравлениям и пожеланиям присоединяются многочисленные ученики В. И. Абаева, поклонники его яркого таланта и душевного благородства. Совместная работа с Василием Ивановичем, учеба у него всегда являлись и являются сейчас праздником встреч с замечательным ученым, человеком высочайшей нравственности и гражданской чести, непреклонным в отстаивании своих взглядов, жизненных и научных принципов и вместе с тем необычайно теплым и добрым наставником и старшим другом.

© 1990 г.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ В. И. АБАЕВА

Наиболее характерной чертой научного мировоззрения выдающегося филолога-ираниста В. И. Абаева является историзм, т. е. максимальный учет исторической перспективы изучаемых явлений. Нелегко найти другого современного лингвиста, в чьих трудах этот закон диалектики был бы реализован с большей последовательностью.

Будучи верным последователем основателя исторического осетинского языкознания академика В. Ф. Миллера, В. И. Абаев исследует историю языка в тесной связи с историей самого народа. Благодаря данным языка ему удается проследить в общих чертах осетин и их предков на протяжении нескольких тысячелетий. И вместе с тем блестящее знание исторических факторов помогает В. И. Абаеву в восстановлении истории развития языка.

Характерно, что первая капитальная книга «Осетинский язык и фольклор» (Л., 1949), содержащая целый ряд наиболее значительных работ В. И. Абаева, начинается с очерка «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка (лингвистическое введение в историю осетинского народа)». Здесь автор приводит, в частности, известную фразу Якоба Гримма, явно с ней солидаризируясь: «Наш язык есть

также наша история». Затем он говорит уже от себя: «Чтобы служить историческим источником, язык сам должен стать предметом истории. От истории языка к языку истории — таков естественный путь лингвиста-историка, такова неизбежная логика его исследовательской работы»¹. Раскрывая конкретное содержание этого положения, автор пишет: «Привлекая язык как исторический источник, мы можем при благоприятных условиях получить ответ на следующие основные вопросы:

1. С какими другими культурно-языковыми образованиями связан по своему происхождению данный народ?

2. Какова была культура этого народа в качественном и количественном отношении, т. е. как с точки зрения объема или уровня этой культуры, так и с точки зрения ее характера и преобладающего направления?

3. С какими другими языками и народами имел исторические связи и сношения данный язык, какие культурные влияния он испытывал с их стороны, а также какое влияние оказал сам на них?»².

Особого упоминания заслуживают интенсивные разыскания ученого в области схождения осетинского языка с рядом европейских. В результате обобщения своих многолетних наблюдений В. И. Абаев в 1965 г. опубликовал труд «Скифо-европейские изоглоссы (На стыке Востока и Запада)», в котором, опираясь на древний лингвокультурный материал, по-новому поставил некоторые историко-филологические проблемы. В частности, он доказал, что по ряду специфических черт — лексических, фонетических, грамматических — осетинский язык (в скифскую эпоху своей истории), «порывая» с другими иранскими, смыкается с рядом языков европейского ареала (славянскими, балтийскими, германскими, итальянскими, кельтскими), а также с тохарскими. Подводя основные итоги проведенному глубокому изучению изоглосс, В. И. Абаев убедительно показывает, что имевшийся «вакуум» в истории осетинского языка заполняется. И это очень существенное достижение. Дело в том, что некоторые ученые (например Э. Бенвенист) говорили о будто бы существующем вакууме между древнеиранским и кавказским периодами развития осетинского языка. В действительности же этот период заполнен полнокровными контактами, оставившими глубокий конструктивный след в истории осетинского языка. Обнаружение указанных схождений не было историческим сюрпризом. Можно было предположить, что многовековое, с незапамятных времен пребывание скифо-сарматских племен в Восточной Европе и соседство с языками европейского круга оставят свой след в осетинском языке. Многочисленные изоглоссы в лексике, фонетике и морфологии связывают скифский мир с европейскими народами. Примечательно то, что выявленные В. И. Абаевым изоглоссы характерны именно для скифо-осетинского и чужды остальному иранскому и индоиранскому миру. Эти изоглоссы, как подчеркивает В. И. Абаев, не в меньшей степени определяют своеобразие осетинского языка среди иранских, нежели позднейшие кавказские, а также тюркские и другие влияния.

Исследованный Василием Ивановичем материал не является синхронным, т. е. не относится к одной определенной эпохе. Это и понятно, ибо соседство скифо-сарматов с европейцами продолжалось много столетий, и связывающие их схождения, изоглоссы могли возникнуть в разные периоды этого соседства. Однако выявленные изоглоссы объединяются определенными характеристиками, они не возводятся к иранской и индо-европейской общности, а возникли на почве ареальных (территориальных) контактов в Восточной и Средней Европе между скифо-сарматами и народами указанного выше европейского круга. В. И. Абаев показывает, что одни изоглоссы имеют более ограниченный ареал распространения, связывая скифский с одним языком или группой европейских языков: славянской, балтийской, германской, а также латинским языком; другие — с несколькими группами или всеми языками европейского круга. Характерно, что в этих изоглоссах не участвуют греческий и армянский языки.

¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.— Л., 1949. С. 11.

² Там же. С. 11—12.

Одним из наиболее важных выводов исследователя является утверждение, что североиранские племена были исконными обитателями Восточной Европы. Дело в том, что в течение долгого времени бытовала точка зрения, что прародину иранцев следует искать в Средней Азии. Сам В. И. Абаев также придерживался точки зрения, согласно которой появление ираноязычного элемента на Юге России нужно связывать с рассказом Геродота о вторжении скифов из Азии и относить к VIII в. до н. э.³ По новой концепции В. И. Абаева, «иранский элемент был на юге России по меньшей мере с начала II тысячелетия до н. э.»⁴ Дальнейший процесс, приведший к образованию скифо-европейских изоглоссов, рисуется автором следующим образом. Когда иранская общность в юго-восточной Европе распалась, часть составляющих ее племен двинулась на юг и восток, в Мидию, Парфию, Персиду и Среднюю Азию. Предки будущих скифских племен остались в Европе и в течение ряда веков находились в условиях контактного развития с народами средне- и восточноевропейского ареала. Именно в этот период, по мнению В. И. Абаева, и определилось своеобразие скифской речи среди других иранских языков и возникли различные скифо-европейские изоглоссы.

Этот вывод В. И. Абаев подкрепляет различными историко-культурными аргументами. Им выдвинуты и другие, более частные гипотезы, органически вытекающие из его концепции исторического становления осетинского языка. Разумеется, ученые соответствующих специальностей еще долго будут обсуждать те проблемы, которые поставил в данной работе В. И. Абаев. Для окончательного решения многих из них необходимы согласованные усилия лингвистов, историков и археологов.

Историзм как незыблемый исследовательский метод, глубокое знание древней истории позволили В. И. Абаеву сделать смелые и новаторские обобщения. Для примера возьмем одну из его более поздних теоретических работ «О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы» (М., 1971), в которой автор выдвигает положения сразу по трем кругам вопросов: древность иранского элемента в Южной России, диалектное членение скифо-сарматской речи, древние контакты скифо-сарматских племен с другими индоевропейскими и неиндоевропейскими этническими образованиями. При этом ученый опирается исключительно на лингвистический материал. Он рассматривает общие элементы или изоглоссы, связывающие осетинский язык с латинским, германскими, прибалтийскими, славянскими, тохарскими языками. Поскольку эти изоглоссы полностью отсутствуют в других иранских языках, их нельзя рассматривать как общее индоевропейское наследие. Объяснить их можно только как результат сепаратных контактов предков осетин с европейскими народами и, стало быть, рассматривать их не как ирано-европейские, а как специфические скифо-европейские изоглоссы.

Далее автор указывает, что решающее значение имеет здесь лексическое сходство осетинского с латинским. Известно, что римляне не являются исконными обитателями Италии. Они пришли туда из Средней Европы. Это переселение относят к концу II тыс. до н. э. Контакты скифов с предками римлян не могли иметь место на территории Италии, никаких сведений о пребывании скифов в Италии нет. Стало быть, продолжает В. И. Абаев, сепаратные связи скифского с латинским могли возникнуть только до переселения предков римлян в Италию, т. е. ранее конца II тыс. до н. э. К этому времени предки греков, хеттов, армян уже полностью отделились от других индоевропейских народов, и их языки стали на путь самостоятельного развития. В то же время будущие италийцы, кельты, германцы, тохары, балтийцы, славяне занимали еще смежные территории в Средней и Восточной Европе и составляли хотя и не очень тесную и единообразную, но все же связанную рядом изоглоссов языковую общность. К этой общности примыкали на Востоке и скифские племена, к тому времени обособившиеся от остальных иранских племен. Отсюда возникли специфические общие элементы, связывающие скифский язык либо со всеми языками древнеевропейской

³ Геродот. История. Кн. IV. М., 1888. С. 11—13.

⁴ Абаев. Скифо-европейские изоглоссы... С. 124.

группы, либо с отдельными представителями этой группы, в том числе и с будущим латинским языком. Общеисторическое значение имеет вывод о том, что языковые факты нельзя считать разъясненными, пока они не прикреплены к исторической действительности с определенными пространственными и временными координатами.

Специфических осетинско-латинских изоглосс имеется около 10, и датировать их приходится временем не позднее второй половины II тыс. до н. э. Но раз так, то вопрос о древности североиранского элемента в Европе нуждается в пересмотре. Если раньше, опираясь на рассказ Геродота о вторжении скифов с Востока, приурочивали первое появление иранского элемента в Южной России к VIII—VII вв. до н. э., то теперь это вторжение, если оно действительно имело место, приходится рассматривать уже не как начало какой-то совершенно новой эры в этнокультурной истории Юга России, а как одно из периодически повторявшихся передвижений иранских племен на занимаемой ими обширной территории, искони включавшей в себя Северное Причерноморье. Если раньше иранский элемент в Средней Азии считался исконным, а в Восточной Европе пришлым, то теперь более вероятным представляется обратное: иранский элемент был исконным в Восточной Европе и пришлым в Средней Азии. Автор обращает внимание на то, что специфическая для скифского языка основа *dan-* «река» хорошо представлена в гидронимии Восточной Европы, но отсутствует в гидронимии Средней Азии. В связи с этим вопрос об этнической принадлежности киммерийцев решается теперь более уверенно, чем раньше — в пользу отнесения их к тем же североиранским племенам, другие представители которых были известны под именем скифов, сарматов и пр.

Осетинский язык сохранил явные следы древних контактов как с индоевропейскими, так и индоевропейскими языками. Из индоевропейских особенно важны связи с угро-финскими и кавказскими языками. Из индоевропейских — связи с языками европейского круга: «прантальскими», кельтскими, германскими, «пратохарскими», балтийскими, славянскими. Эти контакты охватывают период от второй половины II тыс. до н. э. до первых веков н. э. Историко-культурный анализ лексических изоглосс, связывающих осетинский с перечисленными языками, позволяет нередко сделать определенные заключения о том, в какой сфере хозяйства и быта имел место культурный обмен у древних осетин.

С европейскими языками осетинский связан десятками лексических изоглосс, среди которых выделяется компактная группа сельскохозяйственных терминов. Эти общие агрикультурные термины столь же характерны для скифо-европейских культурных связей, как металлургические термины для связей с угро-финнами.

Древние реалии являются материалом, объединяющим генезис и истоки развития осетинских лингвистических и историко-культурных явлений. В связи с этим необходимо сказать о главном труде В. И. Абаева — «Историко-этимологическом словаре осетинского языка»⁵, в словарных статьях которого очень широко привлекается материал многочисленных древних языков и диалектов, таких, как авестийский, арамейский, ассирийский, ведикий, готский, древнегерманский, древнееврейский, древнеиндийский, древнеирландский, древнеисландский, древнеперсидский, древнерусский, древнесаксонский, кельтский, лидийский, старославянский, шумерский и некоторые другие.

В то же время в целом ряде работ В. И. Абаева внимание привлекает «инверсивное» использование лингво-исторического материала. Это значит, что если чаще всего ученый приводит древние факты для объяснения явлений осетинского языка, то тут, наоборот, отталкиваясь от осетинского (и других современных языков), он объясняет уже реалии древности. Скажем, через осетинский язык ученый осветил немало неясных мест в авестийских текстах, например: *aēta-*, *ašta*, *ašamaoγa*, *āxšti*, *dānu*, *fra-spāt-*, *haosafnoena-*, *hvāfrita-*, *kara-*, *mainya-*, *paiti-zrāno*, *Skārayat-raša-*, *vāragan-*, *dh-*

⁵ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958; Т. II. 1973; Т. III. 1979; Т. IV. 1989.

и мн. др.⁶ Осетинские реалии помогли также дать научное толкование финикийского социального термина Tarabosteis⁷, древнеперсидского abičariš⁸, этнонима *хазар*⁹, среднеазиатского политического термина *афшин*¹⁰, славянского *Вия*¹¹, ведийского *агі*¹² и многих других.

В этом плане немало интересного находят специалисты по древней истории также в работах «Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян»¹³, «Древнеперсидские элементы в осетинском языке»¹⁴, «Древнееврейские элементы в осетинском»¹⁵, «Иранское кап- „копать“, „насыпать“¹⁶, ΠΑΝΤΙΚΑΠΟΙΟΝ»¹⁷, «Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний»¹⁸ и др.

В целом ряде работ В. И. Абаев выступает как исследователь языков и культур древних цивилизаций. Так, например, он внес свой вклад в расшифровку и толкование некоторых древнеперсидских клинописных надписей¹⁹, в раскрытие фрако-скифских лингво-культурных взаимоотношений²⁰, в изучение зороастризма²¹ и древнеиранской ономастики²². Всякий раз мы удивляемся эрудиции ученого, глубине и смелости его выводов, которые, к сожалению, далеко не все оценены по достоинству.

Выдающийся ученый-лингвист, патриарх современной мировой иранистики, В. И. Абаев внес огромный вклад в освещение целого ряда лингво-культурных проблем древних народов. Недавно Василий Иванович отметил свой славный юбилей. Пожелаем же ему новых свершений и бодрости!

М. И. Исаев

⁶ *Он же*. Avestica // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch. Innsbruck, 1985, S. 7 f.

⁷ *Он же*. Фракийский социальный термин Tarabosteis // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 18 сл.

⁸ *Он же*. Древнеперсидское abičariš в Бегестунской надписи // ВДИ. 1985. № 1. С. 3 сл.

⁹ *Он же*. Этноним «хазар» в языках Кавказа // Известия СОНИИ. Т. XXVII. Языкознание. Орджоникидзе, 1968. С. 216 сл.

¹⁰ *Он же*. Среднеазиатский политический термин АФШИН // ВДИ. 1959. № 2. С. 113 сл.

¹¹ *Он же*. Образ Вия в повести Н. В. Гоголя // Русский фольклор. III. М.—Л., 1958. С. 303 сл.

¹² *Он же*. Из истории слов // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 113 сл.

¹³ *Он же*. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян // Сб. памяти академика Н. Я. Марра. М.—Л., 1939. С. 317.

¹⁴ *Он же*. Древнеперсидские элементы в осетинском языке // Иранские языки. I. М.—Л., 1945. С. 7 сл.

¹⁵ *Он же*. Древнееврейские элементы в осетинском // Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.—Л., 1949. С. 331 сл.

¹⁶ *Он же*. Этимологические заметки. Иранское кап- «копать», «насыпать» // Труды Института языкознания. IV. М., 1956. С. 442 сл.

¹⁷ *Он же*. ΠΑΝΤΙΚΑΠΟΙΟΝ // Исследования в честь на акад. Д. Дечев. София, 1958.

¹⁸ *Он же*. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // СА. 1958. Т. XXIII. С. 54 сл.

¹⁹ *Он же*. Надписи Дарья I о сооружении дворца в Сузе // Иранские языки. I. М.—Л., 1945. С. 127 сл.; *он же*. Антидововская надпись Ксеркса // Там же. С. 134 сл.

²⁰ *Он же*. Thraco-Scythica // Эзиковедски проучвания в чест на акад. В. И. Георгиев. БАН. София. 1980. С. 102 сл.

²¹ *Он же*. Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования. Памяти Н. И. Конрада. М., 1974; *он же*. Зороастри и скифы // Hommages et orges minora, V. III. Monumentum H. S. Nyberg. III. Acta Iranica. Teheran — Liege, 1975. P. 1—12.

²² *Он же*. О древнеперсидских личных именах // IV Всесоюзная науч. конф. по иранской филологии. Тез. докл. Ташкент, 1964; *он же*. К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kambūjiya, Cispīš // Иранская филология. Ташкент, 1966; *он же*. Из иранской ономастики // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. М., 1971.

ДВА ЗОРОАСТРИЗМА В ИРАНЕ

(Иран Восточный — Иран Западный.
Два лица одной этнической культуры)

К началу I тыс. до н. э. ираноязычные племена населяли обширную территорию между Каспийским морем, Персидским заливом, Красным морем, рекой Инд и Сырдарьей. Расселение скифских (сакских, массагетских) племен на север от Сырдарьи и на запад до Северного Причерноморья не поддается вполне точной локализации, так как скифский мир был постоянно в движении.

К середине I тыс. до н. э. на этой территории складываются два очень разных, во многом даже враждебных культурных типа, один — в Западном Иране, другой — в Восточном. На западе возникают сильные, агрессивные и вопиюще рабовладельческие государства — Мидия и Персия. На Востоке продолжается многоцветье иранских племен, в большинстве сохраняющих еще черты родо-племенных обществ. Это Хорезм, Согдиана, Маргиана, Бактрия, Арахозия, Дрангиана (Спстан). Промежуточное положение занимает Парфия. Контраст между Западным и Восточным Ираном в высшей степени поучителен потому, что он отражает общую тенденцию в истории мировой культуры: на одном полюсе концентрируются воля к власти, военная сила, грубый материализм, государственная гигантомания, подавляющая всякое нравственное начало, на другой — поиск духовной пищи, расцвет мифологического и эпического творчества, религиозные озарения. В то время как мидийцы и персы создавали громоздкие деспотические государства, строили помпезные дворцы и грандиозные колоннады, восточные иранцы творили мифы, эпические циклы, создавали религиозные системы, которыми они питали и Западный Иран, страдавший духовным бесплодием¹. Не так ли и греки своими мифами кормили бедных фантазией римлян?

Восточным иранцам была в высокой степени присуща черта, которую Гете называл «Lust zu fabulieren» — «страсть сочинять сказки». Для западных характерна другая черта: «Lust zu kriegen» — «страсть воевать». История произносит свой суд. «Сказки» оказываются долговечнее и нужнее людям, чем дворцы и военные трофеи. По богатству и красочности восточноиранская мифология сопоставима с эллинской. Она включает легенды космогонические, антропогонические, этногонические, легенды о культурных героях (*Yama xšaita* Авесты, *Dēāmšid* в «Шахнаме»), о героях-драконоборцах (*Thraitauna* Авесты, *Feridun* в «Шахнаме», *Kərəsāspa* Авесты, *Geršasp* в «Шахнаме») и мн. др. Красной нитью через всю мифологию проходит столь характерный для иранского мировоззрения дуализм. Героям Добра и Света противостоят антигерои, силы Зла и Мрака, олицетворяемые лжебогами «дэвами», драконами, враждебными мирной жизни правителями и «туранскими» вождями. На почве этого всепроницающего дуализма возникла и религия Заратуштры.

Дихотомия в истории религии

В 20-е годы в Петрограде работало множество вольных кружков: литературных, литературоведческих, философских, кружков по различным гуманитарным и естественным наукам. Кружки возникали стихийно, снизу. Это был интеллектуальный взрыв, порожденный крушением самодержавия и надеждой на наступление царства света и свободы. Каждый мог сам создавать кружок любого профиля или участвовать в работе любого кружка. Я был тогда студентом Петроградского университета. То и дело кто-нибудь из моих коллег-студентов обращался ко мне: «Есть такой-то кружок.

¹ Cp. *Ghirshmann R.* L'Iran et la migration des Indo-Ariens et des Iraniens. P., 1977. P. 76—77.

Хотите принять участие?» — «Хочу». И таким образом я стал членом нескольких кружков, главным образом философских. В этих кружках я узнал больше выдающихся людей и услышал больше свежих, оригинальных идей, чем во всю мою последующую жизнь.

Одному из таких кружков суждено было сыграть решающую роль в формировании моего мировоззрения. Руководил этим кружком Алексей Аркадьевич Снягин. Это был один из талантливейших людей, каких я встречал в жизни. Будучи по образованию физиком, он еще в студенческие годы опубликовал у нас и за рубежом ряд оригинальных работ по геофизике и синоптической метеорологии. Но истинной его привязанностью была история, прежде всего история России. Ей он отдавал все свое свободное время. В основе его исторической концепции лежал тезис о борьбе в истории двух нравственных начал — светлого и темного. Кружок так и назывался: кружок трансцендентального этического дуализма. Когда в кружке только начала разрабатываться идея исторического дуализма, я пришел в кружок готовым дуалистом. Дело в том, что я учился на Иранском разряде филологического факультета и был уже хорошо знаком с древнеиранским дуализмом, отраженным в учении Зороастра и позднее в манихействе. Члены кружка не были знакомы с иранским материалом, и моя информация вызвала большой интерес. Она способствовала закреплению и дальнейшему развитию дуалистических идей в кружке. А. Снягин пришел к убеждению, что дуализм — не чисто иранская, а общая ирано-славянская идея, общее ирано-славянское мировоззрение. Разница в том, что иранский дуализм был зафиксирован в письменном памятнике VII—VI вв. до н. э. — Авесте, а также во многих позднейших памятниках. Славяне же таких памятников не имели, но дуализм пронизывает всю религию, всю мифологию и фольклор древних славян. Особенно ярко этот дуализм предстает в противопоставлении Белобога и Чернобога². У славян, как и у францев, речь идет не о Боге и отступившем от него Дьяволе, как в монотеистических религиях, а о двух Б о г а х, изначальных, равносильных и независимых. Совершенно так же для Зороастра дэвы (daiva) были тоже боги, но только «темные».

Кто выступает обычно носителем темного начала в истории? Ответ был для нас однозначный и бесспорный: государство. Кто несет в истории начала добра и света? Ответ опять-таки был для нас ясным: народ в лице его лучших представителей, подчеркиваю — лучших: худшие становятся прислужниками государства. Стало быть, дуализм в истории чаще всего принимает форму антагонизма между народами, с одной стороны, и государством — с другой.

Государственная власть заинтересована главным образом в самосохранении и самовоспроизводстве. К этой своей цели она стремится подстегнуть всю идеологическую сферу: религию, науку, литературу, искусство. К счастью в недрах народа продолжает жить и развиваться вольная, неофициальная, подлинно национальная культура, не окропленная мертвой водой государственной регламентации. Таким образом, происходило своеобразное раздвоение, д и х о т о м и я культуры: с одной стороны, культура народная, с другой — государственно апробированная.

Жертвой этатизации, т. е. вовлечения в орбиту интересов государственной власти, становилась, разумеется, и религия. Перефразируя начальные слова «Эмilia» Руссо («Tout est bien, sortant des mains de l'auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l'homme»), могу сказать: всякая великая религия выходит прекрасной из рук своего творца, всякая религия искажается в руках государства. И только народ, только он хранит в чистоте то «разумное, доброе, вечное», что несет в себе большая религия. Вот почему, изучая историю любой религии, надо различать ее народные варианты, с одной стороны, и ее государственный (искаженный) вариант — с другой.

Нередко задают вопрос: как могло случиться, что русский народ, имевший репутацию глубоко верующего народа, народа христоролюбивого, народа «богоносца», рав-

² См. статьи В. Иванова и В. Топорова: Мифы народов мира. Т. I. С. 167, 177, 313, 343; II. С. 451, 452, 454, 625.

нодушно и безропотно наблюдал, как оскверняются и разрушаются православные церкви. Думаю, что объясняется это глубоким внутренним, может быть, даже не ясно осознанным отчуждением народа от государства, а заодно и от церкви, которая срослась с государством. Народ как бы говорил: «Одна власть строила церкви, другая их рушит. Ну что же! Это — Их дело. Мы тут ни при чем».

Другое дело — секты. Они вступали в открытый конфликт с властью. Почему? Потому что их корни уходили в народ, а не в государство. Их живые духовные искания отторгали засушенную ортодоксию, а ортодоксия в свою очередь отторгала их. Не исключалось, конечно, что власть имущие пытались использовать в своих интересах и секты, и в этом случае сами секты попадали под закон дихотомии, т. е. жили в двух обликах: формализованном — государственном и живом — народном. «Like other religions, Chinese Manichaeism has undergone a process of dichotomy between upper and lower believers» («Подобно другим религиям, китайский манихейзм подвергся процессу дихотомии между верующими высших и низших классов») (Lin Wu-shu в рецензии на книгу S. N. C. Lieu «Manichaeism in the later Roman Empire and medieval China». Manchester, 1985). Идея дихотомии религий вошла как органический компонент в дуалистическую концепцию нашего кружка. Мы с А. Сиянгиним попытались развить ее каждый на своем материале. В результате появились сообщения А. Сиянгина — «Два христианства на Руси» и мое — «Два зороастризма в Иране». Статья А. Сиянгина вошла как составная часть в его «Очерки русской истории», охватывающие период от праславянского единства до XII в. Этот труд до сих пор, к сожалению, не опубликован.

Судьба Алексея Аркадьевича была трагична. Он имел неосторожность родиться в семье бывшего домовладельца. Петроград в те годы периодически «очищался от чуждых элементов». Домовладельцы автоматически попадали под эту категорию. Семья Сиянгиных была выслена в Куйбышев. Оттуда Алексей Аркадьевич перехал в Томск, где он читал лекции по своей специальности, геофизике. С 1936 по 1939 г. я регулярно получал от него письма, потом переписка оборвалась. Это могло означать только, что Алексей Аркадьевич погиб. Так ни за что пропал человек, который мог бы стать гордостью и украшением русской науки и русской философии.

Два очага творческого народного зороастризма: Северо-Восточный и Юго-Восточный Иран

Авеста по языку и содержанию делится, как известно, на две основные части: Гаты и Младшую Авесту. Гаты — это составленные в метрической форме тирады самого Зороастра. Младшая Авеста — это сборник мифологических, литургических и ритуальных текстов, частью очень древних, но отредактированных и кодифицированных много спустя после Зороастра. Для суждения о жизни Зороастра и о первоначальном содержании его религиозной реформы приходится опираться главным образом на Гаты. Личность пророка и его деятельность стали достоянием легенды, создалась новая, фантастическая его биография, в которой лишь с трудом удается отыскать какие-то крупинки исторической действительности. Этот легендарный образ выступает как в Младшей Авесте, так и в пехлевийских зороастрийских текстах³.

Пропаганда оседлости, мира и сильной власти и культ единого верховного бога Ахурамазды пришлось по душе Ахемендам. Дарий I и Ксеркс сделали этот культ своим фамильным культом и усиленно насаждали его среди подчиненных им иранских племен, стремясь возвести его на ступень государственной религии⁴.

³ Издание последних с переводом и комментариями см.: Molé M. La légende de Zoroastre selon les textes pehlevs. P., 1967.

⁴ Абаев В. И. Пятый столбец Бехустинской надписи и антидавовская надпись Ксеркса // ВДИ. 1963. №13. С. 113—118.

После Ахеменидов, в эпоху Александра и Селевкидов для зороастризма наступила смутная полоса. Если даже считать чистой легендой утверждение пехлевийских книг, будто Александр сжег Авесту, написанную на 12 тысячах коровьих шкур, нет сомнения, что зороастризм в Западном Иране, в условиях наступившего эллинистического синкретизма, утратил прежние позиции и частично ушел в «подполье». Не стал он господствующей религией и в Парфянском царстве. Пользование зороастрийским календарем ничего не доказывает. Парфяне унаследовали его от Ахеменидов именно как календарь, а не как религию. Французы пользуются римским календарем, где фигурируют имена Юпитера, Марса, Меркурия и Венеры. Но это не означает, что французы поклоняются этим богам.

Между тем на северо-востоке Ирана, там, где новая религия делала свои первые шаги, зороастрийская традиция не умирала. Какая-то часть скифов (саков) продолжала хранить верность благому богу Ахурамазде. Эти скифы познакомили со своим богом и своих восточных соседей, алтайских монголов. Под именем *Xurmusta* иранский Ахурамазда занял у монголов положение верховного бога⁵. Эта часть саков продвинулась позднее на юг, в сторону нынешнего Афганистана, и заняла область, которая от них получила название *Sakastana*, страна саков, перс. *Saistan*. Произошло это во II в. до н. э.⁶

До появления здесь саков эта область называлась по-древнеперсидски *Zranka*, у античных авторов — Дрангиана. По Авесте — это «великолепная, обильная фарном страна» (*raēvant-*, *x'aranahvant-*), орошаемая рекой *Haētumant-* (ныне Хилменд), впадающей в озеро *Kansu* (ныне Хамун).

Роль Сакастана в возрождении и новом расцвете иранской религиозной, эпической и вообще культурной традиции исключительно велика. Здесь, согласно традиции, локализуется династия Каянидов, в том числе покровитель Зороастра Кави Виштаспа, и все связанные с этой династией мифологические и эпические циклы (см., например, текст *Yašt* 19.65—87). Там же, в озере *Kansu*, оберегаемое 99.999 фраваш (ангелами-хранителями) пребывает семья Заратуштры, из которого родится будущий мессия (*Yašt* 13.62; *Bundahišn* 32.8,9). Вывод, который сам собой напрашивается, был сделан еще в прошлом веке Дармстетером: «...le rôle historique que joue dans l'Avesta la région de l'Helmend, qui fournit à l'Iran la dynastie des Kéanides et qui donnera au monde les trois Messies de l'avenir, les trois fils à naître de Zoroastre, laisse croire que cette région avait pour les rédacteurs de l'Avesta un intérêt particulier»⁷.

Правда, сопоставление с некоторыми другими текстами выявляет здесь серьезные противоречия, но эти противоречия, в свою очередь, весьма показательны. Противоречива локализация знаменитых жертвоприношений Заратуштры и Виштаспы богине Анахите и богине Арти (ав. *Aša-*). Заратуштра в обоих случаях приносит жертву в области Эранвеж (ав. *Airyana Vaējah-*), орошаемой рекой *Dāityā-* (*Yašt* 5.104; *Yašt* 17.45; ср. *Yašt* 9.25). Ваштаспа же в одном случае у той же реки *Dāitya* (*Yašt* 17.49; ср. *Yašt* 9.29), в другом — у реки *Frazdānu* (*Yašt* 5.108). Что же это за река и где она протекает? Пехлевийская традиция знает озеро (или реку) *Frazdān* и твердо локализует его в Сакастане (*Bundahišn* 22,5 и другие тексты). Что касается Эранвежа, то он отождествляется с Хорезмом⁸, и эта идентификация вряд ли может оспариваться.

Таким образом, четко определяются два центра зороастрийской религиозной и мифотворческой активности: Хорезм с прилегающими к нему областями «Турана»,

⁵ *Ramstedt G. J.* Nordmongolische Volksdichtung. Helsinki, 1935. Bd I. S. 12, 28, 116, 126, 176, 180, 258, 268; Bd II. S. 2—3, 7—8, 46, 107, 110, 148, 274, 311, 318.

⁶ *Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 78; *Geiger W.* Geographie von Iran // Grundriss der iranischen Philologie. (далее — GIPh). Bd II. 1904. S. 393; *Justi F.* Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden // Ibid. S. 489; *Daffina P.* L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967.

⁷ *Darmesteter J.* Le Zend-Avesta III XC. P., 1892—1893.

⁸ *Marquart J.* Eranšahr. L., 1901. P. 118, 155.

т. е. Скифии, и Сакастан, т. е. Дрангиана с Арахозией. Остается выяснить, действовали ли оба эти центра одновременно или в разные исторические эпохи. Для решения этого вопроса нам поможет упомянутый выше гидроним *Frazdānu*. Этот термин представляет сложное слово (по догадке Bartholomae. AiW 1005 — стлечение из **frazdā-dānu*), где вторая часть — скифское слово *dānu* «река». Как мы уже отмечали, в этом значении оно употреблялось только в скифском. Элемент *dānu* — в составе гидронима — такой же верный признак скифского присутствия, как знаменитые трехгранные наконечники стрел. Вспомним названия южнорусских рек *Дона*, *Днепра*, *Днестра*. Вспомним гидронимы Осетии: *A Ery-don*, *Urs-don*, *Fiag-don*, *Qəarmæ-don* и др. И когда мы у армянских авторов находим гидроним *Hrazdān*, приток Аракса⁹, то и тут остается сказать: *cherchez les Scythes!* Искать долго не приходится. Страбон сообщает: «Саки совершали походы подобно киммерийцам и трерам, то в более отдаленные земли, то в соседние. Так они заняли Бактриану и завладели в Армении лучшею землей, которой оставили от своего имени и название Сакасена»¹⁰.

Таким образом, созвучие *Hrazdān* // *Hrazdān* оказывается лишь естественным дополнением созвучия *Sakastān* // *Sakasenē*: оно объясняется тем простым фактом, что там и тут присутствовали скифы-саки. Но если *Frazdānu* — скифский гидроним, то он мог появиться в Дрангиане не раньше, чем эту область заняли саки, и, стало быть, гимн богине Анахите (Yašt 5), где он упоминается, не мог быть составлен (или отредактирован) раньше II в. до н. э. И весьма вероятно, что этот *terminus ante quem* имеет значение для составления или редактирования не только Yašt 5, но в сей мифологической части Авесты.

Если так, то следует предполагать два периода и два центра в истории зороастризма и Авесты. Первый — это время самого Зороастра и его непосредственных преемников — около VII—VI вв. до н. э. Место действия — Эранвез и «Туран», т. е. Хорезм и прилегающие скифские области. Второй — после II в. до н. э. Место действия — Сакастан, т. е. Дрангиана и Арахозия. Оба этих периода были творческими, первый — преимущественно в чисто религиозной сфере, второй — в особенности в мифотворческой и эпической. При этом во второй, сакастанский период, многие события, сюжеты и мотивы, приуроченные первоначально к Эранвежу, «пересаживались» в Сакастан. Этим объясняется, что Виштаспа, который в первоначальной редакции совершал жертвоприношение вместе с Заратустрой у реки *Dāityā* (Амударья), в новой редакции приносит жертву у реки *Frazdānu*, т. е. в Сакастане.

Разительную параллель к этой преемственности между Эранвежем и Сакастаном дает один рассказ из Бундахишна. Согласно этому рассказу, священный огонь *Farnbag* был установлен сперва Джемшидом в Хорезме. Позднее Кави Виштаспа перенес его из Хорезма на гору Рошан в области Кабула¹¹. Дармстетер затрудняется в локализации горы Рошан. Но ведь это хорошо известный район припамирского ареала, который и поныне зовется Рушаном и населен рушанцами, одной из ветвей шугнанской группы, преемственно связанной с саками. Между мифическим героем золотого века Джемшидом и современником Зороастра Виштаспой пролегли века¹². И хотя мы находимся в сфере легендарной, а не реально-исторической хронологии, все же она говорит о том, что, согласно традиции, между рождением религии огня в Хорезме и ее восстановлением на горе Рошан в области Припамирья протекло много времени. Два жертвоприношения царя Виштаспы, в Хорезме и Дрангиане, и два последовательных местопребывания священного огня в тех же двух областях в переводе на язык истории означают, что звезда зороастризма, взошедшая в Эранвеже в VII в. и померкнувшая

⁹ Hübschmann H. Armenische Grammatik. Strassburg, 1897. P. 48. Гидроним жите поныне в форме *Раздан*.

¹⁰ Strabo. XI, 8, 4. Название *Сакасена* соответствует древнеиранскому *Sakasa-yana* — «обиталище саков».

¹¹ Darmesteter. Op. cit. V. I. P. 153—154.

¹² По Menoki Xrat, гл. XXVII — около 10 поколений.

было при Александре и его преемниках, снова засияла ярким светом столетия спустя в Сакастане. В пехлевийском тексте «Чудеса и достопримечательности страны Сагастан» (*Abdin ut sahikin i Sagastan* 9—15) судьбы зороастризма излагаются вкратце следующим образом: «Шах Виштасп распространил веру у озера Frazdān¹³, сперва в Сагастане, потом в других странах. Шах Виштасп был главой учеников Зартушта... Когда проклятый Александр Ромейский (*gižastak Alaksandar i Nromay*) пришел в Эраншахр, он схватил и убил тех, кто шел по стезе учения магов. (Лишь) некоторые мужи и юноши пришли в Сагастан... Был юноша, который помнил *наск* (текст Авесты), называемый *Ваган*. Таким образом вера вернулась в Сагастан. Он привел его в порядок и вновь восстановил. Кроме Сагастана его (*наск*) нигде больше не помнили».

Здесь ясно говорится о двух этапах в творческой истории Авесты. Автор, патриот своей родины, приурочивает оба этапа к Сакастану. В действительности они разделились не только хронологически, но и территориально.

А. Христенсен сравнивает географические показания двух авестийских текстов: *Yašt* 10, посвященного Митре, и более позднего *Yašt* 19, посвященного Фарру. Первый охватывает область Хорезма, Согдианы, Маргианы, Арейи. Второй свидетельствует о знакомстве автора с более южным ареалом, областью Саистана. И А. Христенсен заключает: «On pourrait donc supposer que ces deux *Yašts* répondent à deux étapes dans la migration des Iraniens Orientaux, qui venaient du nord et s'étendaient vers le sud»¹⁴.

Тут все верно: и про два этапа, и про миграцию с севера на юг. Остается вопрос о хронологии этих двух этапов и о том, какая именно восточновранская племенная группа перенесла авестийскую традицию из области Хорезма в Саистан. На эти вопросы мы и попытаемся ответить. По нашему мнению, второй этап наступил не при Ахеменидах, как полагает Христенсен, а после Александра, и носителем его была та группа скифов-саков, которая еще при Зороастре восприняла новую веру и которая во II в. до н. э. продвинулась с севера на юг, в Дрангиану. И когда И. М. Дьяконов и Ж. Ньюли отводят Дрангиане главную роль в создании Авесты («авестийская традиция есть прежде всего дрангианская традиция»)¹⁵, то тут нужна, на наш взгляд, одна поправка: Дрангиана была не первой, а второй родиной Авесты. Начало Авесты как религиозного памятника нельзя отрывать от самого Зороастра и его среды. А в этой среде с несомненностью участвовали скифы-тура. В то время речь могла идти только о скифах за Яксартом, соседях Хорезма. В Дрангиане еще никаких скифов не было. Часть саков была со временем втянута в орбиту буддийской пропаганды. Но они продолжали хранить имя верховного зороастрийского бога в значении «солнце»: хотаносакское *urmayse*. В этом же значении сохранили имя Ахурамазды некоторые припамирские племена, этногенетически связанные с саками: сангличи *ormozd*, ишкашим *remuzd* — «солнце»¹⁶.

Исключительно велика была роль Сакастана в формировании связанной с зороастризмом мифологической и героико-эпической традиции. Как известно, многие мифологические тексты Авесты в своей основе восходят к дозороастрийскому и даже доиранскому времени. Общеарийскими являются имена и образы Митры, Ваю, Вртрагны, Йамы, Хаумы и некоторые другие. Однако в процессе редактирования уже в рамках зороастризма в них вплелись специально зороастрийские имена, образы, понятия, мотивы и сюжеты. У нас есть основания думать, что это редактирование и пополнение

¹³ В тексте «*Frahang i oim 4 g*» говорится не об озере, а о реке Frazdan: «*ap i Frazdan pat Sagastan*».

¹⁴ Christensen A. *Études sur le zoroastrisme de la Perse antique*. København, 1928. P. 6; cf. *idem*. *Quelques notices sur les plus anciennes périodes du zoroastrisme* // *Acta orientalia*. IV. P. 106 suiv.

¹⁵ Дьяконов И. М. *Восточный Иран до Кира* // *История Иранского государства и культуры*. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 136—138; Gnoli G. *Ricerche storiche sul Sistan antico*. Roma, 1967.

¹⁶ Emmerick R. E. *Saka Grammatical Studies*. L., 1968. P. 347; *Morgenstierne G.* *Indo-Iranian Frontier Languages*. V. II. Oslo, 1938. P. 381.

старых мифов происходило в значительной мере в сакской среде и в Сакастане. На анализе гидронима *Frazdānu* мы пытались показать, что Yašt, посвященный богине Анахите, в дошедшем до нас виде мог быть оформлен только в Сакастане. К Сакастану прикрепила традиция всю династию Кайанидов. А ведь эта династия проходит сквозным стержнем через всю авестийскую и вообще зороастрийскую мифологию. Христенсен показал, что герои *Haosyaŋha* и *Taxma Urupa* (*Hošang* и *Taxmuraz* «Шахнаме»), в которых воплощены образы первого человека и первого царя, идут из скифского¹⁷. Связь культа бога *Vayu*, которому посвящен Yašt 15, со скифами-саками подчеркивает С. Викандер¹⁸.

Нужно ли говорить о роли скифов в формировании персидского героического эпоса, в центре которого стоит прославленный богатырь Рустам? Этот эпос безоговорочно можно назвать сакским по происхождению. Сам Рустам в «Шахнаме» так и называется *Sagzi* — ‘сак’. И когда его сын Сухраб оказывается в стане туранцев, с точки зрения национальной это не какое-то предательство, а просто возвращение к своим древним родичам. Скифы были народ, особенно склонный к эпическому творчеству. Рассказы, легенды и предания, которые сохранили нам античные авторы — Геродот, Ктесий, Диодор Сицилийский, Полиен, Плутарх, Лукиан, — говорят о том, что эпика была ключом на скифской земле. Не удивительно, что в этой области они оказывали влияние и на своих соседей. Как истоки так называемого «нартовского» эпоса на Кавказе ведут к причерноморским скифам¹⁹, так истоки персидского национального эпоса ведут к скифам среднеазиатским.

Примечателен тот факт, что и после того как Иран был «охвачен» исламом, а сакки как особая этническая единица давно перестали существовать, священный огонь Ахурамазды долго не угасал в Саистане. Разрозненные зороастрийские общины продолжали существовать и в других областях Ирана, но саистанская была самая крупная и авторитетная. Из одного документа начала XVI в. видно, что община парсов насчитывала в Шарфабаде и Туркабаде 400 человек, в Йазде — 500, в Хорасане — 1700, а в Саистане — 2700 человек²⁰. Известен рассказ о бомбейском парсе-священнослужителе, который приехал из Индии в Саистан, чтобы здесь в течение шести лет совершенствоваться в зороастрийской религии²¹. Рукописи некоторых важных авестийских и пехлевийских зороастрийских текстов происходят из Саистана²². Один пехлевийский текст, который мы выше цитировали, посвящен специально «чудесам земли *Sagastan*».

Изложенные выше факты и соображения позволяют утверждать, что в судьбах зороастризма от начала до конца значительную роль играл скифский элемент. Сперва это были скифы-туга, северные соседи Хорезма. В лице рода Фрианы они стояли у колыбели новой религии и обеспечили ее первые успехи.

Кульм верховного бога Ахурамазды совершил победное шествие на запад и при активном участии магов-жрецов стал династическим культом Ахеменидов. Проведь оседлого мирного скотоводства и сильной власти на беспокойных северо-восточных границах империи была, надо полагать, одной из привлекательных черт новой религии для персидских царей. К тому же абсолютизм по самой своей природе тяготеет к монотеизму: единый бог на небесах, единый властитель на земле. Правда, популярность некоторых дозороастрийских богов была настолько велика, что Ахемениды к име-

¹⁷ *Christensen A.* Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. Uppsala, 1918. P. 133 suiv. В этой связи стоит вспомнить и о том, что *Haosyaŋha* носит в Авесте эпитет *Paradāta* — «первозданный», неотделимый от скифского Парала — названия династии, восходящей к родоначальнику скифов Колаксаю.

¹⁸ *Wikander S.* Vayu. Uppsala, 1941. P. 41, 95, 199, 206.

¹⁹ *Dumézil G.* Légendes sur les Nartes. P., 1930. P. 151—166.

²⁰ *West E. W.* Pahlavi Literature // GIPh. II. S. 125.

²¹ *Ibid.* S. 82.

²² *Ibid.*

ни Ахурамазды добавляли иногда: «и другие боги», а с Артаксеркса II двое из этих «других» богов были даже названы по имени: Митра и Анахита²³.

Время Александра и Селевкидов было для зороастризма периодом депрессии. Вот как описывается этот период в книге «Arta Viraž namak» (I.12—15): «Так как люди в Эраншахре не имели уже верховного правителя, главу и учителя (dastassar), который бы знал веру, то появилось на свет много разнородных учений и верований, ложных обычаев, разномыслия и ложных установлений»²⁴.

Во II в. до н. э. часть скифов-саков продвинулась с севера на юг, заняла область Дрангианы и частично Арахозия и дала этой области свое имя: Sakastana. Сакастану суждено было стать новой родиной зороастризма как в чисто религиозном плане, так и в плане мифологического и эпического творчества. Этот возрожденный зороастризм был воспринят Сасанидами и стал государственной религией сасанидского царства. Как Ахемениды подхватили идущее с востока, из Средней Азии, религиозное движение и сделали его элементом своей государственной политики, так Сасаниды подхватили возрожденный опять-таки в Средней Азии зороастризм и возвели его на уровень государственного культа.

Таким образом, если опустить теневое время Александра и первых Аршакидов, в истории зороастризма намечаются четыре знаменательных периода: 1) древнейший «заратуштровский», 2) ахеменидский, 3) сакастанский, 4) сасанидский. Первый и третий локализовались в Средней Азии, второй и четвертый — в Западном Иране. Первый и третий были творческими. Второй и четвертый — догматическими и клерикальными. В первый и третий периоды активная роль принадлежала народам массам. Во второй и четвертый — государственной власти и высшему духовенству.

Государственный зороастризм Ахеменидов

Ахемениды правили с 530 по 334 г. до н. э., вели бесконечные завоевательные и карательные войны. Создали огромную империю, самую обширную на древнем Востоке. Как все деспотические империи, персидская империя постепенно разлагалась и в 334 г. до н. э. рухнула, как картонный дом, под ударами небольшой армии Александра Македонского.

Для суждения о религии Ахеменидов главным источником были и остаются их собственные надписи. Из этих надписей видно, что верховным богом они почитали Ахурамазду. Эта черта — несомненно зороастрийская. Именно Заратуштра впервые создал и утвердил культ Ахуры Мазды, буквально «Владыки Разума», как культ высшего божества. Все попытки доказать, что этот культ существовал до Зороастра, несостоятельны. Можно поставить вопрос, как же Ахемениды усвоили зороастризм. Но такой вопрос был бы некорректен. Для государственной власти речь идет всегда не об усвоении и религии, ее внутренней сущности, а об ее приспособлении и для своих целей. Стало быть, как же приспособили Ахемениды зороастризм применительно к своей имперской политике?

Судя по надписям персидских царей, главная функция Ахурамазды — содействовать успехам, победам и процветанию Ахеменидов. Это — его главная забота. Для страховки помимо Ахурамазды призываются иногда и «другие боги». В надписи Артаксеркса II названы двое из этих «других»: бог Митра и богиня Анахита. Таким образом, четкий зороастрийский дуализм предстает у Ахеменидов в сильно размытом

²³ О религии Ахеменидов см. *Gershevitch J. Avestan Hymn to Mithra. Camb., 1959. P. 15, 21* и новейшие работы: *Duchesne-Guillemin J. La religion des Achéménides. Wiesbaden, 1972; Дандамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 1974. № 2. С. 25—32.*

²⁴ Цитирую по кн.: *Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth-century books. Oxf., 1943. P. 152.*

виде. Это скорее какая-то мешанина монотеизма, политеизма и дуализма. Последний более или менее явно выступает только в одной надписи Ксеркса, где осуждаются враждебные боги — «дэвы» (*daiva*). Это тоже вполне зороастрийская черта.

На этическом уровне для зороастризма характерно резкое и непримиримое противостояние двух начал: *Арта* и *Драуга*. *Арта* или *Арта Вахшта* — олицетворение Высшей Правды. *Драуга* — 'Ложь', понимаемая как Мировое Зло. Оба понятия мы находим у Ахеменидов, но в очень своеобразном преломлении. Для Дария I все, что не устраивает лично его, царя Дария, это и есть *Драуга*, Мировое Зло. Если кто-то, кроме него, претендует на власть, значит в его лице выступает *Драуга*, Мировое Зло. Если какие-то народы и племена восстанут против деспотизма персидских царей, значит в их лице действует опять-таки Мировое Зло, *Драуга*. «*Драуга* сделала их мятежными», — утверждает Дарий. Так примитивно и цинично высокие моральные понятия зороастризма приспосабливаются к личным интересам царей.

Еще более странную метаморфозу претерпело на ахеменидской почве другое важнейшее этическое понятие зороастризма: *Арта*, Высшая Правда. Судя по надписи Ксеркса (Ph. 51—55), человек может рассчитывать на обретение Высшей Правды только после смерти. «*Martiyā taya ... Auramazdām yadataiy... hauv utā jīva šiyāta bavatiy utā marta artāvā bavatiy*» — «Человек, который чтит Ахурамазду, будет при жизни счастлив, а мертвый приобщится к Арте (Высшей Правде)». Ни у Зороастра, ни в Младшей Авесте нет никакого намека на то, что для приобщения к Правде надо предвзято умереть. Напротив, именно при жизни, в активной и непримиримой борьбе с Ложью и Злом, человек становится *artāvā*, т. е. приобщается к Высшей Правде. Зачем же понадобилось Ахеменидам перемещать Арту в загробный мир? Ответ напрашивается сам собой. Деспотическая государственная власть всегда ненавидит искателей Правды и искореняет их, как может. Вспомним судьбы Сократа, Христа, Мани и других праведников. Были, должно быть, такие правдолюбцы и при Ахеменидах. И в лице Ксеркса власть, обращаясь к ним, говорит: «Вы ищете Высшую Правду? Отлично. Вы получите ее в загробном мире». Странно, что никто из тех, кто писал о религии Ахеменидов, не уделил должного внимания этому ловкому ходу: перемещению Правды в загробный мир. Что касается назойливых славословий в адрес Ахурамазды, то они производят впечатление поверхностно усвоенных под диктовку жрецов догматических формул. Ничего похожего на «*sincerity and force of the king's* (Дария I.— В. А.) *personal beliefs*»²⁵ мы не могли обнаружить.

Может быть, зороастризм оказал благотворное влияние на моральный облик Ахеменидов? Увы! История этой династии — непрерывная цепь злодеяний, одно другого отвратительнее. Вот некоторые из них. Камбиз убил своего единоутробного брата Бардию. Дарий I со своими сообщниками убил любимого народом доброго царя Бардию II. Он же зверски расправлялся с вождями народов, боровшихся за свою независимость (выкалывал глаза, отрезал язык, нос, уши). Сын Дария I Ксеркс велел убить своего брата Масисту вместе с его сыновьями. Сам Ксеркс был убит в своей постели. Его сын Артаксеркс I убил своего брата Дария. Сын Артаксеркса I Ксеркс II, процарствовав всего 45 дней, был убит. Согдиан правил 6 месяцев, убит придворными. Дарий II казнил всех, кто участвовал в убийстве Ксеркса II, а также своего брата Арсита. Жена Дария II, мать Артаксеркса II, Парисатиды, чудовище в образе женщины, отравила ядом нескольких своих невесток и добилась казни множества людей, которые ей почему-либо не нравились. Кир Младший пытался убить своего брата Артаксеркса II, но сам был убит его телохранителями. Артаксеркс III в борьбе за престол перебил 80 своих братьев (у его отца Артаксеркса II было 366 жен и наложниц и 150 сыновей). Сам Артаксеркс III был отравлен своим личным врачом. Его сын Арсес убит со всей семьей внуком Багоем. Так вели себя

²⁵ Boyce M. A history of Zoroastrianism. V. II. Leiden — Köln, 1982. P. 122.

последователи доброй религии, которая запрещала убивать даже домашний скот. Лейтмотив Гат: «Не убивай!».

Принятие Ахеменидами зороастризма было чисто прагматической акцией, а не результатом какого-то духовного просветления. Нужна была государственная религия, на которую можно было опереться как на идеологическую базу. Дозороастрийские разрозненные племенные культы были для этого непригодны. Откровение великого восточного пророка о верховном боге Ахурамазде, стоящем превыше всех других богов, более соответствовало абсолютистским претензиям древнеперсидских царей. Совершенно так же много веков спустя киевский князь Владимир принял христианство, потому что оно было более подходящим в качестве государственной религии, чем дохристианские языческие культы. Полностью на службе государственных интересов был и зороастризм династии Сасанидов в Персии (226—651 гг. н. э.). Как сакастанский зороастризм продолжал традиции народной религии пророка, так сасанидский зороастризм продолжал традиции государственной религии Ахеменидов.

Приметой живого зороастризма был всегда четкий, последовательный этический дуализм, дуализм света и тьмы, добра и зла, правды и лжи. И если в позднеантичный период в гностических сектах и особенно ярко в манихействе дуализм пронизывает все мировоззрение, мы с уверенностью можем утверждать, что наряду с другими элементами в эти учения влилась и мощная струя зороастризма. Дыхание зороастрийского дуализма чувствуется и в таких христианских сектах, как павликиане, богомилы, катары, альбигойцы. Основатель манихейства пророк Мани (216—276 гг. н. э.) учил, что изначально существовали две противоположные, несовместимые субстанции: света и тьмы. Это был первый период бытия. Затем наступило смешение: душа (свет) смешалась с материей (тьмой). Это состояние называется в Авесте *misvan-*, в пехлевийском — *gumešišn*. В этот второй период рождается человек. Он вступает в борьбу с силами мрака, но поначалу терпит поражение, пока благой отец не посылает ему на помощь «духа живого» (*ghriv fiwandag*). Когда светлое начало освободится от плена тьмы (*vičarišn* — «разъединение»), наступит третий период, период окончательного торжества добра и правды. Мани некоторое время мог проповедовать свое учение при дворе сасанидского царя Шапура I. Но при царе Бахраме I по настоянию жрецов государственного зороастризма был схвачен как еретик и зверски казнен. По некоторым свидетельствам, с него живого содрали кожу.

В молодости я не мог понять, за что были казнены такие люди, как Сократ, Христос, Мани. Ничего, кроме добра, они людям не желали. Они звали их к правде и свету. Чем же они заслужили такую дикую злобу и ненависть? Позднее я узнал из физиологии и медицины о поразительном явлении: р е а к ц и я о т т о р ж е н и я. Организм не терпит, чтобы в него проникло чужеродное тело и отторгает его любой ценой, даже если оно могло бы стать для него высшим благом. Сократ, Христос и Мани пали жертвой реакции отторжения. Тьма отторгла их как носителей света.

В. И. Абаев

© 1990 г.

ОТМЕЧАЯ 90-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЭРА ГАРОЛЬДА БЕЙЛИ

16 декабря 1989 г. около тридцати коллег и друзей собрались у сэра Гарольда по его приглашению на чашку чая: так по многолетней традиции он отмечал свой день рождения. Родился он в 1899 г. и любит говорить, что он — ровесник века. Начиная с 1981 г. юбилейные торжества проходили в просторной вилле в Кембридже, называемой «Бруклэндс хаус» и ставшей в конечном счете собственностью Фонда древней Индии и Ирана, основанного в 1979 г.

До того как Бруклэндс хаус был приспособлен в качестве резиденции сэра Гарольда, тринадцать лет приемы по случаю дня рождения давались им в том или ином из общественных помещений Куинз колледж (Queens' College) в Кембридже. Тринадцать лет он, холостяк всю жизнь, жил в квартире, настолько заполненной книгами и карто-

теками, что разместить больше трех гостей одновременно было невозможно. В 1966 г. Бейли перебрался с вещами из Куинз колледж в квартиру, расположенную на принадлежащем ему участке, называемом Саусэкр. К этому времени истекло его пребывание в должности заведующего кафедрой санскрита в Кембриджском университете. С тех пор, в течение тридцати одного года, он жил в самом колледже в предназначенных для жилья комнатах. Он был членом колледжа с 1937 г., а с 1968 г. стал почетным членом.

В период жизни на квартире научная продуктивность Бейли была так же высока, как в период жизни в колледже. Свидетельство тому — «Словарь хотано-сакского языка» («Dictionary of Khotan Saka»). Когда он переехал в Бруклэндс хаус, его продуктивность несколько не ослабла. Об этом говорит подготовленное им и с нетерпением ожидаемое издание пехлевийского текста «Бундахишн», которое скоро должно выйти из печати.

Для стиля жизни Бейли характерно, что после переселения из колледжа на квартиру, а затем на виллу его творческая активность не ограничивалась плодами кабинетных исследований, но вышла на открытый воздух: он стал заниматься цветоводством. Как большинство колледжей, Куинз колледж держит штат садовников для обработки обширного участка, на котором он расположен. Не кто иной как Бейли осуществлял до 1968 г. шефство над садом, будучи связующим звеном между руководством колледжа и главным садовником. Он объяснял последнему, чего от него требует руководство и беседовал с ним о цветах и растениях. Но садовник не позволял профессору братья за лопату. Дома профессору не ставили таких ограничений, хотя и там уход за участками был возложен на садовников. Здесь профессору разрешалось выращивать свои собственные цветы и выращивать бледно-желтые нарциссы за пределами главного газона. Осенними утрами он высадил за газоном 4 тыс. луковиц бледно-желтого нарцисса, из которых весной возникла радующая душу поросль желтых цветов. Большую часть дней в году он находил время для садоводства, заполняя длинный край газона удивительным разнообразием цветов разных оттенков и свойств. Всегда готовый быть полезным для своих посетителей своей необъятной эрудицией,

он не только щедро делился с ними кабинетной информацией и мыслями по проблемам истории, языка и текстов, но и занимал их в саду перечислением дюжины ботанических названий и объяснял, какого ухода требует от него каждое растение. С переездом в Бруклэндс хаус Бейли получил в своем саду еще более широкий простор для выращивания цветов и растений в полное удовольствие.

Обе резиденции Бейли находятся каждая на расстоянии одной мили от колледжа. Поэтому всякий прием пищи в колледже — завтрак, обед, ужин — давал ему счастливую возможность пройти две мили. Главным поводом частого посещения колледжа является, однако, не прием пищи, а обширная почта, которая приходит на его имя со всех концов света. Тем самым поддерживается контакт с жизнью колледжа. Для Бейли всегда была характерна умеренность в еде. Всю жизнь он вегетарианец. Изысканной кухне колледжа он предпочитает простые блюда, которые сам готовит на кухне в Бруклэндс хаус. Этой кухней Бейли пользовался сперва единолично. Но с 1989 г. — совместно с другим членом Фонда, доктором Яном Лохёйзен де Леу, который приехал к нему из Амстердама после горестной преждевременной кончины жены, профессора Иоганны Лохёйзен де Леу.

* * *

Внутреннее распределение площади в Бруклэндс хаус оставляло свободными шесть комнат для размещения библиотеки. Книги Я. Лохёйзен де Леу по индийскому искусству и археологии заполнили одну комнату, книги профессора Бейли пять остальных. Вторая по размерам комната из пяти стала кабинетом самого сэра Гарольда, в то время как самая просторная использовалась для приема посетителей, а также иногда для лекций. Она может вместить аудиторию человек в тридцать. В последний и предшествующий годы там проходили однодневные иранологические семинары, организованные сэром Гарольдом.

Присоединяясь к Фонду древней Индии и Ирана, Бейли имел в виду обеспечить постоянное жилище для своих книг, где они могли бы служить не только ему самому, но и другим ученым как при его жизни, так и после. Его библиотека поистине заслуживает сохранения, так как для продолжения исследований в намеченных им направлениях не найти на Британских островах лучше укомплектованного хранилища. И при перечислении его трудов и заслуг созданная им библиотека не должна остаться вне поля зрения.

Началось с приобретения иранологических книг и статей. Бейли начал собирать их, когда в 1929 г. приступил к чтению лекций по иранистике в Лондонской школе восточных исследований (School of Oriental Studies). В течение семи лет своей лондонской карьеры Бейли посвятил себя прежде всего более углубленному истолкованию зороастрийских пехлевийских текстов. Эта область была в Англии несколько запущена после кончины Э. В. Веста.

Когда в 1934 г. Бейли узнал, что Стэн Конов не намерен продолжать издание хотанских текстов, он решил все свое внимание обратить в эту сторону. Этот резкий поворот от крайне западных среднеиранских источников к крайне восточным с их весьма отличным культурным и историческим окружением повлек за собой значительное расширение его библиотеки. Стало действительно необходимым включить быстро растущую литературу по народам доисламской Центральной Азии, их языкам и письменности, их истории и их религий, в частности, буддизму, которым пропитана большая часть сохранившейся хотанской литературы. В библиотеку стали поступать источники, написанные не только на иранских, индийских языках и на «тохарском», но также на китайском, тибетском и тюркских.

Избрание Бейли на кафедру санскрита в Кембридже в 1934 г. заставило его заняться нерешенными проблемами индийского буддизма. Перемещение его преподавательских обязанностей от иранского к индийскому повлекло за собой приток разнообразной индологической литературы, далеко превосходящий по численности и зна-

чению все, чем располагает большинство иранистов. Однако свежие индологические включения в библиотеку Бейли никогда не наносили ущерба росту ее иранистической части, так что в настоящее время мало найдется частных библиотек, которые бы в обеих этих обширных областях могли похвастать таким исчерпывающим охватом.

Не менее внушительны книжные богатства Бейли по неиндоиранским индоевропейским языкам и литературе. Бейли показал во многих своих работах, что внимательное рассмотрение их словаря помогает этимологической идентификации многих среднеиранских слов и обогащает наш кругозор. Библиотека Бейли очень помогает таким изысканиям, так как нет такой индоевропейской группы, для изучения которой Бейли не приобрел бы необходимых публикаций. Он не оставил без внимания ни одну ветвь индоевропейских языков, их литературу, в особенности эпос. Эпос — его излюбленный жанр, и в этом жанре его библиотека включает также произведения на неиндоевропейских языках.

Из вспомогательных индоевропейских разделов библиотеки всего богаче классический как в отношении текстов, так и филологических работ. Не оставлен без внимания и микенский. Если в классическом разделе вы найдете основную литературу по Гомеру, то в кельтском нашли приют многие труды по циклу короля Артура. Бейли располагает отборной коллекцией армянских книг, включая несколько манускриптов. Он бегло читает по-армянски. Его особый интерес к этому языку понятен, если учесть, что армянский — уникальное хранилище иранских заимствований. Известное число их было впервые идентифицировано им самим.

Все вспомогательные индоевропейские разделы хорошо инвентаризованы. «Тохарский» стоит особняком. На его полках можно найти все или большинство публикаций, которые были предметом разбора в его важном обзоре 1948 г.

Древние индоевропейские языки Анатолии также хорошо представлены в библиотеке Бейли. За всеми успехами в их исследовании он внимательно следил. Тем не менее именно «тохарские» проблемы, которые вовлекли его в изучение центрально-азиатских источников, вплотную смыкались с проблемами индоиранскими. Здесь его работа носила пионерский характер.

Следует оговориться, что описывать библиотеку Бейли только как индоевропейское собрание было бы неадекватно, так как в ней представлено также значительное количество языков, которые не являются индоевропейскими. К упомянутым выше книгам на китайском, тибетском и тюркских следует добавить книги, написанные на семитских языках, в частности, на арамейском и арабском, поскольку эти источники важны для древне- и среднеиранских исследований. Наконец немало книг на грузинском и других кавказских языках. Сэр Гарольд изучал грузинский, чтобы доставить себе удовольствие читать Руставели в оригинале. Но вообще все кавказские языки привлекали его своеобразной структурой, а также тем, что охотник за иранскими заимствованиями находит в них богатую добычу. К тому же в некоторых из этих языков сохранился нартовский эпос с такими деталями, которые любопытным образом отличаются от осетинской версии. Эпос, как выше было сказано, излюбленный жанр Бейли, а среди эпических циклов, — вероятно, нартовский. Именно ему он посвятил более крупные исследования. Он предложил убедительную иранскую этимологию коллективного названия героев «Нарт» и тем самым подтвердил (вслед за Вс. Миллером и Ж. Дюмезилем) иранское происхождение эпоса.

Интерес Бейли к Кавказу, помимо лингвистической мотивации, имеет культурологическую. Конкретно культурные истоки осетинского народа он видит в скифском мире, что с определенной уверенностью можно сказать и о сакских предках хотанского. Поэтому нет ничего удивительного, что библиотека содержит значительную литературу о скифах, сарматах и аланах. Сюда входят и публикации на венгерском. На этом языке, как на большинстве современных языков Европы, Бейли читает свободно.

Как видно из нашего обзора библиотеки Бейли, ее можно назвать одновременно востоковедной и индоевропейстической. Быть может, еще более подходящим собира-

тельным названием было бы «евразийская», поскольку охватываются культурные явления обоих континентов, не только языки, но также история, география, этнология, религия, искусство и фольклор.

Можно, конечно, допустить, что некоторые библиотеки, принадлежащие университетским центрам или академическим институтам, могут похвастать более полным охватом «евразийских» лингвистических и культурных проблем. То, что делает книжные собрания Бейли особенно примечательными,— это то, что его библиотека отражает целенаправленные научные интересы одного единственного ученого, который лично отбирал их или получал в дар, где каждая книга или статья прочитана им или тщательно просмотрена, где владелец знает, что он имеет, и находит нужную книгу и статью без каталога. Составление каталога началось только недавно и то не потому, что он сам в нем нуждался, а потому, что в нем нуждались другие лица, пользовавшиеся библиотекой. И когда я пользуюсь термином «евразийский», я имею в виду не только тематический охват библиотеки, но и необъятную эрудицию самого Бейли. Недаром в кругу тех, кто лично его знает, его зовут «ходячей энциклопедией».

Его колоссальные знания свидетельствуют о необыкновенном объеме памяти. Память — дар природы. Но этот дар он с детства совершенствовал путем неустанныго чтения и повторения, и в положенное время «прием» знаний стал чередоваться с их регулярной «отдачей» в виде новаторских книг и статей, предназначенных для чтения другим.

Что же служило мотивом того огромного поглощения знаний, которое со временем принесло столь богатую отдачу, через столько десятилетий нисколько не ослабевающую? По мнению профессора Арнольда Тойнби, мотивом была острая «любопытность». В своей «A Study of History» (Vol. X. P. 16 и далее) он посвятил две страницы профессору Бейли, его взлету от, казалось бы, бесперспективной обстановки в детстве до вершины филологической славы. Сыграл свою роль и вдохновляющий пример других знаменитых ученых, чьи достижения в разных областях знания никак не вытекали из той убогой обстановки, в которой они росли.

Мальчик Гарольд был действительно полон любопытности, когда он читал одиннадцать книг, которые ниже будут перечислены. Но это еще не объясняет, почему тот же Гарольд в возрасте 60 лет стал сэром Гарольдом, т. е. был возведен в «рыцари» в знак признания его огромного вклада в индоиранистику. Если бы его мальчишеская любопытность наткнулась на энциклопедию, он узнал бы, что существует много предметов для изучения помимо языков. Если же он выбрал языки и тексты, то объясняется это не просто любопытностью, а ранним опытом, который определял его «филологический выбор».

Бейли было десять лет, когда родители решили покинуть Англию, чтобы стать фермерами в Австралии. До этого он жил с ними в родном городе Девайзес в Уилтшире. Оттуда родители забрали его и двух братьев в западноавстралийскую саванну (буш) в 200 милях на восток от Перта. Ферма занимала площадь в тысячу акров. И каждый акр надо было год за годом очищать от кустарника и змей, прежде чем там мог вырасти хлеб: пшеница, ячмень, овёс. Мальчики были заняты каждый день расчисткой земли, но также помогали во время жатвы, подвозили зерно к железнодорожной станции на расстоянии восьми миль, ездили на повозке за водой за пять миль.

Каждый день проходил в тяжелой работе, но всякую свободную минуту Гарольд урывал для чтения. Отец захватил из Англии одиннадцать книг, энциклопедию в семи томах, которую мальчик прочитал от корки до корки, а также четыре тома, содержавшие уроки по французскому, немецкому, итальянскому, испанскому, латинскому и греческому. Еще одна книга была куплена в Перте. Она содержала элементарное введение в изучение примерно двадцати языков, включая арабский, персидский, тамильский, турецкий, хиндустани, японский, финский и древнешведский (перевод отрывков из Библии). Такова была литература, питавшая ум Гарольда в течение двенадцати лет. Только последние два года он получил возможность ездить в Перт к уч-

тею для «подготовки к поступлению в высшую школу». Осенью 1921 г. он поступил в Пертский университет, основанный восемью годами раньше. Там не было пицци для того, что его особенно интересовало, «чего-нибудь азиатского», но зато он имел доступ к классикам, английскому и логике. Больше всего ему нравились лекции классика профессора Джорджа Вудса, у которого он был единственным студентом. Пройдя школу в Абердине и Оксфорде, профессор Вудс имел обыкновение говорить не только об истории и литературе, но также о лингвистике. В остальном Бейли держался в стороне от университетской жизни, погруженный в мир книг. Он оставался в Перте у своего друга и только во время каникул наведывался домой. По прошествии пяти лет он написал магистерскую диссертацию о религиозных воззрениях Еврипида, и был награжден стипендией в Оксфорд.

Прибыв в Оксфорд в 1927 г., Бейли слушал курсы санскрита, Зенда (Авесты), индоевропейской сравнительной грамматики. В октябре 1929 г. он был допущен к соисканию степени доктора философских наук. В качестве диссертации он выбрал иранистическую тему: издание, с переводом и комментариями, фундаментального зороастрийского пехлевийского текста «Бундахишн».

Как было выше сказано, 1929 год был также годом, когда он был назначен лектором в Лондон. Он перебрался в лондонскую квартиру и был назначен ответственным секретарем по изданию лекций, посвященных первой лондонской выставке персидского искусства. Так он встретился с Владимиром Минорским, который приехал в связи с выставкой из Парижа. Минорский был немало удивлен, получив от секретаря-англичанина письмо, написанное по-русски. Два ученых стали друзьями отныне и до кончины старшего из них.

Издание «Бундахишна» было представлено и одобрено как докторская диссертация в Оксфорде в 1933 г. Дело это несколько затянулось в связи с занятиями Бейли в Ломдоне, а также в связи с его поездкой в 1932 г. на несколько месяцев в Иран для лучшего ознакомления со страной и с разговорным персидским языком. Когда в следующем году диссертация должна была быть апробирована, в Британии не нашлось никого, кто мог бы это сделать. Был приглашен Бенвенист, по возрасту на три года моложе докторанта. Защита прошла в Оксфорде.

Встреча с Бенвенистом также перешла в дружбу на всю жизнь, так же, как годом позже дружба с Моргенштерне, когда Бейли посетил в Осло его тестя Стэна Конова. Бейли прибыл в Осло по пути из Швеции, где он нанес визит Нюбергу. Во время этого скандинавского турне Бейли завязал также дружбу с Каи Барром, который, со своей стороны, тоже был занят изданием Бундахишна. С присущим ему великодушием Бейли предоставил Барру экземпляр своей диссертации, оставив свое намерение опубликовать ее самому. Случилось, однако, что и Барр не закончил свою работу над «Бундахишном». И стало быть, издание этого важного текста остается все еще шедевром молодого Бейли, публикуемым только на его 90-м году, с включением того нового, чего он еще не достиг 45 лет назад. В течение сорока пяти лет, однако, экземпляр диссертации, состоящий из тысячи ста машинописных страниц, был доступен в кабинете Бейли для студентов и коллег, желавших с ним познакомиться, равно как и неопубликованный оригинал, хранящийся в Оксфордском университете.

Лично я впервые встретился с Бейли в 1940 г., когда он пригласил меня к себе в Куинз колледж. О моем существовании он узнал от профессора Хеннинга, своего преемника в Школе восточных исследований, у которого я, студент, готовился второй год к исследовательской работе. В британских академических кругах к этому времени Бейли был уже знаменитостью. Поэтому не без трепета постучался я в дверь прославленного профессора, ожидая, что он станет дотошно проверять мои знания. Мои опасения быстро рассеялись. Бейли был абсолютно свободен от какого-либо важничанья. Ему, видимо, доставляло нескрываемое удовольствие обсуждать с кем-либо научные проблемы иранистики. Он показал мне только что полученную кипу книг и подробно остановился на их содержании. Затем он устроил чай, разрезал кекс,

попутно рассказывал о своей работе. После чая за письменным столом он стал выписывать одно хотанское слово за другим из тех, значение которых он недавно раскрыл. Он объяснял, что привело его к их идентификации. Кульминацией беседы был момент, когда он достал и показал мне один из трех объемистых высоких томов, поставленных на табурет рядом с письменным столом. Это был подготовленный к изданию его рукописный хотанский (сакский) словарь, расположенный в алфавитном порядке. Многие словарные статьи были снабжены на полях эквивалентами, почерпнутыми из санскритских, тибетских и китайских параллельных версий.

Я слушал и внимательно смотрел, зачарованный, изумляясь диапазону его знания, и испытывал удовольствие от мысли, что передо мной рождается новая наука. Что меня интриговало, так это его часто повторяемая по поводу какого-либо факта или положения фраза «как Вам известно», как если бы у него не было сомнения, что все это мне хорошо известно. Я явно не заслуживал такого высокого мнения о себе и сказал ему об этом. Он встал, принес книгу и показал мне напечатанным то, что было им сказано. Мне пришлось извиняться, что я прервал его. Конечно, упомянутая фраза не означала, что Бейли верил, будто большинство ученых так же эрудированы, как он. Тонкий наблюдатель людей, он не мог не знать, что по эрудиции он имеет мало себе равных. Фраза нужна была ему скорее для того, чтобы собеседник не подумал, будто он хочет давить на него своим превосходством.

Позднее в том же году, когда Школа восточных исследований, а вслед за ней и Хеннинг, переехали из Лондона в Кембридж в связи с эвакуацией военного времени, я тоже покинул Лондон и снял комнату в Кембридже. Занимаясь в этом городе, я пользовался счастливой привилегией иметь доступ не только к Хеннингу, как раньше, но также и к Бейли. Дом Хеннинга находился в двадцати пяти минутах езды от моей улицы. Я ездил к нему на велосипеде раз в неделю на десятичасовой семинар. Мы читали неопубликованные тексты. Он давал мне шесть дней на работу с ними, спрашивал меня, а затем излагал свои собственные соображения. За шесть дней возникали проблемы и из других областей. По таким проблемам, по мере того, как они вставали, я обращался к Бейли. Ездил я к нему на велосипеде, на что требовалось десять минут. Возможность параллельно консультироваться с двумя такими светилами, как Бейли и Хеннинг, а также доступ к профессору Минорскому, господину С. Х. Тагизаде, сделали из Кембриджа в эти годы необыкновенно мощный центр для овладения основами иранистики.

Всякий раз, когда наружная дверь в комнаты Бейли была открыта и я стучал во внутреннюю дверь, Бейли, если он в этот момент не вел занятия, приветствовал меня, не придавая никакого значения тому, что его прервали. Такова была его манера по отношению к каждому посетителю академического круга, будь то студент или коллега, житель Кембриджа или визитер из других мест. И если Бейли был с одним визитером, а в это время являлся второй или третий, он делился своими знаниями так, чтобы удовлетворить каждого. Кроме того, через определенные интервалы он сам приглашал к себе семь или восемь человек на «ориенталистический чай», во время которого один из гостей выступал с коротким докладом, а Бейли показывал последние полученные им книги, а также восточные монеты и рукописи, из которых он начал составлять отборную коллекцию.

Если в тот момент, когда я стучал в дверь, Бейли вел занятия, он назначал мне время, в тот же день или в ближайший, когда он сможет принять меня. Его лекционный курс, состоящий из трех восьминедельных периодов в году, был обременительным, особенно в первые десять лет пребывания в Кембридже, когда он вынужден был нести эту нагрузку в одиночку. Помимо проверки студентов на усвоение заданных санскритских и ведийских текстов он регулярно читал тридцать лекций в год по истории санскрита и тратил много времени на просмотр специальных работ студентов-исследователей.

Сам я, однако, не смог воспользоваться лекциями Бейли непосредственно «из

первых рук» вплоть до 1947 г., когда из Голландии приехал Марк Дрезден, чтобы читать с ним хотанский текст «Джатанкастава», который Бейли издал без перевода. Они предложили мне присоединиться к ним, и я был счастлив присутствовать на их ежедневных встречах. Бейли от начала до конца переводил и комментировал текст, останавливаясь подробно на неясных словах. Для меня было поистине радостным опытом пройти насквозь этот длинный и трудный текст и быть научно обогащенным без особых личных усилий, благодаря замечательным интуитивным находкам, которыми Бейли щедро делился с нами. Мы были первыми, кто воспринял их, и оставались таковыми вплоть до 1955 г., когда появилась монография Дрездена о поэме, где он с должной благодарностью отметил вклад Бейли.

Между тем, в 1948 г. Хеннинг в Лондоне, Бейли в Кембридже добились того, что в университетах этих городов были созданы кафедры иранистики. Кембриджская была предоставлена мне. Таким образом, из «постороннего» человека, каким я был до тех пор, я стал частью кембриджского «эстаблишмента». Теперь мои контакты с Бейли стали более частыми, чем когда-либо, так как к многочисленным частным поводам прибавились поводы административного характера. И тут я научился оценивать, с одной стороны, его непоколебимую твердость в охране научных стандартов против посягательства каких-либо иных соображений, с другой, когда он председательствовал на заседаниях, — его умение виртуозно избегать бесплодных дискуссий.

В первые три года моего профессорства мне удалось привлечь к работе в университете господина Барасби Байтугана в качестве информатора-осетина. Его обязанность, которую он выполнял с полным сознанием своей ответственности, заключалась в том, чтобы снабжать Бейли и меня, а также интересующихся студентов информацией по его родному языку, дигорскому, более архаичному из двух осетинских языков. Образованный человек, примерно того же возраста, что Бейли, он привлек внимание последнего в Лондоне, после окончания войны. В Лондон он приехал из Италии как демобилизованный солдат Вольной Польской Армии. Родину он покинул в 1920 г. и после учебы в Брно жил в Варшаве, пока не разразилась война. Его владение дигорским языком осталось безупречным, и это было для нас большим выигрышем. Даже через пятнадцать лет после того, как мы расстались с Байтуганом, Бейли, будучи на Кавказе по поводу юбилея Руставели в 1966 г., мог произнести короткие приветственные речи на обоих осетинских языках.

Со своей стороны, для Байтугана наш интерес к осетинскому языку был источником большой радости. Когда ему стало известно, что Бейли — единственный знаток давно забытого сакского языка, близко родственного осетинскому, он восторженно называл Бейли «отцом осетинского народа». Бейли и в самом деле выглядит таким, если посмотреть на его портрет, который висит в одном из кабинетов Куинз колледж. На портрете Бейли одет в черкеску, которую ему подарили в Тбилиси. Костюм ему в высшей степени к лицу.

Хочется в заключение вернуться в ненаучным занятиям Бейли. Нельзя обойти молчанием его влечение к музыке. В начале 40-х годов он стал в перерывах между книжными занятиями играть на скрипке. Когда кабинет, который я занимал в Кембридже, был оснащен пианино, мы иногда встречались, чтобы исполнять сонаты. Когда в 1947 г. в Кембридж приехал Дрезден, для нас было открытием, что он — искусный скрипач. Это побудило Бейли взяться за альт. Теперь мы могли исполнять струнные квартеты. Я в юности играл некоторое время на виолончели. В качестве четвертого участника Бейли привлек одного из студентов своего колледжа, игравшего на скрипке. Когда Дрезден возвращался в Кембридж на несколько месяцев в 1948 и 1949 гг., мы снова встречались у Бейли — не только для чтения хотанских текстов, но и для исполнения квартетов.

Тем временем Бейли завербовал отличного скрипача-любителя — сэра Джильберта Уайлса. Уйдя в отставку с гражданской службы в Индии, он поселился в Кемб-

ридже и был всегда доступен. Под его руководством и при факультативном участии четвертого добровольца, которого нетрудно было найти, мы встречались у Бейли почти каждый вечер под воскресенье, исполняя партии, которые мы готовили в течение недели. Регулярные еженедельные квартеты прекратились, когда сэр Джильберт по состоянию здоровья выпал из нашей группы. Но мы и потом неоднократно продолжали продвигаться своей дорогой через все квартеты Гайдна, Моцарта и Бетховена. Иногда мы осмеливались, с помощью пополнения из добровольных исполнителей, покушаться также на квинтеты и более значительные струнные и духовые ансамбли, расширяя наш репертуар до Шуберта и Брамса и до некоторых произведений других композиторов.

Музыка и садоводство — это такие хобби, которые особенно близки Бейли, потому что они не покушаются на его память за пределами того времени, которое он физически тратит на них. Иначе обстоит дело с шахматами, единственной игрой, которая его привлекает. В ранние годы пребывания в Кембридже он иногда проводил время за шахматной доской с вышедшим на пенсию профессором-китаистом. Но потом он бросил это занятие, потому что позиции фигур при каждом ходе слишком надолго запечатлевались в его «железной» памяти, побуждая его ночью и даже во время работы продолжать игру, подыскивая в голове альтернативные ходы.

Еще одним занятием, которое заполняло у Бейли интервалы между научными трудами и которому в пятидесятые годы он постоянно предавался, было передвижение. О четырехмильных еженедельных прогулках для поддержания связи со своим колледжем после выхода на пенсию я упоминал выше. До выхода на пенсию он ходил на прогулку из Кембриджа, обычно на час или два. Раз в год он имел обыкновение ездить в Уэльс, в течение десяти дней ходил по горам со своим другом, покойным Аланом Россом, профессором лингвистики в Бирмингеме. Они были знакомы со студенческих лет в Оксфорде.

Шаг Бейли только в последнее время несколько замедлился. Он имел обыкновение ходить крайне быстро. После лондонских заседаний Филологического общества он доводил меня до одышки по пути на вокзал к кембриджскому поезду. Когда ему было за семьдесят, он ходил так же быстро, как и в пятьдесят. Если я садился на автобус, он пешком успевал на вокзал раньше меня.

В пятидесятые годы Бейли можно было видеть в Кембридже и его окрестностях чаще на велосипеде, чем пешего. В эти годы и ранее он нередко покрывал на велосипеде большие расстояния, например, ездил на свою родину Девайзес в 120 милях от Кембриджа, чтобы проведать своих родственников. Проехать пятьдесят миль до Лондона на велосипеде он считал сущим пустяком. У него был очень легкий гоночный велосипед, его нетрудно было подымать по ступеням. Когда в середине пятидесятых годов он пришел в неисправное состояние, Бейли отложил его в сторону и больше никогда не ездил на велосипеде.

Бейли сам не садится за руль машины, но охотно ездит на автомобиле. Поездка в его обществе, будь то на автомобиле, в поезде или самолете, всегда приятна. Обилие воспоминаний, книжных и житейских, которыми он делится, делают беседу с ним настолько интересной, что даже длинная поездка кажется короткой.

Много было у Бейли заморских поездок. Четырежды он посещал Австралию, в 1935, 1955-56, 1963-64 и в 1970-71 гг., при этом, разумеется, никогда не пропускал область Перта с ее жарким климатом, который ему нравился. В 1955 г. из Австралии он отправился в Индию. Это был его первый визит в эту страну. Он остановился на Цейлоне, был в Бомбее и Пуне. Поводом для поездки в Австралию в 1963 г. послужило присуждение ему звания почетного доктора Пертского университета. Вслед за этим, в январе 1964 г. он участвовал в Международном конгрессе ориенталистов в Дели.

Следующий аналогичный конгресс, в котором он участвовал, проходил в самой Австралии, в Канберре в январе 1971 г. Бейли был его почетным президентом. Судя

по времени, прошедшему от подготовительной стадии Конгресса до его закрытия, Бейли пробыл в Канберре пять месяцев. Оттуда он проследовал в Сидней, Мельбурн и Аделаиду, а затем в Перт, где он задержался на месяц. После этого он провел шесть недель в Японии. Он был туда приглашен для чтения лекций в Киото и Токио. Он вернулся в Англию в мае 1971 г. после девятимесячного отсутствия. Это была его самая продолжительная отлучка из Кембриджа. После этого у него были еще краткие заморские поездки в Иран в качестве президента Конгресса по митразаму в 1975 г., и в Нью-Йорк в 1979 г. для прочтения пяти лекций в Колумбийском университете (лекции были изданы отдельной книгой в 1982 г.).

По возвращении из Нью-Йорка началось переселение Бейли из Саусэкра в Бруклэндс хауз.

Итак, совершив полный круг, мы вернулись к тому, с чего начали, — к приему по случаю 90-летия со дня рождения, где Бейли поздравляли его коллеги и друзья. Говоря о присутствовавших друзьях, нельзя не выделить одного, может быть, наименее заметного, но наиболее грациозного, который рассматривал дом Бейли как собственный. В Бруклэндс хауз в последние девять лет неизменно пребывал кот, чаще даже два. Приблудившись со стороны, они решили обосноваться здесь и жить на попечение пионера евразийской науки. Один из котов носит дигорское имя Цомак. Это имя Бейли связывает этимологически с хотанским *tsāmū* «саранча» (или нечто подобное) и интерпретирует в смысле «налетающий». Уже в течение тридцати одного года пребывания Бейли в колледже «колледжский кот» был неизменно его особым другом. Когда недавно сэр Гарольд говорил о том, что мальчиком в Австралии он расчищал почву от кустарников и змей, он добавил: «Но я испытывал отвращение к животным». — «Каким животным?» — «Лошадям и коровам». — «Но Вы же любите кошек», — «О, кошки — это другое дело»*.

И. Гершевич,
Кембридж

* Редколлегия благодарит В. И. Абаева, любезно взявшего на себя труд перевести статью И. Гершевича.

© 1990 г.

ИРАНСКИЕ ЗАМЕТКИ

К моему 90-летию я получил поздравительное письмо от проф. Г. Бонгард-Левина, в котором он предложил мне опубликовать в «Вестнике древней истории» небольшую статью. Подходящими в данном случае мне кажутся заметки об истории некоторых ранее не известных древнеиранских слов, а также об иранском происхождении нескольких ныне изолированных терминов. Думается, мои результаты могут представлять интерес, даже если не получат признания других специалистов.

Недавние открытия дали мне неожиданно новый подход к иранскому понятию *farnah-* (в древнеиндийском термин неизвестен). Ранее я уже пытался определить значение термина *farn* в ряде иранских диалектов. Теперь же, после неожиданного открытия целого семейства родственных слов, к которому принадлежит и *farn*, стало возможным новое его понимание. Нельзя более считать его изолированным искусственным термином, производным от *hvarnah-*. Это слово происходит от корня *far-* с индоевропейским суффиксом *-nes-* (в иранском *-nah-*). Корень *far-* засвидетельствован с тем же значением, что и в слове *farn*, в форме *frašt(i)-*. Начальное *f-* в иранском происходит от древнего *sph-*. Так от корней **sph-ei-* и **sph-en-* со значением «широкий кусок дерева» хотано-сакский образует *phvai* — «лопата», соответствующее осетинскому *fijjäg*, *Waxī pei*, *Yidʹa fia*. Слово *farn*, по-видимому восходит к **spher-*

«благодействовать, процветать» (латинское *spere-*), отсюда начальное *f-*. Корень включает понятие о всляческом изобилии, что позволяет объяснить, почему один парзороастрец переводит его как *hvāstak* — «процветание», в другой — как «свет». Прилагательное с суффиксом *-vant-* дает **farnahvant-*, позднее засвидетельствованное в формах *farnahv*, *farnux* — «благоприятный, удачный» и с отрицательным значением, *dušpatak*.

Существует, однако, трудность, которая ранее делала невозможной мою нынешнюю интерпретацию. По зороастрийским представлениям, *farnah-* должно соответствовать *hvānah-* (*hvānah-*), что было общепризнано в иранистике, и соответственно предполагалось, что форма *farnah-* была не более чем фонетическим конструктом. Однако само слово *hvānah-* встречается лишь в зороастрийской среде, в широком круге иранских диалектов везде сохранилось *farnah-*. Зороастрийский словарь отторгал несвойственные ему термины, поэтому, в частности, корень *brax-*, древнеиндийское обозначение любой ритуальной чистоты, отсутствует в магических текстах. Регулярное замещение *f-* на *hv-* естественно и хорошо заметно в пушту *xwafye* ↓, которое соответствует указанному выше осетинскому *fijjag*. Действительно, языки, не имеющие *f-*, используют для его обозначения *hw*. Вся проблема терминов *farn* и *frañt* подробно рассмотрена в моем комментарии к Бундахишну, в настоящее время проходящем компьютерную обработку.

Второе интересное наблюдение касается буддийского санскритского термина *śīmagā* «железо». Это слово хорошо известно в дардских языках; от него происходит турецкое *tüür* (замещение *š* = [ts] на *t* обычно). Турецкий язык известен с относительно недавнего времени, и тысячелетняя история иранского господства оставила следы в языках последних. Указанный термин *śīmagā*-, по-видимому, происходит от индоевропейского корня *(s)k(h)ai-: *(s)k(h)ī- «резать», известного в древнеперсидском, ср. *akīnakēs* — «кинжал, короткий меч».

Древнее слово *agamati* в действительности, видимо, совмещает обозначение двух понятий. Во-первых, *agamati-* «земля», из индоевропейского **eg-* — «земля» и суффикса *-mati-*; засвидетельствовано во многих формах (греч. *-ματι-*, лат. *-mentum*, хот.-сак. *-matā-*). Без суффикса *-mat-* оно сохранилось в Каппадокии в названии месяца *sondara*, из *śanta-agā-*, соответствующим авестийскому *srənta āramaiti* (в сочетании с прилагательным «священный», ср. хот.-сак. *śanda-*);

Второе значение *agamati* — «мысль» представляет собой более позднее производное от *aga-* — «надлежащий, свойственный» и *mati-* — «мышление» (корень *man-* — «мыслить»). Слово засвидетельствовано и в Ригведе, и в Авесте (*agāmati* и *āramaiti*).

В древней торговле и экономике очень важными являются обозначения денег и серебра. Латинский термин *argentum infectum* — «серебро необработанное», т. е. «нечеканенное» имел соответствие в эллинистическом мире, ср. греч. *ἀργυρίου ἀσμιόν* — «серебро немецкое, без знаков». На иранской почве в эпоху Сасанидов это дало *asēm* — «серебро»; в современном персидском *sēm*, *sim*. Согдийцы Самарканда использовали для обозначения серебра составную кальку *nā-kartak* — «несделанное, необработанное»; в позднем согдийском это дало *pāqatē* (*-ē* < *-aya* < **-aka-*). Ближе всего к этому согдийскому термину, вероятно, кавказские соответствия: *вейнахское* (чеченское) *paħart* — «мелкие деньги» (те же три слога и сохранившееся нетронутым *-rt-*). Из позднего согдийского происходят такие термины, как славян. *pogata*. В еще более сокращенном виде (до одного слога) термин сохранился в современном персидском *paqd* (в арабизированной форме *paqd-u*).

Поиски утраченного среднеиранского языкового материала в настоящее время достаточно активны. Открытия текстов на согдийском, хотано-сакском, хорезмийском, парфянском и среднеперсидском, относящихся к III в. н. э., дополнили словарь, необходимый для оживления этого аспекта исследований иранистов. В связи с этим важны также буддийские санскритские тексты, которые сохранили ряд слов, не известных в санскрите брахманской традиции.

Составление первого словаря любого языка представляет весьма трудную задачу. Я попытался включить в иранский словарь важнейшую часть хотанского — в той степени, в какой имел доступ к текстам, находящимся в распоряжении исследователей. Изучение среднеиранского языка согдийских текстов может быть очень плодотворно и значимо, когда все эти тексты станут доступны. Следует надеяться, что это произойдет в скором времени.

Г. Бейли

К 70-летию ГЕОРГИЯ СТЕПАНОВИЧА КНАБЕ

20 августа 1990 г. исполнилось 70 лет известному советскому антиковеду Георгию Степановичу Кнабе, кандидату филологических и доктору исторических наук.

Георгий Степанович вырос в Москве, учился в известной в Москве 110-й школе (тогда — имени Фридриха Нансена, а еще раньше Флеровской гимназии) в Мерзляковском переулке. Старый Арбат — не нынешняя «пешеходная зона», а живой своеобразный московский район с глубокими интеллигентскими традициями и новыми реалиями 20-х — 30-х годов — налагал свой отпечаток на мировосприятие, пристрастия, интересы своих «детей». Верность этому Арбату, на наших глазах уходящему в прошлое, Георгий Степанович сохраняет поныне, нередко выступая с докладами и лекциями о нем. Так же активно в формировании его поколения участвовал институт, где он провел три предвоенных года — почти легендарный сейчас ИФЛН, просуществовавший недолго, но оставивший свой след в отечественной гуманитарной культуре. Отсюда в октябре 1941 года Георгий Степанович ушел в московское ополчение — на фронт; позднее он, демобилизовавшись по ранению, закончил курс наук уже на филологическом факультете МГУ (с гуманитарными факультетами которого был слит тем временем ИФЛН). Многолетние занятия древними языками и авторами под руководством М. Е. Грабарь-Пассек ввели Георгия Степановича в мир античности, вкус к которой был уже привит ему философскими штудиями (изучением Гегеля и Дидро).

Занятия римской историей начались для него с работы над комментированным переводом Тацитовой «Истории» (вышел в свет в 1969 г.). Работа, начатая как литературная, переросла в исследовательскую, и уже первые доклады Георгия Степановича о Таците (статьи появились вскоре) поразили слушателей непривычным для тех лет вниманием к роли и судьбе конкретной живой человеческой личности в потоке истории, в служении государству и столкновении с ним. Тема эта, занимавшая и римскую мысль, была услышана в самом материале. Она-то и приводила исследователя к самым общим и коренным проблемам римской истории. Тацит привлек Георгия Степановича как один из первых наставников в искусстве расставаться со своим прошлым. «Он пережил трудное время коренной общественной ломки, массового императорского террора, разрушения исторических ценностей римского народа. Он описал эту эпоху глубоко, лично, ярко и страстно, но никогда ее кровавое море не застигло ему глаза... Он смотрел, думал и не боялся думать до конца». — Так писал Георгий Степанович о своем герое в предисловии к книге «Корнелий Тацит. Время. Книги. Жизнь» (М., 1981, в серии «Научные биографии»), подытожившей его тацитовские штудии. Георгий Степанович пишет также о других римских мыслителях и писателях, чьи сочинения, как и судьбы, были связаны с переломными моментами римской истории — особенно многозначительна для него трагическая фигура Цицерона.

Человеческое содержание истории привлекает Георгия Степановича не только в знаменитых мыслителях или деятелях. Не менее интересны для него те ее стороны,

которые познаются через повседневную деятельность людей, во всем многообразии и осязаемости окружающих человека условий. С этим связана вторая крупная проблема, занимающая Георгия Степановича — проблема исторического быта, рассматриваемого им не как фон исторических событий, а как среда, элементы которой отражают «эволюцию ценностных ориентаций, идеологических позиций, общественного самочувствия, т. е. повседневно переживаемую историю». При таком подходе изучение быта не противопоставляется изучению магистральных процессов истории, но позволяет обнаружить действие этих процессов в непосредственной фактуре исторического бытия. Особый интерес в этой связи приобретает исследование социальной психологии во всех ее проявлениях, и, в частности, изучение контактных групп, существовавших в римском обществе. Историческому быту Рима посвящена книга Георгия Степановича «Древний Рим — история и повседневность» (М., 1986), а также сборник «Быт и история в античности» (М., 1988), составленный из работ, выполненных в руководимом Георгием Степановичем семинаре Античной комиссии Научного совета по истории мировой культуры при Президиуме АН СССР.

Может быть, небезынтересно здесь вспомнить, что какая-то внутренняя связь тацитовской темы с темой быта в свое время была вдруг уловлена таким писателем как Михаил Зощенко. В «Возвращенной молодости» он приводит длинную выписку из Тацита о самоубийстве Сенеки и замечает: «Нам с нашими нервами и нашей психикой, трудно даже представить всю эту картину в бытовом плане. Плачущие друзья. Философ, который должен на глазах всех перерезать себе вены. Жена, которой муж позволил сделать то же самое. Стража, стоявшая у дверей в ожидании конца. Толпа любопытных... Нам трудно представить себе эту картину в реальном бытовом плане».

Эта длинная цитата не кажется тут неуместной, поскольку тема: древний Рим в русской литературе (и вообще — античное наследие в русской культуре) может быть названа третьей важнейшей темой в штудиях Георгия Степановича. Им опубликована статья «Тацит и Пушкин» (Временник Пушкинской комиссии, вып. 20. Л., 1986), на очереди большая статья о Тютчеве. Не первый год Георгий Степанович читает на философском факультете МГУ специальный курс «русской античности», стараясь показать слушателям, что русская культура двуедина, что почвенное во всех подлинных ее достижениях органически слито с мировым и что в классических ее формах мировой культурный опыт чаще всего предстает как опыт античный: греческий (воспринятый через Византию) для XI—XIV веков, римский (воспринятый через Западную Европу) для «петербургского периода» нашей истории.

Продолжает Георгий Степанович и работу по подготовке и изданию переводов важнейших памятников римской исторической мысли. Сейчас он — один из ведущих участников выпускаемого издательством «Наука» полного русского издания Тита Ливия.

Георгий Степанович раскрывает себя в самых разных формах научного общения. Он — вице-президент Всесоюзной ассоциации антиковедов. Но не только на научных встречах специалистов можно слышать его доклады. Он охотно выступает перед различными аудиториями, а широта круга его интересов может порой удивить и людей давно с ним знакомых. Работая или общаясь с Георгием Степановичем, живо чувствуешь, что привычное словосочетание «античность и современность» — не пустая фраза.

В. М. Смирин

1 ноября 1990 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору В. И. Кузищину — заведующему кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Эта дата совпала и с 35-летием его педагогической и научной деятельности.

Уже первая статья молодого исследователя «О степени распространенности латифундий в Италии» (ВДИ. 1957. № 1) привлекла внимание научной общественности; в ней было подвергнуто сомнению устоявшееся, казалось бы, мнение о латифундии как об определяющем экономическом типе хозяйства древнего Рима. Постепенно В. И. Кузищину приходило к чрезвычайно важному выводу о распространении в Италии рабовладельческой виллы средних размеров как наиболее рационального и устойчивого экономического типа.

Подробно эта идея нашла оформление в серии монографий В. И. Кузищина. В «Очерках по истории землевладения Италии II в. до н. э.— I в. н. э.» раскрывается эволюция италийского землевладения, дается анализ состояния римской агрономии, особенностей специализации, организации и кооперации рабского труда. В книге «Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.— I в. н. э.» проанализированы различные экономические типы, бытовавшие в италийском сельском хозяйстве, убедительно показана роль римской рабовладельческой виллы средних размеров как основной экономической ячейки римского общества. В ней впервые предпринята попытка дать сжатый очерк истории крестьянского хозяйства, определить его удельный вес в римской экономике.

В монографии «Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э.— I в. н. э.)» (М., 1976), завершающей серию, на конкретном материале владений римской знати показаны формирование крупных и крупнейших хозяйств, их состав, способ управления, дан анализ состава рабочей силы.

Итогом научного поиска стала его обобщающая монография — первое в советском антиковедении исследование по античной «политэкономии» — «Античное классическое рабство как экономическая система» (М., 1990).

В. И. Кузищину вот уже в течение 17 лет заведует кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ, проводит большую организационную и педагогическую работу, обеспечивая подготовку высококвалифицированных исследователей и педагогов-антиковедов. Им выпущено около 30 кандидатов исторических наук, работающих в различных городах нашей страны, и организована подготовка научных кадров не только в аспирантуре и докторантуре, но и в системе повышения квалификации преподавателей вузов.

Под руководством Василия Ивановича была создана серия учебников и учебных пособий по общим курсам и специальным дисциплинам истории древнего мира, в том числе «История древнего Востока», которая была переведена на ряд современных восточных языков. Новейшие достижения современного антиковедения нашли отражение на страницах учебников по истории древней Греции и древнего Рима. Под его руководством были подготовлены «Историография античной истории», «Источниковедение истории древнего Востока» и «Источниковедение истории древней Греции».

История Северного Причерноморья в античный период (Херсонес и его окрестности) — еще одна сфера его научных интересов. По результатам раскопок одной из крупнейших во всем Средиземноморье римской виллы на кафедре защищено несколько курсовых и дипломных работ.

Много сил Василий Иванович отдает работе в научных журналах, являясь заместителем главного редактора «Вестника древней истории», членом редколлегии журнала «Вопросы истории».

*Кафедра истории древнего мира
исторического факультета МГУ*

Поздравляя Василия Ивановича, хочу отметить его заслуги перед нашим антиковедением, хорошо мне известные, ибо я имела возможность наблюдать за его деятельностью практически с самого ее начала.

В. И. Кузищин пришел в нашу науку, когда в ней еще были сильны догматизм упрощенное понимание задач, стоящих перед историком-марксистом. При всей критике западных ученых у них часто заимствовались и выводы, которые иллюстрировали ужасное положение рабов, подвергаемых непрерывным пыткам и мучимых голодом. Соответственно принималась восходящая еще к «Аграрной истории Рима» М. Вебера теория о господстве в Риме начиная со II в. до н. э. и во все следующие века латифундий, где рабы эксплуатировались особенно интенсивно, о неразрывной связи латифундий с рынком и рабовладельческим хозяйством. В. И. Кузищин стал изучать организацию римского сельского хозяйства и с точки зрения основных сельскохозяйственных культур, и с точки зрения методов, организации производства и, наконец, типов производственных ячеек. В результате он показал, что латифундии были сравнительно поздним явлением, что развитие рабства и рынка было связано не с латифундиями, а с виллами средней величины, охарактеризовав подробно типы вилл с разными культурами, разной организацией рабочей силы. Труды В. И. Кузищина позволили под новым углом зрения взглянуть на закономерности развития и упадка рабовладельческого хозяйства в римской Италии и заставили отказаться от теорий, основанных на представлении о господстве латифундий. Он глубоко выявил и аграрную политику императоров. Именно эта политика, которая затрагивала ведущую область римской экономики и связанные с нею социальные слои, может объяснить ряд важнейших моментов в истории империи в разные эпохи ее существования.

В. И. Кузищину всегда были чужды предвзятость в подходе к истории. Он исходил и исходит из своеобразия римского мира как системы, в которой соотношение экономики и политики нельзя воспринимать по образцу этого соотношения в современном мире и характеризовать римскую экономику на основе сравнения ее с капиталистической, как то неоднократно имеет место более или менее открыто или подсудно, когда римскую экономику объявляют почти несуществующей из-за ее отличий от капиталистической (например, М. Финли) или анализируют исходя из капиталистической. Особенности античной системы могут и должны быть поняты из ее уникального характера — В. И. Кузищин признает это положение и соответственно ориентирует свои исследования. Он всегда выступал против примитивизации в угоду требованиям момента. Так, он остроумно оспаривал весьма распространенные представления о всегда голодных, избитых рабах, подчеркивал рациональность организации экономической системы античного рабства. Доказывая несостоятельность идеи о неразвитости римского производства и культуры, якобы целиком основанной на рабском труде, он, напротив, подчеркивал ее высокие достижения. Когда у нас было принято игнорировать труды М. И. Ростовцева как «эмигранта» и врага Октябрьской революции, В. И. Кузищин говорил и писал, что М. И. Ростовцев — гордость русской науки, несмотря на все обстоятельства его биографии. Самостоятельность мышления в сочетании с исследовательскими способностями позволили В. И. Кузищину внести большой вклад в наше антиковедение, способствовать очищению его от предвзятых, примитивных теорий.

Е. М. Штаерман

Редсовет и редколлегия журнала сердечно поздравляют Василия Ивановича с юбилеем и желают ему новых творческих удач и успехов в подготовке талантливых кадров советских антиковедов.

© 1990 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

(Берлин, 6—9 декабря 1988 г.)

С 6 по 9 декабря 1988 г. в Берлине проходила международная конференция на тему «Народные движения и классовая борьба — движущие силы развития ранних обществ», организованная Центральным институтом древней истории и археологии и Научным советом по археологии и древней истории Академии наук ГДР. В ее работе, помимо немецких ученых ГДР и ФРГ, приняли участие представители СССР, Польши, Японии, Испании, Италии, США — историки, археологи, филологи, этнографы. Этим были продолжены традиции, заложенные ранее, когда в 1973 г. в Берлине состоялась конференция, посвященная роли народных масс в истории докапиталистических формаций¹.

В 1988 г. были рассмотрены следующие три основные проблемы.

1. Роль, характер и типология народных движений и классовой борьбы в докапиталистических обществах (противоречия между народными массами и господствующими классами в процессе становления и развития ранних классовых обществ и формирование социальных структур; типология народных движений в период перехода от одной общественной формации к другой, а также в пределах одной формации; взаимодействие внутренних и внешних социальных факторов в отношениях между центром и периферией).

2. Народные движения и классовая борьба в процессе формирования этнических, социальных и экономических структур (соотношение между генезисом классов и государства, с одной стороны, и формированием качественно новых этнических общностей, с другой; межэтнические отношения и их роль в классовых противоречиях докапиталистических обществ; влияние народных движений на формирование социальных структур; вклад различных народных слоев в развитие экономики).

3. Идеология и идеологическое отражение народных движений, вклад народных масс в формирование различных форм идеологии (степень влияния народных движений и классовой борьбы на идеологию; право и социальные конфликты; проблематика народных движений и классовой борьбы в теории истории и в философии).

Постановка проблем и направления исследования были даны в докладах И. Херрманна «Народные движения и классовая борьба — движущие силы развития ранних обществ» и В. Кюттлера «К вопросу о субъективных факторах формирования докапиталистических обществ». И. Херрманн, подчеркнув важность изучения народных движений и классовой борьбы и их место в историческом процессе, подверг критике точку зрения, согласно которой классовое деление в докапиталистических обществах отступало на задний план по сравнению с сословным, кастовым и т. п. При этом подчеркивалось большое методологическое значение выделения в истории человечества трех больших формаций — доклассовой, классовой и бесклассовой. В. Кюттлер, характеризуя народные массы как субъект истории, предостерег от опасности переоценки прогрессивной роли народных движений, вместе с тем не отрицая их созидательной силы. Необходим более конкретный подход к изучению этого вопроса.

Соответственно намеченной проблематике доклады были распределены по трем секциям: исторической, историко-этнической и идеологической. Всего было сделано

¹ Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen / Hrsg. von J. Herrmann und I. Sellnow. B., 1975. См. также рецензию Е. М. Штаерман на это издание в ВДИ. 1978. № 3. С. 181—192.

более 60 докладов, охвативших огромный хронологический период от ранних обществ до позднего средневековья. Рассматривались раннеклассовые общества Южной Сахары, Месопотамии III тыс. до н. э., Египта II тыс. до н. э., древнего Китая и Японии, проблемы истории античной Греции, Рима периода Республики и Империи, европейских племен времени перехода от древности к средневековью, ранней Византии и др.

Конференцию отличала творческая атмосфера, ряд докладов вызвал оживленные обсуждения, свидетельствующие о научной актуальности темы и поставленных вопросов. Вместе с тем конференция показала, что предстоит еще немало сделать, чтобы прояснить механизм воздействия народных движений, социальной и политической энергии народных масс на процесс исторического развития человечества.

Наша страна была представлена докладами Л. С. Васильева «Крестьянские восстания на традиционном Востоке», Л. П. Маринович — «Эней Тактик и социальная борьба в Греции IV в. до н. э.», С. Р. Ким — «Классовая борьба в Римской республике в VI—I вв. до н. э.», Е. В. Дяпустиной — «Аграрная история и социальные движения в Галлии IV—V вв.».

Л. П. Маринович

© 1990 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА VI»

(V Международный конгресс по фракологии)

18—22 октября 1988 г. в Москве состоялся Международный симпозиум «Античная балканистика VI» по теме: «Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны». Симпозиум был организован Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом фракологии Болгарской Академии наук, при участии Института археологии и Института всеобщей истории АН СССР, а также Болгарского культурно-информационного центра.

Поскольку античная балканистика является специфической отраслью антиковедения, компетенции которой подлежат исследование неклассических древностей Балкано-Карпатского региона на основе комплексного подхода методами различных научных дисциплин, состоявшийся симпозиум (как, впрочем, и все предшествующие) асшил междисциплинарный характер. В нем приняли участие филологи, лингвисты, археологи, историки, антропологи, этнографы, искусствоведы. Всего на симпозиуме выступили 43 докладчика, из них 26 — советских. В соответствии с заранее составленной программой доклады были сгруппированы вокруг следующих основных тем: 1) древние индоевропейские языки и этносы Юго-Восточной Европы, 2) этнокультурное и языковое взаимодействие догреческой и греческой Эллады и Северных Балкан, 3) Балканы и Северное Причерноморье, 4) Балканы и проблема прародины индоевропейцев, 5) Балканы и Восточное Средиземноморье (древняя Анатолия, Кавказ).

Указанная тематика позволила охватить широкий круг проблем. Прежде всего это касается роли и места Балкан в новейших теориях индоевропейской прародины. Л. А. Гиндин (Москва) в докладе «Значение данных фракологии в комплексе проблем индоевропейистики» отметил возрастающую важность фракийских языковых данных для индоевропейской ареальной диалектографии. Будучи по степени сохранности наиболее репрезентативным языком древних Балкан, фракийский с его балтийскими генетическими связями, с одной стороны, и хетто-лувийскими ареальными схождениями — с другой, представляет исключительно важное звено в системе индоевропейских диалектов, связывая области к северу и северо-западу от Карпат с Анатолией. Фракийские имена и топонимы фиксируются с XIII в. до н. э. в табличках линейного В, а также в египетских и хеттских источниках, отразивших названия городов и племен Северо-Западной Анатолии, которая к этому времени от Лидии до Мраморного моря составляла один ономастический ареал с фракийскими областями к северу от Геллеспонта. В последнее время результаты анализа хеттских и гомеровских текстов выявили присутствие в Троаде также лувийских вкраплений, сохранившихся по крайней мере со второй половины III тыс. до н. э. — предполагаемого времени перехода лувийцев через Геллеспонт в Анатолию, причем, как считает докладчик, фрако-лувийский симбиоз в Троаде явился продолжением доанатолийских контактов этих племен на востоке Балкан и сопредельных территориях южнорусских степей. Фрако-лувийские

изоглоссы доанатолийского периода принадлежат к древнейшему индоевропейскому языковому слою на Балканах, практически автохтонному в хронологических рамках IV—III тыс. до н. э. (период раннебронзового века). Археологические данные, в особенности материалы раскопок в Эзери и Юнаците, подтверждают не только археологическое единство Северо-Западной Анатолии и Северо-Восточных Балкан, так называемого протофракийского региона, но также непрерывность культурного развития последнего вплоть до железного века и формирования исторически засвидетельствованного фракийского этноса. Однако рассмотренные факты позволяют считать протофракийский ареал (включая Трью) одним из очагов праиндоевропейской культуры, и в частности приурочить к нему лувийские древности доанатолийского времени. Докладчик связал этот важнейший фрагмент истории праиндоевропейского языка и протокультуры с западной частью Циркумпонтийской зоны, охватывавшей Северные Балканы, Северо-Западную Анатолию и степи Северного Причерноморья. Академик *М. Сакеллариу* (Афины) в докладе «Новейшие теории происхождения индоевропейцев с точки зрения данных об этногенезе древних греков» подверг критике концепции, предполагающие неавтохтонность греков на Балканах эпохи бронзы, и в частности гипотезе о прибытии сюда протогреческих племен из Передней Азии, что, по его мнению, не находит археологических и культурно-исторических подтверждений. Автор считает, что к началу III тыс. до н. э. уже сложился состав древнебалканских племен, в последующие два тысячелетия не нарушавшийся значительными внешними инвазиями, хотя в пределах самих Балкан в это время происходит интенсивное перераспределение областей обитания, порой приводящее к «выплескиванию» мигрантов за региональные границы. В докладе *А. Фола* (София) «Доклассическая Греция и мир фракийцев» были намечены четыре аспекта, в которых, по мнению автора, должна исследоваться предыстория так называемого греческого чуда — культурного переворота в Греции VIII—V вв. до н. э.: 1) аспект этногенетический (эллинизация Балканского п-ова в контексте «индоевропеизация» пространства между Карпатами и Эгейским морем), 2) аспект этнокультурный (складывающийся на рубеже II—I тыс. до н. э. вследствие этнических контактов изоморфизм многих явлений социальной жизни, материальной и духовной культуры в огромном ареале, охватывающем юго-восток Европы и Анатолию), 3) проблема заимствований культурно-исторического характера, причем заимствования могли происходить как из синхронного культурного пласта, так и из унаследованных традиций другой стороны, 4) «культурно-информационное пространство», образуемое источниками идей, образов, знаний и умений, питавших процесс духовного синтеза в Элладе. В этих ключах автор предлагает рассматривать и вклад фракийцев в межэтническое взаимодействие на Балканах в III—II тыс. до н. э., задолго подготавлившее культурный взлет архаической Греции.

Существенное место на симпозиуме заняла археологическая проблематика. Раннему периоду в истории балкано-анатолийского региона был посвящен доклад *Е. Н. Черныга* и *Л. А. Авиловой* (Москва) «Анатолия и Балканы: модели развития древней металлургии (V—II тыс. до н. э.)», в котором предпринята попытка вскрыть механизмы, определявшие макропроцессы эволюции металлургии в этих соседствующих областях, всплески и спады металлургического производства по регионам на протяжении медного и различных периодов бронзового века. Определяющим фактором чторы считают доминирование здесь циклически эволюционирующих металлургических провинций (МП) — ареальных производственных систем. Медный век (V — первая половина IV тыс. до н. э.) — время функционирования Балкано-Карпатской МП, расцвета балканской металлургии, изоляционизма и застоя в Анатолии. Ранний и средний бронзовый век (вторая половина IV — начало II тыс. до н. э.) — оформление Циркумпонтийской МП, куда входят и Балканы, и Малая Азия, при том что последняя развивается гораздо интенсивнее. Наконец, в позднебронзовом веке, с образованием Европейской МП, Балканы — восточная ее часть — переживают новый подъем, тогда как Анатолия вновь оказывается в стороне и ее технологический консерватизм ведет к стагнации и упадку. Доклад *П. Я. Мерперта* (Москва) «Раскопки многослойного поселения Плоска Могила в Южной Болгарии» дал богатую (во многом сенсационную) информацию о результатах раскопок tellia у с. Юнаците Пазарджикского р-на. Исключительно большой слой бронзового века (6 м, не менее 17 строительных горизонтов) включает слои, предшествующие Трое (горизонты 17—14), далее — соответствующие Трое I—II и близкие ей по основному слою и массовому материалу, а также последующие слои, уже отличные от троянских, но коррелирующие с ними по отдельным находкам до периода Трои IV и позже. Под слоем бронзового века лежит слой энеолита (круг Караново VI, Криводол, Коджадермен). Финальный энеолитический поселок был разрушен и сожжен, жители пересели, сохранившиеся остатки домов частично использованы при строительстве поселения бронзового века, что свидетельствует о приходе новой группы населения, принесшей с собой культуру, которая должна быть поставлена в один ряд с такими культурами, как Баденская, Терми,

Полюхны, Троя I, раннеэладская, раннемакедонская, Челей, Чернавода II и пр., ставшими фундаментом непрерывного развития Балканско-Дунайского региона, Эгейды и Северо-Западной Анатолии вплоть до появления культур исторически засвидетельствованных этносов. Верхний слой телья относится к фракийскому железному веку (конец II — практически все I тыс. до н. э.); определенная его преемственность по отношению к слою бронзового века побуждает рассматривать этот более ранний слой в качестве протофракийского. Выступивший с замечаниями по поводу доклада Д. Френч возражал против объединения Северо-Западной Анатолии (Троя) с Балканским регионом, настаивая на том, что в Анатолии раннебронзового века существует ряд локальных разновидностей керамики и троянскую керамику следует считать одной из них. В примыкающем по теме к предыдущему докладу *Н. Я. Мерперта* и *А. А. Молчанова* «Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции» выделены принципиальные особенности, отличающие протогорода этой эпохи (Эзеро, Юнаците и пр.) от поселений времен энеолита: 1) наличие групп населенных пунктов, объединяемых общим укрепленным центром, который выделяется своими размерами, концентрацией ремесла, продовольственных запасов и т. д.; 2) двухчастность структуры самих базовых поселков, где различаются акрополь и обширное напольное поселение (в частности, телья Юнаците является лишь акрополем). Со ссылками на гипотезы о протофракийском происхождении мифологических пеласгов в докладе проводится сопоставление двухчастной структуры поселений раннебронзового века на юге Болгарии с аналогичной структурой «пеласгской» Лерны в Арголиде и свидетельствами античных авторов об акрополях в других пеласгских городах. *Л. А. Гиндин* высоко оценил археологическую часть доклада, но предостерег против распространенного в последнее время отождествления мифического народа пеласгов с протофракийцами, указав, что термин «пеласгский язык» как обозначение догреческого индоевропейского субстрата в греческом, обнаруживающего, по *Вл. Георгиеву*, переключки с некоторыми из диалектов Фракии, является термином чисто условным и отнюдь не претендующим на лингвогенетическую идентификацию населения юга Балканского п-ова. В ответе *Н. Я. Мерперт* подчеркнул, что важна не столько конкретная этническая атрибуция раннеэладских поселений, сколько стадийно-типологическая общность кардинальных преобразований в структуре населенных пунктов, прослеживаемая при переходе к бронзовому веку на всей территории рассматриваемого региона.

С. Калоянов (София) в докладе «Городская жизнь на Балканах. Проблемы развития (I тыс. до н. э.)» отметил глубокое влияние на северобалканское градостроительство со стороны царского династического института, когда города контролируются царями или их наместниками и используются в качестве царских резиденций-цитаделей. Поэтому предлагаемая в докладе периодизация истории северобалканского градостроительства четко соотносится с эволюцией государственности в этом регионе: начало новой эпохи открывается в Македонии походами Филиппа II, во Фракии — деятельностью *Севта III*, в Иллирии — созданием державы *ардиев*.

В докладе *Г. И. Смирновой* (Ленинград) «Культурно-исторические взаимодействия Днестро-Сиретского междуречья и Балканского Подунавья на рубеже II—I тыс. до н. э.» ставится под сомнение фракийское происхождение двух культур канелированного гальштата, появляющихся в Днестровском правобережье в конце XII в. до н. э. — *Голиград* (Прикарпатье) и *Кипшенев-Карлатэн* (Молдавия). Доклад *В. А. Сафронова* (Москва) «Об ареальной единстве протогреков и индоиранцев» представлял оригинальную трактовку генетических отношений между культурами древней Европы, Балкан и Причерноморья. Выводя культуру серомянистой керамики из баденской культуры, а древнеямную — из культуры воронковидных кубков (все они в конечном счете восходят к лейдтельской как «позднеиндоевропейской»), автор считает носителями баденской культуры протогреков, а встречу баденской и древнеямной культур на территории Венгрии в III тыс. до н. э. трактует как археологическое выражение греко-индоиранской общности. В докладе *В. Д. Дяченко* (Киев) «Основные этнические группировки древней Юго-Восточной Европы (по антропологическим и некоторым археологическим данным)» была предпринята попытка выделить иноэтнические компоненты (североевразийский и северокавказско-баскский) в составе носителей индоевропейских языков: так, «североевразийцы» зачастую отличаются чертами кроманьонности, а северокавказско-баскский компонент — южным грациальным одонтологическим типом. *Ю. А. Шилов* (Киев) рассмотрел некоторые аспекты мифотворчества носителей различных археологических культур IV—I тыс. до н. э., уделив основное внимание возможности выявления рубежа древнеевропейской и индоиранской общностей на севере Циркумпонтийской зоны.

Ряд выступлений был посвящен исследованию языковой ситуации на Балканах и в сопредельных областях. Чл.-корр. БАН *И. Дуриданов* (София) посвятил свой доклад «Значение лингвистических данных для вопросов этногенеза» детальному анализу

отличий между фригийским, фракийским и дакомизийским языками. Доклад Л. С. Баюн (Москва) «Ранние фрако-анатолийские языковые связи: к проблеме интерпретации» содержал ряд новых этимологий, сближающих фракийский с различными ветвями хетто-лувийской семьи: фрак. —*βουα*, —*δουα* «город» ~ лик-мил. (d) *dewe* то же, фрак. *καλαμῖνδαρ* «платан» ~ хет. *kalmuš* «желез», *kalmişana* «ветвь дерева» и др. В близком по теме выступлении В. Л. Цымбурского (Москва) «Фрако-хетто-лувийские формульные соответствия» была предпринята попытка типологизации сходжений этих языков на уровне микротекстов, представленных сложными именами. Различаются следующие случаи: 1) построение сложных имен из генетически тождественных основ, 2) хетто-лувийские заимствования во фракийском, 3) заимствование лексемы во фракийский при калькировании связанных с ней формульных клише, 4) чисто семантические эквиваленты. К числу последних может быть отнесен, по мнению автора, связанный с фракийским миром теоним Διόνυσος < **Deivos-nūso* при учете архаичного хеттского теонима *Siu-šummiš* «Бог Наш (?)», ковеночное -*nūso-* в имени Диониса может быть возведено к местоимению 1-го лица мн. ч., и толкование теонима в целом аналогично хеттскому. В докладе Ю. В. Откупщикова (Ленинград) *Ἐξαμπαῖος* и *Ἰγδαμπατος* предложены новые объяснения для топонима *Ἐξαμπαῖος* — названия местности с горьким источником в бассейне Южного Буга (Herod. IV. 52, 81) и для личного имени из Ольвии. Вторая часть обоих имен сближается с греч. *παῖω* «бью», *Ἐξαμ-* — с греческой последовательностью приставок *ἑξ-ανα-*, а *Ἰγδαμ-* — с не имеющей этнической атрибуции глоссой Гесихия *ἰγδῆν-ἀρεῆν* «муж». Топоним толкуется автором в смысле «Бьющий из-под земли», а ольвийское имя — как «Мужеубийца», причем указывается, что отсутствие в греческом языке этих объясняемых на его основе форм должно говорить об их палеобалканском, возможно фракийском, происхождении. В выступлениях Л. А. Гиндина, С. Р. Тохтасьева, И. Дуриданова была подвергнута критике идея «палеобалканской общности», позволяющая прибегать к греческим созвучиям при объяснении негреческих балканских форм. Д. С. Раевский указал, что попытка Ю. В. Откупщикова отвести этимологию О. Н. Трубочева для *Ἐξαμπατος* < др.-инд. *a-kšama-paya* «рода, негодная для питья» ссылками на недоказуемость всей гипотезы об индоариях в Северном Причерноморье не достигает цели, поскольку для этого топонима вполне допустимо объяснение из эквивалентного иранского **a-xšama-paya*, а для *Ἰγδαμπαῖος* остается в силе этимология В. И. Абаева из иран. *agda* «закон» и *pa* «хранитель». В. Э. Орел высказался о возможности рассматривать *ἰγδῆν* «человек» как индоевропейское по происхождению слово, тождественное греч. *χθῖον* «земля», фрнг. *Γῶν* то же и др. < и.-е. **ghdhom-*, в соответствии с моделью *humus* «земля»: *homo* — «человек». Доклад С. Р. Тохтасьева (Ленинград) был посвящен разбору кумской глоссы *ἀργίλα* «подземные жилища у киммерийцев» (Erphor), *ἀργίλα* то же (Eustath. in Dionys. 1176), македонской глоссы *ἀργελλα* «банное помещение» и обоснованию их греческого, аттического происхождения в противовес имеющимся мнениям о древнебалканской природе данных слов и их связи с фрак. *ἀργίλος* «мышь». В. Э. Орел (Москва) посвятил доклад «К проблеме албано-кельтских языковых отношений» соответствию алб. (*për*) *posh*, (*re*) *posh* «вниз» и др.-трл. *is* «низ», восходящих к и.-е. атематическому локативу **ped-su*, букв. «у ног». Выступивший по этому докладу В. Л. Цымбурский отметил возможность возведения к **ped-su* также лат. *pressum* «вниз», что позволяет говорить о более широкой итало-албано-кельтской изоглоссе. Л. А. Сараджева (Ереван) в докладе «Значение армяно-славянских изоглосс для проблемы индоевропейского этногенеза», опираясь на схождения этих языков в терминологии древних пород, водоёмов, времен года, предполагает обитание протоармян и праславян в едином лесисто-болотистом ареале, изобиловавшем реками и отличавшемся достаточно суровым климатом. Данный ареал автор склонен отождествлять с Подунавьем и прилегающими к нему областями.

Ряд докладов был посвящен древнебалканской мифологии и ее реликтам в современных традициях. И. В. Шталл (Москва) в сообщении «Синопские клизмы Гекатея сына Посидея с эмблемой мифо-эпического характера» усмотрела в клеймах из Синопы, изображающих некоего героя между двумя лошадьми и между лошадью и птицей, а также героя, атакуемого собакой, мотивы местного, догреческого предания. В дискуссии по докладу (А. И. Иванчик, Т. В. Блаватская, С. Р. Тохтасев) оспаривалась интерпретация отдельных образов, предложенная докладчиком, а также обсуждалось состояние источниковедческой базы и уровень имеющихся заданий синопских клейм. Доклад И. А. Калужской и В. Л. Цымбурского (Москва) «Некоторые северобалканские данные к предистории греческого мифа об убиении Беллера» содержал развитие и уточнение выдвинутой ранее В. Л. Цымбурским гипотезы о связи имени противника и жертвы Беллерифонта Βέλλεροφ, а также родственных балканских и европейских слов (алб. *bullar* «уж», рум. *bălaur* «дракон», др.-ирл. *Balor* «имя хтонического демона») с названиями камня, каменистой возвышенности — греч. *εἰλλερα*, фрак. Βέλλουρος, иллр. *Во́лур* арм. *bolur*. Анализ румынских представлений о балауре подтверждает связь его с камнями, а также мотив «слепоты до срока», прослеживаемый в албанской

и кельтской версиях. В выступлении *Н. В. Злыдневей* (Москва) «Судьбы меандра на Балканах (о соотношении геометрического орнамента и ритуала в контексте региональной традиции)» были рассмотрены две ипостаси меандра: аполлоническая, породившая символ «высокой» культуры, и дионисийская, отразившая низовые слои балканской культуры.

На симпозиуме были затронуты и проблемы древних письменностей Средиземноморья. Основной тезис доклада *В. М. Сергеева* (Москва) «Семантическая структура хозяйственного списка: подход к интерпретации текстов линейного письма А» состоял в утверждении продуктивности при изучении текстов с предельно обедненной формально-языковой структурой, каковы хозяйственные тексты линейного письма А, подхода, ориентированного непосредственно на реконструкцию их плана содержания. Исследование перемещений повторяющихся лексем по различным позициям в списках позволяет выделить такие классы слов, как названия видов ресурсов, имена лиц, топонимы, глаголы передачи. *Н. Н. Казанский* (Ленинград) посвятил свое выступление проблеме преемственности греческой культуры от микенской эпохи к архаической. По мнению докладчика, о выработке диалектной нормы I тыс. до н. э. с прямым учетом нормы микенской эпохи свидетельствует то, что варианты форм, восходящих к микенской и дорийской нормам, выступают во многих диалектных текстах как равноправные дублеты. Были изложены также основные положения доклада *О. Я. Невгера* и *Н. Н. Казанского* относительно эгейского лентонда из армитажного собрания Л. Росса, в котором дана интерпретация части знаков и обосновано их отождествление со знаками линейного А.

Существенное внимание на симпозиуме было уделено разнообразным аспектам собственно фракологической проблематики. Доклад *С. М. Крыкина* (Москва) «Фракийцы в античном Северном Причерноморье» содержал развернутую критику теории «фракизации» этого региона в первые века нашей эры. Докладчик отмечает присутствие здесь фракийских воинов на службе у царей Боспора и Понта, а позднее в составе римских легионов, фракийское происхождение династии Спартокидов, инфильтрацию в местные общины на северо-западе Причерноморья представителей гетской знати и выходцев из Вифинии и т. д., однако полагает, что всех этих недостаточна для утверждений о широкой фракизации местного населения и тем более беспочвенна гипотеза его изначального фрако-киммерийского генезиса. Напротив, доклад *Б. Н. Проценко* (Ростов-на-Дону) «Балканская ономастика в Приазовье и Подонье» представляет программу выявления на востоке Северного Причерноморья северобалканских вкраплений, в том числе топонимов, которые могли проникнуть сюда как при посредстве греков-колонистов, так и независимо от них. Доклад *А. И. Иванчика* (Москва) «О происхождении „киммерийской“ топонимии Боспора» предлагает объяснение генезиса этой топонимии, не выходящее за рамки античной рецепции изображения киммерийцев в гомеровской «Некий»: их охотно обнаруживают там, где находятся «порицалица у входа в Аид», обычно соединявшиеся в Малой Азии с культом великого женского божества. Боспор Киммерийский отвечал всем этим условиям, поэтому «появление» здесь киммерийцев во многом аналогично преданиям о них в италийских Кумах, Гераклее Понтийской и т. п. Присутствие же исторических киммерийцев на Боспоре кажется докладчику неправдоподобным. *В. П. Яйленко* (Москва) в докладе «Борисфес геллеспонтский, днепровский и меотийский» отверг иранскую этимологию Βορυσθένης < **varu-stana* «широкое место» как не учитывающую засвидетельствованного у Гесихия и Стефана Византийского отнесения данного названия к Геллеспону. Взамен, приняв сближение А. А. Белецкого фрак. **st(h)en* ~ греч. στενόν «пролив», докладчик связал эти формы с и.-е. **sten-to-* «крепкий», др.-исл. *stinnr*, догреч. σθίνος, далее фрак. Στένθας, Στενίχорта, а первую часть Βορϋ — с фрак. Βορϋα — город на берегу Понта < и.-е. **bh(e)rew-* «течь быстро». По мысли докладчика, значение «пролив с быстрым течением» применимо и к Геллеспону, и к Днепру; в Меотийском же Борисфесе он видит фракийское название Дона, замещенное иранским (грецизированным) Ταναός.

В ряде докладов рассмотрены проблемы фракийской истории и культуры. В докладе «Митридат VI Евпатор и Фракия» *С. Ю. Сапрыкин* (Москва) сосредоточил свое внимание на исследовании взаимоотношений понтийского царя с Фракией и племенами Подунавья, изученных менее полно, чем отношения с греческими полисами левобережного Понта. В докладе проф. Янинского университета *Д. Самсариса* «Фракийцы в Греция» исследовались возможности присутствия фракийцев на территории современной греческой Македония в римский период по данным просопографии, топо- и антропонимии. *Д. Френч* (Анкара) в докладе «Негреческие имена в Синопе» привел ряд имен, зафиксированных в синопских надписях: Ατοτός, Τίβιος, Μανός, Γς, Γλγρς, Σαγς, допуская в них свидетельство присутствия в ономастической матрице Синопы в первые века после колонизации некоторого числа туземных пафлагоносских форм. *З. Гочева* (София) посвятила свой доклад «Проблемы фракийского источниковедения» возможности расширения круга источников, дающих информацию по истории и культуре древней Фракии за счет так называемых косвенных источников, т. е.

текстов, содержащих легендарные сведения о гиперборейцах. Орфее и орфической доктрине и т. п. — всем том, что обнаруживает свои корни во фракийской культуре. Подобные сведения при их адекватной интерпретации и вкупе с археологическими данными могут, по мнению докладчика, дать дополнительную историко-культурную информацию на фоне отсутствия письменности у фракийцев. *Ц. Лазова* (София) в выступлении «Фракийские реалии в античной литературной традиции» на основе реалий, связанных с легендарными образами Абариса, Аристея и Анахарсиса, рассмотренных в контексте гиперборейской традиции, предприняла попытку реконструировать прообраз поэта-мудреца, прибывшего в Элладу с севера. Согласно докладчику, этот архаический прообраз рожден не в эллинской среде, но распространен на значительной территории, охватывающей балкано-эгейско-малоазийские области. Исследованию изображений фракиянок в греческой вазописи был посвящен доклад *Н. де Фрис* (Амстердам) «Роль фракийских женщин в греческой Элладе». *К. Порожанов* (София) посвятил свое выступление изучению форм собственности во Фракии второй половины II тыс. до н. э. в сравнении с более подробно изученными соседними обществами, а именно Хеттским царством и Микенской Грецией, а также обществами, существовавшими в районе Причерноморско-Каспийских степей. С последними у фракийцев прослеживается наибольшее сходство. Поминальную практику во Фракии в конце II—I тыс. до н. э. исследовала *Р. Георгиева* (София), которая на основании обследований фракийских захоронений отмечает обряды, свидетельствующие о частом посещении живыми могил; это периодическая досыпка могильных курганов, кормление мертвых, жертвоприношения; в некоторых случаях героизация покойников приводила к превращению мест их захоронения в герооны. В докладе *К. Йорданова* (София) «Thraco-Scythica: политические отношения в конце VI — середине I в. до н. э.» дается периодизация истории фрако-скифских отношений: если V—IV вв. до н. э. характеризуются усилением этнического и политического влияния скифов к югу от Дуная, многочисленными фрако-скифскими военными конфликтами, III—II вв. — политической гегемонией скифов в районе между Дунаем и Стара Планиной, то в I в. до н. э. имеет место обратное явление — установление военно-политического контроля гетов в прибрежной зоне от Ольвии до Месембрии в период царствования гетского правителя Бурбисты.

Группа докладов была посвящена областям, сопредельным Балканам с севера и северо-востока. В докладе *М. Н. Погребовой* и *Д. С. Раевского* (Москва) «Этногенез скифов: проблема согласования письменных и археологических данных» на примере рассказа Геродота (IV, 11—13) о приходе скифов из Азии в Причерноморье, вытеснении ими киммерийцев и последующих походах скифов на Ближний Восток показана возможность такого положения, когда нарративная схема не соотносится однозначно ни с одним из прослеживаемых для этого региона археологических «сюжетов» именно потому, что сразу допускает взаимоисключающие сопоставления с многими из них. *Ф. В. Шелов-Коведяев* (Москва) в докладе «О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации» рассмотрел вопрос о происхождении ойкыстов боспорской Гермонассы, считая их ювонийцами из лидийского Теоса. *И. А. Левинская* и *С. Р. Тохмасьев* (Ленинград) в докладе «Древнееврейские имена на Боспоре» отнесли появление в этом регионе евреев ко времени массовых переселений из Малой Азии, в какой-то степени из Фракии при Митридате VI и его преемниках. Впервые устанавливается семитское происхождение ряда боспорских антропонимов. Доклад *А. В. Подосинова* (Москва) «Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы» посвящен реконструкции фрагментов этой не дошедшей до нас карты, известной по ссылкам позднейших античных авторов и содержащей много важных сведений (первое упоминание гидронима *Vistula*, *Vistla*, этнонима «сарматы», первое свидетельство о Дакии в римских источниках). Интересную текстологическую интерпретацию известного свидетельства Кекамена о влахах предложил в своем выступлении *А. Б. Черняк* (Ленинград). Автор полагает, что Кекамен виноват не в том, что спутал две разные Дакии — право- и левобережную, а скорее в небрежности и чрезмерной приблизительности, проявленной им при описании Дакии как лежащей «близ рек Дуная и Савы».

Во время симпозиума состоялось учредительное заседание Международного совета по фракологии, на котором президентом совета был избран известный советский археолог *Н. Я. Мерперт*. Обсудив итоги симпозиума, совет пришел к заключению, что по своей научной значимости, широте и глубине охвата проблематики, высокому научному уровню Международной симпозиум «Античная балканистика VI» должен быть приравнен к очередному V Международному конгрессу по фракологии. Участники симпозиума с удовлетворением восприняли известие о создании в рамках Научного совета «Общие закономерности и особенности исторического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы» при Институте славяноведения и балканистики АН СССР специальной секции по античной балканистике.

И. А. Калужская, В. Л. Цымбурский

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. И. ДОВАТУРА

2—4 ноября 1989 г. в небольшом придунайском городе Рени Одесской обл. прошла Первая Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная памяти пользующегося мировой известностью филолога-классика и историка, профессора Аристид Ивановича Доватура. Ее проведению предшествовала целенаправленная работа местного преподавателя истории, археолога и краеведа В. М. Кожокору, которому в ходе разысканий удалось не только документально установить, что Аристид Иванович родился в этом бессарабском городке, но и определить дом, в котором жила семья его родителей. Им же собраны документы о родственных связях семьи Доватуров, они были представлены на небольшой выставке.

В течение двух дней заседаний работали четыре секции: 1. Памятники археологии от каменного века до начала нашей эры. 2. Древнеримские и раннесредневековые памятники истории и археологии. 3. Международные связи и межнациональные отношения. 4. Революционные, боевые и трудовые традиции.

В соответствии с тематикой ВДИ остановлюсь на первых двух из них, где с докладами выступили исследователи из Киева, Одессы, Москвы, Кишинева, Ленинграда, Симферополя.

На заседании первой секции в докладе «О ритме палеогеографических изменений и смене культурных групп в Северо-Западном Причерноморье» *И. Я. Брушко*, *В. А. Карпов* и *В. Г. Петренко* (Одесса) представили интересную попытку связать динамику заселенности региона с колебаниями уровня Черного моря и климата в древности. *В. А. Горончаровский* (Ленинград) охарактеризовал итог кратковременного, но плодотворного участия в раскопках Березанского поселения небольшого отряда экспедиции ЛОИА. *К. К. Марченко* и *Е. Я. Рогов* (Ленинград) посвятили свой доклад «Сельские поселения классического периода Нижнего Побужья» разработке периодизации культурно-исторического развития сельскохозяйственной округи Ольвии, и поставили вопрос о существовании серьезных структурных, функциональных и, возможно, культурных различий между рядовыми сельскохозяйственными поселениями ближайшей ольвийской округи в конце V — середине IV в. до н. э. *С. Б. Буйских* (Киев) в сообщении «Римские лагеря в Буго-Днепровском междуречье» предложил вниманию слушателей свои соображения относительно устройства римских форпостов вдоль сухопутной дороги из Мезии в Таврику, основываясь на собственных полевых исследованиях. *Ф. В. Шелов-Коведяев* (Москва) в докладе «Фрагменты списка херсонесских магистратов» представил реконструкцию одного вновь найденного обломка херсонесского декрета, близкого по дате к середине II в. н. э., позволяющего сделать ряд наблюдений о демографии и известных семейств Херсонеса этого времени.

На второй секции в докладе *А. В. Гудковой* (Одесса) «Об изучении римских памятников на юге Буджака» была приведена полная сводка изучавшихся до сих пор римских древностей региона и намечены перспективы их дальнейшего исследования. Внимание участников конференции привлек новый подход к сарматской проблеме, предложенный *А. В. Симоенко* (Киев) в его выступлении «Фарзой, Инисмией и аорсы». Вопросы, поднятые *А. В. Гудковой*, были конкретизированы *А. М. Россохацким* (Одесса) в докладе «К изучению могильников и погребального обряда племен Черняховской культуры Буджакской степи», а также *С. Б. Охотниковым* и *А. С. Островерховым* (Одесса), представившими сообщение «Стекаянная посуда из сарматских погребений Днестро-Дунайского междуречья (I—III вв. н. э.)».

Мы коснулись лишь самых интересных выступлений. Всего же на первой секции было зачитано и обсуждено одиннадцать докладов, а на второй — девять. Надо отметить отменную организацию конференции: всем участникам были розданы прекрасно отпечатанные тезисы докладов с фотографиями А. И. Доватура на контртитальном листе. В первый же день встречи на доме, где родился Аристид Иванович, была открыта мемориальная доска с портретами А. И. Доватура и его двоюродного брата, также уроженца города Рени, знаменитого астронома, профессора, сотрудника Пулковской обсерватории А. А. Дейча. Во время конференции были организованы экскурсии в римскую крепость Орловка, осмотр вновь открытой римской дороги и Гумельницкого могильника, мемориального знака на месте переправы Николая I через Дунай в 1828 г., теплоходная экскурсия по Дунаю. Состоялся молебен в память А. И. Доватура и А. А. Дейча в Новосельской церкви Николая Чудотворца.

Участники конференции приняли ряд важных решений и обращений: о необходимости проведения подобных встреч не реже одного раза в два года в г. Рени, об охранной зоне римской крепости Орловка, о состоянии архивов и музеев г. Рени, о ренийском кафедральном соборе, о привлечении к участию в будущих конференциях филологов-классиков и историков древности, об организации в доме родителей А. И. Доватура его мемориального музея и т. д.

Ф. В. Шелов-Коведяев

ПРИЛОЖЕНИЕ

ARTEMIDORI DALDIANI

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией
Я. М. Боровского

КНИГА II*

70. Жизненный срок некоторые принимают за семь лет¹⁰⁵; оттого и врачи говорят, что кто не прожил двух сроков, тем нельзя пускать кровь, потому что в 14 лет у человека нет еще избыточной крови и она нужна ему вся. Другие принимают его за 30 лет и полагают, что Нестору было 90 лет¹⁰⁶. По нашему же мнению, жизненный срок — 100 лет, потому что большинство людей живет именно столько или немногим лишь менее того или более, а главное, потому что опыт показывает, что именно с этим сроком согласуются сбывающиеся сны. Поэтому мы будем в дальнейшем считать жизненный срок за 100 лет.

* Перевод М. Л. Гаспарова. Комментарии И. А. Левинской. Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 3.

¹⁰⁵ Солон (фр. 27) принимал человеческую жизнь за 10 семилетий.

¹⁰⁶ По Илиаде (I. 250—252), Нестор прожил три поколения.

Поэтому те числа, которые, будучи написаны словами, дают сумму букв меньше ста, следует писать словами, подсчитывать сумму, и какова будет эта сумма, столько это и будет значить для жизни. Таковы лишь следующие числа: $\epsilon\nu$ (одно), $\mu\acute{\iota}\alpha$ (одна), $\xi\xi$ (6), $\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$ (10), $\epsilon\nu\delta\epsilon\lambda\alpha$ (11), $\delta\epsilon\alpha\chi\iota\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$ (100). Таким образом, $\epsilon\nu$ означает 55, потому что пишется буквами ϵ (5) и ν (50), а $\mu\acute{\iota}\alpha$ означает 51, потому что пишется буквами μ (40), ι (10), и α (1). $\epsilon\xi$ означает 65, потому что пишется буквами ϵ (5), и ξ (60). Точно таким же образом следует писать и подсчитывать и $\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$, и $\epsilon\nu\delta\epsilon\lambda\alpha$, и $\delta\epsilon\alpha\chi\iota\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$: и получится, что $\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$ означает 30, $\epsilon\nu\delta\epsilon\lambda\alpha$ — 85, а $\delta\epsilon\alpha\chi\iota\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$ — 90. Вот как обращаемся мы с названными числами.

А вот каким образом следует выводить значения тех чисел, которые, будучи написаны словами, суммой букв превосходят жизненный срок (например, $\delta\acute{\upsilon}\omicron$: это будет 474, а столько лет и прожить невозможно, и представить бессмысленно). Для этого мы берем значение всех предшествующих букв: постепенно восходя к той букве, которую обозначается наше число, мы подсчитываем числовые значения каждой из предшествующих букв. Например, число 2 обозначается буквой β ; добавляя к этому число 1 (обозначаемое буквой α), получаем 3. К числу 3 (γ) прибавляем 1 (α) и 2 (β) и получаем 6. Подобным же образом число 4 (δ) вместе с числовыми значениями предыдущих букв (α , β , γ) даст 10, а число 5 (ϵ) даст 15. Число 6 ($\xi\xi$), как было показано выше, означает 65. Число 7 (ζ) вместе с числовыми значениями предыдущих букв (кроме 6, которое означает особым образом 65 и которое пишется не буквой алфавита, а особым знаком ζ) составит 22; число 8 (η) — 30; число 9 (θ) по тому же расчету — 39.

Число 10 (ι) имеет два значения. С одной стороны, будучи написано словом, оно по сумме числовых значений составляющих букв ($\delta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$) означает (как уже сказано) 30; а будучи написано буквою (а не особым знаком, как 6), оно по сумме числовых значений предшествующих букв составит 49. Поэтому во избежание недоразумений пусть будет так. Если сновидец слышит, как кто-то произносит слово «десять», то оно означает 30 по сумме числовых значений букв, составляющих это слово; если же он видит, что это число где-то написано как ι , то оно означает 49 по вышеописанному расчету — по сумме числовых значений десятой и предшествующих букв (за исключением только сигмы, 6). Подобным же образом число 20 (κ) означает 69, а число 30 (λ) — 99.

Однако число 40 (μ) таким способом вычислить уже нельзя, потому что 139 лет никто не проживет; точно так же и число 50 (ν) и все еще большие числа. Поэтому такие числа следует выводить не по сумме всех предшествующих букв, а по положению их букв в алфавите. Например, μ обозначает число 40 и означает 12, потому что μ — двенадцатая буква алфавита, а когда означает и когда нет, будет ясно из последующего рассказа. Точно так же ν означает или 50, или 13, ξ — или 60, или 14 и так далее.

Далее, бывают числа составные, которые надобно разделять на части вот каким образом. Две на десять будет 20, три на десять — 30, четыре на десять — 40, пять на десять — 50, шесть на десять — 60, семь — 70, восемь — 80, девять — 90; два на двадцать будет сорок, три на двадцать — 60, четыре на двадцать — 80, пять на двадцать — 100; два на тридцать — 60, три на тридцать — 90; два на сорок — 80; и два на 50 — 100. Итак, если же будет названо составное число лет — например, если услышишь — «жить тебе 26 лет», то число это нужно разделить на первичные части и 20 считать за 20, а 6 (по способу, описанному выше), считать за 65, так что в сумме будет 85. Если приснится 27 лет, то 20 считать за 20, а 7 (по тому

же способу) за 22, так что в сумме будет 42. Точно так же 28 будет значить 50 — и так далее, со всеми числами от 26 до 29, а потом от 34 до 39, а потом от 43 до 49, а потом от 53 до 59. Например, если услышишь — «жить тебе 57 лет», то глупо думать, что человек проживет $50 \times 7 = 350$ лет; но ясно, что 7 следует считать (по способу, описанному выше) за 22, и, прибавив это к 50, мы получим 72.

При этом, если возраст человека меньше услышанного им числа, то ясно, что число это включает и уже прожитые годы. Например, если человеку 30 лет, и ему приснится, что он услышал — «жить тебе 50 лет», то проживет он еще 20 лет, и эти 30 прошлых лет да 20 будущих вместе составят 50 лет. Но если человеку 70 лет, и ему приснится, что он услышал — «жить тебе 50 лет», то ясно, что это относится не к прожитым годам, ибо прожил он уже больше сказанного; и не к тому, что он проживет еще 50 лет сверх 70, ибо это невозможно; а стало быть, проживет он еще 13 лет, потому что буква ν , означающая 50, есть тринадцатая буква алфавита. Подобный расчет следует применять ко всем таким случаям, когда названное число лет меньше прожитого, но нелепо велико для будущего.

Далее. Дни, месяцы и годы часто имеют не совсем обычное значение: годы иногда служат указанием на месяцы и дни, месяцы — на годы и дни — на месяцы и годы. Во избежание ошибки следует поступать так. Если названы годы и число их умеренное и приемлемое, то их следует считать за годы; если большое, то за месяцы; если непомерно большое, то за дни. Когда речь идет о днях, то наоборот: если их много, то их следует считать за дни; если не слишком много, то за месяцы; если мало, то за годы. Подобным же образом и о месяцах следует судить по мере того, что возможно. А что возможно и невозможно, для жизненного срока покажет возраст сновидца, для всякого же иного срока — вероятная продолжительность каждого дела.

Наконец, не надо забывать, что нередко боги дают откровения будто бы о жизненном сроке, и имеют в виду совсем не жизненный срок, а иной раз перемену обстоятельств, или освобождение раба, или еще что-нибудь из того, о чем говорится выше в разделе о смерти.

Вот все, что изложил я по возможности без пропусков и, по-моему, с достаточной цельностью и связностью для тебя, Кассий Максим, мудрейший из людей. Если же найдется такой, кто скажет, будто что-то сказанное в моих книгах списано откуда-то у других, а не почерпнуто из собственного опыта, то это вздор; если бы он внимательно прочел предисловие мое к этой книге, он бы лучше понял мою задачу. И если кому покажется под влиянием убедительных рассуждений, будто что-то из описанного означает скорее противоположное тому, что я думаю, то пусть он знает, что убеждать и рассуждать и я умею, но никогда не гнался за театральными эффектами и логическими вывертами, а всегда призывал свидетелем и направителем только опыт. До всего я дошел единственно собственным опытом, потому что ничем иным не занимался, а только денно и ночью прилежал к сновотолкованию.

Ты, Кассий Максим, с твоею редкою сообразительностью и мудростью, без затраты времени сможешь разобраться в каждом случае, правильно я написал или неправильно. А любого читателя этих книг я прошу вот о чем: не прибавлять к ним ничего и не сокращать ничего — если кто окажется в силах что-то к моему изложению добавить, то ему будет проще написать собственную книгу, если же кому покажется что-то из написанного здесь излишним, то пусть он пользуется только тем, что ему по вку-

су, но остального отсюда не изымает; памятуя, что всему этому блюститель и хранитель — Аполлон, отеческий бог, покорствуя которому взялся я за этот предмет — много раз он побуждал меня к тому, ныне же, когда я стал знаком тебе, он воистину стоит надо мною и едва ли не прямо повелевает мне писать. Да и неудивительно, что Аполлон Далдийский, по отеческим заветам называемый нами Мист, обращает меня к этому делу, проводя в тебе твою добродетель и мудрость. А у лидийцев с финикийцами всегда была дружба, как о том говорят излагатели наших отечественных преданий.

КНИГА III*

Содержание. Вступление. Игра в кости и бабки (1). Воровство (2—3). Ложь (4). Перепела (5). Муравьи (6). Вши и глисты (7). Клещи и комары (8). Драки, ненависть (9). Человеческие жертвоприношения (10). Крокодилы и коты (11). Ихневмон и куница (12). Превращение в бога (13). Угощение богов (14). Ходули (15). Хождение по морю (16). Изготовление статуток (17). Езда в повозке (18—19). Визит к гадалке (20). Превращение в прорицателя (21). Болезнь (22). Самопожирание (23). Ношение одежды наизнанку (24). Писание справа налево (25). Отчим и мачеха (26). Предки и потомки (27). Мышь и ласка (28). Глина (29). Тарелка (30). Портрет (31). Повитуха (32). Колочки и шипы (33). Буквы (34). Цепь (35). Ткацкий станок (36). Точильный камень (37). Личные имена (38). Утешения (39). Раны (40). Долги (41). Безумие и опьянение (42). Страх (43). Письмо (44). Грыжа (45). Прорастание побегов из человеческого тела (46). Парша, проказа, элфантиазис (47). Швыряние камней (48). Кузнечики (49). Морской лук (50). Болезни, общие с близкими и знакомыми (51). Навоз (52). Моделья, бродяги и нищие (53). Ключ (54). Фокусы (55). Повар (56). Владелец постоянного двора (57). Налогосборщик (58). Конопля, лен и пенька (59). Арест, тюрьма, палачи и тюремщики (60). Ночные бдения, праздники и пирушки (61). Городская площадь, театры, святилища (62). Статуи (63). Крот (64). Ночные птицы (65). Солнечные часы. Заключение с посвящением (66).

После того, Кассий Максим, как я из уважения к твоей мудрости взялся за этот труд и представил его в виде двух книг, посвященных тебе, получилось стройное, последовательное сочинение, весьма отличное от прежних работ на ту же тему, и по возможности...¹, отчасти соглашаясь с ними, а отчасти, насколько было уместно, расходясь, я изложил свое мнение, но позднее обнаружил в сочинении моем некоторые пробелы, однако расширять завершенные две книги казалось нежелательным, поскольку любая вставка, даже самая лучшая, только испортила бы написанное, словно лишняя рука или нога, приставленная к хорошо сложенному телу. Поэтому, изложив в виде отдельных, несвязных глав все упущенное, я составил для себя еще одну книгу, чтобы не давать никому повода писать об этом еще раз.

1. Игра в кости означает тяжбу из-за денег, потому что кубики, которыми пользуются игроки, снабжены цифрами и называются «камешками» (*ψῆφοι*)². Выигрыш всегда означает удачу. Если во время болезни человеку приснится, будто он или кто-то другой играет в кости, это дур-

* Перевод и комментарии к книге III Э. Г. Юнца.

¹ В тексте лагуна, отмеченная Рейске.

² Что может означать не только фишку, игральную кость, но и судейский жетон для голосования при вынесении приговора.

ная примета, особенно если игроку не везет: ведь собравший меньше «камешков» свое дело проигрывает. Сами по себе игральные кости предвещают вражду и ссоры; если кости исчезают, значит сновидец уладит свои нынешние ссоры; если костей становится больше, ссоры будут усиливаться. Сна, в котором ребенок играет в кости, бабки или камешки, можно не опасаться, потому что играть детям свойственно. Взрослому же мужчине или женщине увидеть себя играющим в бабки — недобрый знак, если только сновидец не ожидает наследства: ведь бабки берутся от мертвых тел и потому они предвещают всем прочим опасность.

2. Воровать во сне — неблагоприятная примета для всех, кроме тех, кто замышляет обман, потому что «воровать» у древних означало и «мошенничать». Чем больше, чем дороже, чем тщательнее охраняется вещь, которую сновидец похищает, тем большая опасность ожидает его, потому что беда, которая ему грозит, возрастает в соответствии с наказанием, положенным вору по закону.

3. Ограбление храма и похищение священных даров — дурной сон для всех; благоприятен он только жрецам и гадалкам: ведь обычай позволяет им брать себе начатки жертвенных приношений, и они в какой-то мере кормятся от богов, а кое-что берут себе и тайком.

4. Лгать во сне — скверная примета для всех, кроме актеров, бродяг и прочих, для кого говорить неправду — дело привычное. Не так скверно лгать чужим людям, как своим: последним грозит большая опасность, даже если сновидец солжет незначительно.

5. Перепела для всех, кто не держит их дома для развлечения, означают неприятные, скверные новости из-за моря: заморские потому, что перепела прилетают из-за моря, а неприятные потому, что перепела задиристы и трусливы. Во всем, что касается товарищества, дружбы, женитьбы и прочих житейских отношений, эта птица предвещает раздоры и соперничество. Для больных перепела, если их перенесли с места на место³, означают смерть, потому что они малодушны; но если их не переносили, опасность не так велика. Перепела нехороши также для тех, кто отправляется в дальнюю поездку, так как означают разбойничьи засады и грабежи: ведь перепела, перелетая в дальние края, становятся добычей охотников. Боевые петухи предвещают только раздоры и соперничество, а в остальном они несходны с перепелами и знаменуют другие последствия.

6. Крылатые муравьи — очень нехорошее предзнаменование: они означают смерть или опасное путешествие⁴. Обыкновенные муравьи сулят благо земледельцам: они предвещают обильный урожай, потому что где нет зерна, там не видно муравьев. Хороши муравьи и для тех, кто кормится от народной толпы, а также для больных, но только в том случае, если они не ползают по телу сновидца. Ведь их называют «тружениками», и работают они постоянно, а это свойственно живым людям; если же они ползают по телу сновидца, это предвещает смерть, потому что они — холодные, черные и дети земли.

7. Иметь немного вшей, отыскивать их у себя на теле или в одежде и истреблять — хороший сон, сулящий избавление от забот и печалей.

³ Место не вполне ясно. Предполагают, что употребленный здесь глагол «переносить» (*μεταφορέω*) — технический термин, относящийся к перепелиным боям. О перепелиных и петушиных боях в древности см.: *Элиан. Пестрые рассказы. II. 28; Луциан. Анахарсис. 37.*

⁴ Ср. *Светоний. Нерон. 46*: после убийства матери Нерону снятся, будто жена сталкивает его в непроглядный мрак, где его облепляют тучи крылатых муравьев.

Но если вшей так много, что справиться с ними невозможно, то сон предвещает продолжительную болезнь, тюрьму или нищету, которым сопутствует обилие вшей. Если вшей удастся стряхнуть и полностью вычистить, то есть надежда этого избежать, но если человек проснется, не успев избавиться от насекомых, то спасения ему не будет.

Глисты, выходящие снизу или изо рта, означают, что сновидец обнаружит обман со стороны домочадцев или родных, особенно тех, кто ел с ним за одним столом, и выгонит их либо избавится от них другим способом. Ведь глисты живут внутри тела и наносят ему ущерб, а то, что они выходят наружу, означает, что от таких людей сновидец избавится.

8. Клопы предвещают печаль и заботы, потому что, как и заботы, не дают ночью спать. Кроме того, они сулят ссоры с домашними, особенно с женщинами.

Комары, москиты «долгоножки» и прочие насекомые того же рода указывают на то, что сновидец столкнется с дурными людьми, которые ему навредят и его же будут поносить. Для трактирщиков и виноторговцев они означают, что их вино превратится в уксус, потому что эти насекомые любят уксус.

9. Драка с домочадцами — примета нехорошая, как и драка с людьми сторонними, но последняя менее зловеща. Если драка приснилась больному, то он сойдет с ума. Драка с вышестоящими — правителями, царями, вельможами и другими влиятельными лицами — означает, что сновидец сильно пострадает от тех, с кем он дрался.

Ненавидеть или быть ненавидимым никому хорошего не сулит. Если даже сновидец ненавидит того, кто ненавидит его самого, это дела не меняет, потому что ненависть порождает вражду, а враги друг другу не оказывают ни поддержки, ни помощи. Между тем все люди нуждаются в помощи и взаимовыручке, потому что извлекают из этого пользу.

10. Что означает быть убитым и умереть, уже объяснялось во второй книге, в главе посвященной смерти. А вот увидеть, как убивают других, — благоприятный для сновидца знак; это означает, что все задуманное им исполнится и полностью осуществилось, потому что убийство знаменует конец.

11. Крокодил означает морского грабителя, убийцу или другого столь же лихого человека, и как сновидец пострадал от крокодила, так же он пострадает от человека, которого этот крокодил означает.

Кот означает прелюбодея, потому что он охотится за птицами, а птицы, как я уже отмечал в первой книге, сходны с женщинами.

12. Ихневмон и куница означают коварных, хитрых людей, строящих козни сновидцу, потому, что эти животные отличаются диким нравом и приручению не поддаются. Ихневмон означает мужчину, куница — женщину.

13. Если кому приснится, будто он стал богом, человек этот станет жрецом или прорицателем, потому что их почитают не меньше богов. Если такое приснится во время болезни, сновидец умрет, потому что покойники бессмертны: ведь они больше не умрут. А если такое приснится человеку, впадшему в нищету или рабство, или тюрьму, или иное тяжкое положение, это означает, что его бедам наступит конец: ведь у божества много способов без труда избавить человека от бед. Богачу и вельможе это сулит великое могущество, соответственное его желаниям, потому что правителям, как и богам, дана власть делать людям добро или зло. Хорошо это и для актеров, потому, что играть роль богов для них дело обычное.

14. Принимать бога как гостя предвещает человеку, если дела его

процветают, заботы, хлопоты и неприятности, потому что приносят богам жертвы и угощают их те, кто находится в трудном положении; а человеку, если он беден или временно нуждается, такой сон сулит большое богатство: ведь именно за это бедняки благодарят богов и угощают их.

Иметь или носить одежды божества — значит стать доверенным лицом богача, т. е. иметь видимость богатства, но не обладать им. Так, по моим наблюдениям, бывало очень часто.

15. Ходули, подвязанные к ногам, означают для преступника тюремные колодки, потому что ходули тоже крепятся к ногам и затрудняют передвижение; для остальных они, по тем же причинам, означают болезнь или задержку на чужбине.

16. Ходить по поверхности моря — хороший знак для тех, кто хочет покинуть родные места, особенно морским путем, потому что сон этот обещает полную безопасность. Хорош такой сон и для раба, и для того, кто намерен жениться: тот будет командовать хозяином, а этот — своей женой; ведь море сходно с хозяином тем, что оно мощно, а с женщиной — тем, что оно влажно. Хорош он и для того, кто ведет тяжбу, потому что он будет вышестоящим лицом над судьей и, естественно, выиграет дело; ведь море сходно с судьей тем, что с одними лицами оно обходится хорошо, а с другими — плохо. Для молодого человека это означает любовь гетеры, а для женщины — что она станет гетерой: ведь море сходно с гетерой тем, что многих очаровывает, а потом разоряет. А для тех, кто кормится от народной толпы, — для государственных деятелей и народных вожakov — это предвещает богатство и славу, потому что море своим непостоянством сходно с народной толпой.

17. Лепить человеческие фигурки — хороший знак для наставников в телесных упражнениях и школьных учителей, потому что в некотором смысле они тоже лепят людей: одни развивают их тело, другие совершенствуют ум. Хорош такой сон и для бездетных людей, потому что означает рождение наследников; хорош также для работяг и бедняков, потому что те получают от продажи большую прибыль, а эти приобретут себе много рабов. Для преступников такой сон означает гибель, потому что Прометей, согласно преданию, после того как он выплил людей и похитил огонь, был предан жестокой казни. Для богачей и влиятельных лиц это предвещает большую должность.

18. Быть запряженным в повозку, словно четвероногое, предвещает рабство, изнурительный труд или болезнь, особенно если сновидец — человек знатный и привыкший к роскоши.

19. Ехать на двуколке или четырехколесной повозке, запряженной людьми, означает власть над множеством людей и, кроме того, предвещает сновидцу хороших сыновей⁵. В отношении дальних путешествий такой сон не очень благоприятен: он обещает путешественнику безопасность, но поездка очень затянется.

20. Ходить к гадателю за пророчаньем означает немалые заботы для сновидца: ведь тем, кто ничем не озабочен, гадание ни к чему. Тому, кто скажет правдивый гадатель, следует верить. Как отличить правдивого пророчателя от лживого, я уже говорил во второй книге, в главе о лицах, заслуживающих доверия. Если гадатель не дает никакого ответа, этим он велит любое дело, любое начинание отсрочить, потому что у мудрецов даже молчание — ответ, но ответ отрицательный.

⁵ Ср. у Геродота (I.31) рассказ о благочестии Клеобиса и Битона, сыновей жрицы Геры Аргосской.

21. Если кому-то приснилось, что он — известный прорицатель, то это значит, что в очень многих вещах он будет опытен и сведущ и кроме собственных забот возьмет на себя чужие: ведь прорицателю приходится заниматься, кроме своих, еще и чужими бедами, с которыми приходит к нему те, кто ищет его совета. Часто такой сон означает дальние путешествия и переезды, потому что прорицатели много путешествуют. Для бедняка он означает богатство, потому что к богачам обращаются за помощью так же часто, как к прорицателям.

22. Болеть — хороший сон только для тех, кто находится в заточении или сильно тяготится чем-то, потому что болезнь освобождает от тягот. Для остальных такой сон означает длительное отсутствие работы, потому что больные не работают, и нужду в самом необходимом, потому что больной нуждается во всем, чего требует тело. Он означает также помехи для дальних путешествий, потому что больные передвигаются с трудом. Он указывает и на то, что желания сновидца до конца не осуществляются, потому что врачи, не желая подвергать больного риску, не позволяют выполнять все его просьбы. Навестить во сне больного, если это знакомый, означает, что все перечисленное случится с ним, а если это незнакомец — то с самим сновидцем; нет никакой разницы — болеть самому или увидеть во сне больного незнакомца, и я утверждаю, что даже незнакомые люди являют собой то, что произойдет со сновидцем. Вот что еще я заметил: когда душа хочет открыть то плохое или хорошее, что должно произойти со сновидцем очень скоро и с большой силой, она это показывает через него самого, а то, что должно случиться не так скоро и с меньшей силой, душа показывает сновидцу на другом человеке.

23. Поедать собственную плоть — хороший сон для бедняка. Он означает, что человек этот много заработает физическим трудом, и потреблять он будет, таким образом, не тело свое, а то, что телом заработано. Хорош такой сон и для ремесленника, особенно если он поедает те части тела, которыми зарабатывает себе на жизнь, — ведь одни работают обеими руками, другие — только одной, иные — кончиками пальцев, а некоторые — всем телом. Для того, кто занимается словесностью, такой сон благоприятен, если свои уста и язык он дает поедать другим; это означает, что, сильно разбогатеv благодаря своим устам и языку, он будет в состоянии кормить других. Если же он сам съест свои уста и язык, то потеряет дар речи. Для прочих людей это означает раскаяние в опрометчивом высказывании. Если собственную плоть поедает женщина, это означает, что она станет гетерой и таким способом будет зарабатывать на жизнь. Для тех, у кого болен друг, родственник или кто-нибудь еще из близких, такой сон предвещает траур, потому что те, кто оплакивает покойника, изнуряют себя, как бы поедая собственное тело. Для богачей и людей обеспеченных такой сон нехорош: как и поедание своих испражнений, он означает полное разорение.

24. Быть одетым наизнанку или вообще как-нибудь нелепо и смешно предвещает сновидцу несчастье: ему придется вдобавок к своим бедам терпеть насмешки и издевательства. Хорош такой сон только для шутов, потому что им свойственно одеваться именно так.

25. Писать справа налево — значит совершить коварный поступок, ввернуться к кому-то в доверие и навредить ему. Часто это означает, что сновидец станет прелюбодеем и отцом незаконных детей. Впрочем, я знаю человека, который после такого сна стал сочинителем потешных песенок.

26. Увидеть во сне мачеху при ее жизни или после ее смерти — не к добру. Если она бранится и злобствует, неприятности будут большие,

а если держится спокойно — несколько меньше. Если она старается словом или делом угодить сновидцу, это означает ложные надежды, потому что мачеха не может любить пасынка от души и по-настоящему. Отчим предвещает то же, что и мачеха, только в меньшей степени. И отчим, и мачеха часто означают дальнюю поездку и пребывание на чужбине: ведь отец и мать подобны родине, а отчим и мачеха — чужбине.

27. Увидеть во сне предков — я имею в виду родственников по восходящей отцовской и материнской линии — означает возобновление старых хлопот. Если они говорят или делают что-нибудь хорошее, приятное и любезное, хлопоты будут иметь благополучный исход, и, соответственно, наоборот. Потомки — если это малолетние дети — означают заботы (подробнее об этом я уже говорил в первой книге, в главе о рождении детей), а если взрослые — помощь и поддержку.

28. Мышь означает домашнего раба, потому что живет в одном доме с хозяином, с ним вместе питается и очень боязлива. Поэтому хорошо, если снится, что в доме много мышей, веселых и беззаботных; это означает большую радость и приобретение множества рабов. Если приснится что-нибудь более сложное, связанное с мышами, за разъяснениями можно обратиться к сочинению Мелампа о чудесах и знамениях, так как нет разницы между дневными знамениями и теми, которые привиделись во сне, но те и другие предвещают одно и то же, в чем я не раз убеждался на собственном опыте. Все это обстоятельно изложено Аполлонием из Атталии во второй книге его исследования. Моя же задача сейчас — разъяснить значение тех снов, которые были выше мною пропущены. Потому эту третью книгу следует рассматривать не как продолжение двух предыдущих, но скорее как отдельную, и называть ее правильно будет не «Третьей книгой», но дать ей самостоятельное заглавие: «Правдивая» или «Путеводная».

Ласка означает коварную, вероломную женщину, а также судебную тяжбу, потому что слова «тяжба» и «ласка»⁶ имеют одно и то же числовое значение. Ласка означает также смерть, ибо все, что она надкусит, гниет и разлагается. Она же означает прибыль и наживу, потому что некоторые называют ласку «лисой»⁷. Разницу легко уловить, заметив, приближается она или уходит, приятное совершает действие или неприятное, совершает его над кем-то или претерпевает сама.

29. Жидкая грязь означает болезнь или оскорбление. Болезнь — потому что это ни чистая вода, ни чистая земля, но состоит из того и другого, не являясь ни тем, ни другим; понятно, что это указывает на дурное смешение составляющих тело элементов, т. е. болезнь. Оскорбление — потому что она марает и пачкает. Еще она означает кинеда, потому что мягка и податлива. Хорош этот сон лишь для тех, кто мастерит изделия из глины.

30. Блюдо означает честного, преданного раба или служанку. Пить из блюда означает любовную связь со служанкой, есть из блюда — то же самое. Иметь золотое или серебряное блюдо означает, что сновидец женится на служанке, отпущенной им на волю, либо будет сожительствовать с вольноотпущенницей. Разбитое блюдо означает смерть слуги. Видеть свое отражение в блюде означает прижить от служанки детей. Если такой сон приснится тому, кто сам раб и не имеет прислуги, то следует считать, что блюдо ему указывает на рабское состояние.

⁶ ἄλογη (тяжба) = 4 + 10 + 20 + 8 = 42; γαλή (ласка) = 3 + 1 + 30 + 8 = 42. Встреча с лаской считалась дурной приметой (Феофраст. Характеры. 16.3).

⁷ Здесь κέρβω «лиса» сближается с κέρβος «прибыль, нажива».

31. Портрет означает детей, либо то, к чему сновидец имеет склонность и стремление: детей — из-за сходства, предмет устремлений — из-за того, что людям их портреты доставляют удовольствие. Изображения из прочного, долговечного материала — лучше, чем живописные, восковые, глиняные и им подобные. Все, что произойдет с портретом, случится и с детьми сновидца, с его планами и начинаниями. Это может произойти также с родителями, братьями и тезками сновидца.

32. Повивальная бабка означает раскрытие тайны, потому что она извлекает скрытое от посторонних глаз; означает также беду и смерть для тех, кто болен: ведь она всегда выводит содержимое из содержащего и вручает земле. Для насильно задержанных повитуха означает освобождение: ведь содержимое тело она высвобождает из содержащего и приносит ему облегчение. Женщине, если она не беременна, приснившаяся повитуха часто предвещает болезнь, а для беременных женщин ничего, кроме родов, она не предвещает.

33. Колючки и шипы означают боль, потому что они острые, помехи и препятствия, потому что они цепкие, а также заботы и горести, потому что они ранят и терзают. Для многих они означают любовные страдания, потому что влюбленным свойственно унывать, и обиды от дурных людей, потому что из ран, причиненных колючками, течет кровь. Колючки означают обиды, причиненные женщиной, шипы — мужчиной.

34. Отдельные буквы, привидевшиеся во сне, имеют следующий смысл: гласные означают опасения и расстройство в делах: полугласные⁸ неудачи в делах не означают, но все же вызывают опасения; немые не означают ни опасений, ни удачи в делах. Букву ρ следует оценивать особо, исходя из ее числового значения: для любых начинаний она хороша, потому что означает то же число, что и выражение ἐπ'ἀγαθά (ко благу). Она хороша также для тех, кто ожидает чьего-либо возвращения из далекой поездки, потому что слово ἀγγελία (весточка) тоже составляет сотню. Тем, кто, отправляясь в путешествие, колеблется, как лучше ехать — сухопутным путем или морским, она предлагает сухопутный путь, потому что слово πεζῆ (пешком) в числовом выражении тоже составляет сотню. Тем, кто сомневается, стоит ли вообще ехать, она советует оставаться, потому что слово μένε (оставайся) тоже составляет сотню. Преступникам она предвещает кандалы, потому что слово πῶδι (кандалы) тоже составляет сотню. Для пастухов же и коневодов сотня благоприятна, потому что слово νέμε (паси) тоже составляет сотню⁹.

35. Цепь (ἄλυσις) означает жену, на что указывает само слово¹⁰, и потому, что она обладает свойством цепко держать. Она также означает переплетение неприятных обстоятельств: ведь цепь сплетена из множества звеньев, и тех, кто ею скован, делает несчастными. Она же указывает на препятствия и помехи в делах.

36. Вертикальный ткацкий станок означает переселение и отъезд в чужие края, потому что женщине, работающей на нем, приходится расхаживать то вперед, то назад. Горизонтальный станок означает пребывание на прежнем месте, потому что на таком станке ткачихи работают сидя.

⁸ Полугласными у греческих грамматиков считались λ, μ, ν, ρ, σ, ζ, ξ, ψ.

⁹ ρ = 100; ἐπ'ἀγαθά = 5 + 80 + 1 + 3 + 1 + 9 + 1 = 100; ἀγγελία = 1 + 50 + 3 + 5 + 30 + 10 + 1 = 100; πεζῆ = 80 + 5 + 7 + 8 = 100; μένε = 40 + 5 + 50 + 5 = 100; πῶδι = 80 + 5 + 4 + 1 + 10 = 100; νέμε = 50 + 5 + 40 + 5 = 100.

¹⁰ Ложная этимология: ἄλυσις («цепь») разлагается на ἄ («не») λύσις («освобождение»).

Если приснился станок, на котором ткань только начинает ткаться, то это всегда благоприятнее, чем станок с почти готовой тканью, которую можно будет скоро отрезать. Здесь — сходство с человеческой жизнью: станок, только начинающий работу, предвещает долгую жизнь, станок с почти готовой тканью — короткую жизнь, а станок, с которого ткань уже срезана, означает смерть. Относительно различной окраски тканей можно использовать те толкования, которые мною даны в разделе, посвященном одежде и украшениям, мужским и женским. Если ткацкий станок приснился во время путешествия на корабле, то он означает корабельную мачту, и все, что произойдет со станком, случится и с мачтой. Ткацкие снасти, вплетенные в ткань, висящую на станке, означают множество забот и неурядицы в делах, которые будут улажены с большим трудом, по прошествии долгого времени: ведь пока ткань не закончена, снасти связаны и их нельзя вынуть, а после того как работа завершена, они разложены по своим местам и готовы к употреблению.

37. Точильный камень означает бодрость духа, хорошее настроение и предвещает, что сновидец будет, в том или ином смысле, тонок и остер. В дружеских отношениях он означает не того, кто непосредственно поможет, а того, кто побуждает и подстрекает к действию, потому что оселок не участвует в работе, выполняемой железными орудиями, но только делает их более острыми. Нередко он означает и женщину.

38. Собственные имена, значение которых не вызывает сомнений, тоже пригодны для толкования снов. Если сон по остальным признакам сулит удачу, а к тому же благоприятны и имена, то удачу они сделают более полной. Если по остальным признакам сон предвещает беду, счастливые имена ее смягчат и ослабят. Несчастливые имена, противоположные целям сновидца, усиливают плохие последствия и ослабляют хорошие. Часто некоторые последствия можно предсказать по одним только именам. Так, «Менон», «Менекрыт» и «Кратин» предостерегают от дальних поездок, «Зенон», «Зенофил» и «Феодор» для больных означают выздоровление, «Карш», «Эльбидифор» и «Эвтих» предвещают денежную прибыль; «Фрасон», «Фрасил» и «Фрасимах» побуждают смело действовать и не отступаться. Так же следует толковать и женские имена.

39. Выражения сочувствия предвещают разорение тем, чьи дела идут хорошо, и, наоборот, помощь тем, кто в тяжелом положении: первые, упав из-за несчастий духом, будут нуждаться в сочувствии; вторым оно, как это и бывает в действительности, внушает добрые надежды. Ведь человеку зрячему никто не говорит: «К тебе вернется зрение»; такое говорят страдающему катарактой; и человеку здоровому не говорят: «Ты поправишься и будешь снова здоров»; такое, естественно, говорят больному. Точно так же, когда один подходит и говорит другому: «Ты будешь богат, счастлив, удачлив и добьешься всего, что желаешь», он это говорит ему как человеку, пока не достигшему счастья и осуществления всех желаний. А если тому, кто в тяжелом положении, кто-то предсказывает, что он выпутается из него, следует вспомнить то, что я говорил в конце второй книги, в разделе о лицах, заслуживающих доверия, и, если говорящий такого доверия достоин, ему следует верить, а если недостоин, его словами можно пренебречь как явно лживыми.

40. Рану на теле, в каком бы месте она ни появилась, следует толковать только вкупе с этой частью тела, как ее повреждение, а об этом уже подробно говорилось в первой книге, в разделе, посвященном телу и его частям. Рана в грудь или сердце для молодых и зрелых мужчин и женщин означает любовь, для стариков — горе. Рана на правой руке, посред-

ди ладони, означает взятые в долг деньги и затруднения с их выплатой. Зарубедававшийся шрам означает избавление от всех забот.

41. Деньги, взятые займы, означают не что иное, как жизнь: ведь своей жизнью мы обязаны природе, творцу всего сущего, так же как деньгами — заимодавцу. Заимодавец означает то же, что ссуженные им деньги. Поэтому заимодавец, явившийся во сне больному и требующий отдать долг, означает опасность, а если он хоть часть долга получил, это грозит смертью. Кончина заимодавца предвещает избавление от забот и печалей. Кроме того, заимодавец означает дочь, потому что дочь всегда требует расходов, а когда, наконец, ее с великим трудом вырастят, покидает родителей, унося с собой приданое. Для раба, отпущенного на заработки, заимодавец означает господина, требующего оброк. То же, что и заимодавец, означает и сборщик платы за жилье.

42. Безумие — благоприятный сон для любых начинаний, потому что сумасшедшим, чем бы они ни занимались, обычно не мешают. Особенно хорошо он для тех, кто хочет выбиться в народные вожаки, желает властвовать над толпой и заигрывает с нею: такой человек снискает большую популярность. Хорош он и для тех, кто хочет зарабатывать ремеслом учителя, потому что за сумасшедшими гурьбой ходят ребятишки. Беднякам такой сон сулит богатство, потому что сумасшедшие от всех получают милостыню. Больным он обещает выздоровление, потому что безумие побуждает двигаться и бродить с места на место, не позволяя лежать в постели, как это бывает с больными.

Быть пьяным — сон неблагоприятный и для мужчин, и для женщин: он означает сумасбродство и затруднения в делах, потому что ко всему этому приводит и опьянение. Но для тех, кто опасается чего-либо, такой сон хорош, потому что пьяных ничто не смущает и они ничего не боятся.

43. Быть в страхе — сон неблагоприятный, потому что напуганный человек не может постоять за себя: обрекая душу и тело, он теряет волю к сопротивлению, и тем быстрее случается с ним то, чего он опасался.

44. Если приснилось письмо и сновидец прочитал его, произойдет то, о чем в письме говорится; а если письмо осталось непрочитанным, это в любом случае хорошо, потому что в каждом письме говорится: «Радуясь!» и «Будь здоров!».

45. Грыжа означает ущерб, во-первых, потому, что у этих слов одинаковое числовое значение¹¹, а во-вторых, потому, что любой вырост на теле, делающий его безобразным, означает убытки и хлопоты. А поскольку грыжа причиняет еще и боли в детородных частях, такой сон предвещает обозначаемые ими муки и страдания, о чем подробно я уже говорил в первой книге, в главе о теле.

46. Если кому приснилось, что из его тела проросли побеги, то он, как некоторые считают, умрет, потому что растения прорастают из земли и в землю же превращается тело покойника. А я утверждаю, что толкование должно основываться не только на наличии побегов, но и на том, из какой части тела они проросли: ведь часто умирает не сам сновидец, но обозначаемое той частью тела, на которой был побег. Немаловажно также то, какому растению эти побеги принадлежат, потому что они иногда предвещают не смерть, но разрезы и хирургические операции. Так бывает в тех случаях, когда снится растение, время от времени срезаемое, например виноградная лоза и что-нибудь в этом роде. Я знаю случай, когда чело-

¹¹ κήλη («грыжа») = 20 + 8 + 30 + 8 = 66; ζημία («ущерб») = 7 + 8 + 40 + 10 + 1 = 66.

веку приснилось, будто на голове у него выросла виноградная лоза, а последствием этого сна была всего лишь операция по удалению язычка¹².

47. Парша, проказа и слоновая болезнь означают для бедняков богатство, славу и почести, потому что на тех, кто этими болезнями страдает, люди оглядываются. По той же причине они означают раскрытие тайны. Для богатых и влиятельных лиц такой сон предвещает государственные должности. Если сновидцу привиделось, будто он сам страдает паршой, проказой, слоновой или другой подобной болезнью, скажем лишаями или чесоткой, это всегда хороший знак; а если ими страдает кто-то другой, это означает беспокойство и хлопоты, потому что все отвратительное и уродливое угнетающе действует на тех, кто это видит. Еще худшие последствия предвещает сон, в котором этими болезнями страдает кто-нибудь из домохозяев. Если это раб сновидца, он будет ни на что не годен как работник. Если это сын — он будет вести образ жизни неуютный отцу. Если жена — она опозорит сновидца своим поведением. Для тех, кто кормится за счет толпы, такой сон хорош; тем же способом следует судить и о людях других профессий.

48. Швырять в кого-нибудь камни означает, что сновидец будет злословить о нем, а если кто-то швырнет камни в сновидца, это означает, что сновидец сам станет жертвой клеветы, потому что камни сходны с непристойными, оскорбительными словами. Быть забрасываемым камнями часто означает отъезд на чужбину: ведь из-под града камней человек стремится убежать. Если число нападающих велико, это благоприятно только для тех, кто кормится за счет толпы.

49. Цикады означают музыкально одаренных людей из-за истории, которую о них рассказывают¹³. В деловых взаимоотношениях они означают людей, ни на что не годных, которые умеют только болтать или предаваться воспоминаниям о делах; в опасных обстоятельствах — людей, которые грозятся, но выполнить угрозу бессильны и располагают только голосом. Еще они означают, что больной будет мучиться жаждой и непременно умрет, потому что цикады в пище не нуждаются¹⁴.

50. Морской лук для земледельца означает недород, потому что он совершенно несъедобен, но для пастухов это благоприятный знак, потому что для волков он смертельно опасен. Хорош он и для тех, кто обременен хлопотами и горем, потому что обладает, как считается, очистительными свойствами; а для тех, чьи дела процветают, морской лук, как замечено, предвещает заботы и хлопоты: ведь в очищении не нуждаются те, у кого дела идут успешно. Асфодел означает то же, что и морской лук. Смерть, по моим наблюдениям, он предвещает только тем, кто болен; в чем причина этого, не могут сказать точно; может быть — то, что в Аиде, согласно поверью, есть асфоделовый луг.

51. Если кому-то снится, что он страдает тем же, что один из его знакомых, — скажем, у него боли в той же ноге, той же руке или другой части тела или он в целом страдает той же болезнью или теми же болями — это означает, что он впадает в общий с ним порок, потому что телесные недуги и увечья сходны с душевной распушенностью и нездоровыми вожделениями, и неудивительно, что страдающий тем же недугом впадает в ту же порочную склонность. Я знаю одного человека с увечной правой

¹² *σταφυλοτομία* означает «срезать виноградные гроздья» и «вырезать язычок».

¹³ Имеется в виду сочиненный Платоном миф о происхождении цикад от людей, заворуженных пением Муз (*Платон. Федр.* 259 С).

¹⁴ По представлениям древних, цикады питаются только росой (*Гесиод. Щит Геракла.* 395; *Феокрит. Идиллии.* 4. 16).

ногой, которому приснилось, будто у раба его покалечена та же нога и он точно так же хромает. Так вот, он застал раба с любовницей, к которой сам был неравнодушен, и сон, как выяснилось, предвещал ему, что раб питает ту же наклонность, что и он.

52. Собрать навоз — благоприятный сон для тех, кто кормится за счет толпы, и тех, кто работает на грязных работах: ведь навоз образуется из множества нечистот, от многих людей. Хорош такой сон и для тех, кто берет у казны подряды или нанимается на выполнение общественных работ. Если бедняку приснилось, что он спит на навозной куче, это тоже хорошо: значит, он разбогатеет и наживет много добра. Для богача такой сон означает государственную должность и всенародные почести, потому что все что-нибудь выбрасывают на навозную кучу и все платят налоги или дают взятку должностным лицам. Если к навозу подливает кто-то из знакомых сновидца — это недобрый знак, такой сон означает вражду, ненависть и оскорбление от подливавшего. Если сновидец сам подбрасывает нечистоты другому, это для него означает большой ущерб.

53. Молеельня¹⁵, бродяги и нищие, сырые и убогие предвещают сновидцу, как мужчине, так и женщине, печаль, заботы и душевные страдания: ведь никто не пойдет в молеельню, если его ничто не удручает, а нищие — нехорошее предзнаменование для любого дела, потому что они — отталкивающего вида и увечные. Ведь по общему правилу незнакомцы суть изображение того, что должно произойти со сновидцем, потому и нищие как частный случай этого правила показывают будущее состояние его дел. А если они получают монету, это предвещает большие неприятности, связанные с еще более опасными последствиями, а часто даже смерть тому, кто эту монету дал, или кому-нибудь из его близких: ведь нищие сходны со смертью тем, что они — единственные из людей, которые, подобно смерти, никогда не возвращают то, что получили. Если нищий вошел в дом, значит у сновидца будет с кем-то тяжба из-за дома, а если он взял что-нибудь в руку, самовольно или с разрешения, это предвещает еще большее зло. То же самое означает нищий, который вошел в загородную усадьбу.

54. Ключ, приснившийся тому, кто намерен жениться, означает верную, домовитую жену; тому, кто собрался покупать служанку, — что служанка ему будет предана. Тем, кто собирается в дальнюю поездку, ключ нехорош, потому что означает запертую дверь, не дающую выйти: ведь для того ключ и создан, чтобы запирает двери, и поэтому где нет сторожа, там возникает необходимость в ключе и запертых дверях. Вполне естественно, стало быть, что ключ препятствует тем, кто собирается в дальний путь. А для тех, кто намерен хозяйничать и распоряжаться чужим имуществом, ключ означает доверие.

55. Если кому-то снится, что он показывает фокусы, а наяву он этого делать не умеет, такой человек обманом и ложью добьется для себя большой выгоды: ведь фокусник прячет у себя много камешков и в нужный момент показывает по одному, то другой, притом делает это ловко и хитро. Если же фокусы показывает кто-то другой, это означает, что сновидец будет обманут и понесет крупный ущерб.

56. Повар в доме — благоприятный сон для тех, кто хочет жениться, потому что на свадьбе всегда требуется повар. Хорош такой сон и для бедняков: ведь услугами повара пользуются те, у кого съестные припасы в изобилии. Большим же предвещает воспаление, горячку и нарушение

¹⁵ Словом *прозеху́т*, обозначалась иудейская молеельня.

равновесия соков, приводящее, как утверждают люди знающие, к разлитию желчи; наконец, он означает слезы — из-за дыма, сопровождающего работу повара. Он означает также раскрытие тайн и разоблачение потаенных действий, потому что произведение рук повара выставляют перед пирующими и становится видно, каково оно. Повара на рыночной площади, разделяющие туши и торгующие мясом, предвещают опасность, а для больных — даже скорую смерть, потому что они возятся с трупами, притом не оставляют их целыми, но разрубают на части. Богачам такой сон предвещает не только опасность, но и верный ущерб, потому что народ у повара расхватывает это мясо. Для тех, кто терзается страхами, такой сон означает еще более мучительные страхи. Долги же и тюремные узы он уничтожает, потому что повар рубит и рассекает мясо на части.

57. Владелец постоялого двора для больных означает смерть: ведь он схож со смертью тем, что принимает к себе всех подряд. Для остальных людей он означает стесненные обстоятельства, а также поездки и путешествия. Причина этого не требует разъяснений. Постоялый двор означает то же, что и владелец.

58. Сборщик налогов (τελώνης) — благоприятный сон для тех, кто хочет довести до конца какое-то дело, потому что слово τέλος (конец) означает успешное завершение. Хорош такой сон и для тех, кто собирается в путешествие (ведь у выхода всегда стоит таможенник): он означает небольшую задержку, после которой можно ехать куда угодно. Больным он предвещает смерть: ведь смерть мы называем еще и «кончиной» (τελευτή). В отношении женитьбы и дружбы он означает преданность жены и друзей, но вместе с тем их горячий характер и вспыльчивость, ибо сбор налогов всегда сопровождается спорами и препирательствами. О верности и преданности можно заключить по неусыпности налоговосборщиков.

59. Конопля — нехороший знак для тех, кто терзается страхами: она предвещает еще более мучительный и невыносимый страх. Рабам она предвещает истязания и пытки, из свободных то же самое она сулит беднякам, исключая тех, чьи заработки прямо или косвенно связаны с ней. Ведь коноплю тоже бьют, выкручивают и треплют. Богачам она предвещает нужду и лишения; а путешествующим, особенно за морем, означает возвращение домой, потому что коноплю тоже привозят из заморских стран.

Лен благоприятен для женитьбы и дружбы, потому что из него сплетают всевозможные изделия; он хорош и в смысле получения желаемого, потому что из него делаются охотничьи сети, птичьи тенета и прочие снасти, с помощью которых охотники ловят добычу издали, с большого расстояния. В остальных отношениях лен предвещает то же, что конопля, только в меньшей степени.

Пенька предвещает то же, что конопля и лен, но с еще большей силой: она означает страшные пытки и накрепко стянутые путы, но если она растрепана, то означает избавление от всех бед. Следует, однако, помнить, что перечисленные предметы не предвещают ничего дурного купцам, лавочникам и тем, кто коноплей, льном и пенькой зарабатывает себе на жизнь.

60. Быть задержанным и заключенным под стражу предвещает помехи в делах и проволочки, а также обострение болезни; для тех же, кто находится в крайней опасности, такой сон означает спасение. Ведь жизнь мы называем узилищем, темницей и обителью всего сущего, а противоположное ей состояние, т. е. смерть, зовем распадом и уничтожением. Войти в темницу или тюрьму добровольно или быть брошенным туда силой

предвещает тяжелую болезнь или сильное горе. Палачи и тюремщики означают притеснения и муки. Они означают также раскрытие тайн, а для преступников — тюрьму: ведь именно в их руки попадают уличенные и пойманные с поличным.

61. Ночные бдения, праздники и пирушки, участники которых проводят всю ночь без сна, — благоприятный знак для женитьбы и дружбы; беднякам такой сон предвещает богатство и приумножение имущества, а всем, кто терзается горем и страхами, — избавление от страхов и горя: ведь никто не станет всю ночь веселиться, если он не преисполнен радости. Для прелюбодеев и прелюбодеек это означает, что они будут изблужены, но наказания не понесут: ведь то, что творится на ночной пирушке, ее участники не скрывают друг от друга, а если это даже непристойности, то до известных пределов они осуждения не вызывают. Для людей состоятельных и знаменитых, чья жизнь у всех на виду, такой сон предвещает громкий скандал, который однако, кончится благополучно.

62. Рыночная площадь предвещает беспорядок и сумятицу, потому что на ней всегда толпится народ. Если на площади толчея, шум, гам и крики — это хороший сон для тех, кто от нее кормится; если тихо и безлюдно — для них это означает неудачу, а для остальных — полную безопасность. Если площадь засеяна, то для каждого это означает, что она станет ему недоступной, независимо от того, чем она засеяна. Некоторые утверждают, что для процветающего города такой сон означает голод, а для голодающего — процветание. Театры, улицы, городские предместья, святилища и прочие общественные места означают то же, что рыночная площадь.

63. Медные статуи крупных размеров, если они перемещаются со своего места, означают богатство, прибыль и получение медных денег, потому что медные монеты тоже переходят из рук в руки; если эти статуи совсем уже гигантских размеров и притом движущиеся, они предвещают чрезвычайную опасность и бедствия: ведь их передвижение наводит страх и ужас на всех, кто их видит. Статуи из камня и других материалов следует толковать также как изваяния богов. Статуи означают также первенствующих людей государства; все, что эти статуи совершают или претерпевают, предстоит совершить или претерпеть этим людям.

64. Крот по причине своей слепоты означает незрячего человека, а также тщетные усилия, потому что это животное трудится впустую. Еще он означает, что человек, который пытается скрыться, сам себя выдаст: ведь крот тоже дает себя поймать тем, что следами своей работы обнаруживает свое присутствие.

65. Сова, неясыть, филин, сипуха, сыч, а еще летучая мышь и другие ночные птицы означают неудачу в делах, а тем, кто терзается страхами, — избавление от страха, потому что днем ночные птицы не охотятся и не едят мяса. Летучая мышь, приснившаяся отдельно, благоприятна для беременных женщин, потому что она — птица, не яйцекладущая, как остальные, но живородящая, имеет в сосцах молоко и выкармливает им свое потомство¹⁶. Если какая-нибудь из названных птиц приснится тому, кто путешествует по суше или по морю, этот человек попадет в бурю или натолкнется на разбойников. Если птицы поселились в доме, это означает, что дом будет заброшен и опустеет.

66. Солнечные часы означают дела, предприятия, поездки и заключенные сделки: ведь все это люди делают, глядя на часы. Поэтому, если часы

¹⁶ Ср. Плиний Старший. 10. 168.

покрываются трещинами или разваливаются, это знак нехороший, и даже гибельный, особенно для больных. Всегда лучше, если часы показывают время до шести часов¹⁷, нежели после шести.

Вот все, что я хотел добавить к предыдущим двум книгам, чтобы восполнить недостающее там. Включать в их состав это было бы неуместно, но и совсем не писать об этом было бы неразумно, так как цель моя, как я уже говорил, не давать никому повода писать об этом еще раз.

Следует также учесть, что нет ничего труднее, чем дать одно общее толкование тому, кто видит во сне смесь из разных образов, потому что нередко снятся вещи противоположные или ничего общего друг с другом не имеющие. Однако невозможно, чтобы указания снов противоречили друг другу, если только сон предвещает то, что должно непременно случиться, и как реальные события следуют в определенном порядке, так же и во сне можно уловить определенную последовательность. Так, если кому приснилось хорошее вместе с плохим, следует принять во внимание, что он увидел раньше — хорошее или плохое: ведь и в реальных событиях иной раз то, что внушало, казалось бы, надежду, оборачивается бедой, а иногда мнимые страхи становятся причиной удачи. Бывает и так, что лучше претерпеть малое зло вместо большого, или, опять же, незначительное предчувствие хорошего или плохого оказывается пустым и ложным. Оттого и получается, что сны смешанного содержания чрезвычайно сложны и с трудом поддаются истолкованию.

Но я, чтобы каждое из толкований было как можно понятнее, изложил их последовательно, внятно и предельно наглядно. И как школьные учителя сначала объясняют детям значения отдельных букв и только потом показывают, как пользоваться всеми буквами сразу, так и я ко всему вышесказанному добавлю краткие, легкообразимые пояснения. Чтобы труд мой был понятен каждому; знатоки же, имеющие большой опыт, найдут в нем и так все необходимые объяснения. В первой книге, например, я говорил, что голова означает отца сновидца, во второй — что лев означает царя или какую-то болезнь, а в разделе, посвященном смерти, я объяснил, что увидеть во сне собственную смерть — хорошая, благоприятная примета для бедняков. Так вот, если бедняку, имеющему богатого отца, приснилось, будто лев ему отгрыз голову и он умер, это означает, что отец умрет, оставив ему наследство, и он благодаря этому станет беззаботен и богат, потому что теперь ему и отец не помеха и нужда не в тягость. Голова, следовательно, означает отца, ее уничтожение — потерю отца, лев — болезнь, потому что отец умрет, скорее всего, от болезни, и, наконец, смерть — перемену образа жизни и то, что он ни в чем не будет нуждаться благодаря богатству. Таким способом можно толковать любые сложные сны, подмечая и связывая воедино наиболее существенные приметы. В толковании снов следует подражать жрецам, которые знают, как толковать каждую отдельную примету, и окончательное решение выносят столь же по совокупности примет, сколь и по каждой в отдельности. Надеюсь, что все, кому доведется прочесть мои книги, отнесутся к ним благосклонно и не станут бранить то или иное место, прежде чем хорошенько не разберутся в нем, а что внимательному читателю не придется в этих словах разувериться, я готов поклясться.

Итак, Кассий Максим, все, чего этим книгам недоставало до окончательной полноты, теперь изложено. Что же касается заглавия, то не удив-

¹⁷ Т. е. до полудня, по нашему счету.

ляйся, что автором этого труда значится Артемидор Далдианский, а не Эфесский, как у множества ранее написанных мною книг по другим предметам. Ведь Эфес и без того знаменит и обилен согражданами, прославившими его имя, тогда как Далдия, неприметный городок в Лидии, пребывает до сих пор в неизвестности из-за того, что не довелось ей иметь в числе граждан столь же знаменитых мужей. Вот почему свой труд я с благодарностью посвящаю ей как своей кормилице и родине со стороны матери.

(Продолжение следует)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АХМ — Архив Государственного Художественного музея Литвы
 ГМ ИЭ — Государственный музей истории и этнографии Литвы
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ОР ГРБ — Отдел рукописей Государственной республиканской библиотеки Литвы
 ОР ЦБ АН — Отдел рукописей Научной библиотеки АН Литвы
 СА — Советская археология
 ХМ — Государственный Художественный музей Литвы
 ХМ МРЧ — Государственный Художественный музей им. М. К. Чюрлёниса
 ЦГАИ — Центральный Государственный архив истории Литвы
 ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и истории Литвы
 AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
 AfO — Archiv für Orientforschung
 AJA — American Journal of Archaeology
 Anc. Soc. — Ancient Society
 ANS — The American Numismatic Society
 ANSMN — The American Numismatic Society Museum Notes
 BA — Biblical Archaeologist
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BJRL — Bulletin of the John Rylands Library
 CHJ — The Cambridge History of Judaism I. Cambridge, 1984
 CRAI — Comptes rendus des séances l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
 GNS — Gazette Numismatique Suisse
 HHA1 — History, Historiography and Interpretation. Jerusalem, 1983
 IAAM — *H. Frankfort and H. A. The Intellectual Adventure of Ancient Man*. Chicago, 1946
 IEJ — Israel Exploration Journal
 IG — Inscriptiones Graecae
 IJH — Israelite and Judaeon History. London, 1977
 IsMEO — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Roma
 JAOS — Journal of American Oriental Society
 JBL — Journal of Biblical Literature
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JNSI — Journal of the Numismatic Society of India
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
 JSOT — Journal for the Study of the Old Testament
 MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
 NC — Numismatic Chronicle
 NNM — Numismatic Notes and Monographs
 NS — Numismatic Studies
 OBS — *E. A. Speiser. Oriental and Biblical Studies*
 OGIS — *W. Dittenberger. Orientis Graeci inscriptiones selectae*
 OLP — Orientalia Lovaniensia Periodica
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly
 RE — *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*
 RN — Revue Numismatique
 TaI — Tradition and Interpretation. Oxford, 1979
 VT — Vetus Testamentum
 ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В 1990 Г.**

<i>Дандамаева М. М.</i> (Ленинград) — Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии	4	3
<i>Иванчик А. И.</i> (Москва) — Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II	3	3
<i>Клейн Л. С.</i> (Ленинград) — Данайская Илиада (К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса)	1	22
<i>Коловская Ю. К.</i> (Москва) — Агиографический источник по истории Паннонии	4	45
<i>Коптев А. В.</i> (Вологда) — «Свобода» и «рабство» колоннов в Поздней Римской империи	2	24
<i>Кузнецов В. Д.</i> (Москва) — Строители Эрехтейона	4	27
<i>Ламберг-Карловски К. К.</i> (Кембридж, Массачусетс) — Модели взаимодействия в III тыс. до н. э.: от Месопотамии до долины Инда	1	3
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите	2	41
<i>Россетти Л.</i> (Перуджа) — Риторические элементы в некоторых парадоксах Зенона Элейского	3	20
<i>Смышляев А. Л.</i> (Москва) — «Речь Мецената» (Dio Cass. LII.14—40): проблемы и интерпретации	1	54
<i>Функ Бернд</i> (Берлин) — Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников	2	3
<i>Шкунаев С. В.</i> (Москва) — Премущественность традиции в раннехристианской Ирландии	3	34

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Берлев О. Д.</i> (Ленинград), <i>Ходжаи С. И.</i> (Москва), <i>Шамрай Г. Ф.</i> (Днепропетровск) — Статуя с пинами Рамсеса VI	1	67
<i>Богословский Е. С.</i> (Ленинград) — Статуэтка дворцового служителя времени Тутанхамуна (Stat. Louvre I 852)	2	70
<i>Внуков С. Ю.</i> , <i>Коваленко С. А.</i> , <i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — Гипсовые слепки из Кара-Тобе	2	100
<i>Каковкин А. Я.</i> (Ленинград) — О двух группах коптских памятников с античными сюжетами	1	80
<i>Клочков И. С.</i> (Москва) — Надпись Асархаддона из Афганистана	4	62
<i>Крыкин С. М.</i> (Москва) — Вотивный барельеф Фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея	1	74
<i>Лившиц В. А.</i> , <i>Никитин А. Б.</i> (Ленинград) — Ранний пехлевийский острак из буддийского храма в Дальверзин-тепе	4	66
<i>Лордкипанидзе Г. А.</i> , <i>Кизурадзе Н. Ш.</i> , <i>Тодуа Т. Т.</i> (Тбилиси) — Раннехристианская стела из Пицунды	3	63
<i>Соломонок Э. И.</i> (Симферополь), <i>Николаенко Г. М.</i> (Севастополь) — О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (K IOSPE I ² .403)	2	79
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Березанский гимн острову и Ахиллу	3	49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Определение государства требует уточнения	2	120
<i>Вигасин А. А.</i> (Москва) — О государственности в древней Индии	1	99
<i>Гуревич А. Я.</i> (Москва) — О генезисе феодального государства	1	101
<i>Гюнтер Р.</i> (Лейпциг) — О времени возникновения государства в Риме	1	98
<i>Егоров А. Б.</i> (Ленинград) — Борьба патрициев и плебеев и Римское государство	2	121
<i>Капозросси Коломьези Л.</i> (Рим) — Формирование государства в Риме (Точка зрения историка права)	1	94
<i>Ким С. Р.</i> (Москва) — Виды антагонизмов в древнеримском обществе	2	125

<i>Гофанов Л. Л.</i> (Москва) — К вопросу о времени возникновения государства в Риме	2	127
<i>Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме	1	93
О преподавании древней истории и классических языков в высшей и средней школе	4	73
<i>Чернышова Ю. Г.</i> (Барнаул) — Раннеримское государство или «безгосударственная община граждан»?	2	131
<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва) — К итогам дискуссии о римском государстве	3	68

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Афиногенов Д. Е.</i> (Москва) — К кому обращена апология Татиана?	1	167
<i>Буркерт Вальтер</i> (Цюрих) — Аполлон Дидим и Ольвия	2	155
<i>Василева М.</i> (София) — Гора, бог и имя: о некоторых фрако-фригийских параллелях	3	94
<i>Вейнберг И. П.</i> (Даугавпилс) — Царская биография на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э.	4	81
<i>Вершинин Л. Р.</i> (Одесса) — К вопросу об обстоятельствах заговора против Филиппа II Македонского	1	139
<i>Дейнска Т. А.</i> (Москва) — Идеологическое обоснование внешней политики Египта в XVI—XIV вв. до н. э.	2	135
<i>Кошурников С. Г.</i> (Ленинград) — Городские старосты, градоправители и градоначальники: судопроизводство, царская администрация и община в старовавилонском Дильбате	3	76
<i>Лесницкая М. М.</i> (Ленинград) — К вопросу о специфике греческого портрета IV в. до н. э. (<i>По материалам вергинской гробницы Филиппа II</i>)	1	154
<i>Монахов С. Ю.</i> (Саратов) — Заметки по локализации керамической тары: амфоры и амфорные клейма Колофона	4	97
<i>Неверов О. Я.</i> (Ленинград) — Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма	1	161
<i>Носенко Е. Э.</i> (Москва) — Представления кельтов о загробном мире (<i>дохристианская эпоха</i>)	3	101
<i>Трофимова М. К.</i> (Москва) — Первый покаянный гимн Софии: из гностической интерпретации	4	105

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Андроникос М.</i> (Фессалоники) — Царские гробницы в Вергине (<i>Из истории раскопок</i>)	1	107
<i>Бауэр Г. М.</i> , <i>Акопян А. М.</i> (Москва), <i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута	2	168
<i>Брюно Ж.-Л.</i> , <i>Бюккеншюц О.</i> (Париж) — Новые исследования кельтской цивилизации во Франции	3	131
<i>Губаев А. Г.</i> (Ашхабад), <i>Кошеленко Г. А.</i> , <i>Новиков С. В.</i> (Москва) — Археологические исследования в Мервском оазисе	3	117
<i>Джоши М. К.</i> , <i>Синга А. К.</i> (Нью-Дели) — Ручка амфоры с надписью из Матхуры	3	124
<i>Инверзици Антонио</i> (Турин) — Селевкия-на-Тигре, греческая метрополия в Азии	2	174
<i>Кальери П.</i> (Рим) — Раскопки Итальянской археологической экспедиции в районе Бир-кот-гхвандан (Сват, Пакистан)	4	118
<i>Кормышева Э. Е.</i> (Москва) — Новые археологические открытия в Египте (1985—1987 гг.)	2	186
<i>Мани Б. Р.</i> (Дели) — Терракота с изображением Канишки с супругой в Джаудьяне (Таксила)	4	132
<i>Марченко К. К.</i> (Ленинград) — Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону	1	129
<i>Мунчаев Р. М.</i> , <i>Мерперт Н. Я.</i> , <i>Бабер Н. О.</i> (Москва) — Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г.	3	113
<i>Ртвеладзе Э. Р.</i> (Ташкент) — Из недавних открытий Узбекпестанской Искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане	4	135
<i>Саршаниди В. И.</i> (Москва) — Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане	2	161
<i>Устинова Ю. Б.</i> (Ленинград) — Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара	4	145

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Зуев В. Ю.</i> (Ленинград) — Творческий путь М. И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»)	4	148
<i>Ростовцев М. И.</i> Глава VI. Государство и культура Боспорского царства	1	175
<i>Ростовцев М. И.</i> Иранский конный бог и Юг России	2	192
<i>Фролов Э. Д.</i> (Ленинград) — Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности	3	143

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Антонова Е. В.</i> (Москва) — A m i e t P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J. C. Paris; 1986	1	196
<i>Виноградов Ю. Г.</i> (Москва) — M. Tacheva-Hitova. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (5th century B. C.— 4th century A. D.). V. 95. Leiden, 1983	2	210
<i>Гринбаум Н. С.</i> (Ленинград) — А. А. Молчанов, В. П. Нерозина к, С. Я. Шарыпки н. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988	4	159
<i>Каковкин А. Я.</i> (Ленинград) — О риторике и фаямских портретах	3	169
<i>Ляпустин Б. С.</i> (Москва) — V. G a s s n e r. Die Kaufläden in Pompeii. Wien, 1986	1	208
<i>Маринович Л. Ш.</i> (Москва) — Три историка Александра (N. G. L. H a m m o n d. Three Historians of Alexander the Great. The So-called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambr., 1985	1	202
<i>Массон В. М.</i> (Ленинград) — В. К. Т h a p a r. Recent Archaeological Discoveries in India. Токуо, 1985	2	212
<i>Мизайлов Н. А.</i> (Москва) — Giovanni R e a l e. Per una nuova interpretazione di Platone. Rilettura della metafisica dei grandi dialoghi alla luce delle «Dottrine non scritte». Milano, 1986	3	190
<i>Орел В. Э.</i> (Москва) — Античная балканистика. М., 1987	1	184
<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — И. Ф. Ф и х м а н. Введение в документальную папирологию. М., 1987	2	201
<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — А. Б. Ковельман. Риторика в тени пирамид. Массовое сознание римского Египта. М., 1988.	3	166
<i>Пичикин П. Р.</i> (Москва) — F. L. H o l t. Alexander the Great and Bactria. Mnemosyne. Leiden, 1988	4	165
<i>Подосинов А. В., Чекин Л. С.</i> (Москва) — The History of Cartography. V. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago — London, 1987	3	200
<i>Сайко Э. В.</i> (Москва) — Kültepe-Kaniş II. New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Özgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi 7). Ankara, 1986	3	178
<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — M c G i n g B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986	2	204
<i>Свенцицкая И. С.</i> (Москва) — Проблемы античности в I томе «Истории Европы»	4	154
<i>Старицын А. Н.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1986 г.	1	215
<i>Ульянова И. Л.</i> (Москва) — Новые папирусные фрагменты новой антической комедии	3	195
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984	1	189
<u>Шифман И. Ш.</u> — Карфаген в свете современной науки (W. H u s s. Geschichte der Karthager. München, 1985)	3	183
<i>Янковская Н. Б.</i> (Ленинград) — Kültepe-Kaniş II. New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Özgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi 7). Ankara, 1986	3	171
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt. Band 1—2: Bekegstellen-Verzeichnis altgriechischer sozialer Typenbegriffe von Homer bis Aristoteles / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. 1—2 Teil. В., 1985	1	211
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новые тольберовские издания Еврипида.	4	172

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Адамс Б.</i> (Лондон) — Музей египетской археологии сэра Флиндерса Питри (Юниверсити-колледж, Лондон)	3	217
--	---	-----

<i>Жижина Н. К.</i> (Ленинград) — Изделия из дерева и гипсовые украшения деревянных саркофагов из Пантикаея в собрании Лувра	1	228
<i>Смиткуеве А. П.</i> (Каунас) — Из истории собрания египетских древностей в Литве	4	174
<i>Тиссо Франсин</i> (Париж) — Афганское и гандхарское искусство в Музее Гиме в Париже	2	216

PERSONALIA

<i>Абаев В. И.</i> (Москва) — Два зороастризма в Иране (Иран Восточный — Иран Западный: два лица одной этнической культуры)	4	198
<i>Бейли Г.</i> (Кембридж) — Иранские заметки	4	216
<i>Гершевич И.</i> (Кембридж) — Отмечая 90-летие со дня рождения сэра Гарольда Бейли	4	208
<i>Исаев М. И.</i> (Москва) — Древняя история в трудах В. И. Абаева	4	193
К 90-летию Василия Ивановича Абаева	4	193
К 90-летию Анны Ивановны Болтуновой	3	224
К 75-летию Лии Менделевны Гускиной	1	236
К 75-летию Игоря Михайловича Дьяконова	1	234
К 70-летию Георгия Степановича Кнабе	4	218
К 70-летию Юлии Константиновны Колосовской	4	192
К 60-летию Василия Ивановича Кузицина	4	220
К 60-летию Отара Давидовича Лордкипанидзе	3	225
К 60-летию Авраама Григорьевича Лундина	1	237
К 70-летию Александра Иосифовича Немпровского	2	223
К 75-летию Галины Анатольевны Пугаченковой	1	235
К 70-летию Виктора Ноевича Ярхо	2	224

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Абдуллаев К. А.</i> (Самарканд) — Конференция «Исторические связи народов Индии и Советского Союза» (Москва, 24 мая 1988 г.)	1	248
<i>Акопян А. П.</i> (Ереван), <i>Бадер А. Н.</i> (Москва) — Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 18—22 мая 1988 г.)	1	242
<i>Головина В. А.</i> (Москва) — «Древнейшая металлургия Старого Света». Советско-американский симпозиум по археологии (Тбилиси — Сигнахи, 28 сентября — 5 октября 1988 г.)	2	225
<i>Голубцова Е. С.</i> , <i>Подосинов А. В.</i> , <i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — XVIII Международная конференция «Эйрене» (Будапешт, 1988 г.)	1	239
<i>Каковник А. Я.</i> (Ленинград) — VI Чтения памяти В. Г. Луконина	3	229
<i>Калужская И. А.</i> , <i>Цымбурский В. Л.</i> (Москва) — Международный симпозиум «Античная балкавистика VI» (V Международный конгресс по фρακολογία)	4	223
<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Конференция по проблемам народных движений и классовой борьбы (Берлин, 6—9 декабря 1988 г.)	4	222
<i>Павлова О. И.</i> (Москва) — К 90-летию со дня рождения академика Михаила Александровича Коростовцева	1	238
<i>Циммерман К.</i> , <i>Хуттгаузен</i> (Росток) — Конференция «Сравнения и аналогии в антиковедении» (Хайлигендамм, ГДР, 3—5 ноября 1987 г.)	3	226
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Конференция памяти профессора А. И. Доватура	4	229
<u>Глеб Михайлович Бауэр</u> (1925—1989)	2	233
<u>Илья Шолеймович Шифман</u> (1930—1990)	3	231

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Артемидор Далдианский.</i> Сонник. Книга I. Перевод с древнегреческого <i>М. Л. Гаспарова</i> и <i>В. С. Зилитинкевич.</i> Книга II. Перевод <i>И. А. Левинской</i> и <i>М. Л. Гаспарова</i> под общей редакцией <i>Я. М. Боровского</i>	1	252
<i>Артемидор Далдианский.</i> Сонник. Книга II	2	234
<i>Артемидор Далдианский.</i> Сонник. Книга II	3	233
<i>Артемидор Далдианский.</i> Сонник. Книга II. Перевод <i>М. Л. Гаспарова.</i> Комментарии <i>И. А. Левинской</i> под общей редакцией <i>Я. М. Боровского.</i> Книга III. Перевод и комментарии <i>Э. Г. Юнца</i>	4	230

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Дандамаева М. М.</i> (Ленинград) — Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии	3
<i>Кузнецов В. Д.</i> (Москва) — Строители Эрехтейона	27
<i>Коловская Ю. К.</i> (Москва) — Агиографический источник по истории Паннонии	45

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Клочков И. С.</i> (Москва) — Надпись Асархаддона из Афганистана	62
<i>Лившиц В. А., Никитин А. Б.</i> (Ленинград) — Ранний пехлевийский острак из буддийского храма в Дальверзин-тепе	66

ДИСКУССИИ И СООБЩЕНИЯ

О преподавании древней истории и классических языков в высшей и средней школе	
<i>Кузицин В. И.</i> (Москва) — Подготовка специалистов по истории древнего мира на историческом факультете МГУ	73
<i>Фролов Э. Д.</i> (Ленинград) — О преподавании и изучении древней истории и древних языков на историческом факультете ЛГУ	76

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Вейнберг И. П.</i> (Даугавпилс) — Царская биография на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э.	81
<i>Монахов С. Ю.</i> (Саратов) — Заметки по локализации керамической тары: амфоры и амфорные клейма Колофона	97
<i>Трофимова М. К.</i> (Москва) — Первый покаянный гимн Софии: из гностической интерпретации	105

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Кальери П.</i> (Рим) — Раскопки Итальянской археологической экспедиции в районе Бир-кот-гхвандаи (Сват, Пакистан)	118
<i>Мани Б. Р.</i> (Дели) — Терракота с изображением Кавишки с супругой в Джаульяне (Таксила)	132
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> (Ташкент) — Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (УЗИСЭ) в Северной Бактрии-Тохаристане	135
<i>Устинова Ю. Б.</i> (Ленинград) — Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара	145

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Зуев В. Ю.</i> (Ленинград) — Творческий путь М. И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»)	148
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Свенцицкая И. С.</i> (Москва) — Проблемы античности в I томе «Истории Европы» Гринбаум Н. С. (Ленинград) — А. А. Молчанов, В. П. Нерознак, С. Я. Шарыпкии. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988	154
<i>Пичикая И. Р.</i> (Москва) — F. L. Holt. Alexander the Great and Bactria. Mnemosyne. Leiden, 1988	159
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новые тойбнеровские издания Еврипида	165
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новые тойбнеровские издания Еврипида	172

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Сниткувене А. П.</i> (Каунас) — Из истории собирания египетских древностей в Литве	174
---	-----

PERSONALIA

К 70-летию Юлии Константиновны Колосовской	192
К 90-летию Василия Ивановича Абаева	193
<i>Исаев М. И.</i> (Москва) — Древняя история в трудах В. И. Абаева	193
<i>Абаев В. И.</i> (Москва) — Два зороастризма в Иране (Иран Восточный — Иран Западный. Два лица одной этнической культуры)	198
<i>Гершевич И.</i> (Кембридж, Великобритания) — Отмечая 90-летие со дня рождения сэра Гарольда Бейли	208
<i>Бейли Г.</i> (Кембридж, Великобритания) — Иранские заметки	216
К 70-летию Георгия Степановича Кнабе	218
К 60-летию Василия Ивановича Кузищна	220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Конференция по проблемам народных движений и классовой борьбы (Берлин, 6—9 декабря 1988 г.)	222
<i>Калужская И. А., Цымбурский В. Л.</i> (Москва) — Международный симпозиум «Античная балканистика VI» (V Международный конгресс по фракологии)	223
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Конференция памяти профессора А. И. Доватура	229

ПРИЛОЖЕНИЕ

Артемидор Далдианский. Сонник. Книга II. Перевод <i>М. Л. Гаспарова</i> . Комментарии <i>И. А. Левинской</i> ; Книга III. Перевод и комментарии <i>Э. Г. Юнца</i>	230
Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 1990 г	249

CONTENTS

<i>M. M. Dandamaeva</i> (Leningrad) — Aspects of the History of Hellenism in Babilonia	3
<i>V. D. Kuznetsov</i> (Moscow) — The Building of the Erechtheion	27
<i>Yu. K. Kolosovskaya</i> (Moscow) — A Hagiographic Source for the History of Pannonia	45

PUBLICATIONS

<i>I. S. Klotchkoff</i> (Moscow) — Eyestone of Esarhaddon from Afghanistan	62
<i>V. A. Livshits, A. B. Nikitin</i> (Leningrad) — An early Pehlevi Ostrakon from the Buddhist Sanctuary of Dalverzin-tepe	66

DISCUSSION

On the Teaching of Ancient History and Classical Languages in Soviet High Schools and Secondary Schools	
<i>V. I. Kuzishchin</i> (Moscow) — The Teaching of Ancient History at the Historical Department of Moscow University	73
<i>E. D. Frolov</i> (Leningrad) — On the Teaching and Studing of Ancient History and Classical Languages at the Historical Department of Leningrad University	76

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>I. P. Weinberg</i> (Daugavpils) — Royal Biography in the Near East in the Middle of the First Millenium B. C.	81
<i>S. Yu. Monakhov</i> (Saratov) — Notes on the Localisation of Ceramic Containers, Amphorae, and Amphora Seals of Colophon	97
<i>M. K. Trofimova</i> (Moscow) — The First Penitent Hymn of Sophia: from the Gnostic Interpretation	105

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>P. Callieri</i> (Rome) — Excavations of the Italian Archaeological Mission at Birkot-ghwandai (Swat, Pakistan)	118
<i>B. P. Mani</i> (Delhi) — A Terracota with a Depiction of Kanishka in Jaulian (Taxila)	132
<i>E. V. Rtveladze</i> (Tashkent) — From Recent Discoveries of the Uzbekistan Art Expedition in Northern Bactria-Tokharistan	135
<i>Yu. B. Ustinova</i> (Leningrad) — Greek and Latin Rock Inscription from Karakamar	145

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>V. Yu. Zuev</i> (Leningrad) — M. I. Rostovtseff's Creative Path when Writing «Studies in the History of Scythia and the Bosphorus Kingdom»	148
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>I. S. Svetsitskaya</i> (Moscow) — Problemi antichnosti v I tome «Istorii Evropi»	154
<i>N. S. Grinbaum</i> (Leningrad) — A. A. Molchanov, V. P. Nepoznak, S. Yu. Sharypkin. Pamyatniki drevneishei grecheskoi pis'mennosti. Vvedenie v mikenologiyu. M., 1988	159
<i>I. R. Pichikyan</i> (Moscow) — F. L. Holt. Alexander the Great and Bactria. Mnemosyne. Leiden, 1988	165
<i>V. N. Yarkho</i> (Moscow) — New Teubner Editions of <i>Eu ripides</i>	172

IN WORLD MUSEUMS

<i>A. P. Snitkuvene</i> (Kaunas) — From the History of the Collection of Egyptian Antiquities in Lithuania	174
--	-----

PERSONALIA

70th Birthday of Julia Konstantinovna Kolosovskaya	192
90th Anniversary of the Birth of Vasily Ivanovich Abaev	193
<i>M. I. Isaev</i> (Moscow) — Ancient History in the Works of V. I. Abaev	193
<i>V. I. Abaev</i> (Moscow) — Two Zoroastrianisms in Iran (East Iran — West Iran: Two Faces of One Ethic Culture)	198
<i>I. Gershevich</i> (Cambridge, England) — To mark the Occasion of Professor Sir Harold Bailey's Ninetieth Birthday	208
<i>H. Bayley</i> (Cambridge, England) — Iranian Notes	216
70th Birthday of George Stepanovich Knabe	218
60th Birthday of Vasily Ivanovich Kuzishchin	220

SCIENTIFIC EVENTS

<i>L. P. Marinovich</i> (Moscow) — The Berlin Conference on the Problem of the History of People's Movements and Class Struggle	222
<i>I. A. Kaluzhskaya, V. L. Tzymbursky</i> (Moscow) — International Symposium «Antique Balkanistics VI» (V-th International Congress on Thracology)	223
<i>F. V. Shelov-Kovedyaev</i> (Moscow) — A Conference in Memory of Professor A. I. Dovatur	229

SUPPLEMENT

<i>Artemidorus</i> . Oneirocritica. Book II. Translated by M. L. Gasparov. Commentary by I. A. Levinskaya. Book III. Translate and Commentary by E. G. Yunts. Ed. by Ya. M. Borovsky	230
	249

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.08.90	Подписано к печати 15.10.90	Формат 70×100 ^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 20,8+2 вкл.	Усл. кр.-отг. 211,4 тыс.	Уч.-изд. л. 24,8 Бум. л. 8,0
Тираж 9822 экз.	Зак. 364	Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
 Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

THE INDIAN HISTORICAL REVIEW

Biannual Journal of the Indian Council of Historical Research, New Delhi

Vol. XIII, Nos 1—2 (July 1986 and January 1987) contains nine articles and three review articles besides seventy-three book reviews, three short notices, one note and two tributes.

Articles

VIVEKANAND JHA	Candala and the Origin of Untouchability
DEBIPRASAD
CHATTOPADHYAYA	Uddalaka Aruni: The Pioneer of Science
VALERY P. ANDROSOV	Teachers' Lines of Succession in the Nagarjuna School
SREEAMULA
RAJESWARA SARMA	Astronomical Instruments in Brahmagupta's <i>Brahmasphutasiddhanta</i>
SHIREEN MOOSVI	Gross National Product of the Mughal Empire c. 1600
SATISH CHANDRA	Religious Policy of Aurangzeb during the Later Part of His Reign — Some Considerations
M. ATHAR ALI	Recent Theories of Eighteenth Century India
SUSHIL CHAUDHURY	Sirajuddaulah, the English Company and the Plassey Conspiracy: A Reappraisal
J. V. NAIK	Bhau Mahajan and His <i>Prabhakar, Dhumketu and Dnyan Darahan: A Study of Maharashtrian Response to British Rule</i>

Review Articles

R. N. NANDI	Anthropology and the Study of the <i>Rgveda</i>
K. M. SHRIMALI	Social Sciences: A Marxian Perspective
A. K. BAGCHI	Mughal Economy: A Quantitative Study

Contributors to *IHR*, Vol. XIV, Nos 1—2 (July 1987 and January 1988) include M. K. Dhavalikar, D. P. Agrawal, Vidha Tripathi, K. V. Ramesh, Gerard Fussman, V. S. Pathak, Himanshu Prabha Ray, Vivekanand Jha, Iqtidar Khan, Qeyamuddin Ahmad, A. K. Kulkarni, K. S. Singh, Dietrich Reetz, Sekhar Bandyopadhyay and Arundhati Virmani

The *World of Slavery* will be the theme of *IHR*, Vol. XV, Nos 1—2 (July 1988 and January 1989).

Please write Motilal Banarsidass, Bunglow Road, Jawahar Nagar, Delhi — 110007, for current and back numbers. For editorial matters, contact Editor, *IHR*, Indian Council of Historical Research, 35 Ferozeshah Road, New Delhi — 110001

Handwritten signature

2 р. 50 к.

Индекс 70119